

Воронежский государственный университет

МАКЛАКОВА Елена Альбертовна

**Теоретические принципы
семной семасиологии
и лексикографическое описание
языковых единиц**

(на материале наименований лиц русского и английского языков)

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Воронеж
2013

Содержание

Введение	с. 4
Глава I. Теоретические проблемы семной семасиологии	
1. История развития семной семасиологии.	
Семемная и семная семасиология	с.15
2. Значение слова и уровни его описания	с.23
3. Типы семантических компонентов. Аспектный подход к семантике слова	с.46
4. Полевая организация значения слова с точки зрения семной семасиологии	с.71
5. Семное описание значения слова в речи (на примере наименований лиц)	с.78
6. Методы описания семантики слова в семной семасиологии	с.99
7. Проблема метаязыка описания значений языковых единиц	с.116
Выводы	с.135
Глава 2. Принципы и категориальный аппарат семной семасиологии в практическом описании семантики слова	
1. Тематическая группа «Наименования лиц» в русском языке	с.140
2. Трафаретная модель аспектно-структурного семного описания значений наименований лиц	с.167
2.1. Денотативный аспект семного описания значений наименований лиц	с.168
2.2. Коннотативный аспект семного описания значений наименований лиц	с.172
2.3. Функциональный аспект семного описания значений наименований лиц	с.175
2.4. Алгоритм аспектно-структурного семного описания значений наименований лиц	с.181
3. Унификация метаязыкового семного описания значения слова	с.186
3.1. Унифицированный метаязык трафаретного описания сем денотативного аспекта значения наименований лиц	с.188
3.2. Унифицированный метаязык трафаретного описания сем коннотативного аспекта значения наименований лиц	с.204
3.3. Унифицированный метаязык трафаретного описания сем функционального аспекта значения наименований лиц	с.205
4. Лингвокультурный аспект семной семасиологии в описании наименований лиц. Виды национальной	

специфики семантики наименований лиц	с.214
5. Метаязыковая унификация семного описания межъязыковых соответствий наименований лиц	с.237
5.1. Семная эквивалентность межъязыковых соответствий наименований лиц	с.247
5.2. Национальная специфика значений межъязыковых соответствий наименований лиц	с.265
6. Семная семасиология и лексикография. Типы семных словарей наименований лиц	с.294
6.1. Одноязычные семные словари наименований лиц	с.298
6.2. Двухязычные контрастивные семные словари наименований лиц	с.301
Выводы	с.312
Заключение	с.318
Использованная литература	с.329

Введение

Диссертационное исследование посвящено дискуссионным и недостаточно проясненным в современной лингвистике теоретическим и прикладным проблемам структурной семасиологии. Современные семантические исследования разных направлений однозначно подтверждают, что значение слова представляет собой сложное единство разных по своему содержанию и объему структурных элементов, основным, базовым из которых для семантики языковой единицы является микрокомпонент значения – сема.

К сожалению, в последние десятилетия в лингвистике исследования в области семной семасиологии, типологии семантических компонентов, методов выделения и описания сем и семной дифференциации значений практически не ведутся, в то время как широкое использование когнитивных, контрастивных и экспериментальных методов анализа семантики в современной лингвистике показывает, что типы сем гораздо более многочисленны, чем выделенные на этапе становления структурной семасиологии и компонентного анализа, что семная структура значений языковых единиц обладает значительно большим разнообразием, чем это представлялось на первых этапах развития структурной семасиологии. К тому же, развитие языков и культуры народов приводит к появлению новых типов семантических компонентов.

Кроме того, к сожалению, общепризнанное молчаливое согласие лингвистов в том, что значения языковых единиц состоят из семантических компонентов – сем, не находит последовательного воплощения в практике подготовки лексикографических изданий, прежде всего – толковых и толково-переводных словарей. Отсутствие последовательной реализации *семного принципа описания значений* в словарях существенным образом затрудняет пользование ими как лингвистам, так и носителям языка – не дифференцируются по семному составу многие семантически сходные слова, значения очень часто толкуются через синонимы по принципу «круга в определении», что ведет к затруднениям в семантизации языковых единиц как в преподавании родного языка, в преподавании русского языка как иностранного, а также вызывает затруднения при пользовании переводными словарями.

Указанные обстоятельства диктуют необходимость осмысления на современном уровне новых семантических данных и приведения их в систему в рамках семного подхода к семантике слова – в рамках *семной семасиологии*.

Очевидно, что в настоящее время терминологический инструментарий семной семасиологии, методики семного описания и представления результатов семного описания языковых единиц нуждаются в уточнении, совершенствовании и обновлении, используемые термины нуждаются в дополнительном осмыслении, разграничении и систематизации.

При этом до сих пор в научной лингвистической литературе отсутствует систематическое описание семной семасиологии как раздела лингвистики – направления, непосредственно связанного с выявлением и изучением микрокомпонентов значения – сем.

Результаты исследований, осуществляемых на современном этапе в русле семной семасиологии, позволяют повысить точность и объективность фиксации значений слов и их семантической дифференциации, что весьма существенно и актуально при описании современного языкового сознания.

Проблемы, решаемые семной семасиологией, непосредственно связаны также с потребностью разработки валидной для рядового носителя языка типологии семантических компонентов и метаязыка их описания, который необходим для унификации толкования значений слов для пользователей в лексикографической практике.

Весьма востребованным в этом отношении является создание естественного метаязыка семного описания, понятного не только его создателям, но и рядовым пользователям толковых словарей, в которых был бы последовательно применен принцип семного описания значения.

Необходима разработка алгоритма семного описания значения языковой единицы, что становится возможным лишь при условии исследования и семного описания в рамках единой методологии описания больших семантических разрядов лексики, а также в процессе сопоставления переводных соответствий семантических разрядов лексики разных языков.

Проблемы семантической эквивалентности и национальной специфики семантики лексических и фразеологических единиц, рассматриваемые, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте, равно как и принципы фиксации результатов подобных исследований в двуязычной лексикографии, также нуждаются в серьезном теоретическом обосновании с позиций семной семасиологии.

Реферируемое исследование посвящено теоретическому обоснованию семной семасиологии как раздела лингвистики, а также иллюстрации практического применения результатов семной семасиологии в одноязычной и двуязычной лексикографии.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные труды *по общей теории языка* О.С. Ахмановой, Ш. Балли, Р.А. Будагова, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, В. фон Гумбольдта, Ю.Н. Караулова, С.Д. Кацнельсона, В.Н. Комиссарова, Л.П. Крысина, Е. Курилович, З.Д. Поповой, А.А. Потебни, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, С.Г. Тер-Минасовой, А.А. Уфимцевой, Ф.Ф. Фортунатова, Н.М. Шанского, В.И. Шаховского, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, В.Н. Ярцевой и других; *проблемам семантической эволюции лексической и фразеологической подсистем языка* Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Л. Голованевского, В.Д. Девкина, Д.О. Добровольского, В.И. Жельвиса, Е.С. Кубряковой, А.В. Кунина, Т.П. Ломтева, Н.А. Лукьяновой, М.В. Никитина, З.Д.

Поповой, Б.А. Серебренникова, Ю.М. Скребнева, А.И. Смирницкого, И.А.Стернина, В.Н.Телия, А.А. Уфимцевой, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева; *когнитивной лингвистике и семасиологии* Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А.П.Бабушкина, Т.В. Булыгиной, Н.И. Жинкина, В.И. Карасика, Дж. Лакоффа, М.В. Никитина, З.Д.Поповой, Ю.Е. Прохорова, И.А. Стернина, Г.Г. Шпета, Л.В.Щербы; *теории полевой стратификации языкового пространства* А.В. Бондарко, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой, Г.С. Щура и др.; *теории номинации и ономасиологии* В.Д. Девкина, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, В.П.Москвина, З.П. Никулиной, А.А. Потебни, Ю.А. Рылова, А.В.Суперанской, И.С. Торопцева; *дериватологии* Г.О. Винокура, Н.Д. Голева, М. Докулила, Е.А.Земской, Е.С. Кубряковой, И.Г. Милославского, Л.Н. Мурзина, И.С.Улуханова; *проблемам перевода межъязыковых лексических и фразеологических соответствий* Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, Р.К.Миньяр-Белоручева, Н.М. Шанского и др.; *межкультурной коммуникации в ракурсе лингвокультурологии, психолингвистики, этносемантики* А.Н.Антышева, Е.М. Верещагина, Л.С. Выготского, А.А. Залевской, К.Клакхона, А. Крёбера, Л.П. Крысина, В.Г. Костомарова, О.А. Леонтович, А.Р. Лурия, В.А. Масловой, С.Г. Тер-Минасовой, Н.В. Уфимцевой, В.М.Шаклеина, С. Фрейка и др.; *теории и практике лексикографии* В.В.Дубичинского, А.В. Жукова, О.М. Карповой, В.В. Морковкина, С.И.Ожегова, Н.Ю. Шведовой и др.

Объектом исследования является семантика наименований лиц в русском и английском языках.

Предметом исследования является структура значения лексических единиц.

Материалом исследования послужили свыше 7,5 тысяч наиболее частотных и в основном полисемантических лексических и фразеологических наименований лиц русского языка (около 20 тысяч значений), полученных в результате сплошной выборки из толковых словарей русского языка С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, словарей под редакцией Н.Ю. Шведовой, С.А. Кузнецова, «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, «Частотного словаря современного русского языка» С.А. Шарова (электронная версия), «Лексико-фразеологического словаря русского языка» А.В. Жукова, «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией И.В. Федосова, «Фразеологического словаря русского литературного языка» А.И. Фёдорова, «Словаря русской фразеологии» под редакцией В.М. Мокиенко, «Толкового словаря названий женщин» Н.П. Колесникова и около шести тысяч их переводных соответствий в английском языке по материалам наиболее авторитетных толковых и переводных лексикографических источников, а именно: Англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина, American Heritage Dictionary of the English Language, Collins Paperback Dictionary and Thesaurus, Longman Dictionary of English Language and Culture, The Oxford Dictionary of Current English, Ridout R. & Witting C. English Proverbs Explained, The Wordsworth

Dictionary of Phrase and Fable.

В процессе исследования были также использованы материалы литературных и публицистических произведений современных и классических авторов, собранных в электронной версии «Национального корпуса русского языка» (около 300 тыс. контекстов употребления наименований лиц).

Актуальность настоящего исследования обусловлена потребностью современной теоретической лингвистики в обосновании семной семасиологии как особого раздела языкознания; в обобщении, систематизации и уточнении типологии разных по своему объему и наполнению семантических компонентов слова, в описании их иерархических отношений и функций в семантике слова.

Результаты, полученные в последние десятилетия в когнитивных и психолингвистических исследованиях, обуславливают потребность в разработке принципов и приемов унифицированного подхода к семному описанию значений лексических и фразеологических единиц и последующей лексикографической фиксации этих описаний при использовании естественного метаязыка описания, понятного рядовому пользователю как толковых, так и переводных словарей, что определяет прикладную актуальность исследования.

Целью диссертационного исследования является разработка теоретических принципов и приемов семного описания значения лексической единицы в русле семной семасиологии; апробация разработанных принципов и приемов на большом фактическом языковом материале при описании значений наименований лиц, составляющих одноименное лексико-фразеологическое поле в русском языке и при контрастивном сопоставлении данных единиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке.

В связи с поставленной целью наиболее важными **задачами** исследования являются следующие:

- 1) обоснование номенклатуры терминов, необходимых для исследований в рамках семной семасиологии; разграничение уровней описания значения слова в практике семантического анализа;
- 2) унификация описания семной структуры лексических и фразеологических единиц посредством обоснования аспектного подхода как принципа описания их семантики с учетом представленной на примерах наименований лиц типологии семантических компонентов их значений;
- 3) описание корреляции внутрисемемных отношений сем в рамках полевого подхода к организации значения слова в ракурсе семной семасиологии;
- 4) уточнение методологического инструментария описания семантики слова в семной семасиологии;
- 5) разработка на базе естественного языка специального унифицированного метаязыка семного описания значения слова с

системой единообразно сформулированных помет и алгоритма его применения в рамках семной семасиологии;

б) верификация разработанных принципов, приемов и метаязыка семного описания значения на материале описания семантики наименований лиц в русском языке и их переводных соответствий в английском языке;

7) разработка принципов и приемов лексикографической фиксации значения в толковых и двуязычных переводных словарях разных типов в свете семной семасиологии с использованием унифицированного языка семного описания.

Методика исследования основывается на комплексном подходе к описанию и анализу семантики лексических и фразеологических единиц, опирающемся как на парадигматический анализ значений как единиц системы языка, так и на контекстуальный анализ употребления исследуемых единиц, их семантическую актуализацию в текстах, и предполагает взаимодополняющее применение различных приемов и методов, к которым, в частности, относятся:

1) общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, описание, дедукция, индукция, интерпретация и т.д.);

2) собственно лингвистические методы (дефиниционный анализ, контекстный анализ, анализ лексической сочетаемости слов, метод контрастивного анализа, метод полевой стратификации, рефлексивный анализ семного состава слова; метод прямого оппозитивного компонентного анализа; методы семной интерпретации языкового материала и формулирования сем; методы верификации семного описания значения и т.д.).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Постулат о дискретности смысловой структуры лексических и фразеологических единиц обуславливает потребность в обосновании семной семасиологии как отдельного направления семасиологии со своим предметом и задачами исследования, применяемым при этом собственным терминологическим инструментарием; в теоретическом описании и практическом применении принципов, категориального аппарата и методов семной семасиологии в описании структуры значения слова в системе языка и в речи.

2. Для построения *интегральной* модели лексического значения в отличие от традиционно используемой в лексикографии дифференциальной модели необходим *аспектно-структурный анализ* значения. Сущность аспектно-структурного подхода заключается в том, что семантика языковой единицы, входящей в состав той или иной лексико-фразеологической группировки, последовательно и в определенном порядке дифференцированно описывается по

семантическим аспектам, отражающим разный тип информации, закрепленный в слове.

Разработка аспектно-структурного подхода к описанию значения слова в рамках семной семасиологии, а также достижения психолингвистического и когнитивного анализа ставят на повестку дня проблему уточнения типологии сем, в том числе и описания типов семантических признаков и семных конкретизаторов как компонентов семы.

3. На базе принципов семной семасиологии возможна разработка стандартизированного метаязыка семного описания, основанного на естественном языке, который дает возможность унифицировано и экономно описывать и представлять в лексикографическом виде семантику единиц конкретной лексической или фразеологической группировки в любом языке.

Унификация метаязыка описания семантики языковых единиц, составляющих лексико-фразеологическую группировку, представляет собой исчисление сем, составляющих семное пространство лексических и фразеологических единиц данной группировки, сопровождаемое приведением метаязыковых форм обозначения компонентов этих сем к единообразию в соответствии с принципом неединственности метаязыкового описания семантики языковых единиц, и представление метаязыка описания семантического пространства определенной лексико-фразеологической группировки в виде списка сем.

4. Семное описание значений языковых единиц лексико-фразеологической группировки может быть осуществлено по *трафаретной модели лексического значения*, в соответствии с которой в семной структуре каждой отдельной описываемой семемы выявляются и фиксируются все предусмотренные семантическим трафаретом типы сем в установленном данной моделью порядке в опоре на унифицированный метаязык семного описания, разработанный для данного семантического разряда лексики.

Такая модель для семного описания значений исследуемых языковых единиц в структурированном виде имеет следующую форму:

семный состав денотативного аспекта: *архисема, полоразличительная сема, доминирующая опорная дифференциальная сема, другие яркие дифференциальные семы, слабые (периферийные) дифференциальные семы;*

семный состав коннотативного аспекта: *оценочная сема, эмоциональная сема;*

семный состав функционального аспекта: *стилистическая сема, социальная сема, темпоральная сема, территориальная сема, частотная сема, институционально-нормативная сема, коммуникативно-тональная сема.*

Трафаретная модель предполагает полевое представление семантики

слова в единстве ядра и различных зон периферии.

5. Полевой подход к структуре семемы, воплощающий в себе принцип организации содержания семемы «ядро – разные зоны периферии», отражает три важнейших системных свойства семемы: ее структурную стабильность, способность к развитию и гибкую приспособляемость к коммуникативному акту; наличие ядра позволяет выделять и отличать семантические единицы друг от друга в системе языка, периферия предоставляет возможность единице семантически видоизменяться и варьировать в контексте.

6. Необходимо интегрировать системное парадигматическое семное описание семантики с результатами исследования семантики, полученными текстовыми и антропоцентрическими методами, в связи с чем актуальна разработка принципов семной интерпретации результатов исследования значения текстовыми и антропоцентрическими методами, а также разработка методов и приемов верификации семного описания значения и описания значения слова, реализованного в тексте.

7. Рассмотрение значения слова с позиций семной семасиологии, анализ результатов контрастивного сопоставления значений переводных соответствий единиц разных языков на семном уровне, при котором выявляются национально-специфические различия семантики языковых единиц, определяют разнородность видов национальной специфики в языке. Базовыми дифференцируемыми понятиями для описания национальной специфики семантики в рамках семной семасиологии выступают *лингвокультурная, страноведческая, системно-языковая национальная специфика семантики*.

8. На современном этапе развития теоретической лингвистики необходимо применение в лингвистических исследованиях более узкого и конкретизированного толкования *культуры* в отличие от принятого в последнее время в работах лингвокультурологов предельно расширительного её понимания.

Придание отдельному слову статуса *лингвокультурного* требует обязательного установления конкретных фактов связи языка и культуры, т.е. обязательного семантического обоснования, для чего необходимо эксплицитное формулирование *лингвокультурно значимых сем* или *семем*, обусловленных конкретными фактами конкретной национальной культуры, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа.

9. Контрастивное сопоставление переводных соответствий, произведенное на основе аспектно-структурного подхода к их семантике с

использованием трафаретной модели и унифицированного метаязыка семного описания значения, позволяет усовершенствовать методы и приемы контрастивного семного описания и контрастивного сопоставления значений по семам и семным конкретизаторам и верифицировать разработанные теоретические принципы на конкретном языковом материале русского и английского языков.

10. Метаязыковая унификация описания значений слов на базе семной семасиологии выступает основополагающим лексикографическим принципом для усовершенствования способов и форм лексикографической фиксации результатов описания значений языковых единиц.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- обосновано выделение семной семасиологии как отдельного направления в семасиологии;
- обоснована эффективность использования в семной семасиологии *интегральной* модели лексического значения;
- систематизирована и уточнена типология семантических компонентов значения, описана их корреляция в семантике слова; показано, что семы, образующие лексическое значение слова, гораздо более разнообразны, чем это представлялось в классической структурной семасиологии конца XX века; предложена развернутая типология сем, с необходимой полнотой описывающих семантику наименования лиц;
- выявлены и описаны ранее не выделявшиеся типы сем (*доминирующие опорные, дифференциальные альтернативные, дифференциальные дизъюнктивные, контекстуально-наведенные, институционально-нормативные, коммуникативно-тональные семы*); разработаны лексикографические приемы их описания; введено понятие *унифицированной семы с различными типами семных конкретизаторов*; предложены формы лексикографической фиксации последних;
- показано, что оценка и эмоция могут присутствовать в структуре значения в разных сочетаниях; различаются *системные и контекстуальные коннотативные семы*, выявлено и описано явление *коннотативной многозначности слова и коннотативной вариативности семемы*;
- системно описаны внутрисемемные отношения сем в структуре лексического значения (*иерархические, доминантные, детерминантные, синтагматические*);
- установлены доминирующие функции полевой дифференциации семемы; показано, что ядро преимущественно различает семантические единицы друг от друга в системе языка, а периферия предоставляет возможность единице семантически видоизменяться и варьировать в контексте;
- на фактическом языковом материале русского и английского языков

показано, что сема не является предельным семантическим компонентом значения; показано наличие в семантике языковых единиц новых типов компонентов семы – *автономных, антонимических, открытых и закрытых* семантических признаков, *обобщенного семного конкретизатора*, а также наличие унифицированных сем с *групповым* или *индивидуальным* для конкретной языковой единицы *семным конкретизатором*;

- составлен реестр *совместимых* и *несовместимых* семантических признаков в семантике слов крупного лексико-фразеологического поля;

- обоснован *аспектно-структурный* подход к семному описанию значений слов как принцип дифференцированного семного описания семантики в рамках денотативного, коннотативного и функционального аспектов описания;

- предложена *трафаретная* модель описания семантики языковой единицы на базе универсальных типов семантических компонентов, модель верифицирована на материале описания семантики наименований лиц в русском и английском языках;

- показана возможность создания *унифицированного метаязыка* описания на базе *трафаретного принципа* описания значения; продемонстрировано, что на основе результатов семного анализа языковых единиц в составе крупных лексико-фразеологических группировок или полей может быть эффективно осуществлена унификация метаязыка семного описания соответствующей лексической группировки;

- предложена *методика унификации семного описания* значения по *трафаретной модели* с применением *аспектно-структурного* подхода, введен и апробирован *прием негативации семантики* для выявления ярких и доминирующих сем в структуре отдельной семемы, сформулированы и апробированы *приемы вычленения семантического признака и семного конкретизатора* из состава отдельно взятой семы; применен на обширном фактическом материале *метод обобщения лексических значений*, что позволяет учитывать результаты описания семантики, полученные при лексикографическом анализе и анализе контекстов употребления слова;

- углублено представление о *принципе множественности* (неединственности) описания содержания ментальных единиц: на большом фактическом материале наглядно продемонстрировано, что неединственностью метаязыкового описания характеризуются *архисемы, семантические признаки, семные конкретизаторы*, а также *семемы* в целом; подтверждено на фактическом материале, что возможные разные формулировки одних и тех же семантических феноменов на естественном метаязыке в разных исследовательских парадигмах, у разных исследователей и у разных составителей словарей не являются недостатком применяемой ими методики или ошибкой в описании, а описывают одни и те же сущности, дополняя друг друга, что подтверждает развиваемый в работе *принцип дополнительности семантических*

описаний;

– обосновано существование и проиллюстрировано на языковом материале действие ряда активных семных процессов, происходящих в значении слова при его употреблении в речи, в том числе гашения доминантного признака, актуализации и деактуализации, диффузной актуализации сем, процессов наведения и модификации сем в акте речи;

– введено понятие *семное пространство языка* как совокупность сем, образующих семантику языка; осуществлено полное описание семного пространства лексико-фразеологического поля наименований лиц в русском языке и их переводных соответствий в английском языке;

– показано, что унифицированный метаязык семного описания наименований лиц, разработанный для русского языка, также применим для описания английской «семантической реальности», за исключением ряда английских страноведческих и культурно-обусловленных сем, которые лакунарны для русского языка, но выявляются при использовании трафаретной модели;

– усовершенствован и расширен понятийно-терминологический аппарат контрастивной лингвистики и лексикографии, сформулированы понятия *семной эквивалентности* и *референциальной тождественности*;

– конкретизировано понятие *национальной специфики семантики* на семном уровне; дано определение *национальной специфики семы*; предложен дифференцированный подход к описанию национальной специфики семантики слова, который заключается в выявлении национально-специфических макро- и микрокомпонентов значения; показано на фактическом материале, что национальная специфика семантики слова потенциально проявляется не только в виде безэквивалентных лексем, семем, сем, но и денотативной семной специфики, коннотативной семной специфики, функциональной семной специфики;

– подтверждено разделение современной лингвистики на *описательную* и *объяснительную*, показано, что исследование национально-культурной специфики языка в рамках семной семасиологии предполагает выявление и описание национально-культурных сем в парадигме объяснительной лингвистики;

– разработан лингвокультурный аспект семной семасиологии, уточено понятие *лингвокультурной специфики* семантики слова, дифференцированы и разграничены *страноведческая* и *лингвокультурная специфика значения*, а также *системно-языковая национальная специфика* семантики языковых единиц;

– показано, что метаязыковую унификацию описания значения на базе семного анализа следует рассматривать в качестве основополагающего лексикографического принципа, применение которого возможно как в рамках одного языка, так и при описании семантики переводных соответствий двух языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что уточнен и расширен понятийно-терминологический аппарат и теоретико-методологический инструментарий семной семасиологии; выявлены и описаны новые типы сем, эксплицированы семантические процессы, имеющие место в семантике слова, с позиций семной семасиологии;

унифицирован метаязык и приемы семного описания значений слов и словосочетаний с использованием трафаретной модели на примере русских наименований лиц и их английских переводных соответствий;

разработаны принципы лексикографической фиксации значений слов и словосочетаний на семном уровне описания на примере русских наименований лиц и их английских переводных соответствий в разных типах словарей.

Практическая значимость результатов исследования связана с возможностью использования теоретических принципов и практических приемов семного описания значений слов и словосочетаний, а также разработанного метаязыка семного описания для уточнения и унификации словарных дефиниций в толковых и переводных словарях русского и английского языков, для создания контрастивных словарей нового типа;

полученные в исследовании результаты могут быть использованы в лекционных курсах по теории языка, общей и сопоставительной лингвистике и лексикографии, теории перевода, а также в процессе преподавания русского и английского языков как иностранных и в практике межкультурного общения.

Апробация работы осуществлялась в форме научных докладов, научного обсуждения и печатных публикаций. Основные положения и результаты исследования докладывались автором на 18 международных, всероссийских, региональных научных конференциях в Москве, Волгограде, Воронеже, Иваново, Невинномысске, Орле, Харькове, Тамбове, Твери, Ярославле. Работа обсуждалась на заседании кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ, а также на заседаниях кафедры иностранных языков и методического совета ВГЛТА. По теме диссертации опубликовано пять монографий (две из которых в соавторстве) и 88 работ, общим объемом 94,2 п.л., в том числе восемнадцать работ опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Сформулированные цели и задачи определили структуру работы, состоящую из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы. **Список использованной литературы** включает 763 источника на русском и иностранном языках, а также список использованных словарей (113 единиц).

Глава I. Теоретические проблемы семной семасиологии

1. История развития семной семасиологии. Семемная и семная семасиология

Смысловое содержание языковых единиц является предметом отдельного направления в науке о языке – семасиологии, которая представляет собой одну из основополагающих и системообразующих лингвистических дисциплин.

Семасиология устанавливает типологию значений, исследует их структуру и взаимодействие, выявляет общее и различное в семантических структурах языковых единиц как внутри языка, так и при сопоставлении языков, разрабатывает методики описания значений языковых единиц.

Наиболее обширным по задачам и наиболее продвинутым по результатам разделом семасиологии является лексическая семасиология, с которой началось ее развитие как самостоятельной дисциплины.

Разноаспектный характер проблем, связанных с исследованием значений слов и выражений, способствует возникновению и развитию различных направлений семасиологии, обеспечивая обобщенное и системное рассмотрение проблематики языкового значения. В процессе закономерного изменения и перехода к качественно новому и более совершенному состоянию находятся в настоящий период морфологическая семасиология, семасиология словообразования или деривационная семасиология, синтагматическая или комбинаторная семасиология, которые разрабатывают собственный арсенал терминов для обозначения элементов плана содержания и плана выражения в структуре языкового значения.

Семантические проблемы ставились и обсуждались философской мыслью уже в глубокой древности, они вызывали интерес у ученых и в античные времена, и в период средневековья, и в эпоху Возрождения. Однако почти до конца XIX в. вопросы семантики не были в центре внимания лингвистической науки.

Считается, что лингвистическая семантика или семасиология в качестве самостоятельного раздела науки о языке начала формироваться в XIX в., а к её основоположникам относят немецкого ученого К.-Х. Рейзига (введение термина «семасиология») и французского лингвиста М. Бреала (введение термина «семантика»). Характерные для того периода этимологические исследования отдельных слов или групп слов, в результате которых появлялись этимологические и исторические словари, проводились, как правило, в соответствии с требованиями сравнительно-исторического языкознания.

Позднее, в теоретических трудах представителей различных

психологических направлений в лингвистике прослеживалось стремление найти основу закономерностей семантических изменений в закономерностях, протекающих в индивидуальном сознании «психических процессов» (Г. Штейнталь, Г. Пауль, В.-М. Вундт, К. Яберг, Я.М.Розвадовский и др.). Что касается изучения реалий и языка в его связи с материальной и духовной культурой народов, то это направление исследований лингвистической семантики было (Г. Шухардт, Н.Я. Марр, Г.Маторе, Б. Кемада и др.) и остается актуальным и на современном этапе её развития.

Основы русской семасиологии заложены трудами А.А. Потебни («Мысль и язык» 1862), М.М. Покровского («Семасиологические исследования в области древних языков» 1895), А.И. Томсона («К синтаксису и семасиологии русского языка» 1903) и др. Русская семасиология развивалась в русле новейших идей мировой науки о языке, вместе с тем она вносила в теорию и практику семасиологических исследований много самобытного.

Весьма существенны, к примеру, соображения В.П. Сланского о простейших содержательных элементах языковых знаков («разъяснение грамматических – звуковых и смысловых элементов слов») [Сланский, Грамматика как она есть и как должна бы быть: Пять научных бесед, предложенных в Санкт-Петербургском научном музее. – СПб., 1886: 69; цит. по: Бондарко 2002: 55], предвосхитившие в какой-то мере идеи современного компонентного анализа значений.

Важны для осознания системного характера лексики мысли М.М.Покровского, писавшего, что «история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним, и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [Покровский 2006: 75].

Дальнейшее развитие общей теории значения, отразилось в разработке положений разграничении «ближайшего» и «дальнейшего» значений, «логического» содержания значения, учении о «внутренней форме» слова, о трех типах знания («языковом, интуитивном и научном») в трудах К.С.Аксакова, А.А. Потебни, В.П. Сланского, И.А. Бодуэна де Куртенэ было продолжено в работах Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова, В.В.Виноградова, В.А. Звегинцева, Д.Н. Шмелева, Н.И. Толстого, Ю.Д.Апресяна и многих других.

Развитие структурализма в языкознании середины прошлого века послужило импульсом к исследованиям внутреннего устройства отдельного значения слова, его семантической организации.

В лингвистической семантике продуктивной явилась мысль о том, что план содержания языкового знака членится на минимальные единицы, которые были названы разными исследователями по-разному: «фигуры плана содержания» (Л. Ельмслев), «семы» (А.Ж. Греймас, В. Скаличка Д.Н.Шмелев), «аллосемы» (У. Гуденаф), «семантические признаки»

(Ф.Лаунсбери), «семантические компоненты» (Дж. Лайонз), «семантические маркеры» (Дж. Катц, Дж. Фодор), «элементарные смыслы» (Ю.Д. Апресян), «семантические множители» (А.К. Жолковский, И.А. Мельчук, Ю.Н. Караулов), «дифференциальные признаки» (И.В. Арнольд), «семантические примитивы» (А. Вежбицка), «компоненты значения» (Н.Г. Долгих) и др.

Из всех наименований наиболее употребительным оказался термин «сема», который встречается как в работах отечественных (В.Г. Гак, Д.Н. Шмелев, А.А. Уфимцева, З.Д. Попова, И.А. Стернин, О.Н. Селиверстова, Е.В. Падучева и др.), так и зарубежных лингвистов (А.Ж. Греймас, Ю. Найда, К. Болдингер, Б. Потье и др.), что, вероятно, объясняется его лаконичностью и этимологическими связями с другими более широкими понятиями: «семантика», «семасиология», «семема».

Несмотря на частные различия, в целом ученые едины в том, что «сема» – это минимальная единица значения слова. М. Бирвиш полагает, что семы следует рассматривать как «теоретические величины, введенные для описания семантических отношений между лексическими единицами данного языка» [Бирвиш 1981: 180], Л.А. Новиков определяет сему как «минимальную предельную составную часть (компонент) элементарного значения» [Новиков 1982: 116]; в дефиниции И.А. Стернина сема – это «семантический микрокомпонент, отражающий конкретные признаки обозначаемого словом явления» [Стернин 1985: 44]; А.С. Кравец видит в семях «семантические компоненты смысла слова, его обобщенные, дискретные единицы» [Кравец 2001: 20].

Отметим, что методику выявления микроэлементов (сем), составляющих значение лексической единицы (семемы), вслед за её основателями У.Гуденафом и Ф. Лаунсбери стали называть компонентным анализом (Степанов 1977, Стернин 1979, Трубачев 1980, Кузнецов 1986, Селиверстова 2004, Попова, Стернин 2009 и мн. др.). Данный метод описания значения стал базовым понятием *семной семасиологии* (см. ниже), исследующей *семный состав* лексических единиц.

В ходе проведения компонентного анализа различных групп лексики было обнаружено, что в значение слова входит, прежде всего, информация о дифференциальных признаках, которые помогают отличить друг от друга объекты, входящие в один класс (Шмелев 1964). Широко известна классификация на «маркеры» и «дистингвишеры» (Katz, Fodor 1963). Основным способом выявления этих признаков является изучение лексических оппозиций. Также представление о компонентной структуре значения было дополнено понятием об интегральных признаках, на основании которых объекты включаются в класс (Шмелев 1969; Найда 1970).

В зависимости от ракурса изучения проблемы семного описания значения слова предлагались различные классификации сем, о чем подробнее будет сказано в следующей главе. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на выявляемое в последние годы исследователями

типологическое разнообразие семантических микрокомпонентов, в современной научной лингвистической литературе, тем не менее, практически отсутствуют попытки как последовательного описания значений крупных групп лексики посредством последовательного применения категории семы, так и последовательной лексикографической фиксации семного состава описываемых значений.

Постепенно формировались взгляды на неоднородность лексического значения: «Лексическое значение каждого отдельного лексико-семантического варианта слова представляет сложное единство. Состав его компонентов удобнее рассматривать с помощью... принципа деления речевой информации на информацию, составляющую предмет сообщения, но не связанную с актом коммуникации, и информацию, связанную с условиями и участниками коммуникации. Тогда первой части информации соответствует денотативное значение слова, называющее понятие. Через понятие, которое, как известно из теории отражения, отражает действительность, денотативное значение соотносится с внеязыковой действительностью. Второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения» [Арнольд 1981: 105].

Характеризуя языковые значения по отношению единиц языка к внешнему миру, А.В. Бондарко справедливо считает, что «с каждой формой связана особая семантическая интерпретация (способ представления) мыслительного содержания», и включает в понятие семантической интерпретации мыслительного содержания следующие аспекты: 1) избирательность по отношению к явлениям внеязыкового мира, отражаемым в сознании людей; 2) модификации содержания в исторически сложившихся значениях языковых единиц; 3) сочетания денотативных и коннотативных элементов значений; 4) различие дискретного и недискретного представления мыслительного содержания; 5) сочетание эксплицитных и имплицитных содержательных элементов; 6) конкретно-языковые проявления семантической категоризации (вариативности) [Бондарко 1986: 14]. Полагаем, что предлагаемые А.В.Бондарко принципы семантического анализа внутрисистемных отношений, которые основаны на сопоставлении форм одного и того же языка, применимы и к изучению отношений между переводными соответствиями двух языков в процессе выявления и описания национальной специфики их семантики.

На современном этапе развития лексической и фразеологической семной семасиологии *дифференциальный* принцип выделения компонентов значения через системные парадигматические оппозиции, который приводит к созданию дифференциальной модели значения, предполагающей, что значение состоит из небольшого числа компонентов, уступает место *интегральной* концепции значения. Согласно этой концепции, значение слова представляет собой организованную по

полевому принципу структуру, многочисленные семантические компоненты которой, проявляющиеся у обозначенного словом предмета или явления в разных ситуациях, различаются по типу, яркости и статусу (Леонтьев А.А. 1969, Сахарный 1972, Залевская 1978, 1990, Попова, Стернин 1984, Стернин 1985, Барсук 1991, Овчинникова 1994, Петренко 1997, Саломатина, Стернин 2011 и др.).

Принято считать, что значение слова обусловлено рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, совокупность которых образует структуру значения.

В связи с этим в различных семасиологических концепциях выделяются, в дополнение к вышеназванным, рациональный, сигнификативный, структурный, грамматический, социальный, прагматический эмпирический, стилистический, экспрессивный, ассоциативный, оценочный, идеологический, культурно-исторический, национально-культурный, персонологический, синхронный, диахронный, эстетический и другие компоненты значения. Причем, в зависимости от фактора или аспекта предмета рассмотрения и термины, и их количество существенно варьируются.

Так, Г.Н. Складаревская, подходя к лексическому значению с интегральных позиций, утверждает, что «слово понимается не как ограниченный набор семантических элементов, а как бесконечно сложная и избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и прагматическую информацию о слове – весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, всех добавочных смыслов, называемых коннотациями» [Складаревская 2001: 182].

О.А. Михайлова признает «структурными частями лексического значения следующие макрокомпоненты: денотативно-сигнификативный или сигнификативный (отражающий понятие), прагматический (отражающий отношение говорящего к действительности) и денотативно-ограничительный (отражающий типовое представление об объекте действительности)» [Михайлова 1998: 57].

А.П. Василенко, беря, например, за основу «перечень базовых параметров функционально-параметрического отображения семантики фразеологизмов (*денотативный, грамматический, эмотивный, оценочный, стилистический, мотивационный*), предлагаемых в рамках русского языка (В.Н. Телия)», считает необходимым ввести новые параметры – «информативные макрокомпоненты *компаративный* и *лингвокультурологический*», при этом «образовавшуюся параметрическую модель можно использовать для многоаспектного описания семантики фразеологизмов разных языков, при этом само описание будет способствовать разработке методологии контрастивного анализа значения устойчивых оборотов» [Василенко 2011: 9].

В.А. Булдаков полагает, что «коннотация способна также благодаря своей основной, символической функции индицировать принадлежность языковой единицы к определенному национально-языковому варианту,

социуму либо к определенной типовой ситуации общения» [Булдаков 2011: 6].

С.В. Лескина разграничивает «пейоративную коннотацию» и «негативную коннотацию», которые, по её мнению, «не являются тождественными или взаимозаменяемыми, что проявляется в русских и английских фразеологизмах» [Лескина 2010: 6].

И.Е. Герасименко, рассматривая коннотацию как «многомерный добавочный макрокомпонент значения номинативных единиц, выражающий отношение говорящего к обозначаемому, каузированный ассоциативным переосмыслением денотативного макрокомпонента значения, и/или интенцией говорящего, и/или коммуникативной ситуацией в целом» [Герасименко 2009: 10], утверждает, что «номинативные единицы, содержащие коннотативную семантику, способны к репрезентации гендера в пространстве национальной лингвокультуры. Помимо национально-культурной специфики, они обладают свойствами образности, оценочности, эмотивности, антропометричности, что делает их удобными для описания гендерно маркированной семантики» [там же].

М.В. Влавацкая, исследуя синтагматический аспект лексического значения слова, говорит о следующих его макрокомпонентах: «Селективный компонент „контролирует“ процесс реализации сочетаемости слов и разрешает сочетаться словам в речевой цепи исключительно по принципу избирательности. В зависимости от характера селекционных ограничений в нем выделяются частные компоненты (денотативно-селективный, коннотативно-селективный, национально-культурно-селективный и собственно селективный). Рестриктивный компонент регламентирует „двойное“ ограничение в сочетаемости лексем путем дальнейшей конкретизации в рамках семантического класса данных лексем» [Влавацкая 2011: 82].

Сущностное многообразие семантических составляющих в значении слов или словосочетаний, разнообразные характеристики их соотношений – по сути, свидетельства многозначности и сложности этого явления, требующего применения к решению связанных с ним теоретических и практических задач комплексного подхода. В связи с чем, перед исследователями, занимающимися семной семасиологией, на первый план выходит вопрос о представлении значения и его описании посредством специально разработанного метаязыка.

Проблему метаязыка описания лексических и фразеологических единиц, как нам видится, следует рассматривать с учетом весьма важных положений, которые отмечаются многими учеными в качестве основополагающих для семной семасиологии, и которые, однако, не всегда рассматриваются в своем корреляционном единстве. Наиболее существенными из них являются следующие: «семантические компоненты значения могут разграничиваться по целому ряду признаков; в значении слова могут закрепляться результаты не только объективной, но и субъективной действительности; в значении слова семы организованы

иерархически и само значение представляет собой сложную систему взаимосвязанных компонентов; сема не является предельной составляющей лексической семантики» [Загоровская 2011: 85].

В то же время широкое распространение исследований на базе компонентного анализа значения и представления семемы как совокупности взаимосвязанных и взаимозависимых элементов – сем, входящих в его состав, является доказательством как актуальности, так и плодотворности таких попыток описания семантики слова.

Не менее важным для исследования и описания лексического значения слова является, на наш взгляд, и следующий методологический вопрос.

Принимая во внимание утверждение, что «бывает очень трудно разграничить и передать все значения и оттенки слова даже в данный период развития языка» [Виноградов 1977: 162-189], многие лингвисты придерживаются согласительного мнения, которое постулирует: «Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных „кусочков действительности“, между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь» [там же].

Широко известно предложенное В.В. Виноградовым разграничение значений слов на «номинативное», «номинативно-производное», «фразеологически связанное», «закрепленное (или функционально-синтаксически ограниченное, предикативно-характеризующее)», «конструктивно обусловленное» [там же].

Типология лексического значения, получив свое дальнейшее развитие в трудах отечественных ученых (Копыленко, Попова 1972, 1978, 1989; Стернин 1984), по современным представлениям может быть описана и представлена посредством таких терминологических понятий как денотативные и коннотативные семемы (Д1 и Д2, К1, К2, К3).

Эти исследования, как и вся семасиология 19-го и первой трети 20-го века (до Ельмслева), исходили фактически из концепции целостности значения и не задавались вопросом о структуре и компонентах отдельного значения. Традиционная лексикография описывала значения слов через синонимы, близкие слова или использовала развернутые объяснения, описания.

В настоящее время в семасиологии сформулирована идея о принципиальном разграничении «семемного» и «семного» подходов к анализу лексического значения.

Семемный анализ предлагается понимать как «анализ значений на уровне семем» [Попова, Стернин 2009: 4-9], *семный анализ* – как «описание значения как совокупности сем, через понятие семы» [там же]. Семасиология 19-20 веков была преимущественно семемной, исчислялись значения слова, устанавливались их типы и отношения между ними.

Типология семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой осуществлена в рамках именно семемной семасиологии.

Постулирование дискретности семантической структуры *семемы*, представляющей «лингвистически релевантную единицу значения» [Ахманова 2007: 401] и состоящую из более мелких семантических компонентов – *сем*, придало импульс к развитию еще одного направления науки о значении слова – *семной семасиологии*, которая изучает семный состав языковых единиц и описывает значения языковых единиц как структурированную совокупность сем.

Семный метод описания значения – «базовое понятие семной семасиологии, то есть науки об описании значений слов через описание их семного состава» [Попова, Стернин 2009: 5].

Нам представляется принципиально важным разграничивать два автономных направления исследований в области лексического значения: *семемную семасиологию* – как традиционную семасиологию, которая не использует понятия «семмы» и изучает набор *семем* одной *лексемы*, называемый *семантемой*, исследует типологию семем и отношения между семемами в семантеме, и *семную семасиологию*, которая описывает отдельную *семему*, входящую в состав *семантемы*, как упорядоченную совокупность *сем* разных типов.

Основными понятиями, используемыми нами в работе, являются:

лексема – материальная сторона слова как структурного элемента языка;

семема – отдельное значение слова;

семантема – упорядоченная совокупность семем одной лексемы;

сема – микрокомпонент содержательной структуры слова, который объединяет или дифференцирует отдельные семемы и отражает один из признаков предмета номинации;

семемная семасиология – раздел семасиологии, изучающий лексические значения как семемы – целостные смысловые единицы, упорядоченные в структуре семантемы, их типологию и отношения друг с другом в семантеме;

семная семасиология – раздел семасиологии, изучающий лексические значения языковых единиц через описание их как упорядоченной совокупности сем – минимальных компонентов значения, отражающих признаки предмета номинации, в составе семемы.

Семный принцип описания семантики слова, как ни странно, хотя и был продекларирован еще лингвистами прошлого века и одно время (50-60-ые гг. прошлого века) был очень модным в лингвистике, так и не стал в мире принципом практического описания семантики слова в словарях – как одноязычных, так и переводных, а *семная семасиология* не оформилась как отдельное направление в семасиологии и как особый принцип описания семантики слова, не обрела упорядоченности категорий, единообразия типологии сем и методов их выявления.

Вместе с тем, можно согласиться с З.Д. Поповой и И.А. Стерниным в том, что описание значения в терминах сем «является, видимо, пределом точности семантического описания, который может быть достигнут лингвистом» [Попова, Стернин 1984: 45].

Дальнейшие исследования в области семной семасиологии как раздела семасиологии и практической лексикографии представляют актуальную научную задачу.

2. Значение слова и уровни его описания

Теоретические проблемы, связанные с выяснением сущности значения слова, анализ качественных изменений в структуре значений слов, законов развития смысловой стороны слов и выражений, законов их семантических изменений были и остаются актуальными во все времена развития человеческого общества и являются органической частью теоретико-лингвистических исследований.

Многочисленные и разнообразные труды, посвященные поиску решения чрезвычайно сложного вопроса о природе и определении лингвистического значения, к сожалению, до сих пор не дали на него однозначного ответа. Как весьма справедливо заметил по этому поводу Э. Кассирер, «нет, наверное, более запутанной и противоречивой проблемы, чем проблема значения значения» [Кассирер 1998: 571].

Следует подчеркнуть, что процедура терминологического определения «значения» в высшей степени зависит от научного контекста, от того, в рамках какой науки оно определяется, какие критерии при этом считаются главными, идет ли речь об описании реальных психологических процессов, о построении философской, логической, семиотической или лингвистической модели, о теориях искусственного интеллекта или коммуникации. Общеизвестно, что понятия «значение», «семантика», «семантические структуры» и им подобные по-разному понимаются и используются в сопредельных с языкознанием областях знаний, в частности в информатике, искусствоведении, культурологии, логике, психологии, семиотике, социологии, философии, этнографии и т.д., взаимосвязь и взаимовлияние которых трудно переоценить,

По мнению В.А. Звегинцева, «лингвистика очень широко прибегала к помощи других наук и очень часто в терминах этих других наук определяла явления самого языка. Эта своеобразная традиция сложилась еще в классической древности и продолжает действовать в настоящее время – сменились лишь влияния наук» [Звегинцев 1957: 15].

Понимание значения языковой единицы как фрагмента действительного мира восходит к Платону и Аристотелю. По мнению ученых «платоновская идея есть логическое понятие, содержащее в себе предельно-обобщенное; ... причину осмысления каждой вещи; обладающее структурой, ... насыщенной глубоким жизненным содержанием и образующей собою специфическую субстанциальную действительность... Платоновская идея есть вполне определенный синтез космологической вечности и антропологической „души“ или „сознания“;

цели» [Лосев 1969: 173-175]. Великий ученик Платона Аристотель «пришел к мысли, что идея присутствует в каждой материальной вещи, что идея слита с материей... Материя и идея, или, как ее впоследствии называли по-латыни, форма, стали неотъемлемы и нераздельны, определяя собой друг друга» [там же].

Подход к значению с позиций Дж. Локка («Опыт о человеческом разуме» 1690), основоположника ассоциативной психологии, определяет значение как понятие, которому приписывается психологическая реальность: «слова, если они не являются знаками наших идей, всего лишь пустые звуки... Внешние предметы... воспринимаются нашими чувствами, чтобы в нашем уме вызвать отдельные идеи этих объектов... Наши идеи суть подобия чего-то в самих предметах» [Локк 1960: 155].

Труды классиков семиотики Ч.С.Пирса, Ч.У.Морриса, Ф. де Соссюра, Луи Ельмслева, Р.О. Якобсона, Э. Кассирера, К. Бюлера, Р. Барта, Ю.М.Лотмана, а также исследования Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, В.Н.Топорова, Б.А.Успенского, Г.Г.Шпета, А.Ф.Лосева, А.К.Жолковского, И.А.Мельчука, А.А. Зализняка, Л.С. Выготского, Т.М. Николаевой, Е.В.Падучевой, А.Р. Лурии, И.И. Ревзина, Ю.С. Степанова, Ю.И. Левина, Г.Е.Крейдлина и мн.др. способствовали всеобщему признанию того, что человек живет в мире знаков, что человеческая деятельность в познании и объяснении мира, создании мифов и религий, развитии культуры, в искусстве, ритуалах и обрядах, в политической практике, в отношениях между людьми как членами социума и этноса в значительной мере является знаковой по своим средствам и результатам.

Введя понятие «означаемого», Ф. де Соссюр так определял его содержание: в тех случаях, когда означаемое и означающее противопоставлены в пределах знака друг другу как две его стороны, «значением является то, что находится в отношении соответствия (*contrepartie*) с акустическим образом. Все происходит между акустическим образом и понятием в пределах слова, рассматриваемого как нечто самодовлеющее и замкнутое в себе» [Соссюр 1977: 223].

Возникшая при этом сложнейшая проблема соотношения знака и значения породила две теории языкового знака – унилатеральную, в которой знаком признается только акустический образ (А.Г. Спиркин, В.З.Панфилов, А.Г. Волков, А.А. Ветров), и билатеральную (Л.А. Абрамян, Ф.М. Березин, Б.Н. Головин, Б.А. Серебренников, В.М. Солнцев и др.), свое понимание которой А.А.Уфимцева излагает следующим образом: «Из утверждения Соссюра о том, что языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ, не следует делать далеко идущего вывода о „дематериализации“ им языка. Ограниченность соссюрианского определения языкового знака заключается в абсолютизации существования „идеальной“ формы знака» [Уфимцева 1974: 103]. Мнение А.И. Смирницкого по данному вопросу выражено вполне определенно: «...значения слов и других единиц принадлежат языку, входят в него так же, как и реальные звучания его единиц»

[Смирницкий 1955: 83].

Иная точка зрения звучит не менее категорично: «Содержание языка не может быть предметом изучения языковедов, так как тогда языковедам пришлось бы изучать внеязыковую материю, так же, как и философы-логики не изучают содержания мышления, они изучают только его формы, отражающие явления действительности. Задачей языковедов является именно изучение форм языка, форм, способов выражения мысли в языке» [Галкина-Федорук 1957: 354].

Билатеральный подход, позволяющий рассматривать слово как единство звучания и значения, представляется нам наиболее убедительным и обоснованным. С лингвистической точки зрения, процесс идеализации предметного мира заключается в следующем: чтобы обрести статус языковой единицы, т.е. стать языковым, точнее словесным, знаком, тот или иной элемент (звукоряд) должен быть говорящим коллективом означен, наделен значением, определенным содержанием. «Кардинальное отличие словесного (языкового) знака от знаков искусственных построений и семантических систем в том и заключается, что связь значения и формы знака опосредована человеческим сознанием, закреплена человеческой памятью» [Алефиренко 2005: 110].

Совершенно справедливо отмечает Л.С. Бархударов, что буквально все основные лингвистические школы, существующие в настоящее время, трактуют значение как неотъемлемую составную часть или сторону языковой системы, столь же присущую ей, как и звуковая форма: «Те лингвистические направления, которые пытались построить науку о языке, не прибегая к понятию значения, ... потерпели, по сути дела, полную неудачу и в настоящее время фактически сошли со сцены. И дело не только в том, что вынесение значения за пределы языка крайне обедняет проблематику лингвистической науки, сводя ее только к описанию формальной стороны языка, оказалось, что и языковую форму невозможно изучать, не учитывая в той или иной степени выражаемые ею значения, ибо понятие формы неизбежно предполагает и понятие значения, без которого форма уже не есть форма (иначе говоря, план выражения существует как таковой лишь постольку, поскольку существует план содержания, точно также как и существование плана содержания немислимо без существования плана выражения; оба эти понятия противопоставлены друг другу и вместе с тем предполагают друг друга)» [Бархударов 1975: 12].

Широкое представление в теоретических исследованиях философов и лингвистов графических репрезентаций семиотической ситуации и феномена языкового знака (Г. Фреге, Ч.К. Огден, А.А. Ричардс, Ч. Моррис, Р.Карнап, У. Куайн, Б. Рассел, А. Тарский, А. Черч) – несомненное доказательство их понимания сложности и противоречивости семиозиса и рассматриваемых в корреляционном единстве входящих в него составляющих, о количестве которых до настоящего момента не сложилось единого мнения.

Нельзя не согласиться с мнением Дж. Лайонза, что «как только мы начинаем знакомиться с конкретными семантическими работами, мы сталкиваемся с таким разнообразием подходов к определению и установлению значения, что неискушенного читателя оно ставит в тупик. Проводятся разграничения между „эмоциональным“ и „понятийным“ значением, между „значением“ (significance) и „обозначением“ (signification), между „перформативным“ и „описательным“ значением, между „смыслом“ и „референцией“, между „денотацией“ и „коннотацией“, между „знаками“ и „символами“, между „экстенсионалом“ и „интенсионалом“, между „импликацией“, „обязательным следствием“ (entailment) и „пресуппозицией“, между „аналитическим“ и „синтетическим“, и т. д. Терминология семантики богата и прямо-таки сбивает с толку, так как употребление терминов у разных авторов отличается отсутствием какой-либо последовательности и единообразия» [Лайонз 1978: 450].

Например, помимо упомянутого выше «означаемого» (signifie) по Ф. де Соссюру, противопоставленного материальной стороне знака – «означающему» (signifiant), Г. Фреге, как известно, вводит разграничение «смысла» (Sinn) и «значения» (Bedeutung): «Связь, существующая, как правило, между знаком, его смыслом и его значением, такова, что знаку соответствует определенный смысл, а этому последнему – определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) принадлежит не только один знак» [Frege 1966: 39-42].

Один из последователей Фреге следующим образом определяет смысл: «Смысл – это то, что бывает усвоено, когда понято имя, так, что возможно понимать смысл имени, ничего не зная о его денотате (референте), кроме того, что он определяется этим смыслом» [Черч 1969: 20].

Э. Гуссерль расширяет понятие смысла следующим образом: «если через различные модифицирующиеся восприятия (соответственно, воспоминания, акты фантазии и т.д.), сознанию все-таки дается предметное содержание, постоянно удерживаемое (это дерево, этот кентавр), то происходит это ... именно благодаря структуре, именуемой нозмой» [цит. по Мотрошилова 2003: 357].

Ч. Пирс именует то, что возникает в результате репрезентации некоторого объекта действительности «интерпретантой»: «Репрезентация – это такой характер вещи, в силу которого, для произведения некоторого умственного эффекта, она может встать на место другой вещи. Вещь, обладающую таким характером, я называю репрезентаменом, умственный эффект, или мысль, – его интерпретантом, а вещь, которую он замещает, – объектом» [Пирс 1999: 206].

Ч.У. Моррис отмечает, что объект или «десигнат» обладает некоторой силой воздействия – «интерпретантой», отмечая, что «процесс, в котором нечто функционирует как знак, ...обычно рассматривался как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (refers to) знак; воздействие, в силу которого

соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством (или знаконосителем) (sign vehicle), десигнатом, (designatum) и интерпретантой (interpretant), а в качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор (interpreter)» [Моррис 1982: 277].

Г. Стерн предлагает следующее определение: «Значение слова в реальной речи идентично с теми элементами субъективного понимания обозначаемого словом предмета говорящим или слушающим, которые, по их представлению, выражены этим словом» [Stern 1931: 37].

Р. Карнап указывает на некоторый «критерий значения»: «Если значение слова определяется его критерием (другими словами, отношениями выведения его элементарного предложения, его критерием истинности, методом его верификации), то после установления критерия нельзя сверх этого добавлять, что „подразумевается“ под этим словом. Следует указать не менее, чем критерий; но нужно также указать не больше, чем критерий, ибо этим определяется все остальное. В критерии значение содержится имплицитно; остается только представить его эксплицитно» [Карнап 1993: 15].

Р.О. Якобсон, полагая, что «значение может и должно определяться в терминах чисто лингвистических разграничений и отождествлений» [Jakobson 1971: 497], вслед за Ч. Пирсом, родоначальником основных идей прагматики, интерпретировал значение как то, что понимается, или то, что переводится, т.е. определял значение через процедуру перевода: «Равнозначные высказывания на двух языках, но прежде всего и главным образом – интерпретация понятий посредством эквивалентных выражений как раз и являются тем, что лингвисты называют „значением“» [Якобсон 1985: 141].

И.А. Мельчук убедительно доказывает, что при применении термина «языковой знак» для обозначения некоторой вполне определенной сущности «следует различать: 1) внешнюю сторону языкового знака – означающее; 2) внутреннюю сторону языкового знака, состоящую из трех компонентов: семантического (который и есть означаемое), синтаксического (сведения о правилах комбинирования данного знака с другими знаками) и прагматического (сведения о правилах употребления знака с учетом тех или иных особенностей данной речевой ситуации, свойств говорящего и/или слушающего и т.п.; сюда же могут входить сведения о внутренней форме знака, о психологических ассоциациях, связывающих данный знак с другими знаками, и мн. др.» [Мельчук 1968: 432].

Д.Н. Шмелев, вводя в лингвистический обиход термин «эпидигматика», полагает: «Семантическая структура каждого отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение ... вида отношений, которые могут быть названы эпидигматическими, или деривационными (в широком смысле слова)» [Шмелев 1973: 191-194].

Х. Патнэм рассматривает значение как «вектор из четырех компонент: синтаксические маркеры, семантические маркеры, стереотипы и экстенционал» [Патнэм 1999: 164-178], первая компонента значения – грамматическая, вторая «указывает на ту категорию объектов, к которой применимы данные слова», «стереотип – это общепринятая идея, связываемая со словом, она может быть довольно неточной», «референт слова, относящегося к рассматриваемому естественному типу, – это сам естественный тип», «экстенционал слова – это множество вещей, к которым данное слово применимо» [там же].

С точки зрения У.В.О. Куайна значения как идеи «бесполезны для науки о языке... нет необходимости в подставных „промежуточных сущностях“, называемых „значениями“, и предполагаемая объяснительная сила таких сущностей совершенно иллюзорна» [Куайн 2000: 241].

Г.Н. Гудмен, напротив, высказывает мнение о том, что «если мы примем решение ограничиться только терминами и предметами, к которым они отсылают, и откажемся использовать понятия, интенционалы, смыслы, значения, критерии, находящиеся в уме и тому подобные вещи, то как нам тогда следует оценивать очевидное различие в значении между двумя словами, такими, как „кентавр“ и „единорог“, которые имеют один и тот же объем?» [Гудмен 2001: 128].

Предлагаемые учеными различных направлений многочисленные определения значения, с известной долей условности, могут быть сведены, как это уже не раз отмечалось в научной литературе, к трем основным группам: реляционные, функциональные и субстанциональные определения.

1. Сторонники реляционного подхода к значению (В.А. Артемов, В.И. Мальцев, Л.И. Баранникова, В.Н. Перетрухин, А.С. Чикобава и др.) определяют его как *отношение* к предмету, понятию или представлению.

Е.М. Галкина-Федорук полагает, что «содержанием, или значением, слова принято считать сложившееся соотношение звукового комплекса и предмета или явления действительности» [Галкина-Федорук 1957: 376].

Л.А. Абрамян в своих рассуждениях приходит к следующему выводу «значение – вовсе не сущность, а отношение. В этом, нам кажется, и лежит ключ к пониманию природы значения в языке и, шире, в любой знаковой системе» [Абрамян 1964: 10].

Не менее определенно высказывается и Л.С. Бархударов: «значение само есть отношение знака к чему-то, что само по себе не есть значение знака, но благодаря наличию чего знак получает значение, то есть становится тем, чем он является – знаком, а не просто материальным предметом» [Бархударов 1975: 18].

Дж. Лайонз также примкнул к сторонникам реляционного определения значения: «слова соотносятся с вещами (а не „обозначают“ и не „именуют“ их)» [Лайонз 1978: 225].

Мы присоединяемся к мнению И.С. Нарского, который отмечает, что «трактовка значения как отношения не сулит заметных успехов, она не

устойчива и переходит в свое отрицание... отношение имеет свою кульминацию в „конечном пункте“ отношения» [Нарский 1969: 12].

2. Последователями функционального подхода значение языкового знака понимается как *функция*, которую он выполняет в языке.

Известно высказывание Э. Бенвениста, что «значение языковой единицы определяется как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня» [Бенвенист 1974: 137].

Ч. Фриз пишет: «В общем для лингвиста „значения“ высказывания состоят в корреляции регулярно повторяющихся тождеств признаков ситуаций-стимулов и регулярно возникающих повторяющихся тождеств признаков реакций» [Фриз 1962: 111].

Дж. Ферс высказывает такую мысль: «Термин „значение“, таким образом, мы употребляем по отношению к целому комплексу функций, которыми может обладать языковая форма» [Ферс 1962: 76-77].

Б. Рассел придерживается мнения, что «...слово имеет значение (более или менее неопределённое), но это значение можно установить только через наблюдение над его употреблением, употребление дано первым и значение извлекается из него» [Рассел 1999: 256].

Л. Антал определяет значение слова как «правило его употребления, функционирования» [Antal 1963: 91], подчеркивая объективность этого правила для общества.

Л. Блумфилд в книге «Language» отмечает: «Значение складывается из тех немаловажных явлений, с которыми связано речевое высказывание, то есть из практических событий» [Блумфилд 1968: 41].

Определение А.Н. Леонтьевым значения как «предметной, исторически фиксированной функции» [Леонтьев 1972: 213] является также функциональным определением.

Полагаем, что характеристика значения как реакции на знак подменяет определение сущности значения рассмотрением эффекта его воздействия на окружающих, что не раскрывает того, чем одно значение отличается от другого.

3. Понимание значения как явления, которое может быть определено содержательно, разложено на составные части и описано как совокупность признаков, находим в работах сторонников субстанционального подхода (В.К. Богуславский, Б.И. Востоков, Л.С. Выготский, Г. Клаус, Г.В. Колшанский, Т.П. Ломтев, А.И. Смирницкий, Д.Н. Шмелев и др.).

Сюда, в первую очередь, относится понимание значения как результата отражения действительности, закрепленного за определенным звучанием: это «семантический состав слова» или «отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется; это отображение действительности входит в структуру слова (морфемы и т.п.) в качестве его внутренней стороны (содержания), по отношению к которой звучание данной языковой единицы выступает как

материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и сообщения его другим, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [Ахманова 2007: 160-161].

Некоторые ученые дают определения, близкие к только что приведенному, хотя и не определяют значение слова как результат отражения действительности.

Д.П. Горский пишет: «Каждое знаменательное слово является носителем лексического значения, которое представляет собой понятие, отражающее общие и отличительные признаки тех предметов, которые обозначаются тем или иным словом» [Горский 1957: 94].

И.С. Торопцев отмечает: «Идеальная сторона лексических единиц соотносительна с одним из явлений психического ряда: ощущением, восприятием, представлением и понятием» [Торопцев 1975: 17].

И.В. Арнольд понимает значение как «средство реализации понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы; поскольку в понятии отражается реальная действительность, значение слова соотносено с внеязыковой реальностью» [Арнольд 1981: 102-103].

В работе Б.И. Косовского читаем: «Под значением слова следует, по-видимому, понимать исторически образовавшуюся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании. ... С этой точки зрения значение слова, его внутреннюю, содержательную сторону следует рассматривать как известное мыслительное образование, результат абстрагирующей работы мышления» [Косовский 1975: 22-23].

Л.М. Васильев, выступая в защиту субстанциональной природы значения, приводит следующие аргументы: «...любая конкретизация отношения слова к предмету или понятию неизбежно приводит к необходимости формулировать (или, по крайней мере, осмыслять) те признаки предмета, которые лежат в основе этого отношения, а следовательно, и в основе значения как более или менее абстрактной модели, образа предмета» и далее: «знание говорящими чисто реляционных, несодержательных свойств единиц языка (например, знание их отношений друг к другу в составе формальных парадигм и синтагм, их связей с определенными сферами употребления и т.п.) представляет собой своеобразный тип знания языка, коренным образом отличающийся от знания языковых значений» [Васильев 1990: 71-72].

В связи с вышеизложенными суждениями высказывание Н.Д. Арутюновой звучит вполне справедливо: «Логик и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов, как „значение“, „смысл“, „обозначение“ и под.: логик под термином „значение“ понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений...» [Арутюнова 1982: 8].

Наиболее адекватной и практически важной для исследований как в семной семасиологии, так и в контрастивной лингвистике, на наш взгляд,

является субстанциональная трактовка «значения», которая позволяет не только описать последнее посредством специального набора составляющих компонентов, но и на основе этого выявить и объяснить существующие сходства и различия в оппозиции типа: «значение А – значение В».

Очевидно, что и в лингвистической семантике при формулировании представления о «значении» авторами научных трудов используется весьма «пестрый» терминологический аппарат, что не только свидетельствует о разных научных подходах, но и требует от исследователя, занимающегося данной проблемой, прежде всего, прояснения своей позиции в понимании и употреблении соответствующих терминов.

По утверждению В. фон Гумбольдта «люди понимают друг друга не таким образом, что действительно передают один другому знаки предметов, и тем, что взаимно заставляют себя производить одно и то же понятие, а тем, что затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных представлений и понятий, прикасаются к тому же клавишу своего духовного инструмента, вследствие чего в каждом восстают соответствующие, но не те же понятия» [Гумбольдт 1984: 301].

В трудах А.А. Потебни встречаем следующее видение слова: «внешняя форма слова проникнута объективной мыслью, независимо от понимания отдельных лиц. Только это дает слову возможность передаваться из рода в род;... Слово, независимо от своего сочетания с другими, взятое отдельно в живой речи, есть выражение суждения, двучленная величина, состоящая из образа и его представления... Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, ... дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию слова... Значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще» [Потебня 1989: 123-125].

У Г.Г. Шпета находим указание, что «слово есть не только знак и в своем поведении определяется не только значимым. Слово есть также вещь и, следовательно, определяется также своими онтологическими законами. Его идеальная отнесенность двойная: сигнификационная и онтическая, прямая... смысл слова в логической форме есть отношение между вещами и предметами» [Шпет 2005: 406], «в данности единого материального знака, слова, воплощается и конденсируется единство культурного смыслового и субъективного содержания» [Шпет 2005: 245].

В трудах Л.С. Выготского можно найти освещение некоторых положений психолингвистической теории значения: «Слово биполярно ориентировано, оседая значением в мысли и смыслом в вещи;...каждая вещь имеет свой смысл, каждое слово имеет свое значение, которое может замещать вещь» [Выготский 1982: 292]. «Значение слова есть всегда обобщение. ... Развитие значения = развитию обобщения! ...Значение слова есть форма „идеального присвоения“ человеком его, человеческой,

действительности. ...В значениях слов и реализуется для сознания общественное значение предметов. ...Смысл принадлежит не предмету, а деятельности. ... Смысл есть само отношение, осуществляющееся в деятельности» [Выготский 1982: 164-167].

Анализируя часто освещаемую учеными проблему соотношение «значения» и «смысла», М.М. Бахтин отмечал, что «значение есть лишь потенция смысла;... чтобы воздействовать на личность, вещь должна раскрыть свой смысловой потенциал, а для этого необходимо слово с его возможным смысловым контекстом» [Бахтин 1986: 483].

Принимая во внимание тот факт, что «...отражение действительности представляет собой процесс, связанный с активной переработкой информации и ее внутренним упорядочиванием через систему лингвистических категорий», Л.В. Щерба утверждает: «Категории языка, не меняя значения (предметной отнесенности), меняют смысл означаемого (способ представления соответствующего объекта)» [Щерба 1974: 181].

В концепции деятельности А.Н. Леонтьева, которая стимулировала рост многочисленных исследований, касающихся анализа восприятия, мышления, сознания и личности, идеи Л.С. Выготского получили дальнейшее развитие. «За языковыми значениями, – пишет А.Н. Леонтьев, – скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Поэтому значения сами по себе, то есть в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же не „психологичны“, как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними» [Леонтьев 1977: 141]. В трактовке данного автора «значение – это ставшее достоянием моего сознания ... обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия» [Леонтьев 1972: 290].

А.А. Леонтьев, отмечая, что «значения являются одновременно элементами двух различных систем», подчеркивает, что «они входят в систему общественного сознания (социального опыта, социальной памяти), являются социальными явлениями; но одновременно они входят в систему личности и деятельности конкретных субъектов, являются частью сознания личности»; он выделяет такие компоненты как «чувственная и эмоциональная окрашенность значения», «потенциальная экспликативность значения», «смысловая окрашенность субъективного содержания знакового образа» [Леонтьев 2001: 316-322].

В выводах П.Я. Гальперина «...значение слова раскрывается как сложное структурное целое, включающее:

а) сумму различных признаков, в том числе и эталон, с помощью которых обозначается, то есть выделяется и классифицируется данное явление действительности;

б) предметную отнесенность, то есть указание на известный предмет или множественность предметов;

в) социальную оценку обозначаемого, в том числе, следовательно, и те элементы эмоциональности, которые нами часто воспринимаются в плане индивидуально-психологической оценки» [Гальперин 1957: 55].

Л.С. Бархударов различает «три типа значений», которые «находятся в неразрывной связи, поскольку все они являются компонентами семантической структуры одной и той же единицы (знака)», и обосновывает следующие теоретические положения: «Предметы, процессы, качества, явления реальной действительности, обозначаемые знаками, принято называть референтами знаков, а отношение между знаком и его референтом – референциальным значением знака (referential meaning). ...Референтом знака, как правило, является не отдельный... предмет, процесс и т.д., но ... целый класс однородных предметов, процессов, явлений и пр. ... Говоря о конкретном индивидуальном предмете или явлении, обозначаемом данным знаком в конкретном речевом произведении, мы будем употреблять термин денотат знака. Вторым типом таких отношений является отношение между знаком и человеком, пользующимся данным знаком.... Эти субъективные (эмоциональные, экспрессивные, стилистические и пр.) отношения называются прагматическими отношениями; соответственно этот второй тип значений мы будем называть прагматическими значениями знаков. Другие употребляемые для обозначения этого типа значений термины – „коннотативное значение“, „эмотивное значение“ (Е. Nida. *Toward a Science of Translating*. Leiden, 1964), „социальное значение“ (Ch. Fries. *The Structure of English*. N. Y., 1952), „стилистическая“ или „эмоциональная окраска“. ...Любой знак находится в сложных и многообразных отношениях с другими знаками той же самой знаковой системы.... соответственно мы будем говорить о внутрilingвистических значениях языковых знаков. Другие термины – „лингвистическое значение“ (Ю.Найда, указ, соч.), „значимость“ (Ф. де Соссюр, *Курс общей лингвистики*)» [Бархударов 1975: 25].

В работах Э. Косериу выделяются «три разновидности содержания – значение, обозначение и смысл: ... Значение – это содержание, создающееся в конкретном языке (например, в немецком, французском и т.д.) на основе существующих в нем оппозиций как в грамматическом строе, так и в словарном составе. Напротив, обозначение – это внеязыковая „референция“, соотнесение с именуемой в каждом отдельном случае внеязыковой действительностью – с „предметами“ (или фактами, положениями дел) или с самой внеязыковой действительностью. ... А смысл выражается не только языковыми средствами (т.е. значениями, которые в каждом случае что-то обозначают), но и внеязыковыми средствами или не только использованием языковых средств по их прямому назначению» [Косериу 1989: 57-59]. Следует отметить, что представленная им трехчленная схема дифференциации понятий

семантики рассматривается в процессе перевода содержания текстов, ибо, по мнению автора, «только их можно перевести. Это подразумевает, что значения в принципе неперевоимы, поскольку, за исключением особых случаев, когда речь идет о самих значениях, они не входят в содержание текста. Содержание текста охватывает только обозначение и смысл» [там же].

По мнению В.А. Звегинцева «смысл, или смысловое содержание, – не деятельность, а недискретное образование, представляющее собой результат этой деятельности. ... Смысловое содержание возникает как результат мыслительного акта... Значение – внутри языка, смысл – вне языка. Однако они не независимы друг от друга. Смысл возможен постольку, поскольку существуют значения, которые тем самым подчиняют мысль определенным ограничениям (видимо, это и имеется в виду, когда говорят о том, что язык формирует мысль). Точно так же и значения существуют не сами по себе, а ради смысла, и более того – подвергаются формированию через посредство смысла в виду отмеченной выше их способности преобразовываться в компоненты смысла. ... Всякий раз, когда слово выступает в составе предложения, происходит актуальное порождение или, точнее „возрождение“ его значения, обусловленное смысловым содержанием данного предложения» [Звегинцев 1979: 97].

Л.М. Васильев полагает, что «смысл – это языковое значение, примененное к конкретному денотату (в этом суть актуализации) плюс энциклопедическая, ситуативная и контекстуальная информация» [Васильев 1982: 51].

В.П.Зинченко следующим образом констатирует взаимообусловленность смысла и значения: «человек извлекает смысл из мира-текста, переводит его на свой язык предметных, операциональных или вербальных значений... Процедура в целом носит название означивания смысла» [Зинченко 1997: 102].

В своей семантической концепции А.В. Бондарко отмечает: «Признавая возможность выявления различия между понятиями „обозначение“ и „смысл“, мы все же считаем возможной концентрацию внимания на двух основных аспектах семантического содержания – значении и смысле» [Бондарко 1998: 53]. Поясняя свою позицию, ученый пишет: «Говоря о значении, мы имеем в виду содержание единиц и категорий данного языка, включенное в его систему и отражающее её особенности, план содержания языковых знаков. В отличие от значения, смысл – это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка, – то общее, что объединяет синонимичные высказывания и высказывания, сопоставляемые при переводе с одного языка на другой. Смысл опирается не только на языковые формы, но и на другие разновидности носителей» [там же].

Н.Ф. Алефиренко вводит понятия «языковых и дискурсивных значений (в другой терминосистеме – значения и смыслы)», которые «характеризуются не только различительными, но и универсальными

свойствами, по аналогии с тем, как соотносятся между собой язык и речь. Они связаны функционально и онтологически. В первом случае языковые значения служат идеальным субстратом для дискурсивных смыслов, а последние – для обобщающей эволюционной динамики первых» [Алефиренко 2006. Вып. 5: 44-47]. Ученый придерживается мысли, что «стабильная, постоянная часть содержания языкового знака является его значением, а вариативная, переменная, динамическая – его смысловым содержанием» [там же].

На наш взгляд, термин «значение» применим к исследованию и описанию отдельных лексических или фразеологических единиц языка, в то время как смысл – это более широкое понятие, «целостное содержание какого-либо высказывания, несводимое к значению составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения» [БЭС Т.2 1991: 370].

Далее рассматривая проблему соотношения «значения» и «понятия», отметим, что В.М. Солнцев, рассуждая о составе значения, пишет: «связь фонетического слова с отражением предмета в нашем сознании, со смыслом, или сигнификатом, будем называть значением по сигнификату, или сигнификативным значением. Связь между фонетическим словом, взятым вместе с его сигнификативным значением, с одной стороны, и предметом, или денотатом, – с другой, будем называть значением по денотату, или денотативным значением», и уточняет: «значение слова (сигнификативное значение, сигнификат) – высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей. Значение слова стремится к понятию как к своему пределу» [Солнцев 1971: 111].

Другую иллюстрацию соотношения денотативной и сигнификативной частей значения приводит Ю.С. Степанов: «от фонетического слова (например, рус. „петух“) одна связь идет через сознание к предмету внешнего мира (реальным петухам, обобщенным в класс „петух“), другая связь – к понятию о „петухе“. Класс „петухов“ – это денотат, понятие о „петухе“ – это сигнификат» [Степанов 1981: 50]. Следующий из этого наглядного примера вывод свидетельствует, что в значениях конкретных имен существительных денотат – объем значения, сигнификат – содержание значения.

Так же рассматривает денотат и сигнификат А.А. Уфимцева, введя при этом следующий трехчленный ряд: «материальный денотат» (предмет) – «идеальный денотат» (представление о предмете) – сигнификат (понятие о содержательных признаках предмета) [Уфимцева 1980: 49-52]. Согласно концепции автора, два первых рассматриваемых компонента лексического значения присутствуют в семантике слов в разной пропорции, например, у конкретных и абстрактных имён существительных.

Вопрос о «значении» и «понятии» неоднозначно освещается в научных лингвистических трудах. Принимая логическое определение «понятия» как

«высшей формы мысли, в которой отображается сущность предмета или класса предмета» [Кондаков 1975: 274] или как «мысли о предмете, выделяющей в нем существенные признаки» [Асмус 2001: 32], ученые по-разному трактуют то, как оно и «значение» соотносятся между собой.

Д.П. Горский в своей статье «Роль языка в познании» по этому поводу пишет: «Каждое знаменательное слово является носителем лексического значения, которое представляет собой понятие, отражающее общие и отличительные признаки тех предметов, которые обозначаются тем или иным словом. Значение слова, следовательно, является носителем объективных (т. е. не зависящих от отношения человека к предмету) признаков» [Горский 1957: 81-94].

Аналогично рассуждает и Л.С. Ковтун, говоря, что «значение слова – это реализация понятия средствами определенной языковой системы... Мы не имеем никаких оснований сомневаться в адекватности значения слова понятию» [Ковтун 1955: 77].

А. Шафф, рассмотрев все аргументы в пользу необходимости различения двух этих категорий, приходит к выводу, что «встречающаяся в литературе точка зрения о различии понятий и значений слов целиком ошибочна» [Шафф 1963: 278].

Г.В. Колшанский резюмирует: «... Семантика слова по существу совпадает с понятием как логической формой, понятием, выражаемым в слове» [Колшанский 1975: 28].

Б.А. Серебренников полагает, что «всякие споры о различии между значением и понятием являются беспредметными. Значение слова очень тесно связано с минимумом дифференциальных признаков. Если этот минимум выражает понятие, ... то почему же значение должно представлять категорию, отличающуюся от понятия» [Серебренников 1983: 115].

Основопологающим положением для Э.В. Кузнецовой является то, что логические понятия являются «мыслительными коррелятами (аналогами) лексических значений слов» [Кузнецова 1989: 21–23].

По мнению В.М. Богуславского, «в значение слова вместе с понятием входят все многочисленные оттенки эмоциональной, стилистической, эстетической окраски слова. Учитывая это, приходится признать, что в этом аспекте значение слова оказывается шире закрепленного в нем понятия, поскольку последнее образует основной, необходимый элемент значения слова, но не исчерпывает собой всего этого значения. ...Связь между словом и понятием так же органична и неразрывна, как органична и неразрывна связь языка и мышления», автор подчеркивает, что «совершенно недопустимо ставить знак равенства между значением слова и понятием» [Богуславский 1957: 243-274].

С.Д. Кацнельсон называет понятие «концептуальным ядром значения» [Кацнельсон 1965: 18] и считает необходимым разграничение формального (собственно значения) и содержательного понятий. Собственно языковое значение в научной литературе обозначается по-разному: «сокращенные

названия» (Комлев 1969), «повседневные широкие понятия» (Горский 1957), «наивные понятия» (Апресян 1974; Новиков 1982), «языковая семантика» (в противовес научной, определяемой как неязыковая – Бережан 1982), «сокращенное отражение» (Гудавичюс, 1980) и т.д. Г.А.Мартинович, например, обосновывает положение о том, что «концептуальным ядром лексического значения слова, значением в узком (предметно-логическом) смысле, является бытовое понятие, отражающее как объективно существенные, так и субъективно существенные признаки предметов и явлений» [Мартинович 1978: 47].

Согласно определению Н.И. Кондакова, «формальное понятие – это по существу дефиниция понятия, перечисление существенных признаков, а содержательное понятие – это понятие как система знаний. И в формальном понятии нет ничего „формального“, оно отражает существенные признаки и относится к содержательному как неполное к полному» [Кондаков 1975: 460].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров разграничивают лексические или обиходные понятия, свойственные всем членам этнокультурной и языковой общности, и терминологические понятия, в которых объективируется научный уровень отражения действительности, и которые далеко не всегда обладают свойством повсеместной распространенности [см.: Верещагин, Костомаров 1980].

Дискутируя на эту тему, Б.А.Серебренников предлагает: «термин „понятие“ закрепить за узким понятием, базирующимся на известном минимуме дифференциальных отличительных признаков, а содержательное понятие называть просто суммой знаний о предмете» [Серебренников 1983: 118].

Разграничивает «значение» и «понятие» и В.А. Звегинцев, утверждая, что «это различные явления, и они обладают различными качествами, важнейшее из которых заключается в том, что значения есть национальные категории, а понятия – вненациональные» [Звегинцев 1968: 62].

Л.М. Васильев замечает, что «...значение лишь переименовывается с понятием, но не совпадает с ним» [Васильев 1982: 48].

Л.А.Новиков полагает, что «понятие неизмеримо богаче по своему содержанию, чем то, что мы называем значением. В значение слова включаются не все, а только те признаки, которые позволяют нам „опознать“ обозначаемый предмет, дают возможность отграничить данное слово от других близких по семантике слов в процессе обычного, обиходного общения» [Новиков 1982: 39].

Очевидно, что большинство современных авторов едино во мнении, что «понятие» и «значение» не тождественны, их связывают партитивные отношения, что, несомненно, следует принимать во внимание при исследовании и описании значения.

Новые аспекты в исследовании соотношения «значения» и «понятия» внесла интенсивно развивающаяся в настоящее время когнитивная лингвистика, которая поставила на повестку дня вопрос о соотношении

значения (и понятия) с концептом.

Концепт понимается как *«дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»* [Попова, Стернин 2007: 34].

В связи с этим под *языковым сознанием* предлагается понимать совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть *ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности* человека. Это *«знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений»* [Этнокультурная специфика языкового сознания 1996: 11]. Изучением языкового сознания занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика [ср. Языковое сознание и образ мира 2000: 24]. Подчеркнем еще раз, что языковое сознание (своими методами) изучает и традиционная описательная лингвистика.

Таким образом, языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: *порождение речи, восприятие речи* и – добавим, что очень важно – *хранение языка в сознании*. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания.

Сознание человека как результат отражения и осмысления мозгом человека окружающей человека действительности может быть квалифицировано как *когнитивное*, то есть фиксирующее познание человеком окружающей действительности. Это совокупность мыслительных единиц – концептов, образующих концептосферу человека и общества.

Языковое сознание – это та часть когнитивного сознания, которая используется человеком при обсуждении концептов в обществе, для чего необходимо обозначить соответствующие концепты определенными языковыми знаками. Один и тот же концепт может быть назван разными словами, при этом овнешняются разные его составные части. Поэтому любой концепт гораздо шире любого значения по объему фиксируемой им информации. Концепт содержит всю энциклопедическую информацию о предмете, а значение – только ту ее часть, которая становится предметом обсуждения и образует значение соответствующего языкового знака.

При этом словесная номинация концепта не является обязательным условием существования концепта как ментальной единицы, не является обязательной для существования концепта.

Концепты как единицы мышления существуют вне обязательной связи с языковой номинацией. Они могут функционировать в универсальном предметном коде человека, выполняя свои функции единиц мышления, но не находя при этом выхода в язык и коммуникацию, поскольку многие из них не просто не предназначены для обсуждения с другими людьми. При этом в случае необходимости они, конечно, могут быть вербализованы – окказиональными языковыми средствами или «выражены», по В.И.Карасику, то есть, описаны словесно без прямого названия самого концепта – ср. очень наглядный пример В.И. Карасика с выражением концепта «оставлять на потом» в русском языке [Карасик 2004: 110], а также могут быть описаны исследователем в словесной форме.

Концепт в процессе мыслительной деятельности (в соответствии с голографической гипотезой считывания информации А.А. Залевской) поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности разные признаки и их совокупности; эти признаки или совокупности признаков концепта вполне могут не иметь стандартного языкового обозначения в родном языке человека.

Как показано в трудах З.Д.Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2004, 2007], любой языковой знак *представляет* концепт в языке, в общении, при этом он представляет концепт не полностью – слово своим значением представляет несколько концептуальных признаков, релевантных для конкретного сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть вербализован только совокупностью средств языка.

Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, непосредственно данным словом не названные. Языковая номинация, таким образом, это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Слово можно уподобить включателю – будучи воспринято, оно «включает» концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления.

Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, известны носителями языка, отражаются в словарях).

Осмыслить соотношение концепта и значения слова очень важно, так как от этого зависит как определение предмета когнитивной лингвистики, так и разработка методов анализа семантики языка.

Сложности в разграничении *значения* и *концепта* определяются в зоне их пересечения, они и требуют развернутого обсуждения.

Сознание человека, локализуясь в мозге, отражает объективную и

субъективную действительность.

Концепт и *значение* в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека.

Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, отражают определенные стороны явлений реальной действительности. Значение слова, семема также имеет когнитивный характер – оно состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

В связи с этим употребляющееся в некоторых направлениях когнитивных исследований словосочетание *когнитивная семантика* представляется тавтологией (типа *коммуникативное общение*), поскольку семантика некогнитивной быть не может – она отражает результаты когниции окружающей действительности.

При этом значение и концепт – продукты деятельности разных видов сознания.

Мы уже обозначили выше различие между *когнитивным* и *языковым сознанием* человека. Проведенное разграничение позволяет противопоставить *концепты* и *значения* как ментальные единицы, вычленимые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании человека и образующие само содержание этих видов сознания. *Концепт* – продукт когнитивного сознания человека, *значение* – продукт языкового сознания [там же].

Особенность семантики языковых единиц в том, что семантика слова не просто отражает действительность, как концепт, семантика слова – это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде ментальной стороны языкового знака в актах коммуникации.

Значение по отношению к концепту выступает как его часть, называемая регулярно используемым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта.

«Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова... Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова», подчеркивает М.В.Пименова [Пименова Предисловие 2004: 7].

Значение (семема) своими семемами передает определенные когнитивные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации всего содержания концепта нужна обычно совокупность многочисленных лексических единиц.

Таким образом, *значение* и *концепт* соотносятся как коммуникативно релевантная часть и ментальное целое.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами, совокупность которых обозначается термином *номинативное поле концепта*. При этом понятие выступает как один из видов концепта – совокупность основных, логически осознаваемых и формулируемых признаков предмета или явления. Другими типами концептов являются представление, гештальт, схема, сценарий и мн. др. [Попова, Стернин 2007: 115-121].

Обобщая приведенные выше суждения о сущности значения и соотношении его с другими ментальными единицами, мы приходим к следующим выводам.

Наиболее удовлетворяющим потребности современной теоретической и практической лингвистики, на наш взгляд, остается классическое определение значения А.И. Смирницким: «Значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [Смирницкий 1955: 78].

Исходя из этого общепризнанного и считающегося классическим в отечественной лингвистике определения значения слова, которое было взято на вооружение большинством отечественных семасиологов в прошлом и не устарело до нынешнего времени, а также рассматривая значение как «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [Виноградов 1977: 322], мы следующим образом можем сформулировать свое понимание значения.

Значение слова – это

- 1) отражение в языковом сознании предмета или явления реального мира,
- 2) закрепленное материальной оболочкой,
- 3) оформленное фонетически и грамматически,
- 4) являющееся элементом лексико-семантической системы языка,
- 5) дискретное по своему составу,
- 6) отражающее когнитивные знания о мире, которые являются в обществе предметом обсуждения,
- 7) актуализирующееся в речи с варьирующим набором конституирующих семантических компонентов – сем.

Полагаем, что удовлетворяющее семиотическому подходу к языку определение значения как результата отражения действительности является общим для разных типов знаков. Подобное понимание значения, помимо того, что оно достаточно универсально для того, чтобы раскрыть роль языкового знака в процессах общения, мышления и познания, вместе с тем достаточно конкретно, так как оно дает почву для содержательного семного анализа и описания значения.

Существенно, что оказывающие влияние на содержание языкового знака различные формы отражения действительности человеком, находя свое выражение в таких дихотомиях как чувственное / абстрактное, индивидуальное / общественное, приводят к возникновению и развитию сложно организованной структуры значения в языковом сознании разных групп носителей языка.

Как показывает практика семантического анализа, различные методы описания значения слова дают разные результаты, вследствие чего описание семантики одного и того же слова существенно различается в разных лингвистических парадигмах и в различных типах словарей.

Традиционно лексикологи описывают значения слов в опоре на словарные дефиниции толковых словарей. Однако анализ слова в контексте всегда выявляет семы, которые не вошли в словарное толкование. Психолингвистический анализ семантики слова еще более усложняет проблему описания значения. Дело в том, что значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в словарях, на которое обычно опираются лингвисты в анализе семантики единиц языка. Это позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах и разных типах словарей.

Экспериментальное исследование значений слова в психолингвистике позволяет говорить о возможности углубленного описания значений слов. В связи с этим считаем необходимым терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка [Попова, Стернин 2007: 94-97].

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный.

Логический редукционизм связан с традиционной идеей лингвистики первой половины XX века о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически сформулированных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность.

Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности. Именно эти два принципа обуславливают описание значений в словарях.

Формулируемое в толковом словаре в результате применения принципа редукционизма значение мы предлагаем назвать *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) лексикографами специально для представления слова в таких словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими

минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф, а особенно пользователи такого словаря, фактически априори исходят из того, что именно в данном семантическом объеме существует слово в русском языке и именно в этом объеме понимает и употребляет данное слово носитель языка.

Сказанное нисколько не умаляет достижений лексикографов, не ставит под сомнение необходимость и ценность толковых словарей – они соответствуют своему назначению «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как отмечал С.И.Ожегов, никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела), но любое семантическое описание слова в контексте, в его реальном речевом функционировании однозначно свидетельствует о том, что реально существующее в сознании носителей языка значения слова не сводится к его лексикографической дефиниции – оно гораздо объемней, шире и глубже.

Лексикографическое значение можно интерпретировать как совокупность основных, ядерных сем, отражающих, по мнению лексикографов, основное содержание значения. Это один из возможных уровней описания значения, тип редуцированного описания семантики слова.

Экспериментальное описание семантики языковых единиц дает возможность представить содержание слова как некоторую психологическую реальность, как более глубокую семантическую сущность, выявить в значении слова такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная», «непостоянная» и др. в значении слова «женщина»), они же постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, описывающими значения слов в опоре на словарные дефиниции, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слова неких дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, неких «семантических ассоциаций», не фиксируемых словарными дефинициями.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – психологически реального (или психолингвистического) значения слова. А.А. Леонтьев употреблял термин «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [Леонтьев 1965, 1969, 1971, 1975, 1977]. Термин *психолингвистическое* представляется нам более удобным, так как указывает источник выявления и описания значения – психолингвистический эксперимент.

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство*

всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Это тоже определенный уровень описания значения и, соответственно, тип значения по способу его описания.

Набор и количество психолингвистических значений слова обычно оказывается больше, чем набор и количество значений в традиционных лексикографических источниках, а соотношение главного и периферийных значений в психолингвистическом описании выглядит часто совсем иначе, чем в словаре.

И.Г. Овчинникова, соглашаясь с предложенным нами разграничением лексикографического и психолингвистического значения, определяет их следующим образом: «Под лексикографическим значением подразумевается словарное толкование, под психолингвистическим – интерпретация экспериментальных данных, позволяющая установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании» [Овчинникова 2009: 261].

Лексикографическое и психолингвистическое (психологически реальное) значения отражают *языковое сознание* носителя языка – то есть сознание, отраженное, зафиксированное, представленное в значениях языковых знаков, но в разном объеме, диктуемом разными целями описания.

Необходимо отметить, что есть еще один путь описания лексического значения – путь исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, вряд ли осуществимо технически – всегда остается возможность, что некоторые семантические компоненты или даже отдельные значения в проанализированном исследователем массиве контекстов не нашли актуализации). Полученное путем обобщения контекстов употребления значения можно назвать *коммуникативным* (или *дискурсивным* – [Алефиренко 2006: 44-47]), так как оно отражает семантические компоненты, реально востребованные в коммуникации и ставшие предметом сообщения. Коммуникативное значение может быть индивидуально-авторским, а может отражать коммуникативную релевантную часть системного значения. Это тоже уровень описания значения как единицы языкового сознания, и одновременно тип значения по способу описания.

Подчеркнем, что определение психолингвистического значения как *психологически реального* – это теоретическое допущение, указание на то, что такое значение ближе к психологической реальности, к реальному языковому сознанию, нежели лексикографическое значение. Но, конечно, необходимо отдавать себе отчет в том, что полностью значение как психологическая реальность не может быть описано – всегда какие-то психологически релевантные компоненты значения окажутся вне поля

зрения исследователя, не будут выявлены применяемыми им методами. Так что понятие *психологически реальное значение* – это некоторая научная абстракция, эталон, к которому должны стремиться исследователи значения. Понятие же *психолингвистическое значение* достаточно конкретно и определено – это значение в языковом сознании носителей языка, выявляемое и описываемое по результатам проведенных психолингвистических экспериментов.

Психолингвистическое значение всегда шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в психолингвистическом значении разное место по яркости) и коммуникативный вариант.

Таким образом, можно говорить о следующих уровнях описания значений лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка:

лексикографическое значение (логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова, ядерные семы слова в представлении лексикографов);

психолингвистическое значение (совокупность семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментальными приемами разного типа, ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка);

коммуникативное значение – значение, включающее совокупность семантических компонентов, нашедших актуализацию в зафиксированных контекстах употребления слова в языке.

Данные три уровня описания значения языковой единицы являются одновременно типами значений по способу их описания.

Значения как элементы языкового сознания носителя языка следует отличать от концепта: *концепт* – единица когнитивного сознания человека, не имеющая обязательной связи с языком; концепт может быть не назван («ледяная дорожка, накатанная детьми зимой на тротуаре»), может иметь наименование, а также несколько наименований (номинативное поле), тогда части (некоторые совокупности когнитивных признаков концепта), названные единицами языка, становятся *значениями* этих единиц языка.

Интегральная концепция значения слова в отличие от характерной для периода становления структурной семасиологии дифференциальной концепции позволяет реализовать более информативную и структурно более широкую модель описания лексического значения, более близкую к психологической реальности.

Подобный подход представляется необходимым и актуальным для современных исследований в русле семасиологии.

3. Типы семантических компонентов. Аспектный подход к описанию семантики

Семантические компоненты значения могут быть подразделены на мега-, макро- и микрокомпоненты (по терминологии И.А. Стернина).

Мегакомпоненты – наиболее крупные компоненты значения: первый из них традиционно называют *лексическим* значением слова (хотя, строго говоря, это *компонент* значения слова), второй представляет собой *структурно-языковое* значение (тоже компонент). Однако, сохраняя традицию, будем называть мегакомпоненты значения *значениями*.

Лексическое значение слова – это закреплённое словом отражение внеязыковой действительности. Оно же включает и эмоционально-оценочное отношение человека к этой действительности. В лексическом значении соответственно выделяются два *макрокомпонента*: *денотативный* и *коннотативный*.

Денотативный макрокомпонент – основной макрокомпонент лексического значения слова, указывающий на свойства, признаки предмета номинации. Он передает основную, коммуникативно значимую информацию.

В коннотативном макрокомпоненте значения сосредоточена информация об оценочном и эмоциональном отношении субъекта к объекту номинации.

Наличие и разграничение в структуре лексического значения слова денотативного и коннотативного макрокомпонентов признается и принимается подавляющим большинством авторов и не раз подтверждалось и обосновывалось в работах, выполненных в русле семной семасиологии.

Некоторые лингвисты (Васильев 1990, Гак 1997, Цоллер 1996, Загоровская 2011) подчеркивают тесную спаянность и неразрывность эмоционального и оценочного компонентов в семантике слова, на основании чего считают возможным говорить о едином эмоционально-оценочном компоненте значения.

Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, мы все же придерживаемся той точки зрения, что оценки и эмоции представляют собой «различные ментальные пространства, имеющие обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим показателям» [см. Schwarz-Friesel 2007]. Оценка является формой выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, эмоция – выражение испытываемых говорящим чувств, душевных переживаний по отношению к предмету или явлению. При описании коннотативного макрокомпонента значения следует разграничивать оценку и эмоцию, тем более что имеются достаточно многочисленные случаи, когда оценочный и эмоциональный компоненты коннотации не

совпадают друг с другом по «знаку» выражаемого отношения (об этом – ниже).

Весьма часто, в связи с тем, что в самом денотативном макрокомпоненте значения выявляются признаки, являющиеся оценочными по своей сути, возникает проблема локализации оценки в значении слова. Полюсными в данной дискуссии являются точки зрения, согласно которым оценочный компонент относится либо только к денотативному макрокомпоненту, либо только к коннотативному блоку информации.

Встречаются мнения, пытающиеся найти «золотую середину». Например, В.Н. Телия, относя, с одной стороны, оценку к коннотации и различая рациональную и эмоциональную оценки, в то же время подчеркивает, что данные виды оценок четко разводятся по двум семантическим полюсам – рациональная тяготеет к дескриптивному аспекту значения (денотативному макрокомпоненту), а эмоциональная выражается в коннотативном макрокомпоненте, поскольку «со-характеризует» [Телия 1986: 31].

Следует учитывать, что субъект оценки в акте номинации наделяет объект оценки значимым для него (субъекта) признаком или определяет его количественно на основе собственного знания, собственного представления о действительности, собственной оценочной шкалы. Именно этим оценка как результат «вторичного, интерпретативного осмысления мира отличается от дескрипции – приписывания объекту онтологических признаков как результат первичного осмысления мира» [Никитин 2003: 27]. Подтверждение этому находим и у А. Вежбицкой, представляющей сигнификативный и коннотативный аспекты значения слова с помощью метаязыка – определенной рамки или фрейма: коннотативный аспект включен, по её мнению в модальную рамку «Я чувствую», а сигнификативный – в модальную рамку «Я хочу сообщить» [Wierzbicka 1973: 145-164].

Семный анализ показывает, что эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента тесно связаны, однако являются разными семантическими компонентами. Неэмоциональность и неоценочность слова также рассматриваются как проявление определенной эмоции и оценки (*неэмоциональное, неоценочное*).

При этом оценочные семы могут выявляться как в денотативном (денотативная оценка), так и в коннотативном макрокомпоненте значения (коннотативная оценка), а также в обоих сразу. Например, в значениях *дебошир, скандалист, самодур, вор, расист* и под. неодобрительная оценка денотативна, слово называет неодобрительно оцениваемый социумом денотат, но при этом коннотация отсутствует – в коннотативном макрокомпоненте значения таких единиц эмоция и оценка будут фиксироваться семами *неэмоциональное* и *неоценочное*.

Возможны и другие варианты соотношения эмоции и оценки в значении слова – нет денотативной оценки, но есть коннотативная.

Например:

вьюн-2 (ловкий, пронырливый человек), *бугай* (рослый, крепкий и сильный мужчина), *командириша-2* (любит распоряжаться, командовать):

- денотативная оценка *отсутствует*
- коннотативная оценка *обычно неодобрительное*
- эмоциональный компонент *отрицательно-эмоциональное*;
доченька, дядюшка, сынуля, внученька:
- денотативная оценка *отсутствует*
- коннотативная оценка *одобрительное*
- эмоциональный компонент *положительно-эмоциональное*.

Весьма многочисленную группу наименований лиц с подобными структурными особенностями денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения составляют те, которые употребляются в семейном кругу, а также людьми, находящимися в близких отношениях и хорошо знающих друг друга. Они в своем подавляющем большинстве представлены такими формами как: *папаня, папаша, папенька, папочка, папуля, батька, батюшка / маманя, мамаша, маменька, мамка, мамочка, мамуля, матушка, мамонька, мамулька, маманька, мамуня, мамуся, мамуша, мамысь, мамыса, маман / бабуля, бабуся, бабушка, бабуленька, бабулька, бабусенька, бабенка, бабуня, бабка / братан, братец, братик, братишка, браток / внучек, внучонок, внука/ дедка, дедуля, дедушка, деда, дедулька / доченька, дочка, дочечка, дочурка, дочушка, доня, донча, донька, донюшка, дочица, дочерина / дяденька, дядечка, дядька, дядюшка / сестричушка, сестренка, сестричка, сеструха, сеструшка / сынишка, сынок, сыночек, зятек / душечка, люблюшка, лапочка, голубушка, голубчик, голуба, милочка, милый, дружище и т.п.*

Соотношение эмоционального и оценочного компонента коннотации также заслуживает отдельного обсуждения. Эмоциональность и оценочность в семантике слова могут быть *согласованными* и *несогласованными* (терминология И.А. Стернина).

В большинстве случаев оценка функционирует в составе коннотации в согласовании с эмоцией (т.н. *согласованная* коннотация):

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное – мракобес, душегуб, писака, мымра (*угрюмая, скучная*), корова (*толстая, неуклюжая, неумная*), ищейка (*шпионит за кем-л.*), сухарь (*неотзывчивый, эгоистичный*) и др.;

неоценочное, неэмоциональное – садовод, подданный, ровесник, великан, путник, крестьянин, солист, разнорабочий, иностранец;

одобрительное, положительно-эмоциональное – ангел во плоти (семема-1 *олицетворяет что-л. положительное*), идеал (*совершенное воплощение чего-л.*), уникам (*исключительный, необыкновенный*), светлая личность (*обладает высокими моральными качествами*), человек с большой буквы (*обладает высокими моральными качествами*), совершенство (*лишен недостатков*), ангел-хранитель (*опекает кого-л.*), умничка, работяга.

Однако возможна также и *несогласованная* коннотация, когда оценка и эмоция не согласуются, то есть не дублируют друг друга:

неоценочное, положительно-эмоциональное – девчушка, торопыжка, бабушка, малыш, бабуля, муженек, паренек, хохотушка, херувим (*о красивом человеке, обычно ребенку*);

неоценочное, отрицательно-эмоциональное – женишок, бабка, ангел во плоти (семема-2), невинный барашек (семема-2), мышиный жеребчик, страдалец (семема-2).

Многочисленным лексемам также свойственна *эмоциональная и оценочная многозначность*:

ГЕНИЙ

неоценочное, неэмоциональное семема-2 (обладает высшей степенью творческой одаренности);

одобрительное, положительно-эмоциональное семема-3 (искусен в чем-л., творчески подходит к чему-л.), ср. гений на выдумки;

МУДРЕЦ

неоценочное, неэмоциональное семема-1 (наделен способностью глубокого мышления);

одобрительное, положительно-эмоциональное семема-2 (умудрен знаниями и опытом);

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное семема-3 (мудрит, прибегает к хитростям);

УМНИК

неоценочное, неэмоциональное семема-1 (сообразительный, толковый);

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное семема-2 (считает себя умнее других);

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное семема-3 (допустил грубый промах);

ХВАТ

одобрительное, положительно-эмоциональное семема-1 (бойкий, ловкий, удалой);

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное семема-2 (склонен к плутовству и мошенничеству);

ХРАБРЕЦ

неоценочное, неэмоциональное семема-1 (храбрый);

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное семема-2 (проявил трусость).

В следующих примерах коннотативные семы оценки и эмоции наводятся конкретным контекстом употребления слова, т.е. семантические признаки – оценочный и эмоциональный – дополняются в данных контекстах конкретными семными конкретизаторами:

МАЛЬЧИШКА

Семема 2. Лицо, мужской пол, взрослый, проявляет несерьезность, неопытность, легкомысленность в делах. *Контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность.*

«Я внутренне улыбнулась – ну чем не *мальчишка!*» [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996) – НКРЯ] – *неоценочное, положительно-эмоциональное*;

«Этот грязный *мальчишка* Гурий шляется по девкам, вчера пришел в Эстраду весь в губной помаде» [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004) – НКРЯ] – *неодобрительное, отрицательно-эмоциональное*.

Необходимо различать следующее:

Системная коннотация – это наличие в системном значении слова коннотативной оценочности и эмоциональности.

Для оценочной и эмоциональной лексики коннотация может быть *системно предусмотренной*, но *контекстуально наполняемой*, то есть, в системном значении есть семантические признаки – *оценка, эмоция*, а семные конкретизаторы знака эмоции и оценки наполняются в актуализируемом значении конкретным контекстом.

Контекстуальная коннотация – это контекстуальное заполнение семных конкретизаторов оценки и эмоции – *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность*. Контекстуальная коннотация формируется на уровне отдельной семемы.

Коннотативная многозначность слова – это наличие в семантеме семем с разными системными коннотациями. Коннотативная многозначность слова проявляется на уровне семантемы.

Коннотативная вариативность семемы – наличие в структуре отдельной семемы нескольких видов коннотативных компонентов.

Психолингвистические эксперименты показывают, что компоненты *оценка* и *эмоция* во многих семемах реально представлены *коннотативной вариативностью* – одна семема содержит противоречивую коннотацию: положительную и отрицательную оценку, положительную или отрицательную эмоцию одновременно. При этом яркость той или иной оценки может существенно различаться. Положительная оценка может существенно доминировать над негативной, но при этом в значении представлены обе оценки или эмоции, яркость эмоции и оценки может быть также примерно равной.

Отдельное значение также может сочетать в себе неоценочность и оценочность, неэмоциональность и эмоциональность.

Например, результаты описания психолингвистических значений:

ДРУГ

Семема 1. Лицо, мужской // женский пол, связан с кем-л. отношениями дружбы;

вызывает одобрение и положительные эмоции 64 из 194 или 33% всех реакций: лучший 42, хороший 15, настоящий 4, важный, классный, счастье;

вызывает неодобрение и отрицательные эмоции 3 из 194 или 2% всех реакций: плохой, псих, скот.

ПАПА

Семема 1. Лицо, мужской пол, по отношению к своим детям;
вызывает одобрение и положительные эмоции 38 из 199 или 20% всех реакций: любимый 17, добрый 10, хороший 6, клёвый, лучший, любимо, любимый мужчина, любовь;

вызывает неодобрение и отрицательные эмоции 4 из 199 или 2% всех реакций: злой, кричит, плохой, пьяный.

БИЗНЕСМЕН

одобрительное – 8% всех реакций, *неодобрительное* – 7% всех реакций;

КРАСАВЕЦ

одобрительное – 5% всех реакций, *неодобрительное* – 3% всех реакций;

ПРОКУРОР

одобрительное – 4% всех реакций, *неодобрительное* – 13% всех реакций.

Низкая яркость оценки или эмоции в значении свидетельствует об индивидуальном характере этой оценки или эмоции – они присутствуют в сознании только отдельных индивидов. В акте речи актуализируется только одна оценка и одна эмоция.

Вектор коннотации отдельных семем может меняться в связи с социально-идеологическими процессами, характеризующими общество на определенных этапах его развития, что находит свое отражение в семантике слов *атеист, бизнесмен, большевик, диссидент, интеллигент, капиталист, коммунист, ленинец, монархист, миллионер, монополист, пролетарий, промышленник, собственник, люмпен, хакер, частник* и под., которые имеют разную оценку и эмоцию в зависимости от того, в каком профессиональном, возрастном, гендерном, социально-политическом сознании они существуют, и что также позволяет говорить о *социальной* оценочности и эмоциональности. Эта особенность «идеологически- и социально-оценочной лексики проявляется в том, что она формируется и функционирует только в хронологических рамках определенных отношений и отражающей их идеологической системы» [Голованевский 2002: 81-84]. Подобную оценочную лексику в связи с этим с некоторой долей условности целесообразно разделить на *хронооценочную* (оценка изменяется в определенных временных рамках) и *константнооценочную* (оценка постоянна и неизменна).

Константнооценочные семемы *нахлебник, капитулянт, злодей, бездарь, каратель, бюрократ, мракобес, мучитель* и т.п. содержат в своей семной структуре семы с отрицательной оценкой и исключают возможность их использования со знаком (+) в любом контекстном окружении в любом историческом периоде.

Для хронооценочных семем характерна актуализация в контекстных употреблениях как разнооценочных, так и неоценочных сем, в зависимости от конкретной исторической или политической ситуации. К их числу можно отнести слово *интеллигент*, «официальная оценочность которого в истории русской культуры прослеживается и анализируется как пример

огольного отождествления его значения с некоей привилегированностью, будто бы враждебной интересам народа» [Голованевский 2002: 81-84].

Структурно-языковое значение – информация о признаках слова как функциональной единицы языка, то есть отражение в значении языковой действительности. Структурно-языковой мегакомпонент значения также состоит из макрокомпонентов. Важнейшие из них – *грамматический* и *функциональный*.

Грамматический макрокомпонент – это информация о грамматических признаках слова – род, число, падеж, время, вид, наклонение, лицо и т.д.

Грамматический макрокомпонент значения слова в данной работе нами не исследуется, поскольку работа выполнена в рамках лексикологии и лексической семасиологии, функциональный же макрокомпонент значения рассмотрим более подробно.

Функциональный макрокомпонент включает *стилистические, социальные, темпоральные, частотные* и *территориальные* семы, выделение которых, как правило не вызывает сомнения и споров среди лингвистов и лексикографов, хотя относительно выделения данных микрокомпонентов в конкретных значениях часто высказываются различающиеся мнения.

Соответствующие дифференциации значений по данным семам обнаруживаются при парадигматическом компонентном анализе значений, а также при анализе контекстуального употребления слов. Многие функциональные семы могут быть обнаружены дефиниционным анализом, проводимым по материалам лексикографических источников: выделение вышеназванных семантических компонентов является общепризнанной практикой описания их значений, ибо такими пометами как *книжное, высокое, разговорное, сниженное, музыкальное, юридическое, церковное, тибетское, устарелое* и мн.др., составители словарей информируют пользователей о характерных особенностях употребления слов и их отличиях от других языковых единиц.

Данные признаки слова обусловлены его функционированием в речи, без информации об этом употребление лексической единицы в коммуникативном процессе становится весьма затруднительным, а в ряде случаев может привести к проблемам непонимания.

Думается, что, учитывая современные тенденции развития языка, в частности его лексического состава, а также современный уровень семной семасиологии, список функциональных микрокомпонентов, необходимых для семного описания значения, может быть расширен.

В последние десятилетия особое внимание в среде лингвистов и социологов уделяется вопросу так называемой *политической корректности*. Под влиянием идей политкорректности английский язык, а также и другие языки мира, подвергаются серьезным изменениям. Политическая корректность оказывает наиболее осязаемое воздействие на лексический состав языка, в особенности на те слова и словосочетания, которые используются для обозначения наименований лиц. Лексика, как

наиболее подвижная составная часть языковой системы, мгновенно реагирует на происходящие в обществе перемены.

По мнению некоторых ученых (Иванова 2002, Корти 2003, Лобанова 2004) политическая корректность предполагает регламентацию принципов толерантности на практике, предписывает строгое следование стандартам толерантного лингвистического поведения.

В некоторой степени политическая корректность призвана стать инструментом профилактики «конфликтов в поликультурном обществе – между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д. – путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям» [Базылев 2007: 8].

Политкорректность, по утверждению С.Г. Тер-Минасовой, сводится к стремлению «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова 2000: 215].

Отечественные филологи неоднократно пытались ввести другие термины для обозначения сути явления политкорректности. Например, С.Г. Тер-Минасова предложила термин «языковой такт» [Тер-Минасова 2000: 215], а Т.В. Киселева использует термин «коммуникативная / культурная корректность» [Киселева 1998: 115]. Несмотря на то, что в русскоязычной среде эти термины были бы более понятны и обозначали бы именно то, что мы понимаем под политкорректностью, они все же не смогли «прижиться» в отечественной лингвистике, а термин *политическая корректность* уже довольно прочно вошел в употребление во многих языках.

Для лингвистического исследования важен языковой аспект проблемы, позволяющий уточнить, какими объективными языковыми характеристиками должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как *нерекомендуемой / рекомендуемой* в тех или иных коммуникативных ситуациях.

В современной политически корректной лексике английского языка вполне обоснованно широкое распространение получают выражения, которые используются для обозначения наименований лиц, отличающихся какими-либо физическими особенностями. Например, не рекомендуется обращаться к людям как к *инвалидам*, вместо этого рекомендуется использовать политкорректное выражение *люди, преодолевающие трудности из-за своего физического состояния (physically challenged)*.

Причина в том, что в общественном мнении, подобная замена косвенно будет способствовать решению стоящих перед обществом проблем соответствующего характера, в частности, и по отношению к *умственно отсталым детям (retarded children)*, которых рекомендуется называть *дети, испытывающие трудности при обучении (children with learning difficulties)*. Популярным в последнее время в английской речи стало образование *senior citizens* (старшие граждане) вместо *old age pensioners* (пенсионеры по старости).

Политически корректные высказывания фактически выступают эвфемизмами, которые, «будучи эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [ЛЭС 1990: 549].

Однако при этом следует сделать уточнение, что речь идет не об эвфемизмах вообще, а именно о политически корректных употреблениях, которые отличаются от проявления обычной человеческой вежливости. Если последняя связана с желанием наладить доброжелательные отношения с конкретным человеком, то «политически корректный эвфемизм – это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения» [Киселева 1998: 116].

Институциональный дискурс [Шейгал 2000; Карасик 2004], в котором преимущественно рекомендуют употреблять политкорректную лексику, предполагает формальную, сугубо официальную коммуникацию, которая в отличие от межличностного, обыденного общения характеризуется отсутствием оценочности и эмоциональности в отношениях как между представителями института, так и между институтом и его клиентами.

В процессе такой коммуникации представителю того или иного социального института необходимо постоянно проявлять осторожность, иными словами *политкорректность*, в особенности при выборе наименований нелицеприятных явлений действительности, о которых так или иначе приходится говорить в той или иной коммуникативной ситуации.

В случае несоблюдения определенных норм речевого поведения (а именно: при использовании *неполиткорректной* лексики), высока вероятность порождения негативной реакции, критики или разоблачения со стороны адресата и, как следствие – возможность потери статуса, авторитета или власти социального института или его представителя.

При этом нужно учитывать, что понятие *неполиткорректность* не тождественно по смыслу признаку нормативности / ненормативности тех или иных единиц языка, согласно которому такие разряды лексики как грубая и нецензурная квалифицируются соответственно как неприличная и непристойная и исключаются моральным запретом общества из публичного употребления.

В этой связи следует полностью согласиться с мнением И.А. Стернина о том, что «нецензурная лексика, также как и бранная, может иметь

установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки. Она тоже может использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций» [Стернин 2006: 345].

Словарные пометы об ограничении словоупотребления наименований лиц в связи с политкорректностью или неполиткорректностью встречаются в последнее время довольно часто в англоязычных изданиях толковых словарей (American Heritage Dictionary of the English Language, Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Longman Dictionary of English Language and Culture, The Oxford Dictionary of Current English), среди них отметим следующие:

– *now considered offensive* (считается оскорбительным в настоящее время).

– *Some people think that this word is offensive.* (Некоторые люди считают это слово оскорбительным).

– *Taboo. Do not use this word.* (Табу. Не употребляйте данное слово).

Принимая во внимание подобный опыт в лексикографическом описании наименований лиц и учитывая вышеизложенное, следует, на наш взгляд, ввести обязательные пометы для определенного разряда лексических единиц, которые характеризуют как допустимость, так и недопустимость публичного употребления этих единиц в институциональном дискурсе как проявление **институционально-нормативного** функционального признака в их семантике, сформулировав их следующим образом: *политкорректное, неполиткорректное*.

Например, наличие функционального институционально-нормативного признака в семном описании таких русских слов или словосочетаний, как *азер, бедные слои населения, дебил, голубой, калека, старая женщина, узкоглазый, умственно отсталый, черномазый*, и т.п. фиксируется семой *неполиткорректное*. Использование подобных помет также позволяет осуществлять контрастивное сопоставление русских наименований лиц и их английских переводных соответствий с учетом современных тенденций в развитии двух языковых картин мира на предмет выявления национально-специфических различий между ними, например:

мулат политкорректное – *mixed race* политкорректное; *coloured, mulatto* неполиткорректное;

индеец политкорректное – *American Indian, Native American, American* политкорректное; *Indian, Red Indian* неполиткорректное;

абориген политкорректное – *indigenous inhabitant / person* политкорректное; *native* неполиткорректное;

иностранец политкорректное – *alien / newcomer* политкорректное; *foreigner* неполиткорректное.

При выявлении общих закономерностей и специфических особенностей функционирования языковых единиц в процессе межличностной коммуникации, представляет интерес проблема, связанная с возможностью отражения в структуре семантики номинативной языковой единицы субъективного отношения говорящего к объекту наименования. Например,

в толковых словарях русского языка можно обнаружить следующие пометы в толкованиях слов:

маэстро, мудрец (2 зн.), старец – *почтительное*; мэтр – *уважительное*; сударыня – *вежливое, учтивое*; голуба – *ласково-фамильярное*; матушка (1 зн.) – *ласково-почтительное*; братан (1зн.) – *фамильярно-ласкательное*; голубчик – *ласково-фамильярное*; старина (5 зн.) – *фамильярное, дружеское*; дорогуша, милочка, дядька, батенька (2 зн.), луженая глотка – *фамильярное*; старушенция – *фамильярно-шутливое* и т.п.

Обычно подобные слова употребляются в случаях повышенной эмоциональности говорящего, например, когда он сердится, злится, негодует, радуется и т.д.

Уважительное отношение к собеседнику способствует выражению по отношению к нему добрых чувств, антипатия к собеседнику порождает противоположные чувства.

Коммуниканты выбирают и употребляют такие языковые единицы для оптимизации достижения стоящих перед ними прагматических целей: для установления речевого контакта, для поддержания общения соответственно их социальным ролям, их ролевым позициям относительно друг друга, их взаимным отношениям и т.д.

Помимо того, что подобная лексика может характеризоваться яркой пейоративной или мелиоративной коннотативной оценкой и эмоцией, фиксируемой в структуре значения, определенно можно утверждать, что она также предназначена для оказания определенного воздействия на собеседника, имеет определенную прагматическую цель.

Такое воздействие обычно бывает связано со стремлением говорящего продемонстрировать дружелюбное или недружелюбное отношение к слушающему, уважение или неуважение к его личности, и тем самым поддержать, развить или прекратить межличностное общение.

Принимая во внимание данное обстоятельство, считаем необходимым фиксировать в семантике языковых единиц, помимо коннотативных оценки и эмоции, также функциональный признак, характеризующий *тональность общения*.

В лингвистической литературе понятие *тональность общения*, в основном, рассматривается в функциональной сфере коммуникации. Например, А.А. Ричардс выделял «четыре функции в интерпретации содержания речи: 1) смысл, 2) чувство, (т.е. установка по отношению к тому, о чем говорится), 3) *тон (установка по отношению к слушающему)* и 4) намерения говорящего» [Richards 1948: 182, *курсив наш*].

Тональность общения в качестве терминологической единицы не всегда принималась учеными-лингвистами, тем не менее, например, в работе Д. Уилкинс, проводятся следующие разграничения: «2) моральная дисциплина и *оценочность* (суждение, оценка, порицание)», «6) *эмоции* – позитивные и негативные, 7) эмоциональные *отношения*: приветствия, лесть, враждебность и т.п., 8) безличностные *отношения* – вежливость и статус: степень формальности / неформальности» [Wilkins 1973: 85, *курсив*

наш].

В выводах Н.М. Фирсовой и О.С. Чесноковой находим, что «формы общения (ФО) детерминированы рядом конкретных функций, основными из которых можно считать следующие: привлечение внимания адресата (апеллятивная), контакто-устанавливающая (фатическая), социально-регулирующая, этикетная / неэтикетная ориентация на адресата (конативная), стилистическая... В соответствии со стилистической функцией ФО указывают на *тональность общения*» [Фирсова 1987: 8].

В.И. Карасик выделяет «*коммуникативную тональность*» – «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 80].

На наш взгляд, следует ввести в структуру функционального макрокомпонента значения *коммуникативно-тональный* микрокомпонент, который служит для описания признака, *отражающего личностное отношение говорящего к объекту наименования в ситуативных или статусно обусловленных контекстах и характеризующего прагматическое намерение говорящего, выражаемое данным конкретным словоупотреблением.*

Коммуникативно-тональный микрокомпонент описывается следующими видами сем: *тонально-нейтральное, почтительное, вежливое, восхищенное, дружеское, ласковое, шутовое, ироничное, сочувственное, фамильярное, уничижительное, пренебрежительное, презрительное, грубое, бранное, тонально-недопустимое* (т.е. вульгарное, нецензурное).

Важно заметить, что коммуникативно-тональный микрокомпонент значения, единственный из всех функциональных микрокомпонентов, может быть *системно предусмотренным, но контекстуально наполняемым*, то есть, в системном значении есть семантический признак *прагматическое намерение*, а семные конкретизаторы наполняются в актуализируемом значении конкретным контекстом, например:

уничижительное – «Кого учишь? *Мальчишка*. За собой смотри – объяснись-ка лучше, что там за конкурент у нас на аукционе выискался» [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004) – НКРЯ];

сочувственное – «Это был совсем еще *мальчишка*, воин-афганец, который служил там инструктором и сам был майором МВД» [Артем Тарасов. Миллионер (2004) – НКРЯ] и т.п.

Следует учитывать также следующее:

контекстуальная коммуникативная тональность формируется на уровне отдельной семемы;

коммуникативно-тональная вариативность семемы – наличие в структуре отдельной семемы нескольких видов коммуникативно-тональных компонентов.

Например, об этом свидетельствует различие функциональных коммуникативно-тональных микрокомпонентов значения в следующих

контекстах:

ЗАРАЗА семема-2

(лицо, мужской // женский пол, удивляет своим поведением, заслуживает похвалу)

«И тут же оценивает ещё: – Но красив, *зараза!*» [Владимир Маканин. Отдушина (1977) – НКРЯ] – *восхищенное*;

«*Зараза* ты, Танька – ласково сказал он и стал есть» [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961 – НКРЯ] – *ласковое*;

«Это обстоятельство добило Половецкую, она зашла полусмехом-полустоном, миролюбиво восклицая: «Вот *зараза*, вот шантрапа!» [Дарья Симонова. Половецкие пляски (2002) – НКРЯ] – *шутливое*.

Перечисленные денотативный, коннотативный, функциональный макрокомпоненты значения, как уже отмечалось, включают в свой состав микрокомпоненты или семы. Общеизвестно, что при помощи понятия «семантический компонент» значение слова может быть представлено как объект, образуемый определенным числом дискретных элементов.

Семы в нашей работе понимаются как семантические микрокомпоненты, отражающие конкретные признаки обозначаемого словом или устойчивым словосочетанием явления: *человек, красивая внешность, молодой возраст, национальность, состоит в браке* и др.

В современной семасиологии накоплен большой опыт классификации семантических компонентов, при этом в научной литературе встречаются различные подходы и основания для классификации признаков значения, которые различаются в зависимости от исходных теоретических позиций ученых, их целей и материала исследования.

Помимо интегральных (общих для группы исследуемых единиц) и дифференциальных (различающих сравниваемые единицы) семантических признаков в связи со значением слова также выделялись признаки, названные потенциальными (Гак 1972), личностными и социальными, последние подразделялись на межъязыковые, общечеловеческие и региональные, а также национально-культурные, диахронические и синхронические «семантические доли» (Верещагин, Костомаров 1980).

Подробную классификацию сем находим в работе И.В. Арнольд: «экстралингвистически и лингвистически обусловленные, потенциальные и актуализованные, импликациональные и скрытые, архисемы, классемы, гипосемы и гиперсемы, терминологические и нетерминологические, узуальные иokkaзиональные, разрешающие и запрещающие семы» [Арнольд 1979: 12].

Выделяются общие и конкретные, а также ключевые (характерные, определяющие) признаки [Брунер 1977]; перцептивные и концептуальные признаки/коды [Аткинсон 1980]; несущественные (дополнительные,

сопутствующие) [Шехтер 1981]; мономодальные, полимодальные и др. признаки [Ломов, Беляева, Носуленко 1986]; конкретные, конкретно-ситуационные, функциональные, категориальные признаки [Глезерман 1986]; точечные, объемные, динамические признаки [Шабес 1989]; инвариантные (интегральные, дифференциальные) семантические признаки и варианты (скрытые и открытые) семантические компоненты [Кузнецов 1986, 1992]; подвижные многоплановые признаки [Крюкова 1989]; всеобщий признак, непосредственный признак, опосредствующий признак, опосредованный признак [Юрченко 1995]; мотивированные и немотивированные, сущностные и характерные, типичные и вероятные [Дмитриева 2000]; и мн.др.

Предлагались и другие дробные классификации – иерархизированные и неиерархизированные (автономные), абстрактные и конкретные, лексические и грамматические, основные, второстепенные и потенциальные, эксплицируемые и неэксплицируемые (имплицитные), парадигматические и синтагматические, идентифицирующие и дифференцирующие, совместимые и несовместимые, доминирующие и недоминирующие семы (Гайсина 1979, Васильев 1982).

И.А. Стернин в зависимости от ракурса исследования выделяет актуализованные, неактуализованные, вероятностные, постоянные, описательные, относительные, диспозициональные, ассертивные, эксклюзивные, негативные, позитивные, дизъюнктивные, антонимичные, градуальные, несимметричные, симметричные, узуальные, окказиональные, профессиональные, индивидуально-личностные, бытовые, яркие, слабые, парадигматические, синтагматические и другие типы сем [Стернин 1985: 54-73].

В.И. Шаховский вводит в научный оборот понятие эмосемы, раскрывая её сущность следующим образом: «Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака „эмоция“ и семных конкретизаторов „любовь“, „презрение“, „унижение“ и др., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному. Сема эмотивности может отображать эмоциональный процесс относительно любого лица: говорящего, слушающего или какого-либо третьего лица» [Шаховский 1987: 115].

Позднее добавляются «лимитирующие семы» (Михайлова 1998), «коннотации» (Апресян 1995), «онтологические импликатуры» (Кустова 2004), «фоновые знания» (Падучева 2004), «ассоциативные признаки» (Селиверстова 2004), «способные к модификации оценочные, эмотивные, экспрессивно-образные и функционально-стилистические семы, связанные с пространством данной культуры» [Герасименко 2009: 10], «национально-специфичные селективные семы», которые «регулируют сочетаемость слов в национально-культурных словосочетаниях» [Влавацкая 2011: 78] и т.д., причем квалифицируются эти признаки обычно

как добавочные или несущественные.

О.В. Загоровская предлагает следующую структуризацию значения: «структура отдельного значения слова складывается из четырех основных компонентов:

- денотативного (предметно-логического);
- эмотивного (эмоционально-оценочного);
- собственно языкового;

– эмпирического (образного)» [Загоровская 2011: 144], – и выделяет такие типы сем, как: сущностные дифференциальные денотативные, инвариантные и варианты, вероятностные варианты, ядерные и дополнительные периферийные семы, семы мелиоративной (положительной) эмоциональной оценки – семы ласкательности и семы одобрительности, пейоративно-оценочные семы – неодобрения, пренебрежения, презрения, обобщенно-отрицательной эмоциональной оценки, отвращения / омерзения, негодования, семы шутовости, ироничности, снисходительности, парадигматические и синтагматические, а также функционально-стилистические, темпорально-стилистические, социально-стилистические, квантитативно-стилистические, экспрессивно-стилистические, ситуативно-стилистические микрокомпоненты значения [см. там же].

Представляется, что предел членения семемы на семы задается мерой человеческого знания о предмете номинации. В практических целях членение семемы на семы выполняется в том необходимом объеме, который отвечает поставленным в исследовании задачам.

В свою очередь, предельность многих сем, входящих в состав значения, оказывается относительной, так как неделимость и атомарность характеризуют сему только применительно к принятому уровню семного анализа. На другом уровне анализа этот компонент значения может оказаться не менее сложным, чем то значение, в составе которого он первоначально выделялся. На наличие семантических компонентов, скрытых в других семантических компонентах, обращал внимание еще Г. Пауль [1960: 101]: «Каждое представление о субстанции непременно содержит в себе представления о многих свойствах. Но и многие представления о свойствах и действиях, которые можно обозначить одним словом, являются составными».

При этом семы, входящие в структуру значения, в иных условиях сами могут являться отдельными семемами, а значит, они структурно членимы, как всякие семемы, например:

мушкетер – солдат, вооруженный мушкетом; → *солдат* – рядовой военнослужащий сухопутных войск;

колхозница – член колхоза; → *член* – лицо, входящее в состав какого-либо союза, группы;

стенографист – специалист по стенографической записи; → *специалист* – человек, профессионально владеющий какой-либо специальностью;

нападающий – игрок нападения в хоккее, футболе; форвард; → *игрок* – участник какой-либо игры;

завсегдатой – частый, постоянный посетитель чего-либо; → *посетитель* – тот, кто приходит куда-либо с какой-либо целью, посещает кого-либо, что-либо;

карануз – маленький ребенок; → *ребенок* – маленький мальчик или маленькая девочка; → *девочка* – ребенок, подросток женского пола; → *мальчик* – ребенок, подросток мужского пола; → *подросток* – мальчик или девочка в переходном от детства к юношеству возрасте;

карга – злая, безобразная старуха; → *старуха* – женщина, достигшая старости; → *женщина* – лицо, противоположное по полу мужчине.

Словарные толкования одних и тех же единиц языка в разных лексикографических изданиях могут рассматриваться как отдельные варианты описания одного семантического компонента или одной семемы, взаимодополняющие друг друга.

Думается, что для унифицированной лексикографической фиксации семного описания отдельной семемы, прежде всего, важно выделение её ядра – *архисемы*, которая относит объект наименования к определенному классу и в свою очередь конкретизируется всеми остальными семами в структуре значения. Например, вместо разнообразных метаязыковых вариантов обозначения лица разной степени конкретности, предлагаемых толково-переводными лексикографическими источниками в качестве архисемы наименований лиц (общее число таких вариантов, по нашим данным составляет 378 единиц), считаем целесообразным использовать в семном описании данной лексики унифицированную метаязыковую единицу «лицо».

Структура семантики слова создается путем накладывания содержания интерпретационных признаков на классификационное объяснение категориального признака и описывается, следовательно, помимо архисемы, рядом интегральных и дифференциальных сем.

Обладающие неравным удельным весом в структуре отдельно взятой семемы семы вступают между собой в различные типы отношений, к наиболее существенным из которых принято относить *иерархические, детерминантные, доминантные* и *синтагматические*.

Что касается понимания принципа иерархии сем в семеме, то, несмотря на некоторые различия в терминологии, подавляющее большинство авторов, освещающих данную тему, исходят из единого мнения, подтверждающего наличие *последовательного подчинения в структуре семемы семантических компонентов разного уровня абстракции*.

Отношения детерминации наблюдаются как между макрокомпонентами, так и между микрокомпонентами семемы и заключаются в том, что *наличие в её структуре определенного семантического компонента может предполагать наличие другого компонента или группы компонентов*. Например, функциональные стилистические семы *книжное,*

высокое, поэтическое обычно предполагают функциональную сему *малочастотное*.

Детерминантные отношения возможны как между семами одного, так и между семами разных макрокомпонентов значения, например:

архисема *лицо* в составе денотативного макрокомпонента значения значительного количества русских наименований лиц предполагает наличие семы *пол*, которая уточняет, может ли данная языковая единица быть соотнесена с лицом мужского или с лицом женского пола;

в русском языке тенденция конструировать феминизмы или лексические единицы, обозначающие женщин, характерна в значительной степени для разговорной сферы общения – инспекторша *женский пол, разговорное*; репортерша *женский пол, разговорное*; очеркистка *женский пол, разговорное*; шоферка *женский пол, разговорное*; юристка *женский пол, разговорное*;

наличие денотативных оценочных сем (*ас своего дела, голодранец, размазня, жадина, умница*) обычно предполагает наличие коннотативных сем оценки и эмоции (*одобрительное, положительно-эмоциональное // неодобрительное, отрицательно-эмоциональное* и т.п.);

функциональная коммуникативно-тональная сема *презрительное* обычно сопровождается коннотативной оценкой *неодобрительное* и функциональными стилистическими семами *разговорное, сниженное*;

функциональные семы *официально-деловое, политкорректное, тонально-нейтральное* соседствуют с коннотативными семами *неоценочное, неэмоциональное*; и т.п.

Внутрисемемные детерминантные отношения сем можно представить в виде списков совместимых сем. Например, каждая из следующих функциональных стилистических сем (левая колонка) наиболее вероятно соседствуют в семном пространстве отдельной семемы с теми видами функциональных сем, которые размещены в таблице в правой колонке:

СОВМЕСТИМЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СЕМЫ

<i>книжное</i> или <i>высокое</i> или <i>поэтическое</i> или <i>официально-деловое</i>	малочастотное политкорректное вежливое почтительное тонально-нейтральное
<i>сниженное</i> или <i>сленговое</i> или <i>просторечное</i> или <i>жаргонное</i> или <i>вульгарное</i> или <i>нецензурное</i>	социально-ограниченное неполиткорректное фамильярное тонально-недопустимое

Что касается детерминантных отношений сем коннотативного и функционального макрокомпонентов значения в структуре отдельной семемы, то коннотативные семы *неоценочное* и *неэмоциональное*

совместимы практически со всеми видами функциональных сем, чего нельзя сказать о семах оценки и эмоции с положительным или отрицательным знаками.

Коннотативные семы *одобрительное* и *положительно-эмоциональное* вероятнее всего могут быть выявлены в семной структуре отдельной языковой единицы в соседстве со следующими функциональными семами *политкорректное, тонально-нейтральное, вежливое, дружеское, почтительное, восхищенное, ласковое, шутливое*.

Для коннотативных сем *неодобрительное* и *отрицательно-эмоциональное* характерны совместимые отношения со следующими функциональными семами: *вульгарное, нецензурное, неполиткорректное, презрительное, уничижительное, ироничное, тонально-недопустимое*.

Для выявления доминирующих и ярких сем в структуре отдельной семемы в нашем исследовании был применен прием *негативации семантики*. Суть его сводится к следующему: испытуемым предлагается завершить конструкцию: *Он не X, потому что он не....*

Исследование показывает, что носителями языка в первую очередь будут отрицаться доминирующий или яркие семантические признаки.

Например, он / она НЕ *банкир*, так как НЕ *владеет банком*,
– аналогично:

НЕ *вратарь* (так как НЕ *защищает ворота своей команды*),

НЕ *новатор* (так как НЕ *вносит новые, прогрессивные идеи*),

НЕ *отпускник* (так как НЕ *находится в отпуске*),

НЕ *очкарик* (так как НЕ *носит очки*),

НЕ *паломник* (так как НЕ *совершает хождение к святым местам*),

НЕ *рекордсмен* (так как НЕ *установил рекорд*),

НЕ *спартаковец* (так как НЕ *выступает за спортивное общество «Спартак»*),

НЕ *спортсмен* (так как НЕ *занимается спортом*),

НЕ *спринтер* (так как НЕ *участвует в скоростных соревнованиях на короткую дистанцию*) и т.п.

Яркость и слабость отдельных компонентов значения создают основу для развития между семами, входящими в структуру одной семемы, отношений такого типа, при которых отдельные, наиболее существенные из сем оказываются в доминирующем положении и подавляют другие, менее важные и более слабые. Подобно семантической доминанте, когда «один из членов синонимического ряда избирается в качестве представителя главного значения, подчиняющего все со-значения и господствующего над ними» [Ахманова 2007: 401], в структуре семемы проявляется доминирующая сема.

Наглядными примерами доминирования коннотативных оценок и эмоций в структуре значения служат группы наименований лиц общего инвективного или общего мелиоративного характера: *ангел, добродетель, личность, молодец, орел, индивидуальность / аспид, гад, гадина, гангрена, гнида, дерьмо, дрянь, дьявол, зараза, козел, курва, монстр, мразь, плесень,*

отморозок, редиска и т.п.

Оценочность, как явствует из вышеприведенных примеров, преимущественно, представлена дихотомией «хороший – плохой». Выбор номинатором той или иной позиции обусловлен ценностной ориентированностью человека в окружающем мире. Сигнализируя о ценностном отношении говорящего к объекту наименования, подобные единицы языка используются в качестве эмоционально-оценочной характеристики наименований лиц, в чем проявляется не только суть коннотации как макрокомпонента семантики, являющегося продуктом оценочного восприятия действительности, но и одновременно доминирующая роль коннотации в структуре подобного значения.

Отличительной особенностью таких семем является наличие равнозначных по оценке сем в денотативном и коннотативном макрокомпонентах значения, а именно: *отличается крайне негативными качествами* и *неодобрительное* или *отличается исключительно положительными качествами* и *одобрительное*. При этом в семемах, содержащих в своей структуре семы с описанием коннотативных эмоционально-оценочных свойств происходит *перераспределение доминирующей функции между компонентами значения* или *гашение доминантного признака*, которое приобретает направление от денотативных сем в сторону коннотативных.

Отношения сем разных уровней абстракции можно рассматривать и в синтагматическом плане, так как в соответствии с общими закономерностями, действующими в языке, между семемами в структуре семемы просматривается некоторое линейное соотнесение, напоминающее синтаксические отношения между членами предложения.

В практике описания семантики наименований лиц синтагматические отношения между семемами в структуре значения часто оформляются особыми элементами-связками или «нулевыми компонентами» (по терминологии Ю.Н. Караулова): *обусловленный, относящийся, чей-либо, определяющий, отличающийся, принадлежащий, проявляющийся, какой-либо, свойственный, являющийся* и т.д. Такие элементы обозначают наиболее общие абстрактные отношения между семемами, например:

герой семема-3 – обладает характерными чертами, *какими чертами?* свойственными своему народу / своему времени / своей среде;

искусник – искусен в каком-л. деле / ремесле / занятии, *в занятии каком?* требующем опыта и сноровки;

колонист семема-1 – принадлежит к группе людей, *людей каких?* которые покинули свою страну *с какой целью?* с целью проживания на новом месте, *оставаясь кем?* оставаясь гражданами своей страны;

кочевник – принадлежит к народу, *народу какому?* ведущему кочевой образ жизни.

Внутрисемемные отношения денотативных сем могут быть основаны и на *совместимой дизъюнкции* – возможности их реализации в речи в различных сочетаниях (подчеркнутые микрокомпоненты значения могут

актуализироваться все вместе, поодиночке, иногда не актуализироваться вообще), например:

альпинистка – спортсменка, занимающаяся восхождением на труднодоступные горные вершины, со спортивной или познавательной целью;

азиат – лицо, мужской пол, проживает в Азии, родом из Азии;

анималистка – лицо, женский пол, занимается живописью, или фотографией, или скульптурой, изображает в своих произведениях преимущественно животных;

клиент – лицо, пользующееся услугами адвоката, нотариуса, банка и т.п.;

обидчик – тот, кто причинил или причиняет несправедливо огорчение, оскорбление.

Для описания подобных признаков, по нашему мнению, следует ввести в обиход и использовать понятие *дифференциальные дизъюнктивные семы*, которые могут актуализироваться в речи в разных сочетаниях, что является доказательством их смысловой совместимости (подобные семы могут и не актуализироваться вообще).

Проблема членимости семы находит свое выражение в разграничении *семантического признака* и *семного конкретизатора* (Стернин 1985).

Вычленение семантического признака и семного конкретизатора из состава отдельно взятой семы – основополагающий **прием семного описания** языковой единицы, позволяющий последовательно осуществить два немаловажных этапа этого процесса: идентификацию и дифференциацию её значения.

Семантический признак, выявленный в составе отдельной семы, дает возможность установить принадлежность данной лексической или фразеологической единицы к определенной семантической или тематической группировке, в то время как выявленный в составе той же семы семный конкретизатор служит для разграничения значений лексических или фразеологических единиц друг от друга внутри данной семантической или тематической группировки.

В процессе унификации семного описания больших количественных объемов лексики и фразеологии с целью последующей лексикографической фиксации полученных результатов весьма существенным представляется выявление в семантике языковых единиц *доминирующей опорной семы*.

Например:

примеры лексических единиц	Доминирующая опорная сема в семеме	
	семантический признак <i>объединяет семемы в составе одной тематической группы</i>	семный конкретизатор <i>дифференцирует семемы в составе одной тематической группы</i>
<i>русская, англичанин,</i>	говорит	на русском, английском,

<i>полячка, итальянка, немец, таджик, японка и т.д.</i>	<u>на определенном языке</u> (<i>объединяет по языковой принадлежности</i>)	польском, итальянском, немецком, таджикском, японском и т.д. языке;
<i>астроном, биофизик, геолог, лингвист, математик, педагог, энергетик и т.д.</i>	владеет знаниями <u>в определенной области</u> (<i>объединяет по специальности</i>)	в области астрономии, биофизики, геологии, лингвистики, математики, педагогики, энергетики и т.п.
<i>обжора, болтун, мизантроп, паникер, флюгер, волокита, плакса, мишень для насмешек и т.д.</i>	обладает отличительным качеством (<i>объединяет по отличительным качествам</i>)	имеет склонность к обжорству, не умеет хранить тайны, ненавидит людей, легко поддается панике, легко меняет свои убеждения, любит ухаживать за женщинами, много и часто плачет, является предметом насмешек и т.п.

Необходимо также различать *обобщенный семный конкретизатор* и *наполнение семного конкретизатора* – его *индивидуальное* наполнение в конкретном значении.

Например, семные структуры следующих наименований лиц включают в свой состав сему *местожительство* (проживает в каком-л. месте), служащую для описания интегрального для данных семем семантического признака *территориальная принадлежность*, и несовпадающие семные конкретизаторы, наличие которых позволяет описать различия в семантике каждой из перечисленных ниже лексических единиц:

абориген – семный конкретизатор в какой-л. стране, местности;

бомж – семный конкретизатор в неопределенном месте;

европеец – семный конкретизатор в Европе;

жилец – семный конкретизатор в доме или квартире.

Семный конкретизатор *в каком-л. месте* описан обобщенно и представлен примерами его индивидуального наполнения в конкретных лексических единицах. Наполнения не всегда поддаются исчислению и могут пополняться с развитием языка.

Аналогично денотативным семам, можно рассматривать с точки зрения существования в их составе различных семных конкретизаторов, например, функциональные семы:

территориально-ограниченное – в России, британское, американское и т.д.;

социально-ограниченное – медицинское, студенческое, юридическое, спортивное, религиозное и т.д.;

темпорально-ограниченное – устаревающее, современное, новое и т.д.

Взятое за основу положение о том, что сема как микрокомпонент значения дискретна, открывает возможность выявления в семной структуре исследуемых единиц *автономных, антонимических, закрытых* и *открытых* семантических признаков, что весьма существенно, на наш взгляд, как для создания унифицированного метаязыка семного описания, так и для осуществления контрастивного анализа лексики и фразеологии.

Открытые семантические признаки, для которых характерно наличие практически неограниченного количества семных конкретизаторов, фиксируются согласно принятой в данном исследовании практике описания семантики наименований лиц такими семами, как:

языковая принадлежность (говорит на русском, английском, польском, немецком, итальянском, таджикском, японском и т.п. языке),

мировоззренческая позиция (придерживается взглядов материализма, атеизма, анархизма, коммунизма, либерализма, пацифизма, демократизма, шовинизма и т.п.),

национальность (принадлежит к народу, составляющему население Австралии, Армении, Венгрии, Казахстана, республики Алтай РФ, России, Шотландии и т.д.),

родство (по отношению к своим родителям, к детям своих детей, к другим детям этих же родителей и т.д.),

специальность (владеет знаниями в области астрономии, биофизики, геологии, лингвистики, математики, педагогики, энергетики и т.п.),

отличительный признак (выделяется крайне негативными качествами, способностью импровизировать; отличается тем, что имеет склонность к обжорству, не умеет хранить тайны, не может постоять за себя, ненавидит людей, легко поддается панике, легко меняет свои убеждения, любит ухаживать за женщинами, много и часто плачет, является предметом насмешек) и т.д.

Семы, которые используются для описания *закрытых* семантических признаков, характеризующих лицо (то есть семы с ограниченным набором семных конкретизаторов), как правило, содержат в своем составе *антонимические* семные конкретизаторы (без определённой цели – с определённой целью, добросовестно – небрежно, состоит в браке – не состоит в браке, постоянно – временно, на короткие дистанции – на длинные дистанции и т.п.) или семные конкретизаторы *с градуальным противопоставлением* (детский – отроческий – юношеский – молодой – зрелый – пожилой – старый; необыкновенно высокий – высокий – среднего роста – небольшого роста – неестественно маленького роста; белокурый – со светло-русыми волосами – с темно-русыми волосами – с тёмными волосами; уродливый – страшный – непривлекательный и т.п.).

В практике описания семных структур наименований лиц также выявляются *автономные* семантические признаки, конкретное содержание которых зависит от контекстуально наводимого семного конкретизатора, который всецело определяется контекстом или коммуникативной

ситуацией; подобный признак указывает, что соответствующие лица имеют обозначаемые им характеристики, но не уточняют, каково их конкретное содержание.

Например, семантические признаки *возраст* (детского // молодого // зрелого // пожилого возраста) и *пол* (мужской // женский пол) у многих наименований лиц являются автономными (*человек, руководитель, преподаватель, директор* и под.), их фиксация при семном описании возможна в виде сем с *альтернативными* семными конкретизаторами или *альтернативными* семами.

Оппозиции признаков, которые следует описывать альтернативными семами, представляют собой *несовместимую дизъюнкцию*, которая предполагает актуализацию в конкретной речевой ситуации только одного из перечисленных микрокомпонентов значения: *человек* или *кукла* (голыш); *животное* или *человек* (первогодок); *спортсмен* или *цирковой артист* (акробат); *фирма* или *лицо* (посредник); *совокупность лиц* или *лицо* (голь перекатная) и т.п.

Следует отметить, что в русском языке развивается тенденция к употреблению слов с автономным полоразличительным семантическим признаком, которые обозначают лиц мужского и женского пола одним и тем же именем. Помимо существительных общего рода на -а (*балаболка, бедолага, сладена, гулена, выпивала, плакса, зуда, вруша, доходяга, дурашка*), названий некоторых национальностей (*коми, мари, манси, ханты*), имен со значением не-взрослости (*подросток, несмышленыш, малыш, последыш*), многих признаков наименований (*бестолочь, заморыш, нюня, кикимора, зверь, прелесть, гадина*), к ним также можно отнести, например, наименования лиц по профессиональной или политической принадлежности, по социальному положению, по занимаемой должности (*агент, автор, политик, декан, доцент, медиум, профи, технолог, филолог, музыковед, гид, консультант, лирик*), которые, по выражению И.Г. Милославского, «уже не являются словами мужского рода, но ещё и не стали словами общего рода» [Милославский 2002: 33].

Отметим, что в нашей работе вся семантическая информация, включенная в лексикографическое толкование языковой единицы, рассматривается как значимая для семного описания значения. При этом следует подчеркнуть, что многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, что подтверждает их реальность как семантических компонентов.

В дефинициях толковых словарей часто отмечаются только денотативные семы, коннотативные и тем более функциональные семантические компоненты представлены в толкованиях не всегда и непоследовательно, что затрудняет полное описание семантики соответствующего слова, дает неполную и недостаточно точную информацию о значении того или иного слова.

С нашей точки зрения, в семасиологических исследованиях необходимо

фиксировать и формулировать все семы лексической единицы, вычленимые в структурных компонентах значений в пределах их денотативного, коннотативного и функционального макрокомпонентов. Для этого необходимо создание максимально полной трафаретной модели структуры значения, которая накладывалась бы на любое описываемое слово и позволяла бы проследить наличие / отсутствие в значении описываемого слова всех потенциально возможных для данного семантического типа слова компонентов значения.

В нашей концепции предлагается и развивается *аспектно-структурный подход* к описанию семантики слова, который органически вытекает из представления о значении слова как совокупности семантических компонентов разных типов. Аспектный подход к семантике, реализуемый нами, предполагает вычленение в структуре значения *семантических аспектов* – характеристик значения, отражающих разный тип информации, закрепленный в слове [см. Маклакова 2006].

Семантические компоненты разного типа и объема, представленные в семантике слова или словосочетания, удобно и целесообразно дифференцированно описывать по семантическим аспектам, что также является необходимым условием для создания унифицированного метаязыка семного описания значения лексических и фразеологических единиц.

Для АСПЕКТНО-СТРУКТУРНОГО ОПИСАНИЯ значения слова существенны следующие теоретические понятия:

- 1) *аспект семного описания* (денотативные, коннотативные, функциональные семы);
- 2) *унификация метаязыкового описания* семантики в рамках семантических полей и тематических групп лексики;
- 3) *иерархия сем* (архисема, доминантные и слабые, ядерные и периферийные семы);
- 4) *соотнесенность сем с аксиологической шкалой ценностей* (оценочные денотативные семы, денотативная и коннотативная социальная оценочность и эмоциональность);
- 5) *совместимость сем* в структуре значения и при актуализации в акте коммуникации (альтернативные и дифференциальные дизъюнктивные семы, детерминантные отношения сем);
- 6) *вариативность унифицированного метаязыкового описания* (контекстуальная оценочность, эмоциональность и коммуникативная тональность, семантический признак и дифференциальный или наполняемый в конкретной языковой единице семный конкретизатор);
- 7) *трафаретная модель описания семантики* как инструмент семного описания значений конкретных слов.

Структурно-типологическое разнообразие сем, которые могут быть использованы для описания лексических единиц, должно быть описано на основе результатов семного анализа языковых единиц в составе крупных лексико-фразеологических группировок или полей, что позволит не просто

расширить границы их классификации, а предоставит возможность унифицировать семное описание их значений на конкретном фактическом материале.

Основными семантическими аспектами, релевантными для эффективного описания лексического значения, являются денотативный, коннотативный и функциональный.

АСПЕКТНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

(аспектно-структурное описание) семантики слова заключается:

- в последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семемы;
- в унификации метаязыкового описания сем в рамках семантического класса или лексико-семантического поля;
- в обязательности приложения трафаретной структурной модели значения того или иного семантического разряда к описанию каждого значения данного разряда, то есть в прослеживании наличия всех возможных в рамках каждого аспекта типов сем в каждой отдельно взятой семеме, включая как их наличие, так и отсутствие;
- в перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке.

Предлагаемый аспектно-структурный подход к описанию семантики слова предоставляет потенциальную возможность в итоге выявить, описать и обобщить информацию о *совокупности сем, которые составляют определенную семантическую область языка – его семное пространство*.

Такой подход позволяет не только сделать толкование семантики слова или словосочетания более информативным, но и дает возможность дифференцировать близкие значения, позволяет установить и описать парадигматические отношения между словами посредством выявления интегральной семы в качестве доминирующей опорной семы для отдельных групп языковых единиц. Например, это позволит выявить пласты неодобрительной, одобрительной, неpolitкорректной, уважительной, фамильярной и т.п. лексики, пласты наименований по определенному денотативному признаку – наименования спортсменов, руководителей, ленивых работников, профессионалов в какой-либо сфере и т.д.

Аспектно-структурное описание семантики слова или словосочетания также весьма важно для осуществления более точного и достоверного контрастивного анализа семантики лексических и фразеологических единиц разных языков, для разностороннего изучения используемых носителями разных языков и культур признаков, фиксируемых в структуре значения слова.

4. Полевая организация значения слова с позиций семной семасиологии

Основополагающим принципом семной семасиологии является представление о значении как упорядоченной совокупности сем разных типов.

«Мысль отмечает повторяющиеся элементы и признаки, фиксирует их, давая им кодифицирующие обозначения, и, таким образом, создает более или менее осозанным путем объективированное отображение этого явления» [Гаспаров 1996: 44]. Элементы и признаки отражения формируют структуру значения слова, при этом, как подчеркивал М.В. Никитин, в структуре значения «семантические признаки не существуют порознь, но связаны многообразными связями и зависимостями» [Никитин 1988: 61].

Совокупность компонентов лексической семантики представляет собой целостное образование – семему.

К исследованию структуры значения может быть эффективно применен «полевой подход, позволяющий объяснить потенции номинирующих языковых единиц и разнообразие их возможных семантических вариаций как при прямом, так и при переносном употреблении» [Попова, Стернин 2007: 73].

Теория поля в различных лингвистических направлениях приобрела широкое распространение и большую популярность в связи со своей высокой объяснительной силой.

Полевой подход к описанию явлений языка получил в современной лингвистике широкое распространение. Зародившись в семасиологии и связываемый первоначально с именами Й. Трира и В. Порцига, этот подход распространился в современной лингвистике на широкий круг явлений – «лексические группы или парадигмы, парадигматические поля» (Трир, Гуденаф, Лаунсбери, Косериу), «синтаксические поля» (Порциг, Вейсгербер), «грамматические поля» (Адмони), «грамматико-лексические поля» (Гулыга, Шендельс), «функционально-семантические поля» (Бондарко) и др. [см. полный обзор в работе: Щур 1974]. В современной лингвистике интенсивно исследуются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом.

Теория поля [Бондарко 1967, Шендельс 1969, Солнцев 1971, Щур 1974, Дешериева 1975, Уфимцева 1988, Crystal 1995, Лурия 1998, Всеволодова 2000, Кобозева 2000, Сабурова 2002 и мн. др.] позволяет рассмотреть объект лингвистического описания и в вертикальной, и в горизонтальной плоскостях. Изучение характера поля в вертикальной плоскости обеспечивает выявление иерархических отношений, существующих между входящими в его структуру компонентами. Рассмотрение смысловых отношений между составляющими поля в горизонтальной плоскости дает возможность установить, что они бывают нескольких видов, из которых к

наиболее существенным для нашего исследования относятся: а) связи между конституирующими компонентами внутри поля; б) связи между конституирующими компонентами различных полей.

Проводимые исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер. Принципиально важно, что «поле не имеет чётко выраженных границ и пересекается с другими полями» [Бондарко 1967: 207].

Полевая концепция языка позволяет решить целый ряд вопросов, неразрешимых в рамках традиционной стратификационно-уровневой концепции (Попова, Стернин 2009, 2011). Она обладает достаточной объяснительной силой, с одной стороны, и методологической ценностью – с другой: подтверждение в практических исследованиях полевой организации языка может быть экстраполировано в область метода, т.е. полевой принцип может быть применен в качестве общего приема анализа языковых явлений и категорий, в том числе и лексического значения слова.

Как показывают основные теоретические работы в данной области [Адмони 1964; Гулыга, Шендельс 1969; Бондарко 1971, 1972, 1983; Кузнецова 1981], главными положениями полевой концепции языка являются следующие:

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями.
2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.
3. Поле объединяет однородные и разнородные элементы.
4. Поле образуется из составных частей – микрополей, число которых должно быть не меньше двух.
5. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конституенты. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты.
6. Ядерные конституенты наиболее специфицированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конституентами и обязательны для данного поля.
7. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть на периферию.
8. Граница между ядром и периферией является размытой, нечеткой.
9. Конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей.
10. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, что является законом полевой организации системы языка.
11. В зоне периферии можно выделить ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию [Стернин 1985: 39].

Полевой подход к семантике слова позволяет описать как поле *семантемы* многозначного слова и каждую отдельную *семему*.

Семантема представляет собой полевое явление по следующим основаниям:

1. Семантема представляет собой инвентарь семем, связанных между собой системными отношениями.

2. Семемы, образующие поле семантемы, имеют семантическую общность и выполняют в языке единые коммуникативные функции.

3. Семантема объединяет однородные и разнородные семемы – абстрактные и конкретные.

4. Семантема образуется из семем, которые могут относиться к разным тематическим группам.

5. В составе семантемы выделяются ядерные и периферийные семемы.

6. Ядерная семема систематически используется, выполняет функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотна по сравнению с другими семемами и обязательна для данного поля.

7. Между ядерными и периферийными семемами осуществляется распределение выполняемых семантемой функций: часть функций приходится на ядро, часть на периферию.

8. Граница между ядерными и периферийными семемами может быть нечеткой.

9. Семема семантемы может принадлежать к ядру одной семантемы и периферии другой семантемы.

10. Разные семантемы отчасти накладываются друг на друга, объединяясь интегральными семемами.

11. В зоне периферии семантемы можно выделить семемы ближней, дальней и крайней периферии.

Полевой характер семантемы подтверждается:

– выделением лексикографами в толковых словарях главного и неглавных (переносных, производных, фразеологически связанных и т.д.) значений, которые соотносятся как ядерное и периферийные значения;

– экспериментальными данными, используемыми для составления статей психолингвистического толкового словаря [Лингвоконцептология и психолингвистика 2011, 2012; Ассоциативный словарь употребительной русской лексики 2011], например:

КОТ

1. Домашнее 7 животное 28 семейства кошачьих 10 с пушистой 27, мягкой 4 и густой 3 шерстью, черной 9, рыжей 7, серой 3 или полосатой 2 окраски, уса́тый 2, большо́й 2 и то́лстый 3, бывает породистый 9, отличается ленивым 6 и ласковым 5 характером, на́глый, хи́трый и умный 2, обычно спит 2 и мяукает 1, бе́гает 1 и гу́ляет 2 преимущественно в марте 7, ест мышей 1 и пельмени 1, чтобы от него не воняло 1, его нужно мыть 1, это не пес 1, его любят 5, о нем пишут книги 14 и снимают фильмы 15, это – Васька 4, Барсик, Мурзик, Тимофей 1 – *общее количество реакций 191*;
ЯДЕРНОЕ

2. перен. О похотливом, сластолюбивом мужчине (прост. пренебр.) мартовский 3, гуляка, любовь 1 – *общее количество реакций* 5. КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ.

БОМБА

1. Взрывное устройство 6, начиненное ядерным 26 и каким-то другим взрывчатым веществом 14, которое используется как оружие 12 для взрыва 73, представляет опасность 7, несет смерть 3 и разрушение 2 как в Хиросиме 1 и Чернобыле 1, может быть использована во время войны 8 армией 1, или террористами 2 в аэропорте 3, в доме 2, в саду 1, или обезврежена 1 сапером 1, бывает большой 2 и замедленного действия 2, вызывает неодобрение 1 – *общее количество реакций* 169; ЯДЕРНОЕ

2. Крупная 4 и сексуальная 14 женщина 3, вызывает одобрение 2 – *общее количество реакций* 23; ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

3. Сенсационная сообщение 4, которое содержит что-либо необычное 3, новое 1, мега интересное 1, может произвести фурор 1 мгновенно или сработать как устройство замедленного действия 2 – *общее количество реакций* 12; ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

4. Шпаргалка на большом листе бумаги с полным ответом на вопрос 1 – *общее количество реакций* 1; КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ.

ГАД

1. Плохой 44, подлый 21 человек 20, который живет чужим трудом 12, также мерзкий 5, низкий 3, противный 2, ужасный 2, бессовестный 1, вредный 1, изворотливый 1, паршивый 1, ничтожество 2, это Павел 1, муж 1, провайдер 1, вызывает неодобрение 108 – *общее количество реакций* 226; ЯДЕРНОЕ

2. Змея 20, которая передвигается ползком 14, бывает вредной 1, изворотливой 1, морской 1 и редкой 1, о них снимают фильмы 1, вызывает отвращение 8 – *общее количество реакций* 47; БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ.

– сопоставительным анализом контекстов по частотности употребления отдельных семем, входящих в семантему:

ХУДОЖНИК (100 контекстов)

1) человек, создающий произведения искусства красками, карандашом и т.п.(75); ЯДЕРНОЕ

2) тот, кто создает произведения искусства, творчески работает в области искусства (15); ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

3) тот, кто достиг высокого совершенства, в какой-либо работе, проявил большой вкус и мастерство в чем-либо (10); ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ.

ГОСПОДИН (120 контекстов)

1) форма вежливого упоминания или обращения к мужчине, обычно употребляется перед фамилией или должностью (84); ЯДЕРНОЕ

2) человек, принадлежащий к привилегированным слоям общества,

состоятельный человек (33); БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

3) правитель, облеченный высшей властью (3); КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

4) тот, кто может, умеет, способен и т.п. распоряжаться чем-либо по своему усмотрению (1); КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ.

МУЖИК (130 контекстов)

1) о любом мужчине (98); ЯДЕРНОЕ

2) деревенский, обычно женатый, мужчина, крестьянин (17); ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

3) муж, супруг, сожитель (10); ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

4) о грубом, невежественном, невоспитанном, неопрятном мужчине (5). КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ.

Приведенные примеры свидетельствуют, что между семемами отдельно взятой семантемы существуют различия по производности, яркости значения, их актуальности в языковом сознании носителей языка, частотности употребления, что проявляется в наличии главных и второстепенных значений, разном количестве ассоциативных реакций на слово-стимул и разной частотности актуализации семем в контекстах. Данное обстоятельство позволяет описать семантему как полевое явление с ядром и разными зонами периферии.

Выделенные основные признаки понятия поля в целом оказываются применимыми и к отдельной семеме. Рассмотрим их в том же порядке:

1. Значение представляет собой систему компонентов – сем, образующих структуру – семему.

2. Все компоненты значения в своей совокупности образуют единую функциональную языковую единицу – семему.

3. В структуре значения выделяются семантические компоненты, принадлежащие к одному и тому же типу и к разным типам.

4. В структуре значения выделяются макрокомпоненты – денотативный, коннотативный и функциональный, отдельные макрокомпоненты также имеют полевою структуру.

5. В значении выделяются ядерные и периферийные семантические компоненты.

6. Ядро значения образуют постоянные, яркие, часто актуализируемые семы.

7. Ядерные семы противопоставляют значение другим значениям в системе языка, составляя основу системных внутривидовых противопоставлений, парадигм; периферийные семы дополняют ядро и в значительной степени обуславливают семантическое развитие слова и его коммуникативное варьирование.

8. Граница между ядерными и периферийными семами размыта.

9. Семы в составе одного значения повторяются и в других значениях, ядерные семы в одном значении могут быть периферийными в другом.

10. Значения могут различаться лишь некоторыми семами, совпадая по

другим семам (синонимы, антонимы, гипо-гиперонимы).

11. В зоне периферии семемы можно выделить семы ближней, дальней и крайней периферии.

Среди макрокомпонентов лексического мегакомпонента значения **ядерным** обычно считается денотативный, так как «денотативное значение соотносится с внеязыковой действительностью» [Арнольд 1991: 106].

В соответствии с общепризнанным и уже упоминавшимся в работе мнением, «лексическое значение каждого отдельного лексико-семантического варианта слова представляет сложное единство» [Арнольд 1973:105], в котором на основе полевого подхода к структуре значения языковых единиц принято вычленять ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию значения.

Считается, что на уровне микрокомпонентов значения, кроме *архисем*, которые всегда относятся к *ядру* значения, к данному виду сем также обычно относят наиболее яркие семы, которые обозначают *постоянные признаки предмета номинации*, характерные для любого представителя называемого предмета. Ядерные компоненты значения в основном отражены в толковых словарях и могут быть выделены семным анализом словарных дефиниций или другими методами и приемами, например:

изготовитель – лицо, мужской пол, изготавливает, производит что-л.;

лесоруб – лицо, мужской пол, занимается рубкой и валкой леса, профессионально;

кожегар – лицо, мужской пол, обслуживает топки паровых котлов, профессионально;

садовник – лицо, мужской пол, обладает специальными знаниями по садоводству / занимается уходом за садом и выращиванием садовых растений, профессионально.

В ядро значения или в ближнюю периферию могут войти и очень *яркие* коннотативные семы – эмоции и оценки, а также некоторые стилистические или другие функциональные семы. Данный факт объясняется тем, что «значимость, яркость семантического признака для языкового сознания является важнейшим признаком, позволяющим отнести тот или иной семантический компонент к ядру значения» [Стернин 2003: 11-14], и иллюстрируется следующими примерами русских наименований лиц:

бедняга – лицо, мужской // женский пол, вызывает сочувствие и сострадание, у окружающих, *сочувственное*;

варяг – лицо, мужской пол, родом из Скандинавии, участвовал в морских завоевательных походах, в Европе и на островах Северной Атлантики, *историческое (8-11вв), древнерусское*;

карьерист – лицо, мужской пол, стремится продвинуться по службе, любыми способами, способен на бесчестные поступки ради этого, *неодобрительное*.

В отношении **периферийных** сем распространенным является мнение,

что они обозначают менее существенные, чаще непостоянные или вероятностные признаки предмета, не являющиеся для объекта наименования основными. Однако, как показывает практика исследования, они оказываются очень важными для описания значения: периферийные семы не только часто актуализируются в речи, но и создают образность и экспрессивность словоупотребления, а также выступают основой образования переносных значений, расширяют номинативные возможности слова и наиболее часто оказываются национально-специфическими. Например, переводные соответствия *горожанин* – *townsman* различаются стилистическими семами **межстилевое – чаще всего книжное**; *горец* // *горянка* – *Highlander* территориальными семами **общераспространенное – шотландское** и т.п.

Периферийные семы могут относиться к зонам ближней, дальней и крайней периферии. К крайней периферии обычно относятся семантические компоненты, имеющие единичную или минимальную частотность.

Таким образом, лексическое значение слова организовано по полювому принципу. Исследование лексического значения как полевого явления открывает интересные перспективы для семасиологического исследования, так как позволяет шире взглянуть на многие традиционные семасиологические проблемы, а также более адекватно описать структуру лексического значения в единстве всех его компонентов – как ядерных, так и периферийных.

Важным выводом, вытекающим из признания полевой организации значения, является признание в значении слова периферии как структурного элемента значения. Полевый принцип организации системы языка свидетельствует об обязательности периферийных языковых явлений в каждом поле. Ни одно языковое явление не может состоять только из ядра, периферия значения является таким же полноправным элементом лексического значения, как и ядро. Данное обстоятельство подтверждает целесообразность интегрального подхода к семантике слова в отличие от дифференциально-редукционистского подхода, принятого в традиционной лексикографии.

Описание лексического значения слова как полевого явления предполагает выделение, описание и систематизацию компонентов, образующих значение, и выделение ядра и периферии в лексическом значении.

Полевый подход к структуре семемы, воплощающий в себе принцип организации содержания семемы «ядро-периферия», отражает три важнейших системных свойства семемы: её структурную стабильность, способность к развитию и гибкую приспособляемость к коммуникативному акту. Иными словами, с одной стороны, сохраняется относительное постоянство семной структурной организации семемы на определенном этапе развития языка, с другой стороны, такая структура достаточно гибка и дает возможность семеме семантически развиваться в

диахроническом аспекте, а также оперативно приспособляться к потребностям говорящего в коммуникативном акте.

Наличие семного ядра значения позволяет носителям языка легко опознавать и отличать семные структуры семем друг от друга. Менее структурированная и легко подверженная изменениям периферия предоставляет возможность семеме модифицироваться и видоизменяться в контексте в диахронии.

5. Семное описание значения слова в речи (на примере наименований лиц)

Значение может реализовываться в тексте в разных наборах сем, то есть в разных актуальных смыслах [Стернин 1985: 36-85; Стернин, Саломатина 2011], что определяется конкретными условиями коммуникации и выражается в процессах выбора, погашения или усиления сем, а также свидетельствует о реальности актуализирующихся в речи семантических признаков как компонентов семной структуры данного значения.

Семный анализ значений лексических и фразеологических единиц в разных контекстах их употребления показывает, что в их семантике в акте коммуникации происходят различные изменения на уровне микрокомпонентов значения – сем, которые можно выявить и зафиксировать посредством унифицированного метаязыка семного описания. Эти изменения сопровождаются одновременным перемещением сем с одного уровня семной иерархии на другой уровень, преобразованием доминирующих сем в менее яркие (гашение доминантного признака) и / или усилением степени яркости сем, считавшихся до этого периферийными, актуализацией части сем значения, появлением в значении в акте речи новых сем.

Новое «распределение ролей» в семантике языковой единицы происходит на разных основаниях, в зависимости от многочисленных контекстуальных факторов, от отношений между коммуникантами, их индивидуальных характеристик и пр., проявляясь в формировании различных актуальных смыслов одного и того же значения в разных коммуникативных условиях, в том числе и в формировании новых значений, например, при переносе по сходству (метафора) и переносе по смежности (метонимия) [см. подробнее Маклакова 2009].

Для семного описания *контекстуальной вариации семемы* может быть эффективно использован разработанный унифицированный семный метаязык, который использовался для описания значения слова в статике.

Актуализация системных сем значения в контексте

Контекст актуализирует конкретные семы того или иного значения, которые выступают в акте речи как коммуникативно-релевантные, входящие в коммуникативное намерение продуцента речи. Актуальный смысл слова может включать различный набор ядерных сем, а также может представлять собой сочетание ядерных и периферийных сем.

Принимается, что семы из ядра значения (основные, наиболее яркие семы, обычно отражаемые в словарной дефиниции слова) в большинстве случаев прямой номинации актуализируются в контексте «по умолчанию»:

«Испуганно и спросонок моргали понятия – соседские *мужик с бабой*» [Борис Екимов. Пиночет (1999) – НКРЯ]. Актуальный смысл слова *МУЖИК* – *взрослое лицо мужского пола*, *БАБА* – *взрослое лицо женского пола*.

«Пока он смотрел на свой танк, его и ранил с крыши немецкий *автоматчик*» [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955-1959) – НКРЯ]. Актуальный смысл слова *АВТОМАТЧИК* – *лицо, мужской пол, вооружён автоматом*.

«С *чемпионкой* беседует корреспондент Агентства спортивных новостей» [Николай Зуев. Девчонки, которых клюшки не пугают // «100% Здоровья», 2002.11.11 – НКРЯ]. Актуальный смысл слова *ЧЕМПИОНКА* – *лицо, женский пол, победила в соревнованиях*.

«*Кавалер* даже бровью не повёл, только быстрее закружил свою даму-комиссара» [Елена Губайдуллина. Танго вместо партсобраний. Аргентинское шоу в Государственном Кремлевском дворце // «Известия», 2002.04.29 – НКРЯ]. Актуальный смысл слова *КАВАЛЕР* – *лицо, мужской пол, танцует в паре с дамой*.

При этом некоторые из ядерных сем, тем не менее, могут не войти в актуальный смысл слова в конкретном контексте, если они не являются коммуникативной целью номинации. Актуализация же периферийных сем обязательно требует контекстуальных диагностических маркеров, которые вербально конкретизируют актуализируемую сему, и тогда можно утверждать, что она действительно актуализована, вошла в актуальный смысл слова в данном контексте.

Приведем примеры разных семных актуализаций слова *старожил*.

В контекстах слово *СТАРОЖИЛ* реализуется в двух значениях:

семема-1 – *лицо, мужской // женский пол, много лет живет в каком-л. одном месте;*

семема-2 – *лицо, мужской // женский пол, длительное время находится, работает где-л.*

Описания различных наборов актуализированных в контекстах ядерных

и периферийных сем представлены в нижеприведенных примерах (**жирным шрифтом** выделены актуализованные ядерные семы, *курсивом* – актуализированные ПЕРИФЕРИЙНЫЕ и КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы):

семема-1

«А легко ли запомнить сотни названий урочищ, приходов, переулков, в которых запутается и *старожил?*» [И.Т. Кокорев. Извозчики-лихачи и ваньки (1849) – НКРЯ] – **лицо, хорошо знает ту местность, где проживает** – ПЕРИФЕРИЙНЫЕ семы;

«Как переделкинский *старожил*, я, конечно, многое знал о ныне действующих писателях» [Александр Нилин. Белая глина // «Октябрь», 2003] – **лицо, мужской пол, много знает о местных жителях** – ПЕРИФЕРИЙНЫЕ семы;

«Для них я был уже ветеран иммиграции, *старожил* в вопросах адаптации» [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, обладает определенным опытом в чем-л.** – КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ сема;

«Был тг Ларсон с визитом, рассказывал, как *старожил*, много интересного!» [П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №1 (1923-1924) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, может рассказать много интересного о месте проживания** – ПЕРИФЕРИЙНЫЕ семы;

«Нас он в Риме опекал, как ласковый *старожил* приезжих» [Б.К. Зайцев. Осоргин (1964) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, к нему часто обращаются приезжие** – ПЕРИФЕРИЙНЫЕ семы;

«Я жалею, что не застал в живых старейшего сахалинского офицера, штабс-капитана Шишмарева, который долгою дней своих и как *старожил* мог бы поспорить даже с палевским Микрюковым [А.П. Чехов. Остров Сахалин (1893-1895) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, живет в каком-л. одном месте, преклонного возраста, живет дольше, чем остальные обитатели** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы;

семема-2

«Широкое чувство: Михайлов и ведёт себя как *старожил* – просит кофе, прохаживается, привычно и со знанием роется на книжной полке» [Владимир Маканин. Отдушина (1977) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, хорошо ориентируется на месте, ведет себя непринужденно в привычной обстановке** – ПЕРИФЕРИЙНЫЕ семы;

«Засыпко призван, как и весь его расчет, в этом месяце, но

общественной заинтересованности и дружбы между ними больше, чем у *старожил*ов» [В.Н. Гельфанд. Дневники 1941-1943 гг. (1941-1943) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, связан с сослуживцами отношениями дружбы и заинтересованности** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы;

«Лагерь ли пророс сквозь березняк, или березняк пророс через пионерский лагерь, – знает это лишь один человек – Сидор Сидорович Иссидоров, ведь он *старожил*, помнит каждое лето в подробностях, будто вчера» [Митьки. Подросток (1988) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, помнит все предшествующие события** – ПЕРИФЕРИЙНАЯ сема;

«*Старожил* Людмила Белорусцева за 30 лет на почте уже ничему не удивляется» [Мария ДЖУС. Враги почтальона – собаки и хулиганы // Комсомольская правда, 2010.07.09 – НКРЯ] – **лицо, женский пол, много знает, многое видела, в течение длительного периода времени** – ПЕРИФЕРИЙНЫЕ семы;

«Главный *старожил* команды, Точилин, чего и кого только не повидал в «Динамо»: 13 тренеров и 14 сезонов, пять руководителей клуба...» [Локалов А.. «На «Динамо» привела мама...». После финального свистка участники матча делились воспоминаниями // Советский спорт, 2008.11.24 – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, знает многих людей, многое видел, в течение длительного периода времени** – ПЕРИФЕРИЙНЫЕ семы;

«Ему смело можно вручать „Кубок прогресса“: год не призывался в сборную, а сыграл так, будто её *старожил*» [Домрачев В. Дубль «Барсов». Лучшими в нашей сборной и на турнире стали игроки казанского «Ак Барса» // Советский спорт, 2008.04.22 – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, занимается спортом, обладает высоким профессиональным уровнем в игре в хоккей** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы;

«Половина людей от Медведева, половина – от Путина. Например, Громов – кремлевский *старожил*. Беглов скорее человек Путина, поставлен осуществлять контроль» [Крон Сергей. Знакомые все лица // Труд-7, 2008.05.14 – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, принадлежит к верхним эшелонам власти, придерживается определенных политических взглядов** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы;

«Сама-то она *старожил* сайта, нашла себе близких людей, купается в комплиментах» [Виктория Голубкова. Псковичка делится советами – как найти мужа на сайте знакомств // Комсомольская правда, 2011.04.16 – НКРЯ] – **лицо, женский пол, проводит в Интернете длительный период времени, состоит в дружеских отношениях с определенным кругом интернет-пользователей** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы;

«Среди погибших после Полухина и Фока наибольшую известность имел фельдфебель Николай Иванов, *старожил* Испанского легиона, прошедший африканскую кампанию и подавление восстания коммунистов в Астурии» [Русские в Бандерах // «Солдат удачи», 2003 – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, состоял на службе в армии, принимал участие во многих военных кампаниях** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы;

«Один я – бессменно занимаю свою кровать у окна. Хранитель и *старожил* 417-й палаты. Я уже часть мебели» [Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000-2003) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, занимает одно и то же место в медицинском учреждении, постоянно** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы;

«Оказался в артели и лагерный *старожил*, рабочий Путиловского завода Мордань – он был осуждён по 58-й статье в 1936 году и освобождён после окончания войны» [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, осужден на длительный срок** – КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ сема;

«К.Н., не удивляйтесь, *старожил* „Факела“ (и это в свои 25 лет!)» [Юрьев П.. «Факел» полыхнет по-новому? // Советский спорт, 2008.08.30 – НКРЯ] – **лицо, мужской пол, молодого возраста, находится в команде дольше, чем все её остальные игроки** – КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ семы и т.п.

Различаются актуальные смыслы, которые можно назвать *традиционными* (или системными) – актуализированы только основные ядерные семы – и *нетрадиционными*, когда в актуализации участвуют те или иные семантические процессы – происходит актуализация только части ядерных сем, актуализация последних с участием периферийных сем, наблюдаются семные процессы наведения, модификации сем и т.п.

Можно выявить некоторые общие формальные контекстуальные и ситуативные показатели, свидетельствующие о том, что значение слова в конкретном контексте актуализуется не в традиционном, чисто ядерном актуальном смысле, а в нетрадиционном актуальном смысле.

Так, в устной речи нетрадиционные употребления слова могут выделяться интонационно.

В письменной речи интонация может передаваться вербально: *...презрительно* сказал он, *...с восхищением* протянула она и др. (обычно такие случаи свидетельствуют о наведении сем) или графическими средствами, например, выделением курсивом или заглавными буквами:

«– Я пишу статью, и она идет к главному через сто инстанций, и каждая – заметьте, каждая инстанция что-то там меняет, правит, смягчает... – Это же пресса, Юл, *пресса*, твоя писанина идет на всю страну, понимаешь? Тебе же спокойнее, когда визирует пять человек, когда стоит пять

подписей» [Е. Касатонова. Кому нужна синяя птица – НКРЯ];

«– Елена Георгиевна, вас... Елена Георгиевна, слегка улыбаясь, прижала к уху трубку. Они все внимательно за ней следили – они были *коллектив* и считали, что глядеть так в их праве» [Н. Кожевникова. Елена прекрасная – НКРЯ];

«Дааа...никогда не думала, что **ТАКИЕ** бывают спецы Вашей профессии...» [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005) – НКРЯ].

Часто показателем нетрадиционной актуализации слова являются кавычки:

«Андрей видел, как она с этим своим крошечным мальчиком, ровесником Танюшки, с „*мужчиной*“ своим, пилила дрова» [Н. Короткая. Пропажа – НКРЯ];

«Не мне бы заниматься обучением, идейным воспитанием этих семнадцатилетних болванов! Честно говоря, устаю я сильно, плечи режет от такого „*рюкзака*“» [В. Чивилихин. Пестрый камень – НКРЯ].

И.А.Стернин указывает на некоторые синтаксические конструкции, в которых наблюдается корреляция синтаксических моделей и их лексического наполнения, и которые можно обычно рассматривать как формальные показатели нетрадиционного актуального смысла слова [Стернин 1985: 126]. В качестве примеров таких конструкций можно привести:

существительное + все-таки + существительное (*я все-таки охотник*);

существительное + ведь + существительное (*он ведь начальник*);

существительное + же + существительное (*это же сибиряки*);

существительное, местоимение + еще + существительное (*она еще школьница*);

даже + существительное + глагол (*даже лавочники поддержали*);

в крайнем случае + существительное (*он в крайнем случае менеджер в маленьком офисе*);

простой, обычный, рядовой, заурядный, всего лишь и т.д. + существительное (*простой шофер, всего лишь бетонщик, рядовой менеджер*);

какой-никакой, а + существительное (*какой-никакой, а ефрейтор*) и др.

Подчеркнем, однако, что во многих случаях нетрадиционные актуальные смыслы не имеют никаких формальных показателей, кроме общего развернутого контекста.

Например:

«Но вот настали иные времена́, и повалил в часть *мужик*, пусть и *неполноценный*, пусть *увечный*, а всё же *мужик*, и военные девки, всю войну́ ждавшие избавления от оков, пусть и не общевойсковых, хотя́ бы от гнева своего́ начальника, воспарили духом, сделались дерзкими, бойкими на язык, хохотали много и бесстрашно» [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996) – НКРЯ];

«Она завистливо поглядывала из коридора на бегающих, хохочущих и

поющих подружек-сортировщиц, особо в кладовку, где царствовала ее подруга по ремеслу Женяра Белоусова и помогал ей в делах Коляша Хахалин – парень *хотя и хромой и непутёвый, но всё же парень, кавалер*» [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996) – НКРЯ];

«Естественно, Квашнин дал понять Казанцеву, что тот *пока еще чужак* в этом воюющем округе» [Геннадий Трошев. Моя война (2000-2001) – НКРЯ];

«С ней Врубель нашел свое счастье – любящая жена, верный друг и *почти единомышленник* в искусстве» [Юрий Безелянский. В садах любви (1993) – НКРЯ];

«*Не ахти какой он был кавалер*, ростом только-только не ниже Клары (а когда отдельно стоял, то казался и ниже), прямоугольные у него были лоб и голова на прямоугольном туловище» [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) – НКРЯ];

«*Клерк – самый обычный клерк*, ничем не выделялся среди себе подобных» [Андрей Лазарчук. Тепло и свет (1990) – НКРЯ]

«*Средний клерк*, работает в средней компании, все довольны» [Илья Одесский. И я на это не мастак // «64 – Шахматное обозрение», 2004 – НКРЯ].

«Посмотрите – Соколов, парень с золотыми руками, Фёдорович, Николаев с Голубовичем, которых *даже прокурор* называет людьми культурными и образованными – ребята все сплошь с высшим образованием и все молодые» [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22 – НКРЯ].

Актуализация дискретного актуального смысла

Дискретный актуальный смысл – это конкретный набор актуализованных сем, выявляющийся в коммуникативном акте, поддающийся описанию через перечисление компонентов.

В приведенных ниже примерах выявлен и описан дискретный актуальный смысл денотативного компонента выделенных курсивом единиц лексики:

«Вполне логично, что, имея перед собой масштабные цели, премьер, как опытный *аппаратчик*, стремится к постепенному сосредоточению в своих руках всей полноты власти в правительстве» [Андрей Рябов. Конфликт будущего // «Время МН», 2003.11.24 – НКРЯ] – *лицо, обладает опытом управленческой деятельности*, КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СЕМЫ: *занимает высшую руководящую должность в правительстве, стремится сосредоточить в своих руках всю полноту власти*;

«*Аппаратчик* стерилизации консервов должен быть обеспечен спецодеждой, СИЗ согласно типовых норм бесплатной выдачи спецодежды и спецобуви» [Инструкция по охране труда для аппаратчика стерилизации консервов (1995-2003) – НКРЯ] – *лицо, управляет*

техническим устройством;

«Тут обнаружилась одна неожиданная странность: Пашка, умница, говорун, прирожденный *вожак*, оказался беспомощен в письменной речи» [Юрий Нагибин. Бунташный остров (1994) – НКРЯ] – *лицо, мужской пол, способен увлечь за собой других, побуждать их к какой-л. деятельности;*

«Живопись преподавал известный художник Петров-Водкин» [Владимир Плотников. Надо уметь держать удар // «Аграрный журнал», 2002.02.15] – *лицо, мужской пол, создает произведения изобразительного искусства красками, карандашом;*

«Альпинист, который идёт на покорение Эвереста, понимает, что может не вернуться» [Н. Дубровина. Проклятое место (2002) // «Сочи», 2002.08.22 – НКРЯ] – *лицо, занимается восхождением на труднодоступные горные вершины, рискует при этом жизнью, КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СЕМА: может погибнуть при подъеме на Эверест;*

Актуализация недискретного актуального смысла

Недискретный актуальный смысл – актуализация значения, при которой актуализованные семы представлены нерасчлененно, недискретно; в этом случае нельзя сказать, ядро или периферия актуализованы, нельзя выделить более и менее яркие семы (яркость всех актуализованных сем приблизительно одинакова), нельзя достаточно определенно перечислить актуализованные семы – понятен лишь общий смысл словоупотребления.

Например: «Перед ним сидело невыразимое никакими словами существо – *девушка*» [В. Чивилихин].

Слово *девушка* актуализовано в данном случае во всем объеме своих сем, без актуализации некоторой конкретной совокупности сем.

Недискретный актуальный смысл часто характерен для семантики существительного, стоящего в позиции А в конструкции «не А, а В», когда элемент В – существительное оценочного характера [Харченко 1973: 142]: *не ребенок, а горе; не женщина, а восторг; не человек, а зверь* и т.д. Существительные, стоящие в позиции А (при отрицании) актуализованы в недискретном актуальном смысле, семы, релевантные для коммуникативного акта, четко не могут быть выделены. Сравнение в этом случае не осуществлено по какому-либо конкретному признаку и носит чисто формальный характер (Ср.: *не человек, а мученица; не дочь, а кремень; не девка, а дрожжи; не девица, а просто ковбой; не человек, а тормозная колодка; не человек, а вулкан* и др.), например:

«Знаю, что это *не секретарша, а горе моё, обуза*, и всё-таки держу» [И. Грекова. Дамский мастер (1963) – НКРЯ];

«– И это – мать! Это *не мать, а зверь*. Настоящая мать должна слепо –

понимаешь? – слепо обожать своё дитя» [И. Грекова. Летом в городе (1962) – НКРЯ];

«Трофим выпил, почувствовал теплоту, с теплотой радость и довольствие собой: он *не человек, а кремень*, должны бы понимать – не ради корысти прижимает, жди – поймут» [Владимир Тендряков. Находка (1965) – НКРЯ];

«Ну где же ты нашел такое чудо? Это *не женщина, а вулкан!* Тебе просто повезло» [Лидия Иванова. Искренне ваша грешница (2000) – НКРЯ].

Подобные конструкции необходимо отличать от реального противопоставления: *не девочка, а мальчик; не профессионал, а любитель; не схема, а реальный человек; не завхоз, а сторож; мы геологи, а не интуисты* и т.д. Во всех этих случаях слово, стоящее с отрицательной частицей, актуализируется в дискретном актуальном смысле, так как осуществляется противопоставление по конкретным признакам, хотя во многих случаях актуализируемые признаки являются периферийными, слабыми.

В тавтологических конструкциях с удвоением имени (*мужик есть мужик, женщина есть женщина, ребенок есть ребенок*) первое употребление слова также представляет собой недискретный актуальный смысл, а второе – дискретный (правда, в большинстве случаев этот смысл требует вербальной экспликации, т.е. поддержки контекста, так как актуализируются в основном слабые периферийные семы). Например: *пацан есть пацан, офицер есть офицер*. Ср.:

«– Козлята... – со всхлипом напомнила она с крыльца... Тоже надо покормить. – Баба... – оправдался за жену Тарасов. – *Баба есть баба...* Тонкослезная» [Б. Екимов. Сено-солома – НКРЯ];

«– *Мужик он и есть мужик*, к этому больше ничего не добавишь» [Домашние разговоры // М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: ИРЯ РАН, 1999 – НКРЯ].

Асемантическая актуализация

В определенных контекстах возможно асемантическое употребление слова – употребление слова без актуализации его значения (нулевой актуальный смысл).

Употребление слова без актуализации его содержания называют автономным употреблением (термин Р. Карнапа), т.е. употреблением имени для собственного наименования [Тондл 1975: 158]. Так, автономным будет употребление слова *баба* в следующих контекстах: **баба** – слово из четырех букв, **баба** – русское слово, **баба** – грубо звучит. Здесь никакие компоненты системного значения слова *баба* в речи не актуализируются, слово выступает без своего плана содержания, только в виде материальной оболочки, т.е. реализуется асемантически:

«У большинства народа слово „правозащитник“ вызывает неприятные ассоциации» [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22 – НКРЯ];

«Талантливый дрессировщик и артист В.Л. Дуров описал в своей книге „Дрессировка животных“ собак Марса и Пика, которые произносили слово „мама“» [А. П. Дубров, О. Л. Силаева, В. Д. Ильичев. Кот, говорящий по-азербайджански // «Первое сентября», 2003 – НКРЯ];

«А вы вслушайтесь в само слово „олигарх“» [Елена Костюк. Сверхбедные против сверхбогатых (2003) // «Время МН», 2003.07.30 – НКРЯ];

«В нашей стране слово „полицейский“ вошло в обиход летом 1993 года после принятия закона „О федеральных органах налоговой полиции“» [Игорь Пылаев. Полицейское прикрытие (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.17 – НКРЯ].

Модификация сем в контексте

Модификация семы представляет собой разовую контекстуальную трансформацию содержания семы. Обычно сема генерализируется, то есть актуализируется более общая часть той семы, которая модифицирована – ее семантический признак.

Например, рассмотрим некоторые актуальные смыслы фразеологического сочетания *ДОБРАЯ ДУША – лицо, мужской // женский пол, отличается добротой, всегда помогает людям, жалеет их*:

«Наконец какая-то *добрая душа* пристроила его работать на „Текстилькомбинат“» [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006) – НКРЯ] – сема *помогает людям* модифицирована в сему *помогает найти работу*;

«Я сейчас вспоминаю, как ты всю жизнь тут бедовала...как мой отец, *добрая душа*, тебя подкармливал...» [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006) – НКРЯ] – сема *помогает людям* модифицирована в сему *помогает продуктами питания*;

«И Гаврилов – *добрая душа* – дал эти деньги» [Плата за собственную казнь (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.10 – НКРЯ] – сема *помогает людям* модифицирована в сему *помогает материально*;

«Никаких прочных эмоций, он бы и кровному врагу через месяц простил. *Добрая душа*. – Так сходите к нему, – предложил Стрелкин» [Дмитрий Быков. Орфография (2002) – НКРЯ] – сема *отличается добротой* модифицирована в сему *прощает людям обиды*;

«*Добрая душа*, Алена искала причины по большей части в себе самой»

[Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри (2002) – НКРЯ] – сема *жалеет людей* модифицирована в сему *не жселает обидеть людей*;

«Государство разрешает его производить, им торговать и его покупать. Гражданин, *добрая душа*, покупает. А потом государство в лице городского чиновника вдруг заявляет: а вот пользоваться товаром не надо» [Иван Пузырев. Враги сожгли родную хату (1997) // «Столица», 1997.05.13 – НКРЯ] – сема *отличается добротой* модифицирована в сему *никому не причиняет зла*;

«Дядя Миша, *добрая душа*, взял топор и только успел сказать: „Смотри“, как из-под его руки свалились, словно скошенные соломинки, с десятков отборных жердей» [Я.Е. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре (1965) // Я. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре. Прозаический комментарий к поэтической биографии, 1989 – НКРЯ] – сема *помогает людям* модифицирована в сему *помогает выполнить работу*.

Контекстуальное усиление отдельных сем

Некоторые периферийные семы не могут быть актуализованы в составе значения без эксплицитной лексической поддержки. Это бывает со слабыми, неяркими семами, актуализацию которых, однако, говорящий включает в свое коммуникативное намерение. В таком случае периферийные семы нуждаются в обязательном эксплицитном вербальном дублировании (экспликации, редупликации).

Приведем примеры с актуализацией слова *УМНИЦА – лицо, мужской // женский пол, отличается умом и рассудительностью, обладает способностями, хорошо усваивает что-л.* (вербальная редупликация, осуществляющая усиление периферийных сем, выделена **жирным шрифтом**):

«Никакой измены нет, с необычной для неё весёлой небрежностью отвечала мать, просто ухожу, вот и всё, дочка, слава Богу, выросла, семнадцать лет ей уже, *умница, отличница*, никаких хлопот» [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995) – НКРЯ] – сема *хорошо усваивает что-л.* модифицирована в сему *хорошо учится* и усилена;

«Ах, он, оказывается, уехал в Екатеринбург! *Умница, постоянно расширяет бизнес*. А сама она как, Тамара?» [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008) – НКРЯ] – сема *обладает способностями* модифицирована в сему *успешно занимается коммерческой деятельностью* и усилена;

«– Зовут Эдуард! Атлет, *умница, интеллектуал! Пивные пробки собирает, кроссворды разгадывает!*» [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и

колодец Посейдона (2004) – НКРЯ] – усилена сема *отличается умом*, наводится контекстуальная сема *ироничное*;

«Мы с братом стали ругаться, и Алеша – мой *умница* – **так тактично снова нас помирил!**» [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005 – НКРЯ] – сема *отличается умом* модифицирована в сему *отличается тактичностью, умеет регулировать взаимные отношения* и усилена;

«Вы *умница*, что **не согласились на „добрые“ схемы свекрови**» [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004) – НКРЯ] – усилена сема *отличается умом*;

«Как это ты, болван, так легкомысленно отрешился, подумал он, или позабыл, какая *умница* Аркадий Викторович Босота – как он **предусмотрителен, осторожен**, зловещ в достижении своей цели?» [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009) – НКРЯ] – усилены семы *отличается умом, обладает способностями*;

«И внешне в отличной форме, и вообще *умница* – **шутит с серьезным лицом, но всегда метко** (и в который раз поражаюсь, насколько безлико звучат отличные фразы в нашем дубляже)» [Григорий Горин. Измена (1960-1985) – НКРЯ] – усилены семы *отличается умом, обладает способностями*;

«Ах, какая *умница*, **умеет нравиться „нужным людям“**» [Владимир Маканин. Голоса (1977) – НКРЯ] – сема *обладает способностями* модифицирована в семы *производит благоприятное впечатление на кого-л. и умеет извлекать из этого пользу* и усилена;

«Ну, молодец начальник! Просто *умница*! Так **профессионально все организовал!**» [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005) – НКРЯ] – усилены семы *отличается умом, обладает способностями*;

«Игорь в этом плане просто *умница* – он всегда **спокойно и правильно относился к нему, никогда не ревновал**, если по делу к Лехе ехала, я просто не нарадуюсь» [М. Письма из Санкт-Петербурга подруге в Саратов (2010) – НКРЯ] – усилена сема *отличается умом*, наводится контекстуальная сема *умеет поддерживать спокойные отношения с людьми*.

Необходимо различать *актуализацию системных сем* слова в конкретном контексте (включая контекстуальную поддержку слабых сем), наведение семы в актуальном смысле слова и *предикацию признаков* в

конкретном высказывании, с другой стороны.

Некоторый признак может не актуализироваться в значении и не наводиться контекстом, а предикцироваться высказыванием в контексте предмету речи (но не слову) и являться компонентом не семантики слова, а смысловой структуры соответствующего высказывания.

Например:

«Познавший татарскую плетть, **смелый до безрассудства красавец** станет одним из главных предводителей в лагере Лжедмитрия Второго» [Эдвард Радзинский. Лжедмитрий (1999) – НКРЯ]

Выражение *смелый до безрассудства* предикцирует соответствующий признак *безрассудная смелость* конкретному человеку – *красавцу*, о котором идет речь в данном высказывании, но не актуализирует сему *смелый до безрассудства* в значении слова *красавец*, так как когнитивная верификация не подтверждает наличия семы *безрассудная смелость* в значении изолированно осмысляемого слова *красавец* – он в жизни может быть и несмелым.

Компонент *безрассудная смелость* – это компонент смысловой структуры конкретного высказывания, описывающего конкретную референтную ситуацию, этот смысл относится к конкретному референту слова *красавец* – описываемому в тексте лицу. Соответственно, выражение *смелый до безрассудства* – не диагностический показатель наличия семы *безрассудная смелость* в семеме *красавец*, данный микрокомпонент не является компонентом актуального смысла слова *красавец* в данном контексте.

Аналогично, например, в следующих ниже примерах признаки *мудрый, интеллигентный, верный, тихий и лирический, скромный, воспитанный, хитрый, молчаливый, ленивый и странно безразличный, говорит на безукоризненном русском, с ноутбуком, разместивший свои денежные активы за границей, с пятикартным обручальным кольцом в длинных пальцах* и пр. не могут рассматриваться как актуализируемые в контекстах семы слова *красавец* – когнитивная верификация их не подтверждает, они являются ситуативными характеристиками референта высказывания – лица, о котором идет речь в конкретном контексте:

«Да здравствует наш **мудрый красавец** король! – кричал народ» [Л.А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912) – НКРЯ];

«Другой секретарь ЦК ВЛКСМ – **интеллигентный красавец** Лен Карпинский – будущий номенклатурный диссидент, – признаваясь, что он сам любит послушать песни Окуджавы, тем не менее считал, они опасны для „неподготовленной“ молодежи» [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999) – НКРЯ];

«Тем более что **верный красавец** целыми днями маячил под окнами палаты, изнывая от желанья приголубить наконец свою ненаглядную»

[Влада Валеева. Скорая помощь (2002) – НКРЯ];

«А Степан Щипачев был **тихий** и **лирический** седой *красавец*» [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004) – НКРЯ];

«Старший мой брат Рудольф, Рудик, очень, очень красивый мальчик, ай какой был *красавец*, **скромный**, **воспитанный**, он служил в Иране с Хлебниковым, был такой поэт-авангардист, говорят сумасшедший, но очень знаменитый, да» [Александр Иличевский. Перс (2009) – НКРЯ];

«Арамис внешне – это Старыгин, **хитрый** *красавец*, священник-ловелас, 100% попадание, bravo!» [коллективный. Обсуждение фильма «Три мушкетера» (2008-2010) – НКРЯ];

«Молодой *красавец* боярин, который был послан за Свенди, Берсенем и Ярышем в Псков, был **молчалив**, **ленив** и **странно безразличен**» [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002) – НКРЯ];

«– Другие командиры вам знакомы, – продолжал *красавец* **на безукоризненном русском**, – еще должен подъехать председатель местного колхоза» [Виталий Кржишталович. Осада // «Звезда», 2002 – НКРЯ];

«В финале героиня книжки – надо полагать, альтер эго автора, находит свое счастье в лице богатеюшки беспредельной прелести: это атлетический *красавец* в очках и с **ноутбуком**, **разместивший свои денежные активы за границей**, с **пятикартным обручальным кольцом в длинных пальцах**» [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008 – НКРЯ];

«Вот всё это – жаркий полдень, зеленоватые потемки, тени и свет на песке, груда виноградных кистей, рослый **улыбающийся** *красавец* – и есть мир Хлудова» [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964) – НКРЯ].

Важную роль играет контекст в актуализации альтернативных и дизъюнктивных денотативных сем. В актуальный смысл слова в конкретном контексте обычно входит только одна из альтернативных сем, дизъюнктивные денотативные семы могут актуализироваться в определенной комбинации, определяемой коммуникативной ситуацией.

Например, значение слова *АДВОКАТ* представлено следующими семами, в числе которых присутствуют дифференциальные дизъюнктивные (I) и альтернативные (II) – *лицо, мужской // женский пол, ведет дело обвиняемого / защищает его интересы в суде / дает советы по правовым вопросам; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое,*

юридическое, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

В контексте могут актуализироваться как одна из альтернативных сем – *женский пол, мужской пол*, – так и дифференциальные дизъюнктивные семы в полном составе или в разных сочетаниях:

«Дмитрий, вы как *адвокат*, кроме обычных уголовных дел, ведёте и политические процессы, которых в последнее время, увы, становится всё больше» [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22 – НКРЯ] – описание денотативного макрокомпонента семемы при актуализации в контекстном употреблении семы *мужской пол* и всех дизъюнктивных сем выглядит следующим образом: *лицо, мужской пол, ведет дело обвиняемого / защищает его интересы в суде / дает советы по правовым вопросам.*

Однако в контексте не всегда актуализируются все дизъюнктивные семы, например: «На суде моего брата защищал лучший *адвокат* города – Киселев» [Сергей Довлатов. Наши (1983) – НКРЯ] – *лицо, мужской пол, ведет дело обвиняемого / защищает его интересы в суде;*

или «Но здесь, конечно, этот *адвокат* должен был посоветовать» [Освобождение от условностей (блог) (2008) – НКРЯ] – *лицо, мужской пол, дает советы по правовым вопросам.*

Также возможны различные наборы актуализированных в речи дизъюнктивных сем и альтернативной семы *женский пол*: «*Адвокат* пострадавшей подала в суд, требуя компенсации своей клиентке» [Пестрый мир (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.18 – НКРЯ] – *лицо, женский пол, защищает интересы обвиняемого в суде;* и т.п.

В другом примере, денотативные альтернативные и дифференциальные дизъюнктивные семы, выявленные при семном описании слова *ШАНТРАПА* – *лицо // совокупность лиц, мужской // женский пол, не внушает(ют) уважения / не приносит(ят) пользы*, – свидетельствуют о возможной актуализации в речи таких вариантов семем, как *лицо, мужской пол, не внушает уважения / не приносит пользы;* *лицо, женский пол, не внушает уважения / не приносит пользы;* *совокупность лиц, мужской и женский пол, не внушают уважения / не приносят пользы*, и т.п.

– каждый из которых может быть представлен как совокупность актуализированных сем следующим образом:

«Мелкие рэкетеры – да, не суются, а для крупных Бирюк и сам *шантрапа*: снимут жирок и отпускают его с крючка нагуливать новый» [Ольга Некрасова. Платит последний (2000) – НКРЯ] – *лицо, мужской пол,*

не внушает уважения;

«Что ж, – говорю, – революционер я или *шантрапа* какая-нибудь?» [Л.Овалов (Л.С. Шаповалов). Рассказы майора Пронина (1939) – НКРЯ] – *лицо, мужской пол, не приносит пользы;*

«Был бы у тебя в доме папаша, не вышла бы из тебя *шантрапа*» [К. И. Чуковский. Серебряный герб (1936) – НКРЯ] – *лицо, женский пол, не приносит пользы;*

«– А, ну, значить, она тоже из господ – оно и видно, по поведению видно, не то, что вся эта *шантрапа* „товарищи“, – с каким то омерзением махнул рукой старик» [Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей (1930) – НКРЯ] – *лицо, женский пол, не внушает уважения;*

«Всюду забирает и власть, и силу голь, *шантрапа*» [В.П. Ставский (Кирпичников В.П.). Волк (1929-1930) – НКРЯ] – *совокупность лиц, мужской и женский пол, не внушают уважения / не приносят пользы;*

«Мы идем ведь с тобой на Москву, не *шантрапа* мы какая-нибудь, а сановные, знатные люди» [М.С. Шагинян. Перемена (1923) – НКРЯ] – *совокупность лиц, мужской и женский пол, не внушают уважения;* и т.п.

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ В РЕЧИ

Коннотация (оценка и эмоция) может выступать в речи как актуализованная системная или контекстуально наведенная.

Актуализация системных коннотативных сем

Например:

РОМАНТИК

семема-1 – *лицо, мужской // женский пол, придерживается взглядов романтизма; неоценочное, неэмоциональное.*

«*Романтик* Стивенсон считал Йер лучшим городом Ривьеры» [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», № 6, 2003 – НКРЯ] – *неоценочное, неэмоциональное.* В данном контексте системное значение слова актуализируется в виде системной коннотации с *неоценочностью* и *неэмоциональностью*.

Анализ так называемой оценочной лексики – слов или словосочетаний, употребляемых в случаях эмоционального возбуждения человека (когда он либо сердится, злится, радуется, удивляется чему-то, либо его охватывает какое-либо иное чувство) – показывает, что для неё возможно

энантиосемическое разветвление значения, т.е. наличие противоположных по денотативным, коннотативным и ряду функциональных признаков семем в одной семантеме.

В этом случае выявление коннотативных сем в семной структуре того или иного слова целесообразно сверять с его контекстным употреблением. Поясним это на следующих примерах.

Например:

ПОДЛЕЦ

семема-1 – лицо, мужской пол, низкий и бесчестный; *неодобрительное, отрицательно-эмоциональное*; бранное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, бранное;

«Ведь он, *подлец*, тётку благодарил, даже чмокнул в щёку, улыбался приветливо и задавал, как нежный племянник, вопросы: „А что у тебя на работе?“» [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970) – НКРЯ] – контекстуальное значение слова соответствует его системному описанию, приведенному выше;

семема-2 – лицо, мужской пол, заслуживает похвалу, несмотря на то, что обладает крайне отрицательными личными качествами; *неоценочное // неодобрительное, положительно-эмоциональное*; сниженное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, восхищенное;

«Гартвиг в шортах – даже в октябре, *подлец*, щеголял чёрными волосатыми ногами! – скакал по кочкам, как лось» [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970) – НКРЯ] – контекстно-уточненные коннотативные семы: *неоценочное, положительно-эмоциональное*; функциональная сема *восхищенное*;

«– Секунду Михаил Степанович молчал, а потом воскликнул: – Ловко! Вот *подлец*! Прёт напролом!» [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964) – НКРЯ] – контекстно-уточненные коннотативные семы: *неодобрительное, положительно-эмоциональное*; функциональная сема *восхищенное*.

Амбивалентный характер коннотативной оценки и эмоции маркируется, таким образом, контекстом или коммуникативной ситуацией и может фиксироваться при унификации семного описания слов *альтернативными* семами: *неоценочное // одобрительное // неодобрительное* и *неэмоциональное // положительно-эмоциональное // отрицательно-эмоциональное*.

Контекстуальное наведение коннотативных сем

Если коннотация значения контекстуально наполняема, в акте речи соответствующие коннотативные семные конкретизаторы в обязательном порядке заполняются – наводятся контекстом.

Например:

РОМАНТИК

семема-2 – лицо, мужской // женский пол, имеет склонность к романтизму, мечтательному созерцанию действительности; *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность.*

«Если вы *романтик*-энтузиаст, ничего не понимающий, то едва ли что-нибудь заработаете» [Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001 – НКРЯ] – *неодобрительное, неэмоциональное;*

«Настоящий русак у нас – беспочвенный *романтик*, и режим был беспочвенно романтическим, полагавшимся на мировую революцию, инициативу снизу, соцсоревнование и победу коммунистического труда» [Вячеслав Пьецух. Письма из деревни // «Октябрь», 2001 – НКРЯ] – *неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;*

«Гоголевский *романтик* может грезить о новой шинели, о том, чтобы сорвать карточный куш, жениться на красавице, наконец, об испанском престоле» [Игорь Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», № 3, 2002 – НКРЯ] – *неоценочное, неэмоциональное;*

«Ведь ее Якоб совсем не́ был похож на старших братьев: те деловые люди, практики, реалисты, а этот – мечтатель, *романтик*» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977) – НКРЯ] – *неоценочное, неэмоциональное;*

«Одинокий мечтатель, *романтик*, видящий и чувствующий внутренний мир лучше живой жизни, – характер распространенный» [Игорь Сухих. Клэр, Машенька, ностальгия // «Звезда», 2003 – НКРЯ] – *одобрительное, положительно-эмоциональное;*

«В общем-то, он просто смешной *романтик*» [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», № 6,7, 1961 – НКРЯ] – *неоценочное, отрицательно-эмоциональное;*

РОМАНТИК

семема-3 – лицо, мужской // женский пол, эмоционально, возвышенно относится к чему-л.; *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность.*

«Он – *романтик* по натуре, честный и порядочный человек, уверяю вас» [Белла Езерская. Музыкальная история (2003) // «Вестник США», 2003.12.24 – НКРЯ] – *одобрительное, положительно-эмоциональное*;

«28 апреля 1918 года из революционной России в США вернулся Джон Рид – смелый репортер и вдохновенный *романтик* нового мира, тот самый, «Десять дней, которые потрясли...» [Сергей Мехов. Переметчик (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.03 – НКРЯ] – *одобрительное, положительно-эмоциональное*;

«Хотя все же предпочитаю романтическое направление в музыке, потому что сам по натуре *романтик* и не стесняюсь говорить об этом» [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... (1999-2003) – НКРЯ] – *неоценочное, неэмоциональное*;

«Лейтенант, которого он посылает на верную смерть, – ленинградец, студент филфака, любитель стихов Симонова, честняга и *романтик*, 19-летний мужчина, вытягивающий войну» [Игорь Сухих. Баллада о добром генерале // «Звезда», 2003 – НКРЯ] – *одобрительное, неэмоциональное*;

«Маменькин сынок, идеалист и *романтик*, явившись в Петербург к прозаическому и положительному дяде, горячо – более на словах, чем на деле – воюет за жизнь, какую он её себе представлял, против жизни, какая ему является в действительности, и под конец не только признаёт себя побеждённым, но и смеётся вместе с дядей над своими заблуждениями» [А.Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров (1911) – НКРЯ] – *неодобрительное, отрицательно-эмоциональное*.

Анализ показывает, что четкой границы между системной и контекстуальной коннотацией нет – контекстуальная может быть достаточно частотно наводимой, например, в 30% употреблений (что отражается в результатах психолингвистических экспериментов). Возможно, целесообразно считать в таком случае системной коннотацией (как и системными семами) те семантические компоненты, которые имеют индекс яркости более 65%. Если меньше – это периферийные денотативные семы и контекстуальная коннотация.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ В РЕЧИ

В актах актуализации в контексте в основном варьируют функциональные коммуникативно-тональные семы, поскольку они служат для описания семантического признака, отражающего индивидуальное отношение говорящего к конкретному лицу.

В унифицированном семном описании слова такая вариативность может быть зафиксирована при помощи альтернативных сем. Все остальные

функциональные микрокомпоненты значения, отражая особенности слова как единицы определенной системы языка, демонстрируют нулевую вариативность и актуализируются в контексте в виде системных сем.

Например:

ЗАРАЗА

семема-2 – лицо, мужской // женский пол, удивляет своим поведением, заслуживает похвалу; одобрительное, положительно-эмоциональное; *сниженное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, восхищенное // ласковое // шутливое*;

– варьирование функциональных коммуникативно-тональных микрокомпонентов значения представлено альтернативными семами *восхищенное // ласковое // шутливое*, которые могут актуализироваться в контекстах следующим образом:

«И тут же оценивает ещё: – Но красив, *зараза!*» [Владимир Маканин. Отдушина (1977) – НКРЯ] – *восхищенное*;

«*Зараза* ты, Танька – ласково сказал он и стал есть» [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961 – НКРЯ] – *ласковое*;

«Это обстоятельство добило Половецкую, она зашла полусмехом-полустоном, миролюбиво восклицая: «Вот *зараза*, вот шантрапа!» [Дарья Симонова. Половецкие пляски (2002) – НКРЯ] – *шутливое*.

Таким образом, в структуре одной и той же семемы могут выявляться несколько функциональных коммуникативно-тональных сем в статусе альтернативных сем, а в контексте может актуализироваться только одна из альтернатив.

Информацию о тональности значения, почти не представленную в словарных изданиях, можно получить, анализируя контекстуальные маркеры употребления тех или иных слов и словосочетаний (выделены в примерах **жирным шрифтом**).

Например:

«Если при нём заходила речь о литературе или вообще о том, чего он не знал, лицо его делалось обиженным, и он **презрительно** говорил: „Брось губами шлёпать!“ – и обзывал нас „гнилыми интеллигентами“» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977) – НКРЯ] – *презрительное*;

«Командир посмотрел на них внимательно и сказал **сочувственно**: – *Сопляки...*» [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)] – *сочувственное*;

«Ну, ты и *хитрован!* – **восторженно** и угрожающе пропел он, не отпуская меня» [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963) – НКРЯ] –

восторженное; (слово *угрожающе* усиливает коннотативную сему *неодобрительное*);

«Меня **фамильярно** называл не иначе как „детка“ или „киска“, а какая я ему киска?» [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001 – НКРЯ] – *фамильярное*;

«Скрипит дверь, камердинер **почтительно**: „Ваше величество, она здесь“» [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989) – НКРЯ] – *почтительное*;

«Затем старица оглядела Иевлева. **Уважительно** сказала: – *Кавалер...*» [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007) – НКРЯ] – *уважительное*;

«И хотя мысленно майор **уничижительно** назвал её „актеркой“, однако выпроводил вежливо, как принято у синих тюльпанов» [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989) – НКРЯ] – *уничижительное*

«Я тут же снова подозвал её и заставил прыгнуть через палку. Афанасьев **восторженно** произнес: – *Молодец!*» [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004) – НКРЯ] – *восторженное*;

«Каретник, подсакивая и шлепаясь, говорил **фамильярно**: – Брось скулить, *дурья голова*, – батяка прикажет – под землей найдем твою жинку» [А.Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга третья. Хмурое утро (1941) – НКРЯ] – *фамильярное*;

«*Светило*. С ним говоришь **предельно уважительно**. Короткие, только посвященным понятные латинские термины» [И. Грекова. Перелом (1987) – НКРЯ] – *почтительное*.

Исследование показало, что наиболее часто в контекстах актуализируются системные значения слов и словосочетаний, которые могут быть описаны при помощи специально разработанного метаязыка аспектного семного описания. Однако следует отметить, что анализ контекстного употребления лексики позволяет верифицировать те семантические признаки, которые можно отнести к категории контекстуально-наводимых (в основном описываемые коннотативными и коммуникативно-тональными, а также периферийными денотативными семами).

Контекстуальную вариативность таких семантических признаков в системных значениях слов возможно описать посредством альтернативных (//) и дизъюнктивных сем (/), что и было показано выше на примерах семного описания лексических и фразеологических единиц при анализе их употреблений в различных контекстах.

Семная семасиология, таким образом, дает возможность:

- адекватно описать при помощи унифицированного семного метаязыка смысловую вариативность слова в контексте;
- описать механизмы актуализации значения (образования актуального смысла);
- описать механизмы актуализации альтернативных и дизъюнктивных сем;
- описать механизмы контекстуального наведения сем в контексте.

Результаты исследования функционирования семной структуры значений наименований лиц в речи имеют как теоретический, так и важный прикладной характер, и способствуют преодолению ряда трудностей, с которыми, как правило, сталкиваются составители словарей или исследователи текстов при семантическом описании слов.

6. Методы описания семантики слова в семной семасиологии

Согласно концепции Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, которая получила широкое распространение в лингвистическом сообществе, значение как компонент языкового сознания носителя языка «должно изучаться именно как обобщение», при этом «адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения» [Красных 2003: 36].

Таким образом, описание значения предполагает его обобщенную формулировку с вычленением составляющих его компонентов в их взаимосвязи.

Как справедливо подчеркивает М.В. Никитин, «при уяснении общей природы значения необходимо синтезировать и согласовывать разные подходы, взаимно подкрепляя и уточняя их друг через друга» [Никитин 1988: 12].

Для семной семасиологии, опирающейся на интегральную концепцию значения, применение комплексной методики описания значения особенно необходимо, поскольку сочетание различных методов и процедур для выявления семантических компонентов разных типов в содержании языковой единицы дает возможность наиболее адекватно и полно представить содержание и структуру значения в единстве ядерных и периферийных компонентов и сформулировать обобщенную дефиницию значения, максимально приближенную к реальному языковому сознанию.

Методологической основой исследований, проводимых в ракурсе семной семасиологии, могут служить научные труды лингвистов, в которых рассматриваются проблемы описания значения слова и его

компонентов (Д.Н. Шмелев, 1973; И.С. Торопцев, 1974; Ю.С. Степанов, 1975; А.И. Смирницкий, 1977; В.И. Шаховский, 1983; И.А. Стернин, 1979; 1985; 1990; 2007; Р.И. Павилёнис, 1982; З.Д. Попова, И.А. Стернин, 1984; 2007; 2009; А.А.Уфимцева, 1986; В.В. Левицкий, И.А. Стернин, 1990; А.Сеше, 2003; Контрастивная лексикология и лексикография, 2006; А.А.Залевская, 2011; Е.А. Маклакова, 2011; И.А. Стернин, М.С.Саломатина, 2011; Е.А. Маклакова, И.А. Стернин, 2013 и мн.др.).

Рассматривая методы семной семасиологии, следует различать те, которые наиболее часто применяются исследователями:

- 1) рефлексивный анализ семного состава слова;
- 2) метод прямого оппозитивного компонентного анализа;
- 3) когнитивно-семантический метод выявления сем;
- 4) методы получения языкового материала для семного описания;
- 5) методы семной интерпретации языкового материала и формулирования сем.

Суть **рефлексивного анализа семного состава слова** состоит в последовательном размышлении исследователя над содержанием слова, всестороннем аналитическом рассмотрении структуры языковой единицы на семном уровне в опоре на собственный языковой и когнитивный опыт. В значительной степени он, как наиболее традиционный метод, используется составителями толковых словарей.

Посредством данного аналитического метода исследователи могут вычленять определенные признаки денотата слова, как ядерные, так и периферийные, и интерпретировать их как семы. Например:

девушка – особа женского пола, молодая, красивая, стройная, модно одевается, милая в общении, привлекает внимание молодых людей, ею восхищаются; с ней дружат и проводят время; её любят, ей предлагают вступить в брак; обращение к женщине, обычно с просьбой и под.

друг – тот, кого давно знают, с кем легко общаться, кто все понимает, всегда помогает, кому многое доверяют, бывает единственный и на всю жизнь; защищает интересы кого-л. или чего-л.; наименование любимого домашнего животного, чаще собаки или кошки; обращение к незнакомому человеку, обычно ровеснику, с просьбой и т.п.

К недостаткам данного метода следует отнести высокий уровень субъективизма в процессе его применения, что может сказаться на уровне абстракции или обобщения в описании семантических признаков, а соответственно и на том количестве сем, которое при этом может быть сформулировано.

При этом, несомненно, предусматривается наличие у исследователя определенного профессионализма и опыта, которые могут гарантировать достаточно высокую адекватность выявления и описания отдельных значений и входящих в их семную структуру макро- и микрокомпонентов.

Не вызывает сомнения и тот факт, что полученные рефлексивным методом результаты по выявлению семного состава слова, хотя и не нуждаются в интерпретации, все же требуют дополнения и верификации

другими методами.

Прямой оппозитивный компонентный анализ. Классический метод оппозитивного компонентного анализа относят к исследовательским методам, широко применяемым в семной семасиологии. В самом широком смысле – это ряд процедур, в результате выполнения которых два или несколько семантически близких значений, представленных в виде определенного набора семантических компонентов, сопоставляются на предмет выявления их неполной тождественности по частичному совпадению / несовпадению компонентов их значения.

Специалисты по компонентному анализу, основываясь на системном представлении о языке, видят цель подобного исследования, прежде всего, в дифференциации близких по значению семем по отдельным семам.

В этом случае, помимо категориальных, ядерных признаков, при описании семем учитываются и фиксируются и те признаки, которые обладают необходимой *различительной* силой, или имеют *градуальные различия по степени* одного и того же признака, что наглядно демонстрируют примеры сопоставления в денотативном аспекте следующих семем, входящих в состав одной и той же тематической группы «наименования лиц по уровню профессионального мастерства».

Например,

специалист: владеет какой-либо специальностью профессионально;

ср. *профессионал*: владеет какой-либо специальностью профессионально, на высоком уровне;

ср. *универсал*: владеет всеми специальностями в своей сфере деятельности профессионально, обычно на высоком уровне;

ср. *спец*: владеет какой-либо специальностью профессионально, на высоком уровне, тем самым заслуживает поощрение окружающих;

ср. *умелец*: владеет какой-либо специальностью профессионально, на высоком уровне, обычно занимается ручным трудом;

ср. *искусник*: владеет какой-либо специальностью профессионально, на высоком уровне, образцово, обычно занимается ручным трудом;

знаток: обладает большими специальными познаниями в какой-либо области – ср. *практик*: обладает специальными познаниями в какой-либо области, обычно имеет большой опыт работы по специальности;

дилетант: занимается каким-либо делом непрофессионально, не имеет специальной подготовки – ср. *любитель*: занимается каким-либо делом непрофессионально, не имеет специальной подготовки, проявляет интерес к занятию, обычно сочетает его со своей основной деятельностью; и т.п.

Наиболее часто данный метод используется для исследования рядов парадигматически связанных слов – синонимов, аналогов, конверсивов, единиц лексико-семантической группы, имеющих интегральные семы, но различающихся набором дифференциальных признаков. История и методика компонентного анализа в разных формах подробно описана в научных трудах [см. Стернин 2008; Стернин, Саломатина 2011: 14-18].

Как показывает практика исследования, результаты применения метода прямого оппозитивного компонентного анализа в значительной степени зависят от количества слов, которые рассматриваются в рамках противопоставления друг другу: чем солиднее группа – тем существует больше возможностей для объективной дифференциации семем. Малый количественный состав групп сопоставляемых по компонентам значения языковых единиц не исключает случайность и неточность формулировок, используемых для фиксации семантических признаков. Существенным недостатком данного метода является также то, что в полученном в итоге семном описании слов слабо представлены периферийные семы.

Положительной характеристикой классического оппозитивного компонентного анализа принято считать тот факт, что на выходе он дает готовые, сформулированные семы и полученные результаты не нуждаются в семной интерпретации.

Когнитивно-семантический метод выявления сем разработан в когнитивной семасиологии [Михайлова 2012: 3], в рамках которой когнитивное описание используется для объяснения семантических процессов в языке и изучения глубинной семантики языковых единиц. Когнитивное направление семасиологии базируется на положении о том, что полное (в разной терминологии – *дальнейшее, интегральное, углубленное, психологически реальное*) описание семантики языковой единицы «возможно через этап полного описания репрезентируемого этой единицей в языковом сознании народа концепта как ментальной единицы» [там же].

В данной методике описание концептов как мыслительных единиц выступает инструментом описания семантики номинирующих концепты языковых знаков, а последние – формой вербального осмысления народом соответствующей ментальной сферы. Исходя из этих положений, как доказано результатами упомянутого исследования, возможно установить те входящие в значение той или иной называющей концепт языковой единицы семантические компоненты, которые не выявляются иными методами семантического анализа.

Когнитивно-семантическая методика семного описания значения представляет собой совокупность приемов описания семного состава слова через этап описания номинируемого данным словом концепта. На базе полученного комплексного описания содержания концепта могут быть углубленно описаны значения единиц номинативного поля концепта и сформулированы углубленные дефиниции значений языковых единиц, образующих это номинативное поле.

В современном понимании концепт представляется «информационной базой» (по терминологии А.А. Залевской) описания семантики номинирующих его единиц, при этом он «поставляет» значениям номинирующих его слов преимущественно периферийные эмоциональные, оценочные и функциональные семантические компоненты (семы).

К трудностям применения данного метода в описании семного состава

значения следует отнести его трудоемкость, положительные моменты заключаются в том, что он позволяет учесть при описании семного состава большое количество сем, выявленных в концепте разными способами, а его результаты не требуют интерпретации.

Методы получения языкового материала для семного описания дают возможность получить косвенные данные, которые нуждаются в их последующей семной интерпретации для осуществления семного описания соответствующих значений.

К основным из них относятся *лингвистическое наблюдение, анализ словарных дефиниций, метод экспликативной объективации семы*, а также методы, предполагающие обращение к носителям языка (испытуемым, информантам, респондентам) с целью получения от них лингвистического материала, а именно: *лингвистический эксперимент, лингвистическое интервьюирование* [Стернин 2008: 24-25].

Применение *метода лингвистического наблюдения* позволяет исследователям обобщить данные, зафиксированные в результате наблюдения над функционированием языкового материала в речи, и на их основе сделать выводы о значениях языковых единиц.

Применительно к семной семасиологии этот метод сводится, в основном, к анализу употребления слова или словосочетания в контексте и позволяет выявить определенные актуализованные в нем семантические компоненты (см. Глава I – дифференциальные дизъюнктивные семы, контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность, контекстуальная тональность).

Помимо этого, что не менее актуально, данный метод позволяет осуществить семное описание отдельных семем одного и того же слова или словосочетания, а также вычислить частотность их употребления относительно общего количества употреблений слова в контекстах, что может оказаться существенным фактором для формирования словарной статьи: подразумевается, что в ней семемы располагают в порядке убывающей соотносительной частотности их употребления.

Например, контекстные примеры употребления слова *игрушка* (155 контекстов употребления, используемых для наименования лиц) выявляют следующий порядок семем по убыванию их частотности:

семема-1 *игрушка* – лицо, мужской // женский пол, является послушным орудием чужой воли, внешних сил (44% из упомянутых выше контекстов употребления) – «Человек – вы ведь знаете, Марианна, безусловно – *игрушка* стихий» [Сергей Болмат. Сами по себе (1999) – НКРЯ];

«Не пощадил он и короля, который должен ему помочь, умерить слишком усердных ревнителей. Король – *игрушка* в руках Мольера. Нельзя отрицать, человек был упорный» [Леонид Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002 – НКРЯ];

«И Хлестаков – тоже *игрушка* этой недоброй силы, ее жертва» [Взгляд с «Белой башни» (2003) // «Театральная жизнь», 2003.05.26 – НКРЯ];

«– Объясняла уже, как в тумане была, ничего не соображала, словно

заводная *игрушка*, та тоже ходить умеет, а соображать нет, – огрызнулась Лица» [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004) – НКРЯ];

«– Он здесь звено случайное. *Игрушка* страстей. – Красиво сказано!» [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004) – НКРЯ];

«Они ведь не знают, что такое девятый дубль, когда все раздражены и смертельно устали, идёт режимная съёмка, а ты – *игрушка* в руках режиссёра, он охвачен творческим экстазом, а твой-то экстаз погас ещё на третьем дубле, – да мало ли чего они не знают» [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963) – НКРЯ];

«Так к этому, если ваш кофе выкипел, особенно на ваших глазах, и относитесь: переводя из личного плана в отвлеченно-литературный, где вы – один из героев, *игрушка* судеб» [Анатолий Найман, Галина Наринская. Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов // «Октябрь», 2003 – НКРЯ];

«Я – не жертва каких-то неведомых сил и не их *игрушка*, в конечном итоге причина своих бед – я сама» [Анна Ткачева. Приворот (1996) – НКРЯ];

семема-2 *игрушка* – лицо, мужской // женский пол, является предметом забавы, развлечения (33% из упомянутых выше контекстов употребления) – «Я для тебя просто *игрушка*, поиграла и фить!» [Борис Хазанов. Праматерь (2002) – НКРЯ];

«Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не *игрушка*!.. Я не спал всю ночь» [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841) – НКРЯ];

«Если бы только я знала, что нужна тебе так же, как ты мне, что я не *игрушка*, что, когда ты говоришь, что любишь меня, ты не врешь» [Владимир Спектр. Face Control (2002) – НКРЯ];

«Но почему же ты в течение почти двух лет сама мне звонишь? Я же тебе не *игрушка*. – А может быть и *игрушка*» [Наталья Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002) – НКРЯ];

«Знакомыми были и слова: Этой ночью я снова твоя *игрушка*! – неслось из динамиков» [Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000) – НКРЯ];

«Дети людям не *игрушка*. Семья москвичей из далекой Пенсильвании решила усыновить русского ребенка» [Игорь Свиноаренко. Дети людям не игрушка (1997) // «Столица», 1997.09.29 – НКРЯ];

семема-3 *игрушка* – лицо, мужской // женский пол, отличается красивым внешним видом (12% из упомянутых выше контекстов употребления) – «На отборочный тур я его одела, помыла, причесала – ну просто *игрушка*» [Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991-2000) – НКРЯ];

«Нугзар шел следом, пытаюсь вспомнить, где сидит та маленькая китаянка, которая пришлась по телу и душе – настоящая *игрушка*...» [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007) – НКРЯ].

Лингвистическое наблюдение при анализе контекстов употребления исследуемых языковых единиц позволяет выявить не только значения, зафиксированные в лексикографических источниках, но и сделать семное описание новых образований:

семема плюшевая игрушка – лицо, мужской // женский пол, *отличается мягким, покладистым характером* (11% из упомянутых выше контекстов употребления) – «А этот N был такой мягкий человек, *плюшевая игрушка*, у него диабет был, ну, пил он...» [Актер, дипломат, нестяжатель (2004) // «Театральная жизнь», 2004.02.23 – НКРЯ];

«И осталась, и была покладистой, послушной, как *плюшевая игрушка*» [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009 – НКРЯ].

Однако лингвистическое наблюдение не является исчерпывающим и универсальным методом для выявления семного состава слов, так как позволяет выявить далеко не все компоненты значения, а только попавшие в сферу наблюдения; кроме того, актуализация всех компонентов значения сразу вовсе необязательна и редко встречается в конкретных контекстах.

Анализ словарных дефиниций, которые могут быть использованы в качестве исходного источника материала для семного описания значения, несомненно, входит в методологический арсенал семной семасиологии, однако его применение требует выполнения ряда условий.

Прежде всего, следует отметить, что словарные дефиниции не строятся по семному принципу, несмотря на тот факт, что теоретическое обоснование толкования слова по входящим в состав его значения семантическим компонентам существует в семасиологии с 60-х годов прошлого века в работах И.В. Арнольд, Е.Ф. Арсентьевой, Ю.В. Караулова, А.М. Кузнецова, Э.В. Кузнецовой, В.В. Левицкого, С.Г. Шафикова и многих других ученых, следовательно, их содержание требует семной интерпретации.

Кроме того, в лексикографическом значении приведено, как правило, незначительное количество семантических признаков, главным образом ядерных, не говоря уже о явном «пренебрежении» составителей словарей к коннотативным и функциональным компонентам значения. Последние отражаются в толкованиях слов крайне непоследовательно и в весьма ограниченном составе.

Тем не менее, ни в коей мере не следует отрицать тот громадный опыт лингвистического описания значений слов и словосочетаний, накопленный поколениями лексикографов, внесших неоценимый вклад в развитие как теоретической, так и прикладной лексикографии. Очевидно, что словарные дефиниции служат базовым источником косвенных данных, которые после определенных преобразований могут быть использованы исследователем для семного описания значения.

Прежде всего, следует принимать во внимание и брать за основу

применения данного метода *принцип дополнительности словарных дефиниций* разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга [Стернин 2012: 16].

Для получения наиболее полного и объективного лексикографического описания значения слова следует в обязательном порядке провести предварительное *обобщение словарных дефиниций* разных толковых словарей, что позволит максимально расширить не только список значений исследуемого слова, но и список образующих значения семантических компонентов (см. Глава I данного исследования).

Разработан подробный алгоритм метода обобщения словарных дефиниций [Стернин, Талл Усейну 2010; Стернин, Саломатина 2011; Маклакова, Стернин 2013], который успешно применяется во многих современных исследованиях по семантике слова.

Выделенные методом обобщения словарных дефиниций значения далее подвергаются семной интерпретации.

Например, при лексикографическом обобщении предложенных в толковых словарях дефиниций слова *егерь* семемы-3:

«служащий в звероводческих совхозах и парках, оберегающий разводимых животных» [ССРЛЯ 1950-1965]; «охотовед, специалист по организации охоты, охране и воспроизводству фауны» [Ожегов 1994]; «работник охотничьего хозяйства или заказника, в ведении которого находится охота и охрана угодий и обитающих в них животных» [Ефремова 2000]; «работник лесного охотничьего хозяйства, ведающий охотой и охраной животных» [БТСРЯ 2003]; охотовед, лесник» [Кожевников 2003]; «наемный охотник» [Ушаков 2006] и т.п., – в её семном описании были сформулированы и зафиксированы следующие денотативные ядерные семы:

занимается охотоведением профессионально;

работает в охотничьих хозяйствах или заказниках;

охраняет их и обитающих в них животных.

При этом следует подчеркнуть, что важная дополнительная информация о значении слова может быть отражена в энциклопедических либо других специализированных словарных источниках, находящихся в распоряжении исследователя.

Помимо упомянутых выше толковых словарей русского языка, для обобщения были также использованы дефиниции данного слова из следующих лексикографических источников:

1. Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. [Текст] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов.энциклопедия. – 1991. – Т.1., 863 с., ил. – Т.2., 768 с., ил.

2. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 672 с. – Режим доступа: <http://www.inslov.ru/>, свободный.

3. Исторический словарь [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: [vslovare.ru>slovo/istoricheskii-slovar/istorija](http://vslovare.ru/slovo/istoricheskii-slovar/istorija), свободный.

4. Словарь профессий [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://zansakha.ru/Home/poandproforient/slovarprof.aspx>, свободный.

5. Крысин, Л.П. Толковый словарь иностранных слов // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2005 [Электронный ресурс]. – М.: ИДДК, 2004. – Режим доступа: <http://www.megabook.ru/index.asp?page=enciklopedia>, свободный.

6. Новый энциклопедический словарь [Текст] / Серия: Библиотека энциклопедических словарей. – Издательство: БРЭ, Рипол Классик, 2007. – 1424 с.

7. Фасмер, М.Р. Этимологический словарь русского языка [Электронная версия] / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева, сост. и науч.ред Г.А.Богатова. – ООО «БИЗНЕССОФТ», Россия. – 2004. – CD-Rom.

8. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: brockhaus-efron.gatchina3000.ru, свободный.

Информация, содержащаяся в перечисленных изданиях, позволила внести определенные коррективы в описание семемы-3 и формулирование отдельных сем, входящих в состав данной языковой единицы.

С учетом следующих цитат из словарных дефиниций семный состав семемы-3 слова *егерь* был уточнен и расширен:

«ЕГЕРЬ (от нем. Jager – охотник) – должностное лицо в охотничьих хозяйствах России [Исторический словарь];

«Специалист-охотник, обслуживающий охотников-любителей [Словарь иностранных слов];

«Контролирует соблюдение правил природопользования и законов об охоте на закрепленном за ним обходе (участке угодий)» [Большой энциклопедический словарь];

«Организует охоту, ведёт учёт дичи и охраняет её, обслуживает охотников-любителей, прибывающих в х-во по путёвкам; заготавливает корма и подкармливает ж-ных, проводит др. биотехнич. работы» [Новый энциклопедический словарь; Толковый словарь иностранных слов];

«Охраняет территорию охотничьих угодий или хозяйств от браконьеров, контролирует правильность ведения охоты на территории хозяйства. В промысловых хозяйствах готовит ловушки, запасы кормов, наживку, добывает пушнину и мясо. Содержание труда: Контроль за соблюдением законодательства об охране, охрана охотничьих угодий от браконьеров, занятие лесохозяйственным промыслом. Должен знать: Биологию зверей и птиц, законы и нормативные акты об отстреле и отлове дичи, правила охоты, технологию и организацию лесохозяйственных промыслов» [Словарь профессий];

«На обязанности егерей лежит: 1) надзор за охотничьим хозяйством в предназначенных для охоты угодьях; 2) подготовка и устройство охот и 3) оказание охотникам соответствующих услуг при производстве охот»

[Энциклопедия Брокгауза и Эфрона].

На основе толкований энциклопедических и специализированных словарей были сформулированы следующие описательные семы, входящие в состав данной семемы, конкретизирующие и дополняющие её описание:

- *охраняет территорию охотничьих хозяйств от браконьеров*;
- *контролирует правильность ведения охоты на территории хозяйства*;
- *обслуживает охотников-любителей, прибывающих в хозяйство по путёвкам*;
- *проводит различные биотехнические работы*;
- *занимается лесохозяйственным промыслом*.

Такие дополнения весьма существенны для проводимых на семном уровне сопоставительных и контрастивных исследований семантики слова, так как позволяют исследователю дифференцировать семантически близкие языковые единицы одного языка, а также проводить более достоверное контрастивное исследование между переводными соответствиями двух языков.

Метод экспликативной объективации семы предполагает выявление экспликативных текстовых объективаций или метаязыковых экспликаций тех или иных сем данной языковой единицы в тексте (по терминологии Е.В. Вовк), которые вербализуют конкретные семы и интерпретируются как отдельные семы.

В процессе применения этого метода, прежде всего, производится анализ слова или словосочетания в текстах. Далее, по результатам выявления контекстуальных экспликаций отдельных сем и вычисления «индекса яркости эксплицированных сем как отношения совокупного числа экспликаций соответствующей семы к общему числу ее объективаций в художественных и Интернет-текстах» [Вовк 2012] выявляется и описывается его семный состав.

Например, следующие примеры демонстрируют экспликативные объективации сем, вербализующие эти семы в контекстах, которые могут быть интерпретированы как отдельные семы и зафиксированы в семном описании слова *модница*:

«Аська – прелесть, высокая, будто манекеница, ослепительная брюнетка, *модница, обожает тряпки*, при этом похожа на Буратино, такая же смешная и простодушная» [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001 – НКРЯ] – *обожает тряпки; высокая, будто манекеница; ослепительная*;

«*Модница* третьего тысячелетия изящна, женственна, обладает тонкой талией и безупречным вкусом» [Ивойлова Ирина. Все это следует шить // Труд-7, 2002.04.26 – НКРЯ] – *изящна, женственна, обладает тонкой талией и безупречным вкусом*;

«А ты, поди, на голодном пайке, *модница*» [Владимир Личутин. Любостай (1987) – НКРЯ] – *сидит на голодном пайке (мало ест)*;

«Помню я, у бабушки, в старинном комод, был ящичек, где лежали разные старинные тучки: флаконы, сердолики, медальоны, печатки, табакерки. Бабушка была в молодости большая модница. Все эти вещицы стоили дорого в свое время» [П.Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868) – НКРЯ] – *ею обычно бывают в молодости; имеет вещицы, которые стоят дорого;*

«Я вообще большая модница и люблю, чтобы у меня в шкафу было много нарядов – на все случаи жизни» [Юлия Чепалова едет в Америку за «золотом» // Комсомольская правда, 2002.02.01 – НКРЯ] – *любит, чтобы у неё было много нарядов – на все случаи жизни;*

«– Модница была... не нашивала одно платье два раза» [Эдвард Радзинский. Княжна Тараканова (1999) – НКРЯ] – *не носит одно платье два раза;*

«Впрочем, хуже всего то, что уважающая себя модница не будет целыми днями ходить в одном и том же, а значит, дизайнерам придется подумать о целой мобильной коллекции» [Ирина Николаева. Мобильное платье // РБК Daily, 2010.08.25 – НКРЯ] – *не будет целыми днями ходить в одном и том же;*

«Архитектор меняет жесты, как модница перчатки, точнее, чтобы приладиться к скоростям строительства, – как мода меняет форму каблука» [Пьеро разумный. Портрет гедониста, создавшего современную Францию (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.05.15 – НКРЯ] – *часто меняет перчатки;*

«Вообще-то она модница известная, предпочитает одежду марок Marc Jacobs, Chanel, Gucci и Prada» [Светлана Хрусталева, Стас Тыркин, Фото Анатолия Беясова, АП и РЕЙТЕР. Канны-2005: Вуди Аллен покусился на Достоевского // Комсомольская правда, 2005.05.13 – НКРЯ] – *предпочитает одежду известных зарубежных марок;*

«Мое последнее приобретение – это легкая голубая шифоновая юбка в маках и ромашках и кофточка в тон. Я в жизни не модница. Мои подружки пристально следят за тенденциями, покупают вещи только из новых коллекций» [Лариса Васильева, Благодарим за помощь в подготовке материала бутик «Галерея Ля Мод». Фото Анатолия Жданова. Певица Наташа Королева: В обычной жизни я не модница // Комсомольская правда, 2006.04.20 – НКРЯ] – *пристально следит за тенденциями; покупает вещи только из новых коллекций;*

«И модница, которой средства позволяют гоняться за "марками", и те, кто живет от зарплаты до зарплаты» [Прокофьев Вячеслав. Вальс этикеток // Труд-7, 2001.07.16 – НКРЯ] – *ей средства позволяют гоняться за «марками»;*

«Сулеме хранилась у Ольги давно – для разных косметических надобностей, её трудно было достать, но Ольга, модница, достала» [А.Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938) – НКРЯ] – *может достать то, что трудно достать;*

«Её сразу от других отличите. Франтиха. Модница. Сидят. Ждут» [А.М.

Коллонтай. Василиса Малыгина (1927) – НКРЯ] – *её сразу отличите от других (по франтовскому виду);*

«Юлия Тимошенко – большая *модница!* С её подачи все политдамы в украинском парламенте принялись носить жемчуг» [Ярослава Артюшенко («КП» – Киев»). Фото с сайта www.pravda.com.ua и УНИАН. Тимошенко кидалась в Раде жемчугом // Комсомольская правда, 2006.10.07 – НКРЯ] – *с её подачи все принимают носить что-либо (жемчуг);*

«Но если в советские времена девочки кутались в мамины платья, то теперь у них есть свои кутюрье, определяющие, в чем должен появиться в песочнице порядочный модник или *модница*» [Наряд на выпускной вечер // Комсомольская правда, 2003.05.26 – НКРЯ] – *у них есть свои кутюрье;*

«Вдруг одна *модница* говорит: Мне это платье не нравится, потому что все смотрят не на меня, а на картинки на моем платье» [Николай Носов. Незнайка в Солнечном городе (1958) – НКРЯ] – *не нравится, когда все смотрят не на неё;*

«Насколько Аннушка была домоседлива и скромна, настолько замужняя её сестра – *модница* и любительница ходить по гостям» [Б.В. Шергин. Отцово знание (1930-1960) – НКРЯ] – *не скромна;*

«Пусть она и *модница*, но не привередница» [Я.В. Смеляков. Песенка (1963) – НКРЯ] – *привередничает.*

Конкретизировать и дополнить семное описание значения слова или словосочетания можно также при помощи *антропоцентрических методов* исследования, к которым относятся *лингвистический эксперимент* и *лингвистическое интервьюирование*. Применение данных методов предполагает обращение к носителям языка (испытуемым, информантам, респондентам) с целью получения от них лингвистического материала.

Не вызывает сомнения тот факт, что «экспериментальная методика – это совокупность конкретных операций, выполняемых в определенной последовательности... Точность описания хода эксперимента (experimental procedure), включая формулировки заданий, которые даются испытуемым, обеспечивает его последующую воспроизводимость (replicating)» [Залевская 2011: 69].

К числу важнейших преимуществ эксперимента относятся:

- возможность многократно и в наиболее благоприятных для этого условиях наблюдать изучаемое явление;
- возможность изолировать изучаемое явление или отдельные его элементы;
- возможность контролировать – держать неизменными или систематически варьировать – отдельные условия изучаемого явления;
- возможность – путем повторения в тех же условиях – проверять ранее проведенные исследования [Еникеев 2006: 511].

Экспериментальный метод, как отмечает А.Е. Кибрик, завоевал в лингвистике XX века право гражданства [Кибрик 1995: 94], так как он, по

мнению многих ученых-лингвистов, «обеспечивает более глубокое и более естественное описание значений слов, позволяет выявить, учитывая все виды знания (теоретическое, обыденное, повседневное), те общие знания о мире, которые хранятся в языке и с помощью языка активируются» [Болдырев 2004: 21-22].

Как уже отмечалось, «некоторые слабости классического компонентного анализа преодолеваются в экспериментальных методиках выявления компонентного состава семемы, основанных на опросе испытуемых», а также «на чисто логической основе на базе собственного опыта» [Левицкий, Стернин 1990: 17].

В лингвистике и психолингвистике эксперимент предполагает создание испытуемыми по заданию экспериментатора некоторого речевого произведения, которое используется последним как языковой материал для последующей интерпретации.

Примеры экспериментальных методов общеизвестны:

- свободный ассоциативный эксперимент (*любое слово в ответ на предъявленный стимул*);
- направленный ассоциативный эксперимент (*муж – какой? глупый – какой? хитрый – что делает? ребенок – что делает? эскимос – где живет? актер – где работает?* и т.д.);
- метод субъективной дефиниции (*мужик – это..., глупый – это.... актер – это..., эскимос – это...* и т.д.);
- завершение экспериментальной фразы (*толстый как..., глупый как..., кричит как...* и т.д.);
- свободная атрибуция типичного признака (*характерен ли типичному предмету X (явлению, лицу) данный признак – из предложенного списка*) [там же].

В ходе эксперимента перед испытуемыми ставится конкретная задача, но не сообщается цель эксперимента, которая, как правило, связана с исследованием их личных представлений о значении того или иного слова. Участники эксперимента выполняют задание исследователя, ориентируясь на общеязыковую действительность, отражая в ответах опыт своего наблюдения над языком окружающих и собственный языковой опыт.

В отличие от эксперимента, лингвистическое интервьюирование есть непосредственное обращение к языковому сознанию носителей языка, примерами могут служить следующие методы:

- прямое лингвистическое интервьюирование (*что значит это слово? совпадают ли эти слова по значению?* и т.д.);
- метод семантической дифференциации значений (*в чем отличие по значению данных слов? – методика Бендикса*);
- методика описания чувственного образа, вызываемого словом (*какой образ вызывает у вас данное слово?*);
- метод письменной рефлексии – мини-сочинений (*как вы понимаете значение данного слова?*);

- номинативный тест – *вы бы назвали (нечто) ...X? Как бы вы назвали (нечто)...?* [там же].

Как видно из перечисленных выше методов, информантам, которые являются носителями языка, задаются прямые вопросы лингвистического характера об интересующих экспериментатора языковых единицах или явлениях языка. При этом участники интервьюирования осознают, что интересуется исследователя, и поэтому сознательно обращаются к своему личному языковому опыту. Полученные результаты обобщаются и статистически обрабатываются исследователем.

Все антропоцентрические методы требуют последующей семной интерпретации полученных результатов.

Методы семной интерпретации языкового материала. Материалы, полученные в результате анализа словарных дефиниций, лингвистических экспериментов и лингвистического интервьюирования, подвергаются семной интерпретации для формулирования выявляемых в конкретных значениях сем.

Алгоритм *семной интерпретации обобщенной словарной дефиниции* выглядит следующим образом:

- устанавливается архисема из категориальных метаязыковых единиц толкования;
- осмысливаются как одна сема признаки денотата, обозначенные сходными по семантике единицами метаязыка разных дефиниций;
- осмысливаются как разные семы признаки денотата слова, обозначенные разными (не синонимичными) единицами метаязыка.

Например, словарные толкования слова *альпинист*:

«Горный турист» [Ушаков 2006]; «Лицо, занимающееся альпинизмом; горный турист» [ССРЛЯ 1950-1965]; «Спортсмен, занимающийся альпинизмом, горвосходитель» [Ожегов 1994]; «1) Тот, кто занимается альпинизмом. 2) Спортсмен, занимающийся альпинизмом» [Ефремова 2000]; «Тот, кто занимается альпинизмом» [БТСРЯ 2003].

Из этих дефиниций выявляются следующие единицы метаязыка, отражающие семы:

турист, лицо, спортсмен, тот кто – архисема *лицо*;

турист, лицо, спортсмен, тот кто – сема *мужской пол*;

лицо – сема *женский пол*;

горный (турист), занимается альпинизмом, занимающийся альпинизмом, горвосходитель – сема *занимается восхождением на горные вершины*;

спортсмен – сема *со спортивной целью*;

турист – сема *с познавательной целью*.

Таким образом, семный состав слова *альпинист* в денотативном аспекте по результатам семной интерпретации принимает следующий вид: *лицо, мужской // женский пол, занимается восхождением на горные вершины, со спортивной / познавательной целью*.

Еще один пример – словарные толкования слова *акселерат*:

«Ребёнок, подросток, к-рый растёт, развивается ускоренно» [Ожегов 1994]; «Ребенок, подросток, отличающийся ускоренным физическим и физиологическим развитием» [Ефремова 2000]; «Ребёнок, подросток, обнаруживающий признаки акселерации» [БТСРЯ 2003].

Обобщенное толкование слова *акселерат* – «ребенок, подросток, который растет и развивается ускоренно, отличается физическим и физиологическим развитием, обнаруживающий признаки акселерации».

Семная интерпретация обобщенной словарной дефиниции слова *акселерат*:

ребёнок, подросток – архисема *лицо*; сема *мужской // женский пол*;

ребёнок – сема *в детском возрасте*;

подросток – сема *в подростковом возрасте*;

растёт, развивается – сема *растет и развивается*;

ускоренно – сема *ускоренно*;

отличающийся (ускоренным) физическим и физиологическим развитием, обнаруживающий признаки акселерации – сема *отличается в физическом и физиологическом развитии*;

отличающийся (ускоренным физическим и физиологическим развитием), (признаки) акселерации – сема *отличается от предшествующих поколений*.

На базе этих сем формулируется итоговое семное описание значения слова по обобщенным данным имеющихся лексикографических источников: *лицо, мужской // женский пол, в детском // в подростковом возрасте, растет и развивается, ускоренно, отличается в физическом и физиологическом развитии, от предшествующих поколений*.

Алгоритм семной интерпретации языкового материала на базе словарных дефиниций апробирован на практике и широко применяется в сопоставительных и контрастивных исследованиях [Стернин 1979, 1985; Харитонова 1984, 1985; Репринцева 1996, 1999; Зленко 2004; Поталуй 2004; Садун 2005; Чубур 2005, 2009; Зимина 2007, 2011; Маклакова 2009; Стернин, Саломатина 2011; Стернин, Маклакова 2013 и др.]

Семная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента заключается «в осмыслении полученных на стимул ассоциативных реакций как языковых репрезентаций (объективаций, актуализаций) семантических компонентов слова-стимула – сем)» [Рудакова, Стернин 2011: 133].

Полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента ассоциаты интерпретируются как семы, предцируемые стимулу (предикативная гипотеза ассоциирования Ч. Осгуда).

В процессе интерпретации производится обобщение полученных результатов: «близкие по семантике ассоциативные реакции, по-разному объективирующие один и тот же семантический компонент, осмысляются как разная метаязыковая объективация одной и той же семы,

формулируется соответствующая сема, а частотность сходных по семантике ассоциаций суммируется и указывается как частотность актуализации данной семы в эксперименте» [Попова, Стернин 2007: 169].

Семантическая интерпретация результатов экспериментов включает следующие последовательные операции:

- семемная атрибуция ассоциативных реакций (объединение ассоциативных реакций, объективирующих отдельные значения в семантеме слова-стимула, и установление отдельных значений слова, актуализованных в эксперименте);
- семная интерпретация ассоциативных реакций, объективирующих то или иное выделенное значение (обобщение и интерпретация ассоциативных реакций как сем).

Приведем два примера [материалы из Ассоциативного словаря употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Научн. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Авторский коллектив словаря: Акованцева Н.В., Атланова Е.О., Дюжакова С.Г., Козельская Н.А., Конопелько И.П., Маклакова Е.А., Розенфельд М.Я., Рудакова А.В., Саломатина М.А., Селезнева Г.Я., Стернин И.А., Тимошина Т.В. – Воронеж: издательство «Истоки», 2011.

Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки РФ «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2011, проект 556].

Пример 1.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ОДНОИМЕННОГО СТИМУЛА

КОМАНДИР

начальник 19; главный 11; армия 8; полка 7; солдаты 5; военный 4; капитан, лидер, рота 3; война, генерал, глава, полковник, руководитель 2; бабай, батальона, бригада, власть, войска, галстук, главарь, главнокомандующий, директор, Карабас, кокарда, командующий, комбат, мужчина, мужчина в военной форме, нос до потолка, ответственность, офицер, Перцев Д.А. (декан), погоны, полк, предводитель, староста, строгий, управленец, управляющий другими, управляющий, форма, Чапаев, человек, шофёр 1. Участников эксперимента – 109, отказов – 5.

I. Семемная атрибуция ассоциативных реакций:

1. Должностное лицо или социальный лидер (*начальник 19, главный 11, лидер 3, глава 2, руководитель 2, власть, галстук, главарь, директор, предводитель, староста, управленец, управляющий другими, управляющий*

1).

2. Военный в офицерском звании (*армия 8, полка 7, солдаты 5, военный 4, капитан 3, рота 3, война 2, генерал 2, полковник 2, батальона, бригада, войска, главнокомандующий, кокарда, командующий, комбат, мужчина в военной форме, офицер, погоны, полк, форма 1*).

3. Человек, который любит покомандовать (*мужчина, нос до потолка, человек 1*).

Пример 2.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ОДНОИМЕННОГО СТИМУЛА

ОЧКАРИК

ботан 20; ботаник 12; человек в очках 7; умный 6; плохое зрение 5; очки 4; близорукость, Вася, задрот, носит очки, носящий очки 2; 4 глаза, авторитет, Антон, больной человек, в одном месте шарик, в попе шарик, Гарри Поттер, замкнутость, зрение, лоботряс, наш, одноклассник, оправа, отличник, плохо видящий, программист, с очками, сосед по комнате, студент, умник, умный человек, ученик, физик, хиляк, человек, человек с очками, человек с плохим зрением; человек, носящий очки 1. Участников эксперимента – 100, отказов – 8.

II. Семная интерпретация ассоциативных реакций, объективирующих значения данного слова:

1. Умный человек, который прилежно учиться.

архисема *лицо* (ботан 20, ботаник 12, Вася 2, Антон, Гарри Поттер, отличник, программист, сосед по комнате, умник, умный человек, физик, человек 1);

сема *мужской // женский пол* (программист, умный человек, физик, человек 1);

сема *отличается умом* (умный 6, отличник, умник, умный человек 1);

сема *прилежно* (ботан 20, ботаник 12, отличник 1);

сема *учится* (одноклассник, отличник, студент, ученик 1);

семема-1 – *лицо, мужской // женский пол, отличается умом, прилежно учится* – описана в денотативном аспекте по результатам семной интерпретации данных лингвистического эксперимента.

2. Человек с плохим зрением, который носит очки.

архисема *лицо* (человек в очках 7, Вася 2, Антон, больной человек, Гарри Поттер, плохо видящий, сосед по комнате, человек, человек с очками, человек с плохим зрением 1);

сема *мужской // женский пол* (человек в очках 7, больной человек, плохо видящий, человек, человек с очками, человек с плохим зрением 1);

сема *отличается плохим зрением* (плохое зрение 5, близорукость 2, больной человек, зрение, плохо видящий, человек, человек с плохим зрением 1);

сема *носит очки* (человек в очках 7, очки 4, носит очки 2, носящий очки 2, 4 глаза, оправа, с очками, человек с очками; человек, носящий очки 1).

семема-2 – *лицо, мужской // женский пол, отличается плохим зрением, носит очки* – описана в денотативном аспекте по результатам семной интерпретации данных лингвистического эксперимента.

Весьма подробно механизм семной интерпретации результатов лингвистических экспериментов и лингвистического интервьюирования представлен в работах [Левицкий, Стернин 1989; Фридман 2006; Рудакова, Стернин 2011: 131-141; Маклакова, Стернин 2013: 90-99].

Кроме перечисленных, в семной семасиологии для семного описания значения слова или словосочетания могут быть использованы *методы верификации семного описания значения* (когнитивная верификация выделенных исследователем сем, синонимическая субституция, контрольный опрос информантов по спорным случаям интерпретации ассоциаций, метод обратного перевода) и другие, более трудоемкие, комплексные методы [там же].

7. Проблема метаязыка описания значений языковых единиц

Для эффективного представления полученных в исследовании результатов необходима разработка специального метаязыка семного описания, который, как и всякий метаязык, должен обладать рядом универсальных характеристик и в то же время, должен быть доступным для понимания рядовому носителю языка и простым в употреблении.

Требования, предъявляемые к метаязыку семантического описания, могут быть суммированы следующим образом:

системность – элементы метаязыка характеризуются упорядоченностью и представляют собой единое концептуальное целое;

ограниченная функциональная направленность – метаязык ориентирован на выполнение ограниченных функций и не способен выполнять те разносторонние и чрезвычайно ответственные функции, какие осуществляют «конкретные» языки (по терминологии В.А. Звегинцева);

универсальность и *достаточность* в рамках того направления, где метаязык находит свое применение;

фиксирование средствами графики – терминология метаязыка как языка

особого типа должна быть закреплена в письменной форме; первичная форма письменного выражения предполагает фиксированность метазнаков в научно-теоретических лингвистических работах, вторичная – в лексикографических источниках [Иванов 2004: 292-293];

открытость – «будучи языком описания естественного языка, метаязык одновременно выступает и как часть естественного языка...; поскольку естественный язык не может быть сведен в силу своей непосредственной связи с элементами отражаемой реальности к „закрытой“ системе элементов, так и язык его описания не может быть представлен исключительно как замкнутый (или полностью формализованный) ряд единиц» [Гвишиани 1990: 297].

Важную и принципиальную как для теоретической, так и для прикладной лингвистики проблему представляет «техническая» сторона метаязыка семантического описания: какие единицы будут выбраны для описания семантики естественного языка – искусственные знаки или знаки естественного же языка.

Проблема разработки и совершенствования метаязыка описания семантики слова неотделима от теоретических лингвистических исследований значения и прикладного применения их результатов.

В классической лингвистике нового времени значения слов описывались исключительно на естественном языке. Но со временем, с распространением идей семиотики и структурной лингвистики, стали возникать концепции создания особых универсальных формализованных семантических метаязыков, которые, представляя собой ограниченный набор смысловых единиц, позволили бы описать любые семантические сущности.

В структурной лингвистике возникает концепция единого *семантического метаязыка* – такого метаязыка описания, который позволил бы исчерпывающим образом унифицировано и адекватно описать семантику любой языковой единицы.

Например, в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» И.А.Мельчука, А.К.Жолковского и Ю.Д.Апресяна (далее ТКС), который считают одной из первых попыток системного описания лексики в рамках одноязычной лексикографии в контексте концепции «Смысл – Текст», «средства выражения той или иной мысли отбираются по единым принципам и получают формальное описание, в частности – на языке так называемых лексических функций» [ТКС 1984: 71].

В качестве семантического метаязыка предполагалось использование языка универсальных смыслов на базе некоторого ограниченного инвентаря «сем, или смысловых атомов (в некотором отношении аналогичных якобсоновским различительным элементам в фонологии ...)» [Мельчук 1974: 58]. Авторы разрабатывали такой метаязык и осуществляли описание на нем некоторых типов языковых единиц.

Ориентация на синтез текста с использованием всех синонимических средств выражения какой-либо мысли привела создателей словаря к

убеждению, что он должен содержать и толкование слова, и его синонимы, конверсивы, антонимы, производные и другие, связанные с ним по смыслу слова, и описания его сочетаемости и управления. Причем описание парадигматических и синтагматических связей слова – так называемая зона лексических функций (ЛФ) составляет весьма значительную и наиболее кодифицированную часть словарной статьи, в которой использованы как простые, так и сложные обозначения ЛФ, например: S, V, Adv, Syn, Figur, Prox, CausOper₂, PreperFunc₁, IncerPredPlus, Conv₂₁Involv, Loc_{in}Centr и мн.др. Со стороны пользователей такого словаря необходимо затратить существенные усилия для ознакомления с данными обозначениями и для их декодирования.

Следует отметить, что авторы данного словаря сформулировали определенные правила работы над словарной статьей, которые, на наш взгляд, представляют базовое руководство для описания значения слова или словосочетания, и неукоснительно им следовали, соблюдая максимальную эксплицитность и систематичность. Главное заключается в следующем:

«Во-первых, в ТКС не допускается использование неформальных способов передачи информации о словах – таких, например, как аналогия, примеры и т.п., равно как и обращение к языковому чутью. Все, что мы считаем нужным сообщить читателю, должно быть сообщено в абсолютно явном виде – в терминах стандартного лексикографического метаязыка, применяемого единообразно во всех статьях.... Во-вторых, в ТКС не допускаются порочные круги в определениях (этот недостаток характерен чуть ли не для всех существующих словарей) и запрещается по-разному описывать семантически близкие единицы. Например, все названия учреждений должны быть описаны по единой схеме» [там же : 74].

В приведенных ниже примерах – купюрах словарных статей, соблюдается принцип единообразия в описании слов одного семантического типа, а толкование состоит из постоянных единиц (элементарные и промежуточные) и переменных [X,Y,Z] (для сравнения приводятся словарные дефиниции одинаковых лексем из других толковых словарей):

Пассажир – Y-а [в Z] = клиент X транспорта – человек, перевозимый в соответствии со своей целью транспортным средством Y в Z [~ человек – S₂ (перевозить; транспорт; поезд, судно, лайнер 1,2, автобус...)]... [ТКС 1984: 575];

ср. ПАССАЖ'ИР, -а, м. Тот, кто совершает поездку в транспортном средстве [Ожегов];

Лыжник а, и, муж.

1. Человек, который перемещается или способен перемещаться на лыжах 1а [= S₁Real₁(лыжи 1а) или S₁PredAble₁Real₁(лыжи 1а)]

женщина: лыжница 1

Сквозь деревья мелькали фигуры лыжников... Вася – хороший лыжник.

2. Человек, который занимается лыжами 2 [= S₁(лыжи2)]

женщина: лыжница 2

Первое место завоевал известный японский лыжник [ТКС 1984:411],

где

лыжи1а. Лыжи X-а = приспособление для автономного перемещения X-а по снегу – пара плоских полозьев, обычно с сужающимися и загнутыми вверх передними концами;

лыжи2. Вид спорта, состоящий в автономном перемещении X-а на лыжах 1-а [=лыжный спорт],

другие условные обозначения:

S₁ – типовое название участника данной ситуации;

Real₁ – степень реализации;

Pred – глагол, обозначающий «быть ...»

Able₁ – типовое свойство потенциального участника данной ситуации;

ср. Л'ЫЖНИК, -а, м. Спортсмен, занимающийся лыжным спортом; тот, кто ходит, идёт на лыжах [БТСРЯ 2003].

ТКС можно, вероятно, рассматривать как сборник научных исследований, выполненных в рамках некоторой единой теории учеными-лингвистами для ученых-лингвистов – настолько своеобразен предложенный ими метаязык лексикографического описания. Этот метаязык слишком сложен для использования, понятен только самим авторам и тем лингвистам, которые решали им пользоваться и выучивали его фактически как самостоятельный язык, как систему семантической транскрипции. Однако создать универсальный искусственный метаязык, который позволил бы описать всю семантику языка, семантику любого слова, авторам ТКС не удалось.

Следует признать, что в выполненных авторами толкованиях, хотя и весьма немногочисленных, четко прослеживаются идеи унификации описания (выявление и фиксация повторяющихся черт лексических единиц – семантические типы слов) и его индивидуализации (детальное описание существенных свойств отдельной лексемы). К тому же, подтверждается мысль о том, что в функциональном плане толкование призвано не только объяснять значение данной языковой единицы, но и служить основой для установления её места в семантической системе языка.

Более поздние концепции единого семантического метаязыка в структурной лингвистике стали постепенно делать некоторые «уступки» в сторону естественного языка, но они тоже оказались довольно ограниченными по своим описательным возможностям.

Широко известна концепция А. Вежбицкой, согласно которой в лексиконе каждого языка считается возможным выделение неразложимого «семантического ядра», которое имеет структуру упрощенного языка [основные положения данного подхода изложены в Wierzbicka 1996, Goddard 1998, Goddard and Wierzbicka 1994, 2002, The NSM Homepage,

Travis 1998]. Этот язык состоит из семантических примитивов, для которых формулируются канонические предложения, и подчиняется определенным грамматическим правилам. Автор данной концепции придерживается следующего мнения: «чтобы объяснять сложные значения понятным образом, нужно употреблять простые, общепонятные слова» [Вежбицкая 2002: 8], с чем нельзя не согласиться.

По мнению А. Вежбицкой, при описании значений слов следует использовать так называемый язык мысли – *lingua mentalis*, насчитывающий около шестидесяти универсальных слов, которые можно найти в любом языке (идея «элементарных понятий» – «*indefinibilia*» предложена как основа для семантики Анджеем Богуславским в 1964 г.). В этом случае толкования слов принимают следующий вид, и как считает автор, помогают ей в её педагогической практике с австралийскими студентами [Вежбицкая 2002: 25]:

ПОШЛОСТЬ

многие люди думают о многих вещах, что эти вещи хороши
 это неправда
 эти вещи нехороши
 они похожи на некоторые другие вещи
 эти другие вещи хороши
 эти люди этого не знают
 это плохо
 люди такие, как я, это знают

TRUTH

люди говорят много вещей
 некоторые из этих вещей – правда₁, некоторые из этих вещей – неправда₁
 люди думают много вещей
 некоторые из этих вещей - правда₁, некоторые из этих вещей - неправда₁
 хорошо, если человек может знать о чем-то, что это правда₁

ИСТИНА

хорошо, если люди могут знать некоторые вещи о некоторых вещах
 многие люди не знают этих вещей
 люди знают, что когда кто-то думает что-то о чем-то, это может не быть правда₁
 хорошо, если люди могут знать о некоторых вещах, что эти вещи - правда₁

ОБМАН

а) люди говорят два рода вещей другим людям
 Б) вещи одного рода - правда
 В) хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям
 Г) вещи второго рода - неправда
 Д) нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям
 е) плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что эти вещи – правда.

Думается, что при объяснении иностранным учащимся ключевых понятий национальной культуры не следует полагаться только на словарные дефиниции значений, которые вербализуют такие глобальные концепты, толкование слова в данном случае – это лишь вершина айсберга. К тому же, на наш взгляд, наличие простых и элементарных составляющих в одном толковании совсем не гарантирует легкость и доступность

понимания последнего, так как элементы содержания воспринимаются не каждый в отдельности, а все вместе в своей совокупности.

Отметим также, что при толковании слов языка словами этого же языка непременно обостряется следующее противоречие: «Меньшее количество слов можно описать с помощью большего, но не наоборот. Словник оказывается подобным зеноновскому Ахиллу, который не может догнать черепаху. ... Приращение смысла – обязательный, универсальный принцип всякого толкового словаря» [Караулов 1974: 51-52].

Очевидно также, что метаязык А. Вежбицкой не покрывает семантику всего языка, с его помощью можно описать далеко не любое значение; кроме того, он очень громоздок и трудоемок в применении.

В современной лексикографии к толкованиям предъявляются определенные требования, которые, являясь вполне обоснованными и разумными, не всегда выполняются их авторами-составителями. Ю.Н.Караулов считает, что «дефиниция в словаре представляет собой текст, состоящий из одного предложения, смысл которого раскрывается во входном слове» [Караулов 1981: 12]. В то же время «смысл слов, используемых в толкованиях, должен быть в каком-то отношении проще, чем смысл толкуемого слова» [Падучева 1985: 10-11]. Согласно доводам Ю.Д.Апресяна при толковании лексических значений следует руководствоваться двумя следующими требованиями:

1. Толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым, в конечном счете, сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений – слов семантического языка. Практически это сводится к тому, что определяемое слово А должно истолковываться не менее, чем через два других слова В и С, каждое из которых должно быть семантически содержательным.

2. Определяющие значение В и С должны быть необходимы и достаточны для определяемого значения А (определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого). Если толкования строятся ступенчато, и шаг за шагом сводят сложные значения к более простым, то тем самым указываются в явном виде все связи данного значения с родственными ему значениями и демонстрируется последовательно иерархическая организация лексико-семантической системы языка [Апресян 1995: 95].

Ю.Д. Апресян отмечает, что «в качестве семантического метаязыка должен использоваться не универсальный искусственный язык, а подъязык изучаемого естественного языка» [Апресян 2005: 11-13], и констатирует, что ЕСМ должен быть максимально прост: «в подъязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы и синтаксические конструкции в их основных значениях», а каждое слово подъязыка «должно в идеале удовлетворять требованию взаимно-однозначного соответствия имени и смысла» [там же].

Основы системной лексикографии, разработанные Ю.Д. Апресяном, в самом общем виде сводятся к следующему. Прежде всего, словарный

состав каждого языка, во всяком случае, его ядро, распадается на «множественно пересекающиеся классы лексем (лексикографические типы), обладающие какими-то общими свойствами» [НОССРЯ Апресян 2003: IX]. Главный принцип системной лексикографии состоит в том, чтобы описывать каждую лексему как элемент лексикографического типа, т.е. «улавливать повторяющиеся черты лексических единиц и единообразно представлять их в словаре» [Дубичинский 2009: 124].

Установка на единообразное описание лексем, относящихся к одному лексикографическому типу, сочетается при этом с установкой на детальное лексикографическое портретирование. Предполагается, что одним из аспектов системного описания лексики в словарях такого типа является сравнение отдельных элементов одного класса, которое «осуществляется на основе общего арсенала семантических признаков», используемых для создания так называемых «лексикографических портретов» посредством «специальных метаязыков для описания всех существенных свойств лексем. Самый важный из этих метаязыков – семантический. На нем выполняются аналитические толкования общей части значений всех лексем» [Апресян 1995: 220].

Например, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (НОССРЯ 2003) под общим руководством Ю.Д. Апресяна, который составлен «в соответствии с принципами интегрального описания языка (согласованного описания грамматики и словаря) и ориентирован на систематическое отражение „наивной картины мира“, закрепленной в основных лексикографических типах русского языка (классах слов с одинаковыми свойствами, одинаково реагирующих на определенные правила и поэтому требующих единообразного описания в словарях)» [Дубичинский 2009: 189-190], представляется нам попыткой отразить со всей возможной полнотой лексическую систему русского языка.

Кроме того, предоставленная в словаре информация о дифференциальных семантических признаках, выявляемых при сопоставлении лексем, составляющих синонимический ряд, позволяет конструировать более широкую модель семного описания лексического значения по сравнению с той, которая традиционно используется в толковых словарях русского языка.

Например:

(для наглядности приводятся цитаты из словарных статей данного издания, в которых представлены описания конкретных слов, которые сопоставлены с дефинициями этих же слов из других толковых словарей русского языка)

ВРАЧ

НОССРЯ: человек, имеющий высшее медицинское образование и лечащий людей;

называет людей, имеющих отношение к медицине как науке и как роду практической деятельности;

противопоставлен наименованиям лиц со средним медицинским образованием, не имеющим медицинского образования и выхаживающим больных, а также тем, кто использует при лечении так называемые нетрадиционные методы лечения;

может использоваться для обозначения профессии и должности;

может обозначать и мужчину, и женщину;

медицинский работник – официальное;

доктор – разговорное;

лекарь – устаревшее, пренебрежительное или шутовское;

БАС [Словарь современного русского литературного языка АН СССР 1950-1965]: лицо, имеющее высшее медицинское образование и право лечения больных;

Ожегов [Ожегов 1994]: специалист с высшим медицинским образованием;

БТСРЯ [Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов 2003]: специалист с высшим медицинским образованием, занимающийся лечебно-профилактической деятельностью;

ЛЕТЧИК

НОССРЯ: человек, управляющий самолетом или вертолетом;

называет людей, осуществляющих полеты на различных летательных аппаратах;

может служить наименованием человека по его профессии;

может называть не только человека, непосредственно управляющего самолетом, но и других членов экипажа, имеющих отношение к управлению;

синонимы этого ряда отличаются по типу летательного аппарата, на котором совершается полет;

БАС: водитель самолета: авиатор;

Ожегов: специалист, управляющий самолётом, вертолётном;

БТСРЯ: специалист, умеющий управлять к-л. летательным аппаратом (обычно самолетом, вертолетом).

Метаязык Ю.Д. Апресяна более понятен пользователям языка, он хорошо работает на уровне синонимических рядов, в нем последовательно отражены сходства и различия между синонимами, а также условия нейтрализации различий. В то же время получить представление о полном наборе семантических компонентов отдельной семемы для пользователя таким словарем представляется весьма трудоемким процессом. Это объясняется тем, что все словарные статьи содержат обширные справочные зоны, в которых перечисляются фразеологические синонимы, аналоги, точные и неточные конверсивы к аналогам, точные и неточные антонимы и дериваты (включая семантические) к элементам данного синонимического ряда. Рядовому пользователю затруднительно ориентироваться в таком количестве лингвистических данных. Это словарь для лингвистов.

Относительно толкований фразеологических единиц заметим, что они либо включаются в отдельные сборники, либо описываются в толковых словарях, причем ряд авторов рассматривают их в качестве отдельных словарных единиц. Такой подход более чем обоснован вследствие применения в практике их описания тех же самых принципов, которые используются при организации словарных статей лексических единиц: «В содержательном отношении фразеологизм соотносится со словом или словосочетанием, поэтому его предметно-понятийное значение толкуется ... приблизительно так же, как и лексическое значение, то есть с помощью так называемых развернутых определений, не только соотносящих устойчивый оборот с классом явлений, но и способных обозначить его частные и особенные признаки» [Жуков 2007: 19].

Следует подчеркнуть, что помимо иллюстративной зоны словарной статьи, которая позволяет составителям демонстрировать реальный семантический потенциал лексемы или фраземы в современном русском языке, и в то же время предоставляет пользователям фактические обоснования для исследований и выводов, во фразеологических словарях практикуется модель, прогнозирующая употребление ФЕ в речи.

Например, в «Большом фразеологическом словаре русского языка» (БФСРЯ 2006) «завершает зону толкования формула, представляющая собой „свертку“ ситуации и отражающая её семантико-синтаксическую организацию». По мнению составителей словаря «эта формула служит „подсказкой“, какой лексико-синтаксический состав фразеологизма как микротекста может быть „развернут“ в тексте» [БФСРЯ 2006:10]. «В этой формуле сохранены латинские буквы, служащие символами реализуемых в высказываниях с фразеологизмами конкретных наименований» [там же]: X – *дойная корова* [для Y-а]; X – *правая рука* Y-а; X – *ума палата*; Y X-а *ума палата*; X – *широкая натура*; Y X-а *широкая натура*.

Что касается понимания национальной специфики семантики языковых единиц, то этому может способствовать наличие в лингвистических словарях дополнительной энциклопедической информации, связанной с историей или культурой той или иной страны. Однако в ряде случаев в своем стремлении все объяснить и все обосновать некоторые авторы прибегают к исключительно умозрительным или чрезвычайно обобщенным разъяснительным примечаниям.

Например, «язык культуры», который используется в упомянутом выше словаре в собственно культурологическом комментарии в виде следующих формулировок, представляется нам излишне формализованным и стандартизированным:

первая скрипка – «соотносится с деятельностным кодом культуры», «с количественным кодом», «в целом выступает в роли стереотипного представления о лидере»;

змея подколодная – «соотносится с зооморфным кодом культуры», «сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику», «в основе образа лежит зооморфная метафора», «отражает восприятие змеи как эталона коварства»;

ни рыба ни мясо – «соотносится с гастрономическим (пищевым) кодом культуры», «в целом соотносится также с духовным кодом культуры, ...который предполагает обязательное наличие у человека каких-л. отличительных индивидуальных черт», «в целом выступает в роли эталона, т.е. меры, “стертых”, неопределенно выраженных свойств человека»;

золотая молодежь – «соотносится с антропным, или собственно человеческим, кодом культуры», «соотносится также с природно-вещным кодом культуры», «содержит антропную метафору»;

ни богу свечка ни черту кочерга – «соотносится с религиозно-антропоморфным кодом культуры», «также соотносится с религиозно-артефактным (через компонент **свеча**) и с артефактно-вещным (через компонент **кочерга**) кодами культуры»;

драная кошка – «соотносится с зооморфным кодом культуры», «соотносится также с религиозно-духовным кодом культуры, в котором склонность к полигамии, неразборчивость в сексуальных партнерах ... считаются предосудительными».

Использование подобных формулировок мало что добавляет к ссылкам на прецедентные тексты, если таковые имеются, и практически ничего не объясняет в плане связи с какими бы то ни было фактами культуры, если подобные тексты отсутствуют.

Приведенные выше примеры демонстрируют различные подходы к созданию вариантов семантического метаязыка, которые, к сожалению, позволяют описать семантику лишь определенного ограниченного круга единиц. К тому же, как показывает практика, подобный метаязык описания лексики оказывается удобным и понятным в основном для филологов-специалистов или, как метаязык И.А. Мельчука и А.К. Жолковского [ТКС 1984], исключительно для специалистов, но абсолютно непонятен для носителей языка.

Следует полностью согласиться с точкой зрения Н.В. Перцова о том, что описание семантики конкретного естественного языка должно представлять собой сведение сложного к простому; «если в задачи науки входит ... сведение сложного к более простому, то неправомерно описывать сложный объект посредством конструкторов, содержащих объекты той же ступени сложности» [Перцов 2006: 8].

С нашей точки зрения, в интересах семной семасиологии, ориентируясь на то, что метаязык семантического описания должны понимать прежде всего рядовые носители языка, метаязык семантического описания семной семасиологии должен удовлетворять следующим требованиям:

- быть не искусственным, а естественным;
- быть основанным на обычных, общеизвестных значениях слов

родного языка;

- быть унифицированным (то есть разные метаязыковые наименования одной и той же семы должны быть сведены к одному варианту, который будет использоваться в описании).

Метаязык семантического описания должен быть *построен именно на базе естественного языка*, он должен быть естественно ориентированным, т.е. представлять собой «естественный семантический метаязык» [Гладкова 2005: 102].

Необходимо полностью согласиться с Ю.Н. Карауловым в том, что «семантические компоненты, их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя языка, так как в противном случае утрачивается сама цель данного описания, ориентированного, прежде всего, на человека – носителя языка и пользователя языком» [Караулов 1988: 10].

В нашей работе в качестве метаязыка семантического описания принимается *естественный (русский) язык*. Он является наиболее удобным в практике семантических исследований, поскольку его существенной чертой является то, он доступен и понятен как исследователю, так и рядовому пользователю языка.

При таком подходе семантический метаязык лингвистами не *разрабатывается*, не придумывается, для него *приспосабливается* обычный язык, в который вносится определенная унификация и который, являясь системой знаков с неограниченными возможностями, будет обладать и *неограниченной описательной силой для отражения семантики любых языковых единиц*. Это позволит устранить ограниченность описательных возможностей предшествующих метаязыков семантического описания.

Описание лексического значения с использованием естественного метаязыка позволяет провести процедуру унификации семного описания, что важно для углубления теоретических представлений об устройстве языковых значений и возможности их строгого научного описания.

Унификация естественного языка для целей семантического метаязыкового описания является важнейшей задачей семной семасиологии. Вариативность номинации одинаковых и близких денотатов в языке – один из фундаментальных принципов речевого общения, а семная семасиология требует унификации метаязыкового описания сем, чтобы уменьшить и стандартизовать естественный семантический метаязык, сделать его более простым и применимым к практическому описанию.

К примеру, описание лексических значений посредством ограниченного количества архисем (например, архисем «лицо», «совокупность лиц») вместо многочисленных вариантов, предлагаемых современными словарями (378 вариантов в словарных толкованиях наименований лиц в русском языке), позволяет более просто и понятно описать значения слов, унифицировано описав на семном уровне сходство между ними, а также

значительно упрощает и вместе с тем формализует метаязык семантического описания для пользователей.

Подобная унификация дифференциальных сем четко выявляет системные связи значений через одинаковые семы и наглядно выявляет семные различия между значениями. Например:

СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

АГЕНТ

«Лицо, которому поручено дело от лица же, общины, товарищества или от правительства; низшая степень поверенного одного государства при другом; частное доверенное лицо по делам, уполномоченный, делец, ходатай, ходок, старатель, стряпчий, поверенный, приказчик» [Даль 2006];

«1. Лицо, исполняющее служебные или деловые поручения какого-н. учреждения, каких-н. органов. // Доверенное Лицо, представитель какого-н. предприятия. // Лицо, группа или общество, проводящие чьи-н. идеи или служащие чьим-н. интересам. // Шпион (разг. устар.)» [Ушаков 2006];

«1. Лицо, уполномоченное учреждением, предприятием для выполнения служебных, деловых поручений. 2. Человек, который действует в чьих-н. интересах, служит чьим-н. интересам. 3. То же, что шпион» [Ожегов 1994];

«1. Представитель организации, учреждения и т.п., выполняющий служебные, деловые поручения. 2. Лицо, являющееся ставленником кого-л., служащее чьим-л. интересам. 3. Секретный сотрудник разведки какого-л. государства; шпион» [БТСРЯ 2003];

«1. Представитель государства, организации, учреждения и т. п., выполняющий различные поручения, задания. 2. Секретный сотрудник разведки какого-либо государства, направляемый для организации или проведения разведок с диверсионной, подрывной целью; шпион. • Секретный сотрудник царской охраны, провокатор. • В сочетании: агент жандармского управления, агент полицейский, тайный, секретные и т. п.» [ССРЛЯ 1950-1965];

«1) а) Представитель какой-л. организации, какого-л. учреждения, выполняющий служебные поручения. б) разг. Тот, кто является чьим-л. ставленником, действует в чьих-л. интересах. 2) Сотрудник разведки какого-л. государства; разведчик. 3) Тайный сотрудник полиции некоторых государств, занимающийся сыском и слежкой за политически неблагонадежными лицами; сыщик» [Ефремова 2000];

«1) сотрудник сыскной или разведывательной службы; 2) представитель учреждения, организации и т. п., выполняющий деловые поручения; уполномоченный; 3) проводник чьих-л. идей» [Крысин 2004].

ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ НА УНИФИЦИРОВАННОМ ЕСТЕСТВЕННОМ МЕТАЯЗЫКЕ

АГЕНТ

1. Лицо, мужской // женский пол, представляет организацию / учреждение, выполняет служебные / деловые поручения.

2. Лицо мужской // женский пол, действует в чьих-н. интересах, служит чьим-н. интересам.

3. Лицо, мужской // женский пол, состоит на службе в разведке какого-л. государства.

4. Лицо, мужской // женский пол, состоит на службе в особых

полицейских войсках для политической охраны или сыска.

Установившийся в прошлом веке порядок лексикографической фиксации значения слов и словосочетаний нуждается в корректировке с учетом семного и семемного видов анализа на базе аспектного подхода к решению данной проблемы. Доказательством тому служат следующие словарные статьи, в состав которых включены коннотативные эмоциональные и оценочные семы, функциональные коммуникативно-тональные семы, причем иногда и с указанием альтернативных вариантов их контекстуального употребления.

Например:

мальчик на побегушках – пренебр.; *морской волк* – одобр.; *желторотый птенец* – с оттенком пренебр. [Жуков 2007];

старая скворечница – грубо-прост. пренебр.; *злые языки* – презр.; *мохнатая лапа* – ирон. [Федоров 2008];

золотая молодежь – говорится с неодобрением;

ломовая лошадь – речевой стандарт, говорится с одобрением, если говорящий считает такое отношение к работе целесообразным и правильным, с неодобрением – если говорящий не согласен с таким отношением;

мелкая сошка – неформальное, говорится с пренебрежением или с уничижением; о себе – как цитация;

[одна] *кожа да <и> кости* – неформальное, говорится с неодобрением, – часто с оттенком сочувствия;

отпетый дурак – неформальное, говорится с неодобрением или с презрением, о себе – с самоиронией;

семи пядей во лбу – речевой стандарт, говорится с одобрением [БФСРЯ 2006].

Также наблюдается введение в словарные дефиниции новых и весьма разнообразных функциональных помет, например:

снобистское, канцелярское, мещанское, газетно-интимное, газетно-официальное [ТКС 1984];

помета *советское* – приписывается лексемам, описывающим советские реалии, способы поведения и т.д.;

помета *стилизованное* приписывается устаревшим лексемам, которые могут употребляться в современном языке в целях стилизации;

помета *нарративное* приписывается лексемам, которые в большей или меньшей степени закреплены за повествовательным стилем речи и в нейтральной разговорной речи избегаются. В нейтральном диалоге такие лексеммы могут придавать речи манерный или казенный оттенок (*нарративное поначалу* – нейтральное *сначала*, *нарративное зачастую* – нейтральное *часто*) [НОССРЯ 2003];

речевой стандарт – помета для фразеологизмов, которые употребляются в любых условиях «общей» речи (*старая дева*);

неформальное – когда употребление фразеологизма характерно для тех условий речи, где можно пренебречь социальным статусом или социальной ролью собеседников (*выжить из ума*) [БФСРЯ 2006];

Все это подтверждает необходимость расширения существующих границ фиксации значения, принятых в традиционной лексикографии, и свидетельствует в пользу того, что назрела потребность в обновлении и унификации семного метаязыкового описания.

Еще одной важной проблемой семной семасиологии является проблема неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц [Стернин 2012: 8-17].

Метаязыковое описание различного типа ментальных единиц на естественном метаязыке сплошь и рядом наталкивается на следующую проблему: одна и та же семантическая сущность в разных исследовательских парадигмах, а также в работах просто разных исследователей может получить несовпадающее метаязыковое описание, что вызывает дискуссии о *правильности* или *неправильности* того или иного описания.

Оставляя в стороне вопрос об ошибочном описании, мы полагаем, что несовпадающие метаязыковые описания ментальных единиц – не недостаток исследовательской практики, а научная закономерность, имеющая реальные методологические и когнитивные основания.

Данное явление (факт наличия разных метаязыковых описаний одной и той же ментальной единицы) было предложено обозначить как «*принцип множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных единиц*» [там же].

Этот принцип представляется нам весьма важным для современной лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лексикографии, и он нуждается в более подробном обосновании.

Во-первых, принципиальная возможность разного метаязыкового описания одних и тех же ментальных единиц – значений, концептов, сем, скрытых смыслов, вообще любых идей – *предопределена невербальным характером мышления* (Выготский, Жинкин, Горелов, Попова, Стернин 2007): если мышление невербально, то обязательная связь между неким ментальным содержанием и какой-либо конкретной, а тем более единственной языковой формой его обозначения, отсутствует. Один и тот же результат познания одного и того же объекта или явления в виде некоторого значения или смысла разными людьми принципиально может быть обозначен (объективирован, вербализован) в разной словесной форме.

Во-вторых, естественный язык доступен в равной мере как исследователю, так и рядовому пользователю языка, и как система знаков обладает, как уже подчеркивалось нами, неограниченными возможностями формулирования описываемых смыслов. Важнейшей особенностью использования естественного метаязыка для описания семантики является именно *неограниченность его возможностей как знаковой системы в*

формулировании смыслов. Это и допускает принципиальную возможность разных метаязыковых обозначений одного и того же смысла. Эта возможность в практике лингвистических исследований регулярно проявляется в разных метаязыковых описаниях одних и тех же ментальных сущностей разными учеными, в разных научных парадигмах.

В-третьих, множественность метаязыкового описания ментальных сущностей обусловлена также тем, что любое метаязыковое описание ментальной единицы представляет собой фактически *интерпретацию* этой ментальной единицы исследователем или реципиентом.

Интерпретация как осмысление полученных результатов и помещение их в определенную парадигму знаний – обязательный этап любого научного исследования, искомым результатом любого акта понимания.

При этом интерпретация всегда *субъективна* по своему результату, поскольку ее выполняет конкретный *субъект*. В науке – это ученый, представитель определенной научной парадигмы; в обыденном акте речи – это носитель языка, обыденного языкового сознания.

Одни и те же результаты исследования могут быть по-разному интерпретированы разными исследователями и в разных научных парадигмах, поскольку:

- интерпретация может исходить из разных теоретических посылок,
- исследователи могут в разной степени быть знакомы с полученными результатами, могут знать их в разном объеме,
- могут иметь разное понимание терминов,
- могут иметь разные метаязыковые навыки, разные способности к вербальному обозначению результатов исследования.

В принципе количество причин, влияющих на интерпретацию научных результатов, не поддается учету – к названным выше можно добавить такие, как личная когнитивная база интерпретатора, его опыт метаязыкового описания результатов исследования, владение иностранной терминологией, степень стандартизации используемого им метаязыка, цель описания, его активный словарный запас, адресат описания и мн.др.

Рядовой носитель языка, интерпретирующий вербально тот или иной смысл, также может сформулировать этот смысл разными словами в зависимости от своего возраста, пола, когнитивной базы, интеллекта, владения языком, словарного запаса, опыта вербализации смыслов и мн.др. причин. Другие носители языка могут сформулировать воспринятый смысл другими словами. Это отчетливо проявляется в психолингвистических – в частности, ассоциативных – экспериментах, которые при использовании их как инструмента семантического анализа требуют семной интерпретации – обобщения разных формулировок одного и того же смыслового признака разными испытуемыми [Попова, Стернин 2007].

Таким образом, в результате интерпретации одного и того же языкового материала могут быть получены:

- разные выводы (которые в таком случае становятся предметом дальнейшей научной дискуссии и требуют проведения дополнительных исследований);
- разные метаязыковые описания одних и тех же полученных результатов (которые подлежат унификации). Нас интересует последний вариант.

Важно подчеркнуть, что разные метаязыковые формулировки одной и той же ментальной единицы при ее описании принципиально не подлежат оценке как истинные или ложные, правильные или неправильные – они просто разные, т.к. раскрывают разные стороны описываемой ментальной единицы. Обсуждению с позиций истинности/ложности может подлежать лишь сам факт выделения того или иного значения, семы, когнитивного признака, скрытого смысла и под., но не его формулировка на метаязыке. Формулировка ментальной единицы может быть более или менее полной, стилистически более или менее удачной, но при этом не будет ошибочной.

Таким образом, множественность метаязыкового описания ментальных сущностей не является недостатком методики описания – это реальность научного описания этих сущностей, неизбежность научного описания ментальных единиц, имманентный признак научного описания ментальных явлений.

Принцип множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных сущностей означает, что любые ментальные единицы, выявленные в процессе лингвистического исследования, например, такие как *семы, значения (семемы), семантемы, семантические признаки, семные конкретизаторы, концептуальные признаки, когнитивные классификаторы, концепты как единицы мышления, концепты текста, прямые и скрытые смыслы, рецептивные схемы восприятия* и др. могут быть описаны разными формулировками на естественном метаязыке, которые могут не совпадать в разных исследовательских парадигмах, у разных исследователей и у разных составителей словарей.

Приведем примеры множественности метаязыкового описания отдельных сем:

лицо (метаязыковые варианты: *человек; кто; тот, кто; некто; кто-либо; субъект* и т.д.);

очень большой (метаязыковые варианты: *огромный, колоссальный, очень крупный, большой размер* и т.д.);

ворует (метаязыковые варианты: *похищает, преступно присваивает, крадет* и т.д.);

быстро (метаязыковые варианты: *с большой скоростью, в высоком темпе* и т.д.);

бедный (метаязыковые варианты: *материально необеспеченный, без средств к существованию, нищий* и т.д.);

старый (метаязыковые варианты: *пожилой, в годах, достигший старости, преклонного возраста* и под.).

При обработке материалов психолингвистических экспериментов

сходные ассоциации интерпретируются как объективация одних и тех же сем слова-стимула [метод семной интерпретации: Попова, Стернин 2007: 168; Стернин, Рудакова 2011: 5-13].

Например, на стимул *литература* методом семной интерпретации полученных ассоциативных реакций выявляются семы:

интересная (интересная, увлекательная, всегда интригующая, что интересно читать, захватывающая, развлекательная, познавательная);

дает знания (знания, источник информации, важная часть эрудиции, знание о культуре, моя учеба, мысли великих, образованность, обучающая, опыт, ответ на самые сложные вопросы, передача жизненного опыта, передача опыта великих людей, способ для познания жизни, способ познания, способ пополнять свой духовный мир, умение видеть скрытое, учебная);

благородная (высокая, благородная, духовная, одухотворенная);

вид искусства (искусство, вид искусства, искусство создавать произведения, направление в искусстве, отрасль искусства);

полезная (поучительная, полезная, заставляющая думать, нужная, способ саморазвития, способная изменить человека к лучшему, умная);

создается писателями (создает писатель, поэт и писатель, продукт деятельности писателя, работа писателей и поэтов, создаваемое писателем, сочинения писателей и поэтов; способ реализации писателя);

творческая деятельность (творчество, плод творчества, объединение искусства и творчества, писательское творчество, творческая деятельность людей, творчество великих людей, творчество народа) и т.д. [Стернин, Рудакова 2011: 5-13].

В словарных дефинициях разных словарей семы часто формулируются по-разному, в разной метаязыковой форме, например:

МЕШОЧНИК

Человек, в большом количестве, мешками **скупающий** хлеб и другие продукты и незаконно **провозящий** их с целью **перепродажи** по спекулятивным ценам (во время продовольственных затруднений) [ССРЛЯ 1950-1965];

Человек, **занимающийся скупкой, перевозкой** вручную и **продажей** каких-н. товаров (первонач. о том, кто в голодные годы **скупал** и **перевозил** хлеб в мешках) [Ожегов 1994];

прост., пренебр. Тот, кто **занимается скупкой, перевозом и спекулятивной перепродажей** товаров [Квеселевич 2002].

Устар. Тот, кто **занимался мешочничеством**. (Устар. Скупка, перевоз и спекулятивная перепродажа зерна и продуктов питания) [БТСРЯ 2003];

разг. Тот, кто **ездил** в хлебные места за продуктами и **спекулировал** ими (в годы гражданской войны в Российском государстве) [Ефремова 2000];

(нов. устар.) Человек, **ездивший** в хлебные места за продуктами и **спекулировавший** ими (в годы гражданской войны) [Ушаков 2006];

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Слабовольный человек, храбрости и благородных порывов которого хватает ненадолго (ирон., презрит.) [Серов 2005];

1. ирон. О человеке, способном лишь на кратковременные, редкие благородные порывы [БТСРЯ 2003];

Книжн. Слабовольный человек, неспособный к длительной борьбе ради благородных целей [Жуков 2007];

Книжн. Ирон. Человек, живущий благородными порывами, но не способный к серьёзной длительной деятельности, к борьбе [Федоров 2008];

ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ

Больной, страдающий психическим расстройством [Ушаков 2006, Ожегов 1994, БТСРЯ 2003];

Психически ненормальный [ССРЛЯ 1950-1965];

м. разг. Тот, кто страдает психическим заболеванием [Ефремова 2000];

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Лицо, занятое наблюдением за кем-чем-н., осуществляющее наблюдение, а также вообще тот, кто наблюдает за кем-, чем-н. [Ожегов 1994];

1. Тот, кто наблюдает, следит глазами за кем-, чем-л., наблюдает что-л. 2. Лицо, которое по службе, по профессии наблюдает за кем-, чем-л. [БТСРЯ 2003];

Тот, кто отличается наблюдательностью [Ефремова 2000];

1. Тот, кто наблюдает, созерцает что-либо./ Лицо, которое по профессии или временному поручению занимается наблюдением за кем-, чем-либо. 2. Устар. Тот, кто строго хранит, соблюдает какие-либо правила, традиции и т. п. [ССРЛЯ 1950-1965];

Книжн. Кто наблюдает что-н. [Ушаков 2006];

НОСИТЕЛЬ

1. м. 1) Тот, кто обладает, наделен чем-л. (идеями, талантом, идеалами и т.п.). 2) Распространитель какой-л. инфекции. 3) устар. Тот, кто носит что-л. 2. м. Предмет, вещество и т.п., **обладающие** каким-л. свойством, **содержащее** в себе что-л. [Ефремова 2000];

1. чего. Тот, кто наделён чем-н., может служить выразителем, представителем чего-н. (книжн.). Н. передовых идей. 2. чего. Распространитель какой-н. инфекции. Н. гриппа. 3. Устройство, **несущее, перемещающее** что-н., а также вообще то, что **заключает, несёт в себе** что-н. (спец.). [Ожегов 1994];

м. I. Тот, кто обладает, наделен чем-нибудь (идеями, талантом, идеалами и т. п.). 2. О предмете, веществе и т. п., обладающем каким-либо свойством, содержащем в себе что-либо. 3. Спец. *Распространитель какой-нибудь инфекции*. 4. Устар. Тот, кто носит что-либо [ССРЛЯ 1950-1965];

1. Тот, кто обладает, наделен чем-л., может служить выразителем чего-л./ О предмете, веществе, обладающем каким-л. свойством, содержащем в себе что-л. 2. Человек, *распространяющий какую-л. инфекцию*. 3. Устройство или какое-л. транспортное средство, **перемещающее, перевозящее** что-л. [БТСРЯ 2003];

(Книжн.) 1. Тот, кто (или то, что) **вмещает в себе** что-н., обладает, наделен чем-н., может служить представителем чего-н. *Носитель русского языка*. 2. Тот, кто **является источником распространения какой-н. инфекции** (мед. биол.) [Ушаков 2006];

БЛУДНЫЙ СЫН

Имя нарицательное для беспутных отпрысков, раскаявшихся и **вернувшихся в лоно семьи** (ирон.). [Серов 2005];

(книжн.) о том, кто раскаялся и **вернулся к прежнему** *после постигших его неудач* [Ожегов 1994];

устар. О человеке, покинувшем кого-, что-л. и **вернувшимся** *после длительного отсутствия назад* [БТСРЯ 2003];

Все выделенные одинаковым шрифтом метаязыковые обозначения в каждой из приведенных дефиниций отражают одни и те же семантические компоненты и требуют при семном описании унификации.

Принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц приводит нас к осознанию еще одного принципа, важного для семной семасиологии:

в отношении результатов любой семантической интерпретации или описания действует *принцип дополненности семантических описаний* [термин И.А.Стернина] – адекватное описание ментальной единицы предполагает обобщение, интеграцию разных ее описаний (ср. знаменитый принцип дополненности Н. Бора, сформулированный им для научных теорий).

Применительно к описанию значений в толковых словарях можно говорить о принципе *дополненности словарных дефиниций*: каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дополняющих друг друга дефиниций разных словарей.

Дополненность семантических описаний – это:

1. возможность отражения в отдельных словарях значений, не отмеченных другими словарями;

2. возможность разного метаязыкового описания одних и тех же значений в разных словарях (закон множественности метаязыкового описания ментальных единиц);

3. возможность разного по глубине и количеству описанных сем описания одного и того же значения в разных словарях.

Все словарные дефиниции разных словарей дополняют друг друга в описании значения слова как единицы системы языка.

Таким образом, принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц свидетельствует, что возможность разных метаязыковых описаний одной и той же ментальной единицы – в частности, семы – отражает реальность представления результатов исследования ментальных единиц на естественном семантическом метаязыке: различные метаязыковые формулировки описывают одну сему, что предполагает и делает необходимым унификацию метаязыка описания семантических компонентов на естественном метаязыке. Любые различающиеся результаты семантического описания подчиняются принципу дополненности.

Выводы

Семная семасиология как раздел семасиологии изучает лексические значения языковых единиц через описание их в виде упорядоченной совокупности минимальных компонентов значения, отражающих какие-либо признаки предмета номинации, в составе отдельной семемы.

К основному терминологическому инструментарию семной семасиологии относятся:

лексема – материальная сторона слова как структурного элемента языка;

семема – отдельное значение слова;

семантема – упорядоченная совокупность семем одной лексемы;

сема – микрокомпонент содержательной структуры слова, который объединяет или дифференцирует отдельные семемы и отражает какой-либо признак предмета номинации.

Подразделение семантических компонентов значения на мега-, макро- и микрокомпоненты [Стернин 1979, 1984, 1985, 2003] может быть представлено следующим образом:

ЛЕКСИЧЕСКИЙ МЕГАКОМПОНЕНТ	
Денотативный макрокомпонент указывает на свойства, признаки предмета номинации	Коннотативный макрокомпонент содержит информацию об оценочном и эмоциональном отношении субъекта к объекту номинации
микрокомпоненты – семы (семантический признак + семный конкретизатор)	микрокомпоненты – семы (семантический признак + семный конкретизатор)

СТРУКТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ МЕГАКОМПОНЕНТ	
Функциональный макрокомпонент обусловлен функционированием слова в системе языка, содержит информацию об особенностях употребления данной единицы в речи	Грамматический макрокомпонент
микрокомпоненты – семы (семантический признак + семный конкретизатор)	

В семной семасиологии при описании значения должен быть реализован полевой подход к семантике слова.

Исследование лексического значения как полевого явления открывает большие перспективы для семасиологического исследования, так как позволяет шире взглянуть на многие традиционные семасиологические проблемы, а также более адекватно описать структуру лексического

значения в единстве всех его компонентов – как ядерных, так и периферийных, что подтверждает целесообразность интегрального подхода к семантике слова в отличие от дифференциально-редукционистского подхода в традиционной лексикографии.

Полевой подход к структуре семемы, воплощающий в себе принцип организации содержания семемы «ядро-периферия», отражает три важнейших системных свойства семемы: её структурную стабильность, способность к развитию и гибкую приспособляемость к коммуникативному акту. Иными словами, с одной стороны, сохраняется относительное постоянство семной структурной организации семемы на определенном этапе развития языка, с другой стороны, такая структура достаточно гибка и дает возможность семеме семантически развиваться в диахроническом аспекте, а также оперативно приспосабливаться к потребностям говорящего в коммуникативном акте.

Наличие семного ядра значения позволяет носителям языка легко опознавать и отличать семные структуры семем друг от друга. Менее структурированная и легко подверженная изменениям периферия предоставляет возможность семеме модифицироваться и видоизменяться в контексте и в диахронии, обеспечивает возможности развития и модификации значения в контексте.

Описание лексического значения слова как полевого явления предполагает выделение, описание и систематизацию компонентов, образующих значение и выделение ядра и периферии в лексическом значении.

Обладающие неравным удельным весом в структуре отдельно взятой семемы семы вступают между собой в различные типы отношений: иерархические, детерминантные, доминантные и синтагматические, а также совместимой или несовместимой дизъюнкции, – которые следует учитывать в процессе семного описания языковой единицы.

Вычленение семантического признака и семного конкретизатора из состава отдельно взятой семы позволяет осуществить идентификацию и дифференциацию её значения с учетом типологических особенностей семантических микрокомпонентов.

Семное описание слов и словосочетаний эффективно выполнять по аспектам значения с использованием структурно более широкой интегральной модели лексического значения по сравнению с традиционно используемой в лексикографии дифференциальной моделью.

При этом необходимо учитывать тот факт, что системное значение слова актуализируется в речи в ограниченном семном наборе – актуальном смысле, который описывается как перечисление актуализованных в данном конкретном контексте сем.

Аспектно-структурный анализ (аспектно-структурное описание) семантики слова заключается:

- в последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семемы;

- в унификации метаязыкового описания сем в рамках семантического класса или лексико-семантического поля;
- в обязательности приложения полной структурно-функциональной типологии сем того или иного семантического класса (трафаретной модели) к описанию каждого значения – в прослеживании наличия всех возможных в рамках каждого аспекта типов сем в каждой отдельно взятой семеме, включая как их наличие, так и отсутствие;
- в перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке.

Предлагаемый подход позволяет не только сделать толкование семантики слова или словосочетания более информативным, но и дает возможность дифференцировать близкие значения, а также позволяет установить и описать парадигматические отношения между словами посредством выявления интегральной семы в качестве доминирующей опорной семы для отдельных групп языковых единиц; весьма важен этот подход и для осуществления более точного и достоверного контрастивного описания семантики лексических и фразеологических единиц двух языков.

Для аспектно-структурного описания значения слова существенны следующие теоретические понятия:

- 1) *аспект семного описания* (денотативные, коннотативные, функциональные семы);
- 2) *унификация метаязыкового описания* семантики в рамках семантических полей и тематических групп лексики;
- 3) *иерархия сем* (архисема, доминантные и слабые, ядерные и периферийные семы);
- 4) *соотнесенность сем с аксиологической шкалой ценностей* (оценочные денотативные семы, денотативная и коннотативная социальная оценочность и эмоциональность);
- 5) *совместимость сем* в структуре значения и при актуализации в акте коммуникации (альтернативные и дифференциальные дизъюнктивные семы, детерминантные отношения сем);
- 6) *вариативность унифицированного метаязыкового описания* (контекстуальная оценочность, эмоциональность и коммуникативная тональность, семантический признак и дифференциальный или наполняемый в конкретной языковой единице семный конкретизатор);
- 7) *трафаретная модель описания семантики* как инструмент семного описания значений конкретных слов.

Обобщение информации о совокупности сем, которые составляют определенную семантическую область языка – его семное пространство, следует осуществлять на основе результатов семного анализа языковых единиц в составе крупных лексико-фразеологических группировок или полей, что позволит не просто расширить границы их классификации, а предоставит возможность унифицировать семное описание их значений на конкретном фактическом материале.

Унифицированное семное описание значения осуществляется на базе

его словарных дефиниций с учетом принципа дополнительности последних, так как наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга.

Увеличению степени детальности описания значения, которая весьма существенна при разграничении синонимов или выборе переводных соответствий того или иного слова, способствуют анализ контекстов и обобщение данных психолингвистических экспериментов, что позволяет выявить «мелкие детали» – дифференциальные семы некатегориального типа, зачастую относимые к вероятностным элементам в структуре значения.

Для семной семасиологии, опирающейся на интегральную концепцию значения, особенно необходима комплексная методика описания значения, поскольку применение комплекса различных методов и процедур для выявления семантических компонентов разных типов в содержании языковой единицы дает возможность наиболее адекватно и полно представить содержание и структуру значения в единстве ядерных и периферийных компонентов и сформулировать обобщенную дефиницию значения, максимально приближенную к реальному языковому сознанию.

Рассматривая методы семной семасиологии, следует различать:

1. рефлексивный анализ семного состава слова;
2. метод прямого оппозитивного компонентного анализа;
3. когнитивно-семантический метод выявления сем;
4. методы получения языкового материала для семного описания;
5. методы семной интерпретации языкового материала и формулирования сем;
6. методы верификации семного описания значения.

Помимо перечисленных выше, в методологический арсенал семной семасиологии, используемый в данной работе, входят приемы и принципы, которые позволяют:

– описать семемный состав моно- и полисемантических слов и устойчивых словосочетаний на уровне микрокомпонентов значения (категоризация, дифференциация и интеграция по семантическому признаку; трансформация лексикографических метаязыковых обозначений; обобщение несовпадающих дефиниций различных лексикографических источников, в том числе и переводных словарей; актуализация и верификация лексикографических помет; анализ контекстов; семная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов; принцип дополнительности семантических описаний);

– различать семантическую информацию макрокомпонентов значения (принцип аспектного подхода к описанию семной структуры лексического значения; принцип различия дескрипции и интерпретации в оценке);

– классифицировать микрокомпоненты значения (принцип интегрально-дифференциального функционального дуализма семы в структуре одной семемы, принцип разграничения семной дизъюнкции, принцип

непредельности семы);

– определять статус и характер взаимоотношений микрокомпонентов значения в семеме (прием негативации семантики для выявления ярких и доминирующих сем в структуре отдельной семемы, принцип детерминации сем разных макрокомпонентов значения);

– разработать и унифицировать метаязык семного описания слов (принцип неединственности описания семемы и семы, правило трех исключений в семном описании семемы: исключение дериватов, исключение «замкнутого круга» – А – это В, В – это А, исключение тавтологии – не толкование одного наименования лица через другое наименование лица).

В нашей работе в качестве метаязыка семантического описания принимается естественный (русский) язык. При таком подходе семантический метаязык лингвистами не разрабатывается, не придумывается, для него приспособляется обычный язык, в который вносится определенная унификация и который, являясь системой знаков с неограниченными возможностями, будет обладать и неограниченной описательной силой для отражения семантики любых языковых единиц.

Проблема разработки и совершенствования метаязыка описания семантики слова неотделима от теоретических лингвистических исследований значения и прикладного применения их результатов. В следующей главе поставленные задачи семной семасиологии решаются на конкретном языковом материале – наименований лиц в русском и английском языках.

Глава 2.

Принципы и категориальный аппарат семной семасиологии в практическом описании семантики слова

На конкретном языковом материале русского и английского языков верифицируются описанные в Главе I принципы и приемы семного описания значения слова.

Описание семантемы слова осуществляется как исчисление набора семем, каждая из которых представлена в виде совокупности семантических макро- и микрокомпонентов.

Порядок описания семем в семантеме устанавливается в опоре на критерий производности семемы – сначала даются непродуваемые семемы (главные значения), затем – продуваемые по убыванию их яркости. Затем осуществляется аспектное описание содержания каждой семемы.

В процессе исследования семной структуры отдельной семемы и проведения семного описания и контрастивного сопоставления семантики наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке (7, 5 тысяч наименований лиц в русском языке, около 20 тыс. значений, 300 тыс. контекстов их употребления и 6,5 тыс. наименований лиц в английском языке) был выявлен набор сем, релевантный для семного описания значений наименований лиц в русском и английском языках, определен конечный список семантических признаков и обобщенных семных конкретизаторов, образующих **семное пространство** наименований лиц в двух языках – *совокупность сем, образующих определенную семантическую область языка*, разработана трафаретная модель *аспектно-структурного семного описания* значений и осуществлена унификация метаязыка семного описания наименований лиц в двух языках.

1. Тематическая группа «Наименования лиц» в русском языке

Семантическое пространство языка, как принято считать в современной лингвистике, структурировано в соответствии с закономерностями природы человеческого сознания, которое функционирует в единстве логического и чувственно-эмпирического. Вовлечение психологического фактора языка в лингвистическое исследование позволяет классифицировать семантическое пространство языка как пространство «обжитое» человеком, отражающее особенности восприятия, логической и

эмоциональной обработки информации о мире человеческим сознанием. Динамические связи слов и словосочетаний в лексико-фразеологической системе языка приводят к созданию такой структуры, из причудливо запутанных переплетений которой можно только лишь условно выделить отдельные участки в целях их исследования.

Вопрос о характере структурирования семантического пространства в контексте различных лингвистических учений и в том или ином терминологическом оформлении рассматривается, по существу, уже давно. М.М. Покровский (1868-1942), отмечая общие закономерности развития значений слов, семантически связанных друг с другом, указывал на то, что в лексической системе языка существуют различные группы или «поля слов», так как «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью» [Покровский 2006: 23-27], но соединяются в нашем сознании в различные группы на основе ассоциаций, отражающих связи предметов в окружающем нас мире.

О глубокой внутренней связи между разными семантическими рядами слов, группирующимися вокруг одного семантического ядра, писал в своих трудах А.А. Потебня (1926).

Принципиально важным для осмысления данной проблемы было появление теории функционально-семантических полей А.В. Бондарко и определение ФСП как семантических категорий, рассматриваемых «вместе с комплексом разноуровневых средств их выражения в данном языке» [Бондарко 1986:70],

А.А. Залевская описывает ряд психологических экспериментов, результаты которых демонстрируют, что внутренний лексикон человека представляет собой иерархическую систему, в основе организации которой лежит семантическая категоризация [Залевская 1978: 55-70].

По мнению авторитетных ученых-лингвистов (В.П. Адмони, Ю.Д.Апресян, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, А.Е. Гусева, Ю.А. Караулов, М.М. Копыленко, А.И. Кузнецова, З.Д. Попова, В. Порциг, В.М. Солнцев, И.А. Стернин, Й. Трир, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, Г.С. Щур и мн. др.), среди различных лексических и фразеологических микросистем словарного запаса языка можно выделить их следующие основные типы: антонимическая пара, синонимический ряд, тематическая группа, лексико-семантическая группа, а также различные виды полей, например, такие как функционально-семантическое, лексико-семантическое, номинативно-функциональное, номинативное поле концепта, лексико-фразеологическое, морфосемантическое, ассоциативное и др.

Следует отметить, что в зависимости от целей и задач исследования сформированные с учетом различных оппозиций тематические или лексико-семантические группы, объединяющие языковые единицы по каким-либо интегральным семантическим или функциональным признакам, могут быть представлены и исследованы в виде макро- или микрополей.

А.А. Уфимцева полагает, что «семантические поля – лексико-

семантические группировки, структуры конкретного языка с учетом его национального и культурного своеобразия; это – знание языка, слов и их значений» [Уфимцева 1988: 138].

И.М. Кобозева считает, что «семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева 2000: 99].

Д. Кристел утверждает: «Семантическое или лексическое поле – это область значений, обозначенная именем, в которой лексемы взаимосвязаны и определяют друг друга особым образом» (перевод И.М. Шеиной) [Crystal 1995: 22].

По мнению А.Р. Лурия, «понятие *семантическое поле*, которое вызывается каждым словом, является вполне реальным, и ... поэтому как процесс называния, так и процесс восприятия слова ... следует рассматривать как сложный процесс выбора *ближайшего значения слова* из всего вызываемого им *семантического поля*» [Лурия 1998: 44].

Согласно выводам ряда исследователей подобные поля могут быть моноцентрическими или полицентрическими. Например, по результатам исследования Н.А. Сабуровой, изучавшей фразео-семантическое поле *пространство*, последнее включает в свой состав микрополя, выделенные на основе дифференциальных признаков разной степени абстракции; имеет полицентрический характер, причем каждый из центров характеризуется своей самостоятельной структурой; качественно и количественно расширяется за счет периферии [Сабурова 2002: 85].

Принимая во внимание тот факт, что «поле не имеет чётко выраженных границ и пересекается с другими полями» [Бондарко 1967: 207], полагаем, что логично и целесообразно рассматривать лексико-фразеологическое семантическое *макропространство* языка как совокупность *диффузных полей* различного объема и плотности, между конституирующими компонентами которых выявляются семантические взаимосвязи и наблюдается парадигматическая взаимозависимость.

Полевой подход, включающий выделение в исследуемом множестве языковых средств ядра и периферии, как отмечалось ранее в Главе I, широко и плодотворно применяется в лингвистических исследованиях для сегментации лексико-семантического континуума.

Метод полевой организации материала, на наш взгляд, является наиболее приемлемым для лингвистического исследования лексико-фразеологической тематической группы «Наименования лиц» в русском языке.

Учитывая, что лексика и фразеология являются двумя подсистемами одной лексико-фразеологической системы языка, так как тесно связаны между собой общими закономерностями и взаимопроникающими тенденциями, следует признать, что «теснейшее взаимодействие лексики и фразеологии в рамках единого поля основано на общности номинативной функции слов и фразеологических сочетаний, а также на едином характере

их семантики, описываемой в одних и тех же терминологических единицах (семы, семемы), на общности семантических процессов, которым они подвержены» [Копыленко 1989: 88].

Вполне резонным представляется и мнение о том, что исследуемая лексико-фразеологическая группа «Наименования лиц» «...предстает как функционирующая система, в которой происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними <...>, раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм этой связи и его закономерности, выявляются особенности языкового сознания, раскрываются его национально-специфические черты» [Попова, Стернин 1984: 17].

Под термином **наименование лица** в данном исследовании понимается языковая единица, которая служит для обозначения какого-либо человека как существа разумного, являющегося носителем каких-либо характерных качеств, принадлежащего к какой-либо социальной среде. Личные имена и фамилии, в том числе гипокористические (бытовые) личные имена, а также всевозможные модификации личных имен и фамилий реальных лиц или отантропонимических прозвищ, за исключением случаев тропеического употребления последних, например, при антономазии, в список исследуемого объекта не вошли вследствие специфичности их семантики. Исследование, в основном, ограничивается именами нарицательными.

К наименованиям лиц относятся слова и словосочетания различных типов номинации: первичной и вторичной (*амазонка, недоросль, попутчик, меценат, капитан, бургер, вассал, спутник, ментор, мегера, фурия* и т.д.), прямой и переносной (*дошкольник, физрук, новичок, куратор, победитель, главврач, былинка, мочалка, мэтр, козьявка, гангрена, зверюга, затычка, альт, властитель дум, старая кляча, слуга двух господ, колосс на глиняных ногах, бумажная душа* и т.д.).

С точки зрения морфологической структуры, обозначенные языковые единицы представляют собой как синтетические (однословные, простые – *брат, старик, юноша, товарищ, подруга, знакомая, служащий, директор*; сложные – *летописец, рыболов, глухонемой, сумасшедший, горе-охотник*), так и аналитические (составные – *крестный отец, сводный брат, молодой человек, старший преподаватель, всевидящее око, отцы города, собрат по оружию, ходячая энциклопедия, лишний рот* и т.д.) образования.

Номинация в пределах слова и словосочетания относится к разряду простой и противопоставляется сложной номинации – единицам-предложениям. Последняя, следует отметить, встречается в исследуемых нами номинативных образованиях крайне редко в силу ее нетипичности для номинации лица. Бесспорно, человек в обиходном дискурсе может номинироваться и посредством пословиц и поговорок. Однако чаще всего такая номинация используется в качестве повторной, дополняющей первую, основную. В ней, кроме всего прочего, содержится определённое отношение общества к действию или явлению, поскольку пословицы,

подобно фразеологизмам, представляют собой сентенции, обладающие ярко выраженной нравственно-дидактической ценностью, например: *Никто, ничто и звать никак. Велика Федора, да дура. Голова завита, а не делом занята. Снаружи красота, а внутри пустота. Снаружи блестит, а в голове свистит.*

Объединение в названии темы исследования всех перечисленных языковых единиц одним термином **наименование лица** обусловлено общностью их внеязыковых и внутриязыковых связей и отношений. Одновременно мы не отрицаем, что между ними нет полного тождества в функциональном отношении. Следует также учитывать, что в отличие от лексических единиц «уровневые признаки и свойства (синтагматические и иерархические) проявляются у фразеологизмов явно недостаточно» [Жуков 1984: 16].

Объект данного исследования представляет собой фрагмент основного словарного состава языка, в многочисленный корпус которого входят частотные и нередко полисемантические языковые единицы, как лексические, так и фразеологические, которые согласно различным терминологическим подходам можно относить к «словам-названиям» [Виноградов 1949: 77], «словам именующим» [Шведовой 1998: 254], «единицам наименования» [Шмелев 1977: 89]. Все они объединены на основе общности выражаемого ими значения, т.е. по семантическому принципу, так как служат для обозначения людей:

«*Пионер, отличник, футболист и собиратель* металлического лома» [Сергей Довлатов. Наши, 1983 – НКРЯ];

«– Хватит, – вдруг сказал Ленька, останавливаясь и отирая со лба пот. – Вон отсюда, *жулье проклятое!*» [Валентина Осеева. Динка, 1959 – НКРЯ];

«Эй ты, предьяви документ, *голубая кровь!* А вы чего рот разинули, *усмирители?*» [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго, 1945-1955 – НКРЯ].

Принимая во внимание тот факт, что «парадигматические связи слов основываются на том, что в значениях разных слов присутствуют одни и те же компоненты», следует подчеркнуть, что «наличие общих сем, их повторяемость в семемах разных слов и делает соответствующие слова парадигматически соотнесенными по смыслу» [Кузнецова 1989: 32].

Кроме того, их связывает общность выполняемых ими функций: номинативной, идентифицирующей, характеризующей, социально-различительной, побудительной, экспрессивно-оценочной, – что позволяет активно использовать функциональный принцип в качестве основания для их объединения.

Общность номинирующих лицо лексических и фразеологических единиц проявляется в их соотнесенности как номинативных знаков с объектами одного и того же предметного ряда, объединенных «субкатегориальным признаком» (по терминологии А.А. Уфимцевой) **одушевленное лицо**: *орденоносец, военнослужащий, службист, штабник, генерал, герой, защитник, спортсмен, победитель, участник, рекордсмен, мечтатель, романтик, борец за справедливость.*

Подобная номинация существенно отличается от номинации, например, артефактов, так как, в отличие от предметов, человек как объект номинации характеризуется, вследствие многогранности человеческого бытия, возможностью применения к нему множества разнообразных наименований: «Да, *женщина – поэт, творец* скандала, но не *новатор*, а *консерватор*, даже *традиционалист*» [Аркадий Инин. Женщина и скандал, 1996 – НКРЯ];

«Таким образом, он стал моим *зятем*, а я – каким-то там очень далеким, *седьмая вода на киселе, троюродный плетень* нашему забору, но все же *родственником* Марка Твена» [Владимир Матлин. Марк Твен и я, 2003 // «Вестник США», 2003.11.26 – НКРЯ].

Наименования лиц как языковые знаки, служащие для обозначения представителей антропосферы, представляют собой образования, соотнесённые с предметным рядом двуаспектно: во-первых, в парадигматике, как идентифицирующие единицы в системе номинации, во-вторых, в синтагматике, в качестве предикативных знаков в актуальной речи.

Свойство двойной репрезентации внеязыковой действительности (номинация и предикация) означает, что данные номинативные единицы служат не только простым наименованием объектов реальной действительности, в данном случае лиц, но и выступают выразителем отношения содержания высказываемого к действительности. В парадигматическом плане рассматриваемые единицы языка следует, таким образом, отнести к знакам называющим, *идентифицирующим*, а в плане синтагматическом – к предикатным, *характеризующим*:

«Американский *философ, основоположник* прагматизма Джон Дьюи характеризовался в «Кратком философском словаре» как реакционный буржуазный американский *педагог*, закоренелый *идеалист*, идеологический *оруженосец* американского империализма, стремящегося к мировому господству, *участник* грязных клеветнических кампаний против Советского Союза» [Георгий Арбатов. Человек Системы, 2002 – НКРЯ];

«Я не *шпион*, не *валютчик*, не *изменник*, я – лояльнейший и вернейший *гражданин* Советского Союза, если хотите – просто *обыватель*» [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4, 1978 – НКРЯ].

Поскольку именуемый антропообъект обладает множеством признаков, каждый из которых может актуализироваться в речи и послужить основой для речевой номинации, то номинирующие лицо или группу лиц языковые единицы отличаются многочисленностью и видовым разнообразием, что позволяет выделять открытые ряды номинативных обозначений лица по одному из выявленных интегральных семантических признаков, например, «возраст» – *несовершеннолетний, новорожденный, подросток, ребенок, молодой человек, малыши, юноша, мальчик, дитя, парень, юнец*; «семейное положение» – *жена, женка, жenuшка, супружница, супруга, соломенная вдова, рыбачка, солдатка, благоверная, дражайшая половина, матрона*,

подруга жизни; «межличностные отношения» – *единомышленник, кавалер, знакомый, подруга, ухажер, поклонник, соучастник, сообщник, друг* и т.п.

Различительные особенности данных единиц номинативной лексики обуславливаются их *прагматической функцией*, проявляющейся при использовании их в акте коммуникации для выражения одобрения или неодобрения, уважения или презрения, похвалы или порицания и т.п.: *богиня, соседушка, милочка, детка, классный специалист, профи, мастер своего дела, светлая голова, курилка, клоун, террорист, вояка, безбожник, старикашка, тетушка, тетка, забулдыга, карьерист, бедняга, недоучка, сосунок, рубаха-парень, олух, волк в овечьей шкуре, злой гений* и т.д.

При этом представляется очевидным мнение о том, что «прагматичность наименований лиц предопределяется сущностью языка как средства взаимодействия двух материальных систем – языка и человека, реализуемого в коммуникативно-речевой деятельности» [Брандес 1983: 21].

Прагматический характер содержательного назначения наименований лиц находит подтверждение, например, в том, что при анализе их семных структур в этих структурах выявляются и описываются соответствующие конкретной коммуникативной ситуации коннотативные и функциональные микрокомпоненты значения (контекстуальная оценка, контекстуальная эмоция, контекстуальная тональность общения).

В тех случаях, когда наименования характеризуют человека с позиций той или иной социальной среды, проявляется социальная обусловленность исследуемых образований, поскольку для каждого социума характерна своя *социальная маркированность* наименований людей, рассматриваемая в семной семасиологии как социальная детерминированность сем, которые выявляются в семной структуре подобных языковых единиц.

Употребление в речи вполне определенных наименований людей обычно служит показателем базирующихся на различной типологической основе (ролевой, статусной, индивидуально-личностной) межличностных отношений коммуникантов. В семье, например, человека именуют иначе, чем в кругу его друзей, коллег по работе и т.п.: *отец, папуля, батенька, папаша, голубчик, любимый, свет в окошке, старина, хозяин, мистер, шеф, господин, гражданин, покупатель, клиент, товарищ, мужчина, друг, брат, кавалер, невежда, неуч, оборотень, сухарь, змей, свинья, шляпа, рэкетир* и т.д.

Несомненно, что реально существующая «индикация принадлежности человека к той или иной общественной группе, а также соотносительного положения индивида (социальной дистанцированности между участниками общения)» [Карасик 2002: 6] может быть описана в значении слова или словосочетания на семном уровне, например:

офис-менеджер, префект, проконсул, исполняющий обязанности мэра города, сенатор, премьер-министр, советник, вице-спикер (официально-деловое, общепотребительное);

подзащитный, подозреваемый, подсудимый, присяжные заседатели,

сообщник, понятой, находящийся под домашним арестом, соучастник (официально-деловое, юридическое);

жоржик, топорник, крысятник, мочила, вертухай, пуриц, бикса, фраер, медвежатник (уголовное, жаргонное) и т.п.

Анализ коннотативных и функциональных семантических признаков в структуре исследуемых наименований лиц позволяет дифференцировать их носителей не только в соответствии с их социальным статусом и характером их взаимоотношений, но и по стилю их общения, а также проводить сопоставление по территориальным (диалектным) или темпоральным характеристикам. Например:

лицо, мужской пол, пожилого возраста – *дед* (разговорное, тонально-нейтральное), *дедок* (неодобрительное, отрицательно-эмоциональное, уничижительное), *дедушка* (положительно-эмоциональное, ласковое), *старик* (межстилевое, общеупотребительное, тонально-нейтральное), *старый хрыч* (неодобрительное, отрицательно-эмоциональное, бранное), *старпёр* (неодобрительное, отрицательно-эмоциональное, грубое);

лицо, мужской пол, обладает чрезмерно большой физической силой – *силач* (межстилевое, общеупотребительное), *амбал* (просторечное), *бугай* (сниженное), *качок* (сленговое, в молодежной среде), *добрый молодец* (поэтическое, в русских сказаниях, устаревающее), *геркулес* (книжное);

лицо, женский пол, придерживается взглядов старообрядчества – *кержанка* (от названия реки Керженец, притока Волги, где находился один из центров староверчества: устаревшее, в Поволжье), *старообрядка* (межстилевое, общеупотребительное);

лицо, мужской пол, достиг высокого искусства в своём деле – *достойник* (разговорное, в Тульской области), *мастер* (межстилевое, общеупотребительное), *дока* (разговорное, общеупотребительное);

лицо, женский пол, кричит много и громко – *гаркунья* (просторечное, в Воронежской и Тамбовской областях), *горланка* (просторечное, общеупотребительное), *крикунья* (разговорное, общеупотребительное).

Как экстралингвистически детерминированные языковые единицы, в семной структуре которых сочетаются рациональная (денотативная) и эмоциональная (коннотативная) оценки, наименования лиц могут служить знаками *иллокутивного воздействия*. Они как речевые знаки «обладают не только локутивным (связанным с произнесением) воздействием, но и некоей иллокутивной силой, способной воздействовать на участников коммуникативного процесса и, в свете постулатов теории речевых актов, достигать определенного перлокутивного эффекта, обусловленного его последствиями» [Баранов, Добровольский 1993: 542].

Выбор номинатором определенного варианта наименования в значительной мере зависит от его личных эмпатий и интенций, его желания оказать вполне определенное воздействие на объект наименования. Когда адресант говорит: *Ты что, совсем, что ли дурак?* – он хочет этим сказать: *Не будь дураком!* – что достаточно рельефно манифестирует иллокутивность номинации – порицаемость поведения и

необходимость исправления. Типология механизма речевого воздействия с процедурной точки зрения основывается на «когнитивных способах преобразования знания, приводящих к его передаче в речевом акте и введении в модель мира адресата» [Баранов 2001: 224].

Иллокутивное воздействие рассматриваемых наименований лиц обусловлено содержащимися в их семных структурах специфическими индуцирующими компонентами, которым свойственны различные критерии измерения. «Экспрессив в качестве индуцирующего компонента, отражая ментальность номинатора, используется как средство выражения эмоционально-оценочных значений» [Уфимцева 1977: 45].

Так, употребляя слова *старик*, *маэстро*, *мэтр* для наименования молодого человека, отличающегося рассудительностью и мудростью, присущими мудрому старцу, номинатор имплицитно вкладывает в них директивное указание: *Молодец! Так держать!* И, наоборот, иную директивную направленность содержат наименования лиц: *старая лисица*, *трепач*, *лгун*, *хитрец*, *враль*, – которую можно свести к формуле: *Хватит хитрить! Не все уж так глупы, чтобы этому верить.* В том случае, когда некоего человека именуют *деспотом*, *диктатором*, *тираном*, *мракобесом*, *самодуром*, то однозначно выражают порицание: *Такие авторитарные методы руководства неприемлемы! Их необходимо изменить!*

Таким образом, важной особенностью наименований лиц в плане их функционирования в речи является наличие в их семной структуре компонента, способного сигнализировать о чем-то и что-то стимулировать, компонента иллокутивного характера, воздействующего на участников коммуникации.

Элементы лексико-фразеологической системы конкретного языка, выполняют свои номинативные, коммуникативные и иные функции в языковой системе реально существующего этноса. Ориентированность на соответствующий этнос или *национальная специфика*, несомненно, проявляется в семантике ряда исследуемых наименований лиц, например, тех, которые служат для обозначения людей, однозначно воспринимаемых нами в качестве представителей вполне определенного национального поля: *красная девица*, *царевич*, *государь*, *барышня*, *недоросль*, *хлопец*, *совок*, *гуру*, *аксакал*, *гейша*, *фараон*, *хан*, *самурай* / *hippie* (хиппи), *yankee* (янки, американец), *cockney* (кокни, лондонец из низов), *cowboy* (ковбой, пастух), *the First Lady* (жена президента) и т.п.

Анализ структуры семантики исследуемых единиц на уровне макро- и микрокомпонентов значения позволяет объяснить их коммуникативно-функциональное предназначение с позиций семной семасиологии.

Как известно, предопределенные природой свойства и отношения объектов действительности субъект номинации преломляет (а нередко и модифицирует) через призму присущей ему информации, хранящейся в системе языка, через ту языковую картину мира, которая сформировалась на основе общественного опыта данного языкового коллектива и опыта индивидуального: «Давая наименования новым объектам, осуществляя их

группировку и классификации, говорящий субъект пользуется теми элементами плана выражения и плана содержания, которые уже представлены в данном языке» [Гак 1976: 92].

В этой связи необходимо отметить, что в плане иерархии принято различать первичные и вторичные номинации. Первая представляется как «форма именования, которая используется для обозначения предмета или лица в своей основной (первичной) функции» [Курилович 1962: 59], вторая рассматривается как «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия 1977: 129]:

адмирал – звание высшего командного состава военно-морского флота > человек, носящий это воинское звание; ср. *admiral* – a high rank in the British or US navy > someone with this rank;

архиерей – высший чин монашеского духовенства православной церкви – епископ, архиепископ, митрополит, патриарх > лицо в этом чине; ср. a *priest of the highest rank*;

ассистент – тот, кто помогает специалисту выполнять работу > младшая преподавательская должность и низшее ученое звание преподавателя в высших учебных заведениях > лицо в этой должности, звании;

Народный артист республики / Народный художник (врач) России / Герой России / Ветеран труда – почётное звание (знак отличия), присваиваемое высшим органом государственной власти за выдающиеся заслуги (выдающуюся деятельность в какой-либо области) > человек, носящий это звание (награжденный этим знаком).

Вторичная номинация основывается на опосредованном соотношении уже наличествующего в языке денотата с новым наименованием. И опосредованность такой, вторичной номинации состоит в том, что «некоторые признаки значения, присущие переосмысливаемой языковой единице, переносятся в сигнификативное содержание нового наименования» [Колшанский 1977: 74].

Совершенно справедливо отмечено, что основным критерием выбора существующей в языке единицы номинации для использования ее в иной денотативной соотнесенности служит «сходство ее смыслового содержания с сигнификатом вторичного наименования» [Алефиренко 2002: 6], например:

питекантроп – древнейший ископаемый вид человека, предшествовал неандертальцу, характеризуется значительным числом обезьяньих черт > человек с некрасивой, дурной, похожей на обезьяню внешностью или человек, невоспитанный, грубый, неумный;

маг – в странах Древнего Востока: жрец, совершавший религиозные обряды и занимавшийся предсказаниями > человек, владеющий тайнами магии;

деспот > в рабовладельческих монархиях Древнего Востока: верховный правитель, пользовавшийся неограниченной властью > самовластный

человек, попирающий чужие желания и волю;

чародей, обладает необыкновенными и выдающимися способностями, использует их для воздействия на силы природы, на людей > о человеке, достигшем выдающихся успехов в своем деле.

Наименования лиц, которые выступают как знаки вторичной номинации, находятся в непосредственных отношениях со знаковой ситуацией, которая вызвала потребность в переносе наименования с одного объекта на другой, и в опосредованных отношениях с первичной знаковой ситуацией. Вместе с тем новые номинативно-прагматические условия использования знака во вторичной номинации требуют нередко его контекстуальной и дискурсивной поддержки:

он медик, учится в медицинском институте – медик (1зн. специалист в области медицины; работник медицинского учреждения. 2зн. о студенте медицинского учебного заведения);

она биолог, работает в школе учительницей – биолог (1зн. специалист по биологии. 2зн. учитель биологии. 3зн. студент биологического факультета института).

При этом, как отмечает В.Г. Гак, «форма сохраняет полностью свое значение, если та различительная черта, которая была положена в основу при ее создании, присуща тому объекту, к которому прилагается данная форма. Если же она используется для обозначения объекта, лишённого данной черты, то сема, соответствующая этой черте, погашается и устраняется из семантической структуры слова, которое подвергается переосмыслению» [Гак 1976: 89].

Развитие значения и переносы наименования приводят к созданию парадигмы семем, соотнесенных с одной лексемой. Варьирование, как в составе лексемы (семеме), так и отдельно взятой семеме (актуализация в речи одной и той же семеме в разных наборах семантических компонентов) обусловлено изменением взаимосвязи и взаимоотношения составляющих их сем и «служит механизмом развития значения и механизмом переноса наименования» [Попова 2007: 68].

Синтагматические отношения языковых единиц действуют при формировании тех номинаций, которые структурно представляют собой сложносоставные образования на основе линейного или одновременного соотнесения входящих в их состав элементов, не всегда допускающих свободную синонимичную замену, например: *обстрелянный волк, золотые руки, большое сердце, круглый сирота, канцелярская крыса, высокий гость, заячья душа, змея подколотная*. В таких случаях «форма одного из сопряженных знаков требует определенной формы другого» [Гак 1998: 363], т.е. налицо определенная синтагматическая связанность, которая может быть проанализирована с позиции межсемемных отношений составляющих такие синтагмы семем на уровне их компонентов – сем.

В семантическом отношении, основываясь на общепринятой типологии [Гак 1998: 221; Девкин 1971: 76], подразделяют номинацию прямую и переносную (косвенную).

Употребление наименования в прямом значении предполагает симметричные, непосредственные или прямолинейные отношения между наименованием лица и денотатом. Прямые номинации, когда предметная и понятийная соотнесенность совмещаются «в пределах словесного знака» [Уфимцева 1977: 52], наиболее частотны среди следующих наименований лиц:

наименования лиц по узкопрофессиональной принадлежности к какой-либо сфере деятельности – *археолог, астроном, вышивальщица, генетик, геодезист, горняк, краболов, кибернетик, логик, массажист, метеоролог, окулист, скорняк, ткач, планетолог, пушкинист, славист, социолог, топограф, политолог, сварщик, эстетик* и т.п.;

наименования лиц по характеру регулярно и сверх нормы совершаемого действия – *балагур, брехун, гуляка задира, клеветник, сплетница, обжора, перестраховщик, спорщик, симулянт, скандалист, хвастун, шалун, буян, враль, шутник, ябеда* и т.п.;

производные номинации лиц от званий и титулов в социальной, военной, религиозной иерархиях – *барон, княгиня, император, фрейлина, принц, шевалье, граф, королевич, султан, шах, шейх, раввин, протоиерей, кардинал, ксендз, лама, адмирал, ефрейтор, капитан, капрал, маршал, мушкетер, есаул, мичман, профессор, доцент, фельдмаршал, унтер* и т.п.;

наименования лиц по территориальной, национальной принадлежности – *белорус, ленинградец, испанец, калмык, украинец, афинянин, киприот, румын, одессит, парижанин, хutorянин, зимовщик, полярник, экскурсант, островитянин, кавказец, москвич, сибиряк, южанин* и т.п.;

наименования лиц по внешним физическим особенностям – *блондинка, бородач, великан, карлик, коротышка, лысый, очкарик, толстяк, шатенка, горбун, косой, слепой, хромо́й* и т.п.;

словоформы, денотативное значение которых достаточно очевидно и не требует декодирования – *первокурсник, пятиклассник, конный, дежурный, юбиляр*, часто субстантивированного типа – *пострадавший, подзащитный, замыкающий, управляющий, голодающий, отдыхающий, умирающий, утопающий, желающий, заведующий, служащий, играющий* и т.п.

Семная структура подобных словоформ изоморфна структуре номинативной ситуации: языковая единица используется для идентификации или характеристики лица на основании присущего данному субъекту доминирующего дифференциального признака.

При переносной (косвенной или опосредованной) номинации название употребляется не в своем основном, а во вторичном значении, при этом референт получает не специально созданное для него, а «чужое» наименование. Переносная номинация предполагает усиление и использование периферийных семантических признаков при образовании наименований лиц, когда те выполняют несвойственную им роль.

Использование «языковых форм в несобственной функции» [Гак 1998: 322] обусловлено, прежде всего, тем, что средства номинации не беспредельны в своем потенциале: существует определенная зависимость

между номинацией и лексико-семантическими ресурсами языка [Шмелев 1964: 129]; кроме того, субъекту номинации удобнее, подчас, воспользоваться для обозначения лица существующими языковыми элементами, чем создавать новые.

Основная отличительная черта переносной номинации – асимметричность отношений наименования и называемого им лица, когда номинация в своей первичной функции не соответствует данному референту, а сам механизм этих отношений носит более сложный и разнообразный характер. При косвенной номинации лицо может номинироваться в речи в более широком номинативном диапазоне, чем при прямой номинации. Однако переносные номинации не абсолютно произвольны в своем возникновении и не лишены той или иной связи, реальной, либо созданной воображением номинаторов, с теми или иными признаками и свойствами референта.

Наименования, традиционно присущие одним предметам и лицам, переносятся на другие объекты в силу определенных закономерностей. Выявление и установление определенных обобщенных формул, по которым осуществляются переносы названий, именуемые в стилистике тропами [Брандес 1983: 38], – сфера парадигматической семасиологии. Исследуемые данной отраслью науки переименования существенным образом меняют содержательный предметно-логический план называния. Ибо любой троп, в отличие от узуального, общепринятого обозначения объекта, представляет собой «совмещение двух семантических планов в единице формы» [Скребнев 1975: 117].

Основанные на использовании «чужих» имен номинации осуществляются либо путем непосредственного переноса названия с одного предмета на другой, либо путем сравнения на основе какой-то близости или сопряженности понятий. В их основе лежит такое фундаментальное средство языка, как полисемия. Семантическая двуплановость является непременным условием метафорического или метонимического переноса значений и представляет собой одно из проявлений опосредованности отношений означаемого и означающего. Переосмысление совершается без изменения языковой структуры слова, когда в старую форму вливается новое содержание.

Именно в этом смысле мы понимаем высказывание Д.Н. Шмелева, когда он говорит относительно значений многозначных слов: «... объединяющие соответствующие значения признаки не являются ни дифференциальными семантическими признаками данных слов, ... ни вообще конструктивными элементами значения... В известном смысле это не элементы собственного значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое означает слово» [Шмелев 1973: 193].

При актуализации вторичного смысла в рамках косвенной (переносной) номинации наиболее активно используются такие виды тропов, как метафора (в нашем случае – более 52%), основывающаяся на отношениях по сходству: *аршин с кепкой, гоблин, денежный мешок, крепкий орешек,*

отрезанный ломоть, паразит, прилипала, размазня, старая вешалка, сухарь, ходячая газета, чучело гороховое и т.п., – и метонимия (около 17%), в основе которой лежат отношения по смежности: *мохнатая лапа, родственная душа, всевидящее око, луженая глотка, ненасытная утроба, вторая половина* и т.п.

Бифункциональность наименований лиц как языковых знаков проявляется в метафорической и метонимической номинации по-разному. По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, метафора больше «ориентирована на позицию нереперентную или признаковую», для метонимии же «типично выполнение идентифицирующей функции» [1998: 352].

Вполне обоснованно звучит мнение, что метафора переносит образ, сформированный относительно одного класса объектов, к другому классу, из одной сферы – в другую. Для данного тропа из двух основных функций первичной признается функция характеристики, а функция идентификации – вторичной, ибо как средство формирования вторичных наименований на основе переосмысления «метафора возникает в условиях нарушения категориальных границ, ее ресурс – сдвиг в классификации объекта, включение его в тот класс, которому он не принадлежит» [Арутюнова 1998: 323].

Сравнение чего-то с чем-то в метафоре происходит при включении в механизм человеческого восприятия чувства сходства. «Семантический посредник между исходным и метафорическим значениями (семантический реализатор метафоры) представляет собой конкретный признак, который можно логически выделить и обозначить, либо некое общее или сходное впечатление, производимое сопоставляемыми предметами, а также целый набор признаков, иногда достаточно разнохарактерных» [Вардзелашвили 2002: 20].

В рамках метафоры имеет место, как отмечают многие авторы, сведение несопоставимого, пересекающегося лишь в какой-либо одной точке и очень различного в остальном. Не случайно, поэтому Н.Д. Арутюнова называет метафору «рассадницей алогичного в языке» [Арутюнова 1979: 176].

Метафорический перенос представляет собой «трехчленную структуру, где есть исходное слово, промежуточное (общее) понятие и результирующее значение» [Гак 1996: 484]. Общее понятие выступает в метафоре в качестве связывающего звена двух сопоставимых объектов, например, животного и человека, основываясь на общепринятых семасиологических универсалиях. Одно и то же переносное название может ассоциироваться с различными образами, взятыми в аспекте своей знаковости:

лев олицетворяет не только всевластие (*царь зверей*), храбрость и смелость, но и черты, как принято считать, присущие по гороскопу человеку, родившемуся в конце июля – августе, когда Солнце находится в созвездии Льва, кроме того, *светским львом* называют мужчину, законодателя мод и правил светского поведения, пользующегося большим

успехом у женщин;

когда кого-то называют словом *осёл*, то в этом типовом образе совмещаются свойства глупости или упрямства, однако если *осёл Буриданов*, то к данным характеристикам прибавляется ещё и крайняя нерешительность, чего не скажешь о *Валаамовой ослице* (покорный человек, неожиданно выразивший свое мнение).

В подобных образованиях переносные языковые единицы «выходят» из зоны своей референции и «переключаются» на новую референтную соотнесенность. Необходимая, существенная часть информации для вновь отображаемого объекта переносится в новое формирующееся понятийно-языковое содержание языковой единицы.

Актуализация того или иного различительного признака зависит от того, обладает ли им новый объект наименования, на который переносится метафорическое словообразование, а также от актуальности конкретного признака для данной конкретной коммуникативной ситуации; другие признаки при этом не реализуются или *погашаются*. «Снятые» признаки не исчезают, они остаются у данных единиц в потенции и функционируют каждый раз в зависимости от контекста. Причем, не исключается возможность наличия в ряде производящих значений двух и более равнозначных образных гештальт-структур.

Так, если в качестве наименования используется лексема *морж*, то носитель данного имени может восприниматься не только *человеком крупным и с большими усами*, но и еще *любителем зимнего плавания в открытых водоемах*.

Метафорическое наименование *пигалица* корреспондирует с типовыми образами *малорослой женщины* или *тщедушного подростка мужского или женского пола*, которые могут отличаться *невзрачной внешностью*.

Именованное лицо *быком* наводит на мысль не только о *крупном, здоровом и сильном*, но и обычно *упрямом лице мужского пола*.

При формировании вторичных значений наименований лиц на основе метафоры наиболее продуктивными являются типы переносов, которые отражают характер отношений между следующими сферами внеязыковой действительности:

животное → человек

(в нашем исследовании – 13% от всего количества переносных значений, 25% от языковых единиц с метафорическим переносом значения): *боров, волк в овечьей шкуре, гнида, дойная корова, жеребец, подопытный кролик, козёл отпущения, ломовая лошадь, морж, собака на сене, старая лиса, травленный волк, червь, мышинный жеребчик* и т.п.;

артефакт → человек

(13% от всего количества переносных значений, 24% от языковых единиц с метафорическим переносом значения): *бездонная бочка, живая газета, ветряная мельница, бревно неотесанное, истукан, каждой бочке затычка, кисель, первая скрипка, последняя спица в колеснице, столп финансового мира, кукла* и т.п.;

вымышленное или мифическое существо → человек

(7% от всего количества переносных значений, 14% от языковых единиц с метафорическим переносом значения): *баба-яга, божество, вампир, ведьма, геркулес, гном, демон, дьявольское отродье, кикимора болотная, кощей, нимфа, оборотень, падающий ангел, пень стоеросовый с глазами, призрак, сатана, фея* и т.п.;

птица → человек

(6% от всего количества переносных значений, 12% от языковых единиц с метафорическим переносом значения): *белая ворона, вольная птица, гадкий утёнок, глухая тетеря, гусь лапчатый, зяблик, лебедь, мокрая курица, орел, пугалица, птенец желторотый, птица высокого полёта, ранняя птичка, слепая курица, старый сыч* и т.п.;

литературный (библейский) персонаж → человек

(5,5% от всего количества переносных значений, 11% от языковых единиц с метафорическим переносом значения): *агнец божий, блудный сын, вавилонская блудница, голый король, кисейная барышня, лишний человек, мещанин во дворянстве, скупой рыцарь, слуга двух господ, Фома неверный, халиф на час* и т.п.;

растение → человек

(4,5% от всего количества переносных значений, 9% от языковых единиц с метафорическим переносом значения): *божий одуванчик, самовлюблённый нарцисс, выжатый лимон, дубище, плесень, поганка, старый мухомор, не обсевок в поле, тепличный цветок* и т.п.;

явление природы → человек

(2% от всего количества переносных значений, 5% от языковых единиц с метафорическим переносом значения): *айсберг, восходящее светило, гроза всего двора, звезда первой величины, лёд и пламень, путеводная звезда, свет в окошке, соль земли* и т.п.

Направления метонимических переосмыслений широко освещены в лингвистической литературе (Зубарев 1974, Жданов 1963 и др.), причем авторы в основном склоняются к мнению, что для метонимии типична идентификация объекта номинации на основе его индивидуальной характеристики.

Так, человек в зависимости от даты рождения может именоваться, например, знаком зодиака: *водолей, дева, рак, стрелец, козерог, телец*; как единица распределения может называться *рот, голова, душа, лоб, нос*; женщин и мужчин обычно делят на *слабый, нежный, прекрасный* и *сильный пол*; выделяют по предметам одежды: *пиджак, штаны, береты, юбка, чулок*; по особенностям внешности: *крысиный хвостик, красный нос, борода, лысина*; по уровню интеллекта: *умная башка, светлая голова* и т.п.

Ведущее место среди метонимических переносов в рамках группы наименований лиц в русском языке занимает семантический сдвиг *голова (ум) → человек* – 5% от всего количества переносных значений, 28% от языковых единиц с метонимическим переносом значения.

В этой серии значений и коннотаций явно просматриваются два полюса: положительный – *бедовая голова, буйная головушка, горячая голова, живой ум, золотая голова, кручинная головушка, непоклонная голова, отчаянная головушка, удалая голова, умная голова, светлая голова, ясная голова;*

отрицательный – *ветреная головушка, бесталанная голова, голова еловая, голова забубённая, голова два уха, голова садовая, дубовая голова, дура-голова, дырявая голова, ежовая голова, зелёная голова, курья голова, мякинная голова, непутёвая головушка, отпетая голова, пролётная голова, пропащая голова, пустая голова, путаная голова, чугунная голова, шальная голова.*

Метонимические переносы при обозначении наименований лиц в значительной мере строятся на отношениях части и целого (синекдоха – 4% от всего количества переносных значений, 25% от языковых единиц с метонимическим переносом значения): *большая рука, глаза и уши, злые языки, золотое сердце, моя кровинка, мохнатая рука, ненасытная утроба, рваные ноздри, свиное рыло, стальные нервы, чернильная душа, широкая душа.*

Отметим следующие наиболее продуктивные типы метонимических переносов для обозначения наименований лиц:

часть тела или орган человека → человек:

здоровый лоб (вырос) → лицо, мужской пол, молодого возраста, сильное, высокое;

душа моя → лицо, мужской // женский пол, близкое кому-л. / любимое кем-л.; ср. *dear heart, my dear*;

холодное / каменное сердце → лицо, мужской // женский пол, отличается неспособностью глубоко чувствовать и т.п.;

характерная черта лица или голова человека → человек:

борода → лицо, мужской пол, носит бороду;

забубенная голова → лицо, мужской пол, отличается разгульным образом жизни;

лысая голова → лицо, мужской пол, не имеет волос на голове;

горячая голова → лицо, мужской // женский пол, поступает опрометчиво, излишне поспешно и т.п.;

характерный предмет одежды → человек, носящий его:

голубые береты → группа лиц, мужской // женский пол, служат в десантных войсках, носят голубые береты; также: *зеленые, черные, красные береты*;

сапог → лицо, мужской пол, малокультурный, туго соображающий и т.п.;

орудия труда → человек, пользующийся им:

счетчик → лицо, мужской // женский пол, производит подсчет кого-/чего-л.; ср. *counter*;

бас-гитара → лицо, мужской // женский пол, играет на бас-гитаре; ср. *bass guitar*;

первая скрипка → лицо, мужской // женский пол, играет на скрипке, исполняет ведущую партию в оркестре; ср. *the first violin*;

бас-кларнет → лицо, мужской // женский пол, играет на бас-кларнете; ср. *bass clarinet* и т.п.;

голос человека → человек, обладающий таким голосом:

альт = *alto*, *баритон* = *baritone*, *тенор* = *tenor*, *сопрано* = *soprano* и т.п.

В подобных наименованиях лиц, как резонно замечает А.А. Уфимцева, «дифференцирующий, служащий интенцией именованного, признак как бы отодвигает на задний план более общие (емкие) признаки, вернее, они включаются в понятие как сами собой разумеющиеся» [Уфимцева 1986: 116].

Анализ лексических и фразеологических единиц, служащих для наименования лиц в русском языке, даёт возможность выделить применительно к данной лексике основные способы номинации, используемые при её образовании:

1) морфологический способ (суффиксация / префиксация, субстантивация, усечение),

2) лексико-семантический способ (изменение семантического объема слов, метафорический и метонимический перенос),

3) синтаксический способ (многокомпонентные композиты с антропонимическим компонентом),

4) комплексный способ как сочетание нескольких способов номинации.

Морфологические способы номинации. Следует отметить, что для выявления семантических компонентов значения слова при описании его семной структуры весьма существенно понимание принципа преемственности нового как основополагающего принципа в процессе номинации: «данное плюс новое – формула деривационных процессов и структур, в которых они опредмечиваются» [Голев 1995: 32].

Например, у М. Докулила этот процесс описан как происходящий по цепочке: внеязыковое содержание – ономаσιологические категории – языковая словообразовательная форма. В целом, ономаσιологический подход к словообразованию, который был впервые разработан и активно использован чешскими лингвистами, сводится к следующим основным положениям: а) обработка, расчленение и упорядочение внеязыкового содержания в соответствии со способами номинации данного языка происходит при помощи «ономаσιологических категорий», образующих основу наименования; б) структура ономаσιологических категорий двучленна: «ономаσιологический базис» указывает на определенный понятийный класс, «ономаσιологический признак» указывает на видовой признак, выделяющий предмет внутри класса [см. Dokulil 1962].

В акте словообразования используется та или иная формальная операция, которая способствует свертыванию источника мотивации в однословный знак, поэтому ономаσιологическая характеристика класса производных слов всегда связана с ономаσιологической интерпретацией самой использованной формальной операции. Следовательно,

«традиционные способы словообразования представляют собой фактически способы организации определенных номинативных полей, или пространств: одни значения покрываются областью словосложения, другие – областью префиксации или суффиксации и т.п.» [Кубрякова 1981: 23].

В структуре производного слова исследователи выделяют, по крайней мере, две части – отсылочная, которая указывает на источник мотивации рассматриваемого слова, и формирующая – указывающая на формальное средство, при помощи которого это слово создано. Производные слова называют предметы и явления действительности, «реализуя при этом потенциал словообразовательной системы в виде конкретной структурно представленной комбинации определенных средств (единиц) и отношений» [Митев 2002: 32].

Производные слова в качестве однословных лексических единиц обладают рядом специфических свойств, а именно: создаются на базе уже существующих номинативных единиц; структурно (формально и семантически) оформляются по словообразовательным моделям. «Когнитивная структура производного слова представлена его словообразовательной моделью и в каждом конкретном случае дополняется значением словообразовательной модели или словообразовательным значением» [Громова 1996: 67].

Земская Е.А. утверждает, что «специфика производных слов в семантическом отношении состоит в том, что в них наиболее ярко, более отчетливо, чем в словах непроданных, обнаруживается системный характер лексики. Эта особенность производных слов объясняется своеобразием их структуры по сравнению со словами непроданными, тем, что расчлененности их значения способствует расчлененность их формы» [Земская 1973: 111].

Однако следует учитывать, что «значение многоморфемного слова ... представляет собой ... не простую сумму значений составляющих слово морфем. Не вызывает сомнения тот факт, что „приращенное значение“ представляет собою функцию от семантики в слове соположенных морфем» [Милославский 1980: 21].

Примерами могут служить суффиксальные образования от выражающих модальное качество прилагательных обозначают лиц, обладающих этими качествами: *подлец, скупец, гордец* и т.д.;

суффиксальные образования от выражающих обычные для человека действия глаголов обозначают лиц, совершающих указанное действие больше «нормы»: *говорун, хохотун* и т.д.;

суффиксальные образования от названий лиц обозначающих приверженцев, представителей, сторонников идей соответствующих лиц: *кантианец, эпикуреец, прудонист* и т.д.;

слова с суффиксом *-тель* чаще всего являются названием лица по действию: *строитель, воспитатель, деятель, создатель* и т.д.

В русской номинативной лексике суффиксальный способ остаётся доминантным при образовании слов со значением лица. Среди наиболее

частотных номинаций, представленных в русскоязычных словарях, большинство наименований лиц образовано суффиксально, в основном с помощью суффиксов с деривационным значением: *житель, обозреватель, посетитель, родитель, стекольщик, обходчик, ремесленник, сверстник, ударник, атеист, окулист, юморист, букинист, сепаратист, уклонист, скиталец, туземец, алтаец, беглец, грузин, хуторянин, меломан, земляк, сибиряк* и т.д.

Например, в языке сопоставления (в нашем случае – английском) суффиксальное образование существительных со значением лица в исследуемой лексике не столь разнообразно, как в русском языке. Большинство английских переводных соответствий наименований лиц, образованных упомянутым способом, составляют производные существительные с суффиксом **-er /-or**: *vender / vendor – продавец, follower – последователь, visitor – гость, governor – правитель, teacher – учитель, worker – работник, farmer – фермер, singer – певец, leader – лидер, speaker – оратор, spectator – зритель, teenager – подросток, lover – возлюбленный, widower – вдовец, performer – исполнитель, player – артист*; также встречаются: *nursling / suckling – младенец, physician – врач, musician – музыкант, contestant – соперник*.

В юридической и экономической английской лексике примечательно наличие контрагентов – лиц, вступающих во взаимные отношения, наименования которых имеют одну и ту же производящую основу; подобные пары наиболее регулярно противопоставлены при помощи суффиксов **-er /-or (ant) – -ee**: *employee – employer (служащий – наниматель), defendant – defender (ответчик – защитник), warrantor – warrantee (поручитель – тот, кому дается гарантия), registrant – registrar (получатель патента – чиновник-регистратор), mortgager – mortgagee (должник – кредитор), franchiser – franchisee (хозяин привилегии – получатель привилегии)* и т.п.

Многочисленные называющие женщин слова, образованные в русском языке от наименований мужчин, также иллюстрируют данный способ номинации: *ученик – ученица, миллионер – миллионерша, нищий – нищенка, хозяин – хозяйка, сударь – сударыня, раб – раба – рабыня, господин – госпожа, студент – студентка, повелитель – повелительница, незнакомец – незнакомка, фельдшер – фельдшерница, телефонист – телефонистка, парикмахер – парикмахерша, официант – официантка, мороженщик – мороженщица, кассир – кассирша, писатель – писательница, иностранец – иностранка, житель – жительница, москвич – москвичка, повар – повариха* и т.д. Английские переводные соответствия, образованные подобным образом, не столь многочисленны: *actor – actress, author – authoress, comedian – comedienne, host – hostess, hero – heroine, master – mistress, poet – poetess, songster – songstress, tragedian – tragedienne* и т.д.

Наличие наименований лиц с суффиксами эмоционально-субъективной оценки отмечено в обоих языках: *ребеночек, папочка, голубчик, младенчик, голубушка, хозяйюшка, душенька, сыночек, лапочка, девонька, душечка,*

внучонок, дружок, сынок, девчонка, страшилище, детище, пацаненок, зятек, дуралей, грамотей, торгашка, замухрышка, старикашка, нищенка, nanny, granny, sonny, auntie / aunty, daddy, kiddie / kiddy, tommy, tummy, laddie, hubby, missy.

Суффиксальный способ является ведущим способом номинации лиц в профессиональном жаргоне и языке средств массовой информации. Суффиксальные новообразования компрессивного типа служат краткими обозначениями наименований лиц (по профессии, по характеру выполняемого действия и иным признакам), функционируя в основном в разговорном языке, нестрогой профессиональной речи, языке периодической печати как эквиваленты официальных развернутых наименований, которые относятся к новой лексике, например: *теневик, сетевик, фискальщик, продажник, оффшорник, айтишник, креативщик, фондовик*. Примечательно, что данные наименования принадлежат к сугубо устной форме профессионального общения и не всегда находят отображение в лексикографических изданиях, в отличие от немногих, типа: *бюджетник, льготник, телевизионщик, электронщик, системщик, биржевик, газетчик, сбытовик, рыночник*.

К устной речи также относятся образования с суффиксами **-ла, -ун, -ач**: *чистюля, трепач, приставала, пискун, молчун, ловкач, заправила, заводила, несун, крикун, доставала, воображала, болтун, брехун, меняла, воротила, свистун, плясун, выпивала, подпевала, зазывала, кидала, летун*, фиксируемые в словарях с пометами «разговорное», «сниженное», «просторечное».

Значительное пополнение номинативной лексики происходит при образовании сложных и сложносуффиксальных форм русских наименований лиц, к которым не всегда возможно подобрать переводные соответствия в английском языке, вследствие чего в словарных дефинициях к ним часто применяется толкование с помощью свободных словосочетаний разъяснительного характера: *автолюбитель* – *motoring fan*, *второгодник* – *a pupil remaining in the same form for the second year*, *десятиклассник* – *a tenth-form boy*, *долгожитель* – *an old-timer*, *знаменосец* – *a standard-bearer*, *книгочел* – *an avid reader*, *мясоед* – *a meat-eater*, *первогодок* – *a regular or a sailor in the first year of service*, *самоучка* – *a self-taught person* и т.д.

Следует подчеркнуть, что данная группа языковых единиц, полученная путем словосложения или парасинтетического словообразования в русском языке, составляет значительный пласт наименований лиц по профессии или характеру выполняемого действия: *мореплаватель, водопроводчик, киномеханик, зверобой, мукомол, рудокон, домохозяйка, головорез, богоискатель, фальшивомонетчик, переселенец, экскурсовод, телохранитель, первопроходец, самодержеца, посудомойка, полководец, счетовод, лесовод, землекоп, садовод, краболов, старообрядец* и мн.др.

Аналогично приведенным выше примерам могут быть подобраны английские переводные соответствия для русских сложносокращенных

неофициальных номинаций лиц по должности: *гендиректор* – director general, *генсек* – General-Secretary, *главврач* – head physician, *завуч* – director of studies, *замдиректора* – deputy director, *комвзвод*, *комдив* – division commander, *зампред* – vice-chairman, *замминистра* – vice-minister, *нарком* – people’s commissar, *управдом* – house manager.

Префиксация как способ образования наименований лиц не очень типична для обоих языков. Наиболее продуктивны при образовании наименований лиц в русском языке такие префиксы как **со-** со значением совместности действий, прав и обязанностей, принадлежности к данному социуму: *согражданин*, *соотечественник*, *соплеменник*, *собутыльник*, *собеседник*, *сородич*, *сокамерник*, *сослуживец*, *современник*, *соучастник*, *соглядатай*, *сожитель*, *соперник*, *соискатель*, *сотрапезник*, *сотоварищ*, *собрат*, *соратник*, *сотрудник*, *совладелец*, *сообщник*, *сокурсник*, *союзник* и **суб-** со значением подчиненного положения в определенной иерархии: *субагент*, *субподрядчик*, *субарендатор*.

В английском языке, помимо подобных префиксов **со-** (*co-owner* – *совладелец*, *co-manager* – *соуправляющий*, *cotenant* – *соарендатор*) и **sub-** (*subscriber* – *подписчик*, *submanager* – *младший менеджер*, *suburbanite* – *житель пригорода*, *substitute teacher* – *нештатный преподаватель*, *subpurchaser* – *перекупщик*, *subnormal* – *слабоумный*, *submariner* – *подводник*), к числу продуктивных можно также отнести приставку **non-** со значением отрицания того, что выражено производящей основой: *non-customer* – *лицо, не являющееся клиентом*; *non-combatant* – *лицо в вооруженных силах, которое не принимает участие в военных действиях*; *non-prospect* – *лицо, не являющееся потенциальным покупателем*; *non-resident* – *лицо, не проживающее постоянно в одном месте*; *non-repeater* – *лицо, не совершающее повторных покупок*; *non-starter* – *лицо, не участвующее в соревнованиях и т.п.*

Распространенный способ пополнения наименований лиц – образование «субстантиватов» [Шахматов 1947:423] или «диахронная трансформация» [Мигирин 1973:219], в результате которой слово из одной части речи переходит в другую, полностью сохраняя свой звуковой облик: *рулевой*, *уполномоченный*, *разнорабочий*, *командующий*, *проводжатель*, *заведующий*, *управляющий*, *новорожденный*, *возлюбленный*, *полицейский*, *голодающий*, *приезжий*, *знакомый*, *прохожий*, *утопающий*, *замыкающий*, *поверенный*, *дневальный*, *подданный*, *пожарный*, *постовой*, *конвойный*, *отдыхающий*, *крестный*, *ротный*, *служащий* и мн.др.

В ряде случаев возможна контекстная субстантивация: *беспаспортная*, *хвора*, *эвакуированная*, *чернокожий*, *конный*, *голодный*, *сытый*, *старшая*, *неразумная*, *недовольная*, *сторонняя*, *семейная*, *желанная*, *черноокая*, *чернобровая*.

Необходимо отметить, что в словарных статьях такие слова в основном фиксируются как производные значения и их толкование как наименований лиц не приводится, за некоторым исключением: *белый* (принадлежащий к европеоидной расе; обычно в противопоставлении

цветному населению) или *белый* (в первые годы Советской власти: контрреволюционный, действующий против Советской власти, противоп.: *красный* – революционный); *зелёные* (сторонники движения за гармонию человека и природы, за сохранение окружающей среды); *узкоглазый* (принадлежащий к монголоидной расе); *цветной* (принадлежащий не к белой расе).

Среди английских переводных соответствий перечисленных русских словоформ такие примеры также имеют широкое распространение: *the left / the Left, the poor, the sick, the rich* (собираательные), *the accused, national, coloured, black, Green, White, red, my beloved, newborn, singles*.

Усечение основ как способ образования исследуемых нами русских наименований лиц и их английских переводных соответствий преимущественно используется в устной речи и не в полном объеме фиксируется словарями: *мент, профи, федерал, зам, экс, контра, зек, temp* (от *temporary*) – *временный работник, pres /Pres /prez /Prez* (от *president, AmE*) – *президент, директор компании* и т.д.

Лексико-семантические способы номинации. Многозначность, как известно, отражает асимметрию языкового знака посредством фиксации всего безграничного человеческого опыта ограниченными языковыми средствами, когда за одним звуковым комплексом закрепляется несколько значений. Довольно часто в процессе функционирования в речи слово проявляет заложенную в нем способность к полисемии, что способствует увеличению количественного состава семем в исследуемой группе языковых единиц.

Например, в современных контекстах можно встретить следующее, не включенное в вокабулы толковых словарей значение слова *колхозник* – «недалекий, малообразованный человек»:

«Полуграмотный *колхозник* знал о жизни больше них» [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51, 1968 – НКРЯ];

«– Ну вот вы все учёные люди, – сказал он громко и насмешливо, – политики, а я, верно, как вы говорите, дурак, *колхозник*» [Юрий Домбровский. Хранитель древностей, часть 2, 1964 – НКРЯ];

«А теперь я *колхозник*, „серяк“, „красный лапоть“, как говорят эти подонки» [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», № 6–7, 1961 – НКРЯ];

или слово *бюджетник* в значении «малообеспеченный человек, живущий на скромную зарплату»:

«Цены подстраиваются под более высокую зарплату промышленности, *бюджетник* чувствует себя ущемленным» [Ираида Семенова. Александр Починок: Зарплата должна быть выше порога бедности // «Российская газета», 2003.07.07 – НКРЯ];

«Но, к сожалению, там существует и наш незащищенный *бюджетник* и пенсионер» [Е. Ясин, Ю. Кораблин. Беседа Е. Ясина и Ю. Кораблина в эфире радиостанции «Эхо Москвы», Москва // 2003.07.16 – НКРЯ];

«*Бюджетник* – это слово стало синонимом бедности» [Маргарита Спиричева. Такие разные бюджетники // «Богатей» (Саратов), 2003.10.16 – НКРЯ];

«А что у нас *бюджетник* может прожить на зарплату?» [Беседа с социологом на общественно-политические темы, Санкт-Петербург // ФОМ 2003.09.09 – НКРЯ].

Качественные и количественные изменения в лексическом составе любого языка, в том числе и в разряде наименований лиц, происходят регулярно и на протяжении довольно длительного времени, что связано с познавательной деятельностью человека и тенденцией к усложнению понятийной сферы многих областей знания, а также с расширением границ межкультурной коммуникации. Заимствования как способ номинации широко распространены во многих языках. Примеров заимствованных наименований лиц в русском языке, как и среди их английских переводных соответствий, можно найти значительное количество. Они общеизвестны, хорошо изучены, часто встречаются в качестве материала исследования во многих научных трудах: *агроном* – *agronomist*, *агент* – *agent*, *администратор* – *administrator*, *археолог* – *archaeologist*, *менеджер* – *manager*, *клерк* – *clerk*, *компаньон* – *companion*, *либерал* – *liberal*, *консерватор* – *conservative*, *сталкер* – *stalker*, *экономист* – *economist*, *биолог* – *biologist*, *филолог* – *philologist*, *банкир* – *banker*, *сценарист* – *scenarist*, *солист* – *soloist*, *программист* – *programmer*, *импрессионист* – *impressionist*, *гарсон* – *garçon*, *гид* – *guide*, *султан* – *sultan*, *сэр* – *sir*, *фараон* – *pharaoh*, *феодал* – *feudal lord*, *хан* – *khan*, *демагог* – *demagogue*, *диалектик* – *dialectician*, *идеалист* – *idealist* и мн.др.

Образование наименований лиц посредством метафорического или метонимического переноса характерно для обоих языков. Например, наименования *медведи* – *bears* и *быки* – *bulls*, первоначально возникшие в биржевом жаргоне для наименования игроков, постепенно расширили свое значение и в настоящее время регистрируются всеми специальными англоязычными словарями без каких-либо помет, указывающих на ограниченность их употребления.

Анализ русских лексикографических источников свидетельствует о том, что в русском языке с помощью упомянутых способов номинации образуется значительное количество наименований лиц: *волшебник*, *амеба*, *дуб*, *боров*, *глыба*, *жеребец*, *курица*, *ласточка*, *модель*, *нимфа*, *пила*, *шкаф*, *размазня*, *чертенок*, *штучка*, *челноки*, *контральто*, *голова*, *правая рука*, *альт* и мн.др.

Добавим, что формальный аспект метафоры, по справедливому замечанию В.Г. Гака, «проявляется как на уровне морфологии (словообразования), так и на уровне синтаксиса (словосочетаний)» [1998: 483]: *дитя природы*, *дама сердца*, *рыцарь печального образа*, *человек с большой буквы*, *покоритель сердец*, *исчадие ада* и т.п.

Образование наименований лиц в обоих языках, как известно, связано с действием **синтаксического**, а также **комплексного** способов номинации,

при помощи которых образуются многокомпонентные (полилексемные) наименования лиц, большая часть из которых представляет собой двухкомпонентные словосочетания (свыше 85%), например: *писанный красавец / красавица, красная девица, дамский угодник, добрый малый, кровный враг, шапочный знакомый, человек долга, подруга жизни; an old maid* = старая дева; *a hard drinker* = горький пьяница; *a confirmed bachelor* = убежденный холостяк; *a bosom friend* = близкий друг; *blue blood* = голубая кровь; *a big shot* – большая шишка; *the fair sex* = слабый пол; *a bag of bones* – мешок с костями; *a soldier of fortune* – солдат удачи; *a small fry* – мелкая рыбешка; и т.п.

Универсальность и актуальность образной номинации для носителей разных языков могут быть обусловлены, вероятнее всего, общими источниками заимствования, событиями мировой истории и культуры, ссылкой на общеизвестные имена и факты биографии исторических лиц, литературных и библейских персонажей, например: *третий радующийся – tertius gaudens, редкая птица – rara avis, первый среди равных – primus inter pares, торговцы смертью – merchants of death, узники совести – prisoners of conscience, моя лучшая половина – my better half, последний из Могикан – the last of the Mohicans, наш человек в Гаване – our man in Havana, псы войны – the dogs of war, Марий на развалинах Карфагена, мнимый больной, нищие духом, притча во языцех* и мн.др.

Наряду с наименованиями лиц, обладающими свободными значениями, в номинативном инвентаре обиходного дискурса находят свое место и сочетания слов со связанным значением. Данная категория лексического значения характеризуется косвенно-номинативной производностью и неавтономностью репрезентативно-знаковой функции своих композитов, вследствие чего они «указывают на мир только при опоре на другое семантически ключевое слово» [Телия 1980: 259]. Такое семантическое соотношение опорных компонентов словосочетания и их сателлитов, названное В.Г. Гаком «фразеологической парадигмой» [Гак 1967: 494], дает в руки исследователей важные ориентиры при изучении несвободной сочетаемости слов.

Фразеологизмам как виду номинации уделяется в последнее время значительное внимание со стороны исследователей (Ю.Н. Караулов, З.Д. Попова, Д.О. Добровольский, Н.Н. Волкова, Е.А. Зацепина, Л.И. Зими́на, С.С. Катуков, А.И. Марочкин, В.В. Поталуй, Д.М. Садун, М.В. Шаманова, М.Ю. Шевченко), так как данные единицы языка наиболее рельефно демонстрируют самобытность мышления того или иного лингвокультурного сообщества, отражают наиболее релевантные явления на том или ином этапе развития этноса, что позволяет считать такие номинации ценным лингвокультурологическим материалом.

Смысловые связи в таких образованиях представляют собой результат социально значимых отношений между элементами отраженной в языковом образе ситуации [Алефиренко 2002: 35]. Однако это не просто образы, возникшие в сознании отдельного человека, а образы,

закрепленные в слове и ставшие достоянием всего этнокультурного коллектива. Отраженные в них фрагменты действительности «как бы пропускаются через призму ранее отраженных признаков и свойств, зафиксированных в сигнификатах знаков первичной номинации» [Алефиренко 2002: 37].

В процессе фразеологизации происходит переосмысление базового словосочетания (реже предложения), основанное на сравнении, метафоре, метонимии, гиперболе, эвфемизме, алогизме и т.д. В результате фразеологизации словосочетание становится «носителем совершенно нового содержания, не сводимого к механической сумме значений исходных слов, которые преобразуются в компоненты фразеологизма» [Жуков 1975: 36-37].

Фразеологическими наименованиями, служащими для обозначения лица, считаются образные номинации лиц, формируемые на основе переосмысления компонентов, оказывающихся в центре их семантических структур. Осмысленное сочетание слов друг с другом в таких структурах при семантическом рассогласовании становится возможным потому, что «происходит перестройка семного состава их семем» [Гак 1976: 93].

Вследствие различий в семантической природе слов, равно как и неоднородности элементов их смысловых структур, деактуализация слов в составе исходного словосочетания протекает в целом неравномерно. Смысловая маркированность фразеологических компонентов представляет собой, по мнению А.В. Жукова, своего рода проекцию смысловой структуры исходного слова на смысловую структуру фразеологизма, которая определяет «меру сохранения в компоненте его генетических свойств» [Жуков 2007: 8].

По технике смысловой сочетаемости, соединения слов в приведенных фразеологизмах логически несовместимы, но, тем не менее, в их структурных рамках достигается семантическая гармония. Обобщенно-целостное значение таких косвенно-производных номинаций возможно объяснить наличием общего семантического признака в структуре фразеологизма, который выявляется с учетом разновидности «семантически маркированных компонентов» [Жуков 2007: 8]. Отфильтрованная этнокультурным сознанием, каждая из таких номинаций служит «когнитивным основанием фразеологического значения» [Алефиренко 2002: 45].

Семантическое согласование компонентов косвенно-производной номинации «опирается на устойчивые предметные отношения», на предварительное знание говорящих о них, то есть на их «пресуппозицию» [Гак 1998: 363]. В таких случаях ведущую роль в трансформации «прямого знакообозначения в косвенное играет один из сопряженных лексических компонентов, тот, который сам приобрел косвенно-производное значение» [Алефиренко 2002: 39].

Помимо так называемых «полных фразеологических образований», которые зафиксированы в специализированных словарных изданиях, в

обиходном дискурсе существуют и широко используются для обозначения наименований лиц различные виды окказионально преобразованных фразем. Последние различаются в зависимости от того, каким образом происходит и в чём заключается преобразование первичного, узуального фразеологизма.

Довольно часто встречающийся способ преобразования связан с усечением или сокращением некоторых компонентов устойчивых образований и может быть отнесен к количественному преобразованию, что прослеживается в следующих примерах:

– *молодо-зелено* (неопытен, наивен по молодости лет) – из пословично-поговорочного выражения: *молодо-зелено погулять велено* (говорится в оправдание легкомыслия, желая погулять в молодые годы; о неопытности молодых) [Жуков В.П. 1991: 173];

– *ранняя птичка* (о трудолюбивом, работающем с утра человеке) – из пословицы *ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает* [Фразеологический словарь русского языка 2007: 433];

– *отрезанный ломоть* (порвавший связь с привычной средой, деятельностью или не требующий забот, попечения, самостоятельный) – из пословицы *отрезанный ломоть к хлебу не приставишь (не пристанет)*: человека, ушедшего из дома, не вернешь назад [Жуков В.П. 1991: 243] и т.п.

В этой связи также различают субститутивные (заменительные) фразеологизмы, когда один из компонентов устойчивого словосочетания заменяется другим, и в результате получаются два автономных антонимических образования:

– *белая кость* (о человеке знатного происхождения) / *черная кость* (о человеке незнатном, не дворянине) [БТСРЯ 2003: 462] / *военная косточка* (опытный, бывалый солдат или командир, старательно относящийся к своим обязанностям) [Жуков А.В. 2007: 90];

– *птица высококого полета* (влиятельный человек) / *птица низкокого полета* (невлиятельный, незнатный человек) [там же : 403-404];

Возможны и более сложные (комбинированные) типы преобразований с усечением и заменой компонентов, которые проявляются в структуре фразеологизма как в количественных, так и в качественных изменениях:

– *рыцарь без страха и упрека* (смелый, великодушный человек) / *рыцарь на час* (слабовольный человек, не способный к длительной борьбе ради благородных целей) [там же : 421].

В том случае, когда связанное значение не только лишается какого-либо компонента, но и приобретает иной смысл, можно говорить о качественном преобразовании фразеологизма. Например, пословица *умная голова, да дураку досталась* [ФСРЯ 2007: 553] часто в речи принимает усеченный вид: *умная голова* (об очень умном человеке). Количественное преобразование приводит, в данном случае в связи с удалением компонента *да дураку досталась*, к качественному преобразованию: неодобрительная коннотация превращается в одобрительную.

Все это свидетельствует о том, что «любое вторичное наименование как выразительное средство языка появляется не просто так, а лишь тогда, когда возникает потребность в именовании объекта» [Суперанская 1969: 249]. Социальное (профессиональное, возрастное, гендерное) неравенство может служить фактором, обуславливающим номинативную активность. Однако следует отметить, что мотивационный диапазон наименований лиц чрезвычайно широк и едва ли поддается какому-либо, даже приблизительному, обобщению.

Несомненно, каждый язык располагает своим отражательно-репрезентативным континуумом и своим репертуаром языковых средств, которые обеспечивают и в какой-то степени предопределяют сегментацию объективного мира и знаковое закрепление элементов действительности. В любом языке языковая репрезентация объектов действительности обычно связана с существованием некоторого круга стандартных ситуаций и с использованием определенных стандартизованных языковых моделей их отображения. Чем шире этот круг, тем богаче система форм языкового выражения. Наличие множества способов номинации свидетельствует о номинативной системе со значительным потенциалом, отличающейся богатством разноуровневых средств и моделей языковой репрезентации элементов окружающего мира.

Непредсказуемость многих номинативных решений в исследуемой сфере обеспечивает широкую словообразовательную комбинаторность и практическую неисчерпаемость лексических и фразеологических наименований лиц в русском языке, семная структура которых, тем не менее, может быть описана при помощи унифицированного метаязыка с применением трафаретной модели, разработанной в данном исследовании.

2. Трафаретная модель аспектно-структурного семного описания значений наименований лиц

Аспектно-структурное описание семантики слова заключается:

- в унификации метаязыкового описания сем в рамках семантического класса или лексико-семантического поля;
- в последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семемы;
- в обязательности приложения полной структурно-функциональной типологии сем того или иного семантического класса к описанию каждого значения – в прослеживании наличия всех возможных в рамках каждого аспекта типов сем в каждой отдельно взятой семеме, включая как их наличие, так и отсутствие.

- в перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке.

Примененная модель аспектно-структурного семного описания слова имеет следующую структуру.

2.1. Денотативный аспект семного описания значений наименований лиц

В составе *денотативного аспекта* описываются семы, отражающие типовое представление говорящего коллектива об обозначаемом лице.

Описание денотативного макрокомпонента значения семемы производится посредством перечисления *денотативных сем* значения по следующей схеме:

- архисема (*лицо, совокупность лиц, лицо // совокупность лиц*),
- полоразличительный признак (*женский пол, мужской пол, мужской // женский пол*),
- доминирующая опорная дифференциальная сема (*исполин – отличается необыкновенно большими размерами; глухой – лишен слуха; олух царя небесного – отличается полным отсутствием ума и сообразительности; солдат – состоит на военной службе; виртуоз семема-1 – обладает совершенной техникой своего искусства; и т.п.*);
- другие яркие (частотные) дифференциальные семы (см. выше – прием негативации семантики);
- слабые (малочастотные, редкие) дифференциальные семы, служащие для описания неядерных (периферийных) семантических признаков (*продолжительность временного периода: постоянно, временно, на определенный срок; определенный момент времени: в летнее время, в вечернее время, рано утром; цель действия: в оздоровительных целях, в познавательных целях, для отдыха; месторасположение: в горах, на хуторе, в деревне, в северных районах, на полярной станции; направление движения: мимо, навстречу, впереди; степень быстроты движения: с большой скоростью, медленно; способ передвижения: пешком, верхом, на каком-л. виде транспорта; и т.п.*).

Важную роль в описании наименований лиц играют такие типы сем, как *альтернативные* и *дизъюнктивные*.

Для наглядности поясним типологические особенности данных сем сопоставительной таблицей:

Альтернативные семы	Дифференциальные дизъюнктивные семы
<p>1. Представлены в описании ЛЗ в виде несовместимой дизъюнкции: лицо//совокупность лиц мужской//женский пол поступает в высшее // в среднее специальное учебное заведение неодобрительное//одобрительное//неоценочное положительно-эмоциональное // отрицательно-эмоциональное//неэмоциональное; ироничное // шутивное // презрительное</p>	<p>1. Представлены в описании ЛЗ в виде совместимой дизъюнкции: принадлежит к населению Канады / проживает в Канаде / родом из Канады / состоит в подданстве Канады занимается адвокатской деятельностью /оказывает юридическую помощь гражданам и организациям / в том числе защищает их интересы в суде занимается восхождением на горные вершины) со спортивной / познавательной целью</p>
<p>2. Актуализируются в речи только по одной семе в составе одной семемы: 1) лицо; 2) совокупность лиц; 1) мужской пол; 2) женский пол; 1) поступает в высшее учебное заведение; 2) поступает в среднее специальное учебное заведение; 1) неодобрительное; 2) одобрительное; 3) неоценочное; 1) положительно-эмоциональное; 2) отрицательно-эмоциональное; 3) неэмоциональное; 1) ироничное; 2) шутивное; 3) презрительное.</p>	<p>2. Актуализируются в речи в составе одной семемы или все полностью, или в виде набора сем, или не актуализируются вообще: 1) принадлежит к населению Канады и проживает в Канаде и родом из Канады и состоит в подданстве Канады; 2) принадлежит к населению Канады и проживает в Канаде; 3) родом из Канады и состоит в подданстве Канады; 4) принадлежит к населению Канады и родом из Канады; 5) проживает в Канаде и родом из Канады и состоит в подданстве Канады; 6) родом из Канады; 7) проживает в Канаде; и т.д. 1) (занимается восхождением на горные вершины) со спортивной целью; 2) со спортивной целью и с познавательной целью; 3) с познавательной целью.</p>
<p>3. Количество семем, которое может быть описано при актуализации в речи отдельных альтернативных сем, определяется количеством таких сем, выявленных в значении: животное // человек (2); 1) животное; 2) человек.</p>	<p>4. Количество наборов сем, которое может быть описано при актуализации в речи дифференциальных дизъюнктивных сем, всегда превышает количество таких сем, выявленных в одном макрокомпоненте значения: со спортивной / познавательной целью (2);</p>

<p>мужской // женский пол (2) 1) мужской пол; 2) женский пол. неодобрительное // одобрительное // неоценочное (3); 1) неодобрительное; 2) одобрительное; 3) неоценочное.</p>	<p>1) со спортивной целью; 2) с познавательной целью; 3) со спортивной и познавательной целью;</p> <p>проживает в Азии / родом из Азии (2) 1) проживает в Азии; 2) родом из Азии; 3) проживает в Азии и родом из Азии.</p>
<p>4. Альтернативные семы всегда входят в состав разных семем (несовместимая дизъюнкция – признак полисемии, полиоценочности, полиэмоциональности, политональности). Коннотативные и функциональные коммуникативно-тональные альтернативные семы актуализируются в речи следующим образом: по одной оценочной, одной эмоциональной и одной коммуникативно-тональной семе в одной семеме.</p>	<p>4. Денотативные дифференциальные дизъюнктивные семы всегда входят в состав одной семеме, которая может быть описана вариантами наборов сем (совместимая дизъюнкция). Совместимая дизъюнкция не выявляется в коннотативном и функциональном макрокомпонентах значения.</p>

Альтернативные и дифференциальные дизъюнктивные семы следует использовать для унифицированного семного описания лексического значения слова с учетом контекстуальной вариативности и многозначности последнего.

Бесспорно, что «концепция многозначности покоится на представлении о дискретной организации лексических значений» [Апресян 1971: 519]: предполагается, что множество конкретных употреблений строго распределяется по различным значениям. Однако в действительности лексикограф постоянно сталкивается с трудноразрешимой проблемой отнесения конкретного иллюстративного материала к конкретному значению, когда языковая лексическая многозначность порождает речевую двусмысленность.

В частности, «неоднозначность может возникать за счет отсутствия у слушающего необходимых презумпций, знаний о мире, при несоответствии *инференций* слушающего (того, что он «извлекает», *infers* ср. Bybee et al. 1994) – *импликатурам* говорящего (т.е. той информации, которую говорящий «закладывает», *implies* там же)» [Падучева 2004: 285]. Подобная диффузность значения может быть исключена при расширении контекста.

Например, унифицированное семное описание лексического мегакомпонента значения слова *бухгалтер* при использовании двух

упомянутых ранее типов сем выглядит следующим образом: *лицо, мужской // женский пол, обладает специальными знаниями в теории и практике документального хозяйственного учета денежных средств / работает в бухгалтерии какого-л. предприятия, организации; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное*; – что предполагает наличие контекстуально выявляемых семем:

семема-ж – *лицо, женский пол, обладает специальными знаниями в теории и практике документального хозяйственного учета денежных средств / работает в бухгалтерии какого-л. предприятия, организации; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное*;

и **семема-м** – *лицо, мужской пол, обладает специальными знаниями в теории и практике документального хозяйственного учета денежных средств / работает в бухгалтерии какого-л. предприятия, организации; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное*; – и подтверждается их контекстным употреблением, например:

«В „армии“ Антонова начальником штаба был некий Волков, бывший бухгалтер какого-то сельхозучреждения» [Николай Козлов. «Гамбовский волк» // «Наука и жизнь», 2009 – НКРЯ] – **семема-м**;

«– Бухгалтер ваша все описала. Что ж вы без контрольно-кассового аппарата?» [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008) – НКРЯ] – **семема-ж**.

Однако отметим, что в том случае, когда полоразличительная информация неактуальна, и по употреблению слова в контексте можно судить о *деактуализации* или ослаблении данного семантического признака, его переходе в семной структуре обеих семем в область периферии, следует применять приведенное выше унифицированное семное описание слова *бухгалтер*, например:

«При списании безнадежной задолженности предприятия бухгалтер может отнести к расходам не „чистую“ сумму долга, а сумму долга с учетом выставленного должнику НДС» [Коротко (2004) // «Учет, налоги, право», 2004.08.03 – НКРЯ] – альтернативная сема *мужской // женский пол*.

Что касается дифференциальных дизъюнктивных сем *обладает специальными знаниями в теории и практике документального хозяйственного учета денежных средств и работает в бухгалтерии какого-л. предприятия, организации*, то они могут актуализироваться в контексте в каждой из семем в сочетании друг с другом, либо одна из них может не актуализироваться вообще:

«Бухгалтер или коммерческий директор понадобятся в любом случае, поскольку иначе любой начинающий предприниматель вряд ли справится со всеми хлопотами, сопровождающими коммерцию в нашей стране. [Ольга Колева. Этот несносный, капризный, прекрасный клиент! (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.03 – НКРЯ] – лицо, мужской // женский пол, обладает специальными знаниями в теории и практике документального хозяйственного учета денежных средств; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Дифференциальные дизъюнктивные семы фиксируются в унифицированном описании значения через одну косую черту (в примерах они подчеркнуты), а альтернативные семы – через две косые черты (выделены в примерах жирным шрифтом), например, как в следующих описаниях денотативного макрокомпонента значения:

ВИРУСОЛОГ

лицо, мужской // женский пол, обладает специальными знаниями / занимается исследованиями в сфере науки о вирусах – возбудителях инфекционных заболеваний;

СЕРОСТЬ

лицо // совокупность лиц, мужской // женский пол, отличается-(ются) некультурностью, необразованностью;

ОДНОСЕЛЬЧАНИН

лицо, мужской пол, проживает с кем-н. в том же селе, деревне / происходит из одного села, деревни;

ПОЛЯРНИЦА

лицо, женский пол, исследует полярные страны / участвует в полярной экспедиции / зимует на полярной станции;

МОСКВИЧКА

лицо, женский пол, проживает в Москве / родом из Москвы.

2.2. Коннотативный аспект семного описания значений наименований лиц

В коннотативном аспекте значения сосредоточена информация об оценочном и эмоциональном отношении субъекта к объекту номинации на основе собственного или уже имеющегося в социуме коллективного знания. Оценка является способом выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, эмоция – выражение свойственных

личности психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний положительные (приятные) или негативные (неприятные) ощущения говорящего.

Описание коннотативного макрокомпонента значения семемы осуществляется при помощи перечисления *коннотативных* сем следующим образом:

- оценочная сема (*неоценочное, одобрительное, неодобрительное*);
- эмоциональная сема (*неэмоциональное, положительно-эмоциональное, отрицательно-эмоциональное*).

Кроме того, коннотация может быть не только системной, но и *системно предусмотренной*, но *контекстуально наполняемой*. То есть, в системном значении есть семантические признаки – *оценка, эмоция*, а семные конкретизаторы знака эмоции и оценки наполняются в актуализируемом значении конкретным контекстом. Данное явление наблюдается в том случае, если значение не может быть оценочно или эмоционально нейтральным.

Такое значение следует описывать через такие единицы метаязыка, как *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность*. Соответствующие конкретизаторы наводятся контекстом. Например:

ИДЕАЛИСТ

семема-1 лицо, мужской пол, придерживается взглядов идеалистической философии; *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность*.

«Идеалист, тем более – верующий человек, определит эту реальность как духовную, проявление духа в материальной жизни» [Петр Шихирев. Природа социального капитала: социально-психологический подход (2003) // «Общественные науки и современность», 2003.04.30 – НКРЯ] – *неоценочное, неэмоциональное*;

«На словах – марксист, а чуть до дела дойдёт – типичный *идеалист*» [И. Грекова. На испытаниях (1967) – НКРЯ] – *неодобрительное, неэмоциональное*.

семема-2 лицо, мужской пол, склонен идеализировать действительность, отличается непрактичностью; *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность*.

«Ты лентяй, Витус, – хехекнув, объяснил Будкин. – *Идеалист* и неумеха. Только языком чесать и горазд» [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002) – НКРЯ] – *неодобрительное, неэмоциональное*;

«Куда ушла та, от которой никакого толку не было? Думаешь, *идеалист* недорезанный, исчезла она? Думаешь, кишка тонкая, все шито-крыто?» [Сергей Юрский. Петров день (1988) – НКРЯ] – *неодобрительное, отрицательно-эмоциональное*;

«– Ах, ты мой седой *идеалист*, – улыбалась Ирина» [Владимир

Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001) – НКРЯ] – *одобрительное, положительно-эмоциональное*;

«И интроверт, углубленный в себя интеллектуал-идеалист, отринутый стечением обстоятельств едва ли не в изгой, вечно сомневающийся в себе и вспыхивающий от случайной искры недоверия» [Игорь Кузьмичев. Дом на канале // «Звезда», 2003 – НКРЯ] – *неоценочное, неэмоциональное*;

«Не огорчайся, не надо, неисправимый мой идеалист» [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», № 6, 1989 – НКРЯ] – *неоценочное, положительно-эмоциональное*;

«Ты в этом плане человек невинный, идеалист» [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004) – НКРЯ] – *одобрительное, неэмоциональное*.

семема-3 лицо, мужской пол, всецело предан каким-либо высоким идеалам и руководствуется ими в своем поведении; *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность*.

«Энтузиаст и идеалист, он «кнутом и пряником» пытался бороться за честный труд, за чистоту нравов в лагере» [Георгий Жженев. Прожитое (2002) – НКРЯ] – *одобрительное, положительно-эмоциональное*;

«Сама судьба шла нам навстречу: почти ровесники, мы формировались в одно время, ценили дружбу, женщин, гумилёвских «Капитанов», и оба стремились к лидерству: он – как сгусток энергии воли, я – как мечтатель-идеалист» [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002)] – *неоценочное, неэмоциональное*;

«Взаимоотношения парткома и профкома, секретаря обкома и директора крупного треста, мастера и рабочего были известны ему до тонкостей, и фантазия – отказавшийся от незаработанной премии бригадир-идеалист – выростала на прочном основании» [Алексей Филиппов. Продавцы воздуха. Производственная тема-2002 в Новом драматическом театре (2002) // «Известия», 2002.09.23 – НКРЯ] – *неоценочное, неэмоциональное*;

«Романтик и идеалист, Дмитрий Жилинский создает образы прекрасных, чистых людей, живущих в гармонии с собой и с миром» [Наедине со всеми (2003) // «Сельская новь», 2003.11.11 – НКРЯ] – *одобрительное, положительно-эмоциональное*;

– унифицированный семный состав коннотативного аспекта в приведенных выше примерах будет иметь следующий вид:

оценочная сема (альтернативные семы: *неоценочное // одобрительное // неодобрительное // контекстуально оценочное*), эмоциональная сема (альтернативные семы: *неэмоциональное // положительно-эмоциональное // отрицательно-эмоциональное // контекстуально эмоциональное*).

2.3. Функциональный аспект семного описания значений наименований лиц

Описание функционального макрокомпонента значения осуществляется в следующей последовательности:

стилистический микрокомпонент указывает на условия использования лексических и фразеологических единиц, на их принадлежность к одной из дифференциальных разновидностей языка, которая обычно связана с определенной сферой употребления речи (*книжное, высокое, поэтическое, официально-деловое; межстилевое; разговорное; сниженное, просторечное, жаргонное, сленговое, вульгарное, нецензурное*);

книжное – указывает, что конкретные слова или словосочетания характерны для письменной литературной, официальной или научной речи без обращения к контексту ситуации: *антиподы, компилятор, неофит, теург, фальсификатор*;

высокое – лексика, которой свойственна торжественность, возвышенность, высокопарность: *вершитель судеб, властолюбец, владычица, дочь трудового народа, первопроходец, поборник, творец, ученый муж, сотрапезник*;

официально-деловое – слова и выражения, употребляемые в официальных правительственных или административных документах: *заявительница, квартиросъемщик, налогоплательщик, ответственный податель, визитер, подданный, согражданин*;

поэтическое – выявляется в единицах лексики, используемых преимущественно в поэтическом творчестве: *дитя, дева, недруг, искуситель, возлюбленная, пиит, праматерь, узник*;

межстилевое – фиксируется в широко используемых как в письменной, так и устной речи словах и фразеологизмах: *австралиец, абориген, бомж, героиня, горожанин, гость, жена, зимовщик, знаток, иностранец, крестьянин, кочевник, колонист, квартирант, очевидец, островитянин, ребенок, переселенец*;

стилистический микрокомпонент *разговорное* свойствен лексике обиходного общения, употребляемой в повседневной устной, обычно диалогической речи: *бездельник, бобыль, волгарь, городской, земляк, искусник, ларечник, малолеток, малый, постоялец, курилка, пакостник, плясун, смутьян, слюнтяй, собачник, собутыльник, увалень, чистоплюй, ябеда*;

сниженное – это лексика, употребление которой в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим, прежде всего, уровень речевой и общей культуры говорящего, однако такие слова могут быть функционально уместны внутри определенных социальных, возрастных, территориальных, гендерных групп, межличностных сообществ: *балдежник, барыга, старая*

кляча, кобель, лахудра, левак, мертвяк, надувала, никудышник, охальник, старый пердун, подлюга, прибабахнутый, сморчок;

просторечное – слова, не принятые в литературном языке, но употребляемые повсеместно недостаточно культурными людьми: *бабища, бабник, брехун, бригадирка, дружбан, трепло, пройда, зануда, пацаньё, горланка, деваха, инвалидка, инженериха, кореш, костоправка, охламон, почтарка, поганец, паршивец, тятя, цаца, шантрапа;*

сленговое – это экспрессивная общеупотребительная лексика *ванёк* (простой, недалекий человек), *двинутый* (свихнувшийся), *динамщик* (тот, кто не выполняет свои обещания), *киндер* (ребенок), *корешан* (друг), *лузер* (неудачник), *лошара* (простофиля), *матильда* (любимая девушка), *пиллы* (люди), *обдолбанный* (наркоман, принявший дозу), *плафон* (лысый), *приколист* (тот, кто создает вокруг себя забавные ситуации), *френд* (друг), *хач* (лицо нерусской национальности), *чайник* (глуповатый, примитивный человек), *шизоид, шизанутый* (человек с психическими отклонениями).

жаргонное – экспрессивная лексика, используемая отдельной социальной группой с целью языкового обособления: *гасильщик* (наемный убийца), *жаба* (фанат, который поменял один клуб на другой), *гаврик* (веселый человек), *гагара* (одинокая состоятельная женщина), *купец* (вор-карманник), *кусочница* (нищая), *марафетчица* (наркоманка), *мочила* (наемный убийца), *палач* (прокурор), *персик* (азиат), *синяк* (запойный пьяница), *тепляр* (пьяный), *уркаган* (отпетый уголовник);

вульгарное – это функциональный пласт лексики и фразеологии, рассматриваемый в языковом сознании общества и в общественном мнении как содержащий единицы, подлежащие исключению из публичного употребления: *паскуда, стерва, сволочь, вахлак, мудила, курва, толстожопый;*

нецензурное – это инвективы, табуированная лексика;

социальный микрокомпонент указывает либо на отсутствие социальных ограничений (*общеупотребительное*), либо на определенную социальную группу, в которой данная лексика используется (*социально-ограниченное* – *детское, молодежное, студенческое, уголовное, солдатское, семейное, юридическое, военное, театральное, церковное, музыкальное, спортивное, медицинское, компьютерное* и т.п.):

техническое – *бурильщик, вальцовщик, гидравлик, дозиметристка, металлист, никелировщица, сверлильщик, скреперист, схемотехник, такелажник, трелёвщик, теплотехник, трассовщик, револьверщица, фрезеровщик, формовщик;*

юридическое – *истица, ответчик, поручитель, залогодержательница, ответчик, подзащитный, подозреваемый, подсудимый, осужденный, совладелец, субъект, опекун, поверенный, душеприказчик, соответчица;*

военное – *новобранец, ординарец, окопница, резервист, рекрут, сверхсрочник, штабист, зенитчик, интендант, кавалерист, замполит, фельдмаршал, уклонист, улан, унтер;*

театральное – *мимистка, капельдинерша, корифейка* (в зн: ведущая

артистка кордебалета), примадонна, премьер (семема-2), травести;

музыкальное – настройщик, саксофонист, органист, вокалист, контральто, бас, баритон, альтист, ударник, тапёр;

спортивное – нападающий, полузащитник, кролистка, вратарь, гонщик, арбитр, олимпийка, полуфиналистка, одноклубник, штангист, пятиборец, секундант, спринтер, первоурядник, запасной, бобслеист;

медицинское – клептоман, сомнамбула, подагрик, дистрофик, донор, дальтоник, неврастеник, параноик, шизофреник, debil, эпилептик, психопат;

компьютерное – юзер, компьютерщик, программист, электронщик, системщик, лисовод (пользователь браузера Fire Fox), тэшник (играет только в Time Zero);

церковное – богомученица, великомученица, кармелитка, мирянка, прихожанка, мученик, преосвященный, послушник, отшельник, паломник, служка, расстрига, настоятельница, старец, пастырь, протопоп, звонарь, инокиня;

детское – ба, буся, бяка, деда, вруша, ма, муля, нюша, няня, па;

молодежное – абабл (парень, мало отличающийся от девушки по своему поведению), бабайка (бомж), гагус (малоавторитетный человек), жаба гончая (тот, кто работает в поте лица), крендель=кекс (личность), мажор, мажорка (дети богатых родителей, которые ведут шикарную жизнь);

студенческое – сырняк (абитуриент), ботаник, зубр, заушник, дневник, очница, препод, староста, филолух, хвостатый;

уголовное – пахан, подельник, жучка (девушка-воровка), бытовичка (осужденная за бытовые, хозяйственные преступления), мокрушница (убийца), бандерша (содержательница притона), габёл (подлый человек), обдолбыш (маленький и страшный), оторва (отчаянная воровка), жиганка (ловкая, хитрая в делах), чернушница (обманщица), профура (бродяжничающая женщина), халява (девушка, женщина), чувырла (некрасивая девушка);

солдатское – дед (солдат последнего периода службы), дембель (человек после приказа), дух (солдат первого периода службы), замок (заместитель), контрабас (контрактник), комод (командир отделения), кусок (прапорщик), кэп (капитан);

в семейном общении – доча, доня, зятёк, ляля, матусенька, папуляка, племяш, свекруха, супружница;

темпоральный микрокомпонент указывает на восприятие языковым сознанием слова как обладающего определенной временной характеристикой (*современное, новое, устаревающее, устаревшее*):

современное – антиквар, актер, ветеран, взрослый, врач, горожанин, гонщик, дама, дачник, девочка, иностранка, интурист, квартирант, консультант, космонавт, кочегар, курьер, лингвист, литературовед, лысый, мальчик, модница, музыкант, одиночка, офицер, правнук, подводник, плотник, проектировщик, работник, режиссер, садовод, сезонник, студент, сирота, француз, холостяк, японка;

новое – антиглобалист, даун-шифтер, террорист-смертник, наркобарон, ньюсмейкер, хакер, сноубордист, фрилансер, имидж-мейкер, креативщик, кризисник, спичрайтер, киллер, рекламист, коучер, пиарщик;

устаревающее – воительница, знакомица, лазутчик, матрона, нацменка, сватья, свояченица, сказительница, словесник, стряпуха, сударушка, супостат, сокласница, сподвижник, суженый, товарка, хлебосол;

устаревшее – государышня (дочь государя), драгоманша (жена драгомана – переводчика при посольстве или консульстве европейской страны в странах Востока), заводчица (владелица завода), нарпитовка (в СССР до 1930 г. – сотрудница системы нарпита), сарафанница (крестьянка), самоедка (представительница северных народов);

территориальный микрокомпонент указывает на регион употребления данной лексики (*общераспространенное*; территориально-ограниченное – в России, в ряде стран Латинской Америки, в странах Африки, ирландское, шотландское, американское, британское, в Германии и некоторых др. странах, на Украине, в Грузии, на Дону и т.д.):

общераспространенное – мама, атлет, старушка, браконьер, юбиляр, труженик, однофамилец, производитель, хозяйственник, предшественник, хозяйюшка, обидчик, бунтовщик, бюрократ, взяточник, посредственность, виновник, придурок, создатель, картежник, книголюб, вегетарианец, биограф, выпивала, дежурный, докладчик, утопающий, предсказатель, участник, мотоциклист, пассажир, физкультурник, шахматист, школьник, учительница, самоучка, преподаватель, слушатель;

территориально-ограниченное (обычно с конкретизацией территориальной ограниченности) – кацап (на Украине: презрительное название русского), жалмерка (на Дону: солдатка), картвелка (самоназвание грузинки), кварталонка (в Америке: рожденная от брака мулата и европейки, мулатки и европейца), кельнерша (в Германии и некоторых др. странах: официантка), консьержка (во Франции: привратница при доме), додзедзи (в Японии: исполнительница танца с глицинией);

частотный микрокомпонент указывает на восприятие носителями языка степени употребительности данной лексики в современной речи носителей языка, при этом учитывается представленность единицы в современной речи всех социальных, возрастных, профессиональных групп (*неупотребительное, редкое, малочастотное, частотное, высокочастотное*);

употребительность лексической или фразеологической единицы определяется исследователем или лексикографом эмпирически, однако можно предложить и некоторые языковые обоснования отнесенности единицы к тому или иному частотному разряду, например: термины, книжные, профессиональные слова будут менее распространенными, чем общеупотребительные:

высокочастотные (*высокочастотное*) – общеупотребительные слова, стилистически нейтральные, относящиеся к основному словарному фонду

– *брат, враг, врач, герой, гость, дочь, друг, жена, мама, мать, муж, мужчина, отец, ребенок, русский, сестра, сын, человек;*

частотные (*частотное*) – общеизвестные термины, книжные, профессиональные слова – *безработный, водитель, господин, директор, дурак, житель, журналист, зритель, кассир, консультант, мать-одиночка, менеджер, новорожденный, пассажир, пенсионер, писатель, покупатель, преступник, продавец, профессор, священник, террорист, тётя, турист, ученик, хозяйка, холостяк, художник;*

малочастотные (*малочастотное*) – узкоспециальные термины, книжные, профессиональные слова – *автократ, драматургесса, имажинистка, камазовка, наперсник, маркёр, пиит, сибарит;*

редкие (*редкое*) – диалектизмы, экзотизмы – *доильница* (доярка), *другиня, дщерша* (племянница по отношению к тетке, а не к дяде), *женима* (незаконная жена), *заломиха* (мать жениха), *затетёха* (толстая, дородная), *кащейка* (скупая, весьма худая старушонка);

неупотребительные (*неупотребительное*) – архаизмы, историзмы – *зажинищица* (передовая жница), *избачка* (в СССР до кон. 60-х гг. 20 в. – заведующая избой-читальней), *инородка* (в России до 17г. – название представительницы какой-либо неславянской народности, обычно уроженки восточной окраины Российской империи), *институтка* (в России до 17 г. – воспитанница привилегированного женского закрытого среднего учебного заведения), *лектриса* (преподавательница иностранного языка в высшем учебном заведении), *лишенка* (в СССР до принятия Конституции 1936 г.: лишенная избирательных и др. гражданских прав в связи со своей принадлежностью к эксплуататорскому классу);

институционально-нормативный микрокомпонент характеризует лексику, которая социально противопоказана (*неполиткорректное*) / показана (*политкорректное*) к употреблению в современном институциональном дискурсе по отношению к определенным группам граждан и выражает социальное отношение общественного сознания к данной группе лиц:

политкорректное – человек с ограниченными физическими возможностями, лицо без определенного места жительства, не имеющий трудового дохода / состоящий на учете в службе занятости граждан, социально необеспеченные слои населения, ребенок с ограниченными возможностями здоровья, испытывающий трудности в обучении ученик, отбывающий наказание в местах лишения свободы, страдающий от избыточного веса человек, страдающие от алкогольной или наркотической зависимости люди, граждане из стран Азии и ближнего Востока, лица с неславянской внешностью;

неполиткорректное – искалеченный, калека, интернат для слепых, больница для умалишенных, умственно отсталый, слабоумный, дебил, даун, жирный, толстый, лысый, хромой, безрукий, потерявший работу, бродяга, бедняки, нищие, заключенный, колонист, пьяницы и наркоманы, черномазый, азер, узкоглазый, китаёза;

коммуникативно-тональный микрокомпонент отражает в семной структуре значения то или иное субъективное отношение говорящего к объекту наименования в ситуативных или статусно обусловленных контекстах (то есть отражает задаваемую употреблением данного слова тональность общения или тональность отдельного речевого акта) и характеризует лексику, которая употребляется с целью оказания определенного прагматического воздействия на слушающего (*тонально-нейтральное, почтительное, вежливое, восхищенное, дружеское, ласковое, шутивное, ироничное, сочувственное, фамильярное, уничижительное, пренебрежительное, презрительное, грубое, бранное, тонально-недопустимое*):

почтительное – маэстро, мудрейший, старец;

уважительное или *восхищенное* – мэтр, светлая голова;

восхищенное – восходящее светило, маг и волшебник, золотая голова, мастерица на все руки;

вежливое или *почтительное* – сударыня, ваше преподобие, ваше величество, владыка, сударь-батюшка;

почтительное или *шутивное* или *ироничное* – его / её величество;

ласковое – мальчонка, ангел души моей, маменька, папенька, доченька, деточка;

ласковое или *почтительное* – матушка, батюшка;

ласковое или *фамильярное* – голуба, братан, голубчик;

фамильярное – дорогуша, милочка, дядька, батенька, луженая глотка, бабенка;

фамильярное или *дружеское* – старина, батяня;

фамильярное или *шутивное* – старушенция;

шутивное – благоверная, аршин с шапкой, дражайшая половина, каланча, горе луковое, дяденька-достань-воробышка, барышня(семема-2);

шутивное или *ироничное* – святая невинность;

ироничное – муженёк, ангел непорочный, горе-водитель, клоун (семема-2), мешок с соломой, работничек, родственничек;

сочувственное – бедняга, бродяжка, двадцать два несчастья, живые мощи, бедный родственник;

сочувственное или *ласковое* – болезный, бедняжка;

пренебрежительное – деревня, бабник, мальчик на побегушках, остряк-самоучка, зелёная голова, сапожник (семема-2);

презрительное – сброд, архивная крыса, мелкая сошка, прожженный плут;

уничижительное – старикашка, портняжка, секретаришка, старушонка, мелкая душонка, башка с затылком;

грубое – шантрапа, нахалюга, коммуняка, мордovorот, сопля зелёная, базарная баба;

бранное – барабанная шкура, старый сыч, старый хрыч, хамово племя / отродье, рвань, пьянь, ведьма, сукин / собачий / чертов / курицын сын, ханжа двулика, вахлак, мымра, чёртова перечница, медный лоб, выродок;

тонально-недопустимое – вульгарное или нецензурное (примеры не приведены по этическим причинам).

На базе представленной выше типологии сем предлагается *трафаретная модель аспектно-структурного семного описания значения слова*.

Под трафаретной моделью понимается модель – трафарет, в соответствии с которой в семной структуре каждой отдельной описываемой семы выявляются и лексикографически фиксируются все предусмотренные этим трафаретом типы сем в установленном данной моделью порядке в опоре на разработанный для данного семантического разряда лексики унифицированный метаязык семного описания.

Применение принципа трафаретного описания на уровне семантических признаков в составе значения слова позволяет унифицировать метаязык их описания: каждая отдельная сема из состава семемы проверяется по трафарету, который включает единообразно сформулированные семантические признаки и обобщенно описанный семный конкретизатор, *конкретно наполняемый в описываемой лексической или фразеологической единице*. Количество таких наполнений семных конкретизаторов не константно, они могут пополняться и, соответственно, не всегда поддаются точному исчислению.

2.4. Алгоритм аспектно-структурного семного описания значений наименований лиц

Модель в структурированном виде имеет следующую форму:

1. ДЕНОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Семный состав денотативного аспекта:

архисема,

полоразличительная сема,

доминирующая опорная дифференциальная сема,

другие яркие дифференциальные семы,

слабые (периферийные) дифференциальные семы;

например:

– *лицо, женский пол, старого возраста (старушка);*

– *лицо, мужской пол, преимущественно молодого возраста, большого роста, бестолковый, не любит работать (балбес);*

– *лицо, мужской пол, любит ухаживать за женщинами, обычно без серьезных намерений, обычно зрелого возраста (волокига);*

– *лицо, мужской пол, пожилого возраста, крепкого телосложения, невысокого роста (старичок-боровичок);*

– *лицо мужской // женский пол, отличается тихим и безобидным нравом, не может постоять за себя (божья коровка);*

2. КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Семный состав коннотативного аспекта:

оценочная сема,

эмоциональная сема;

например:

– *неоценочное, положительно-эмоциональное (старушка);*

– *неодобрительное, отрицательно-эмоциональное (балбес);*

– *неоценочное, неэмоциональное (волокита);*

– *одобрительное, положительно-эмоциональное (старичок-боровичок);*

– *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность (божья коровка);*

3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Семный состав функционального аспекта:

стилистическая сема,

социальная сема,

темпоральная сема,

территориальная сема,

частотная сема,

институционально-нормативная сема,

коммуникативно-тональная сема;

например:

– *межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, ласкательное (старушка);*

– *просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, непolitкорректное, фамильярное (балбес);*

– *разговорное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, малочастотное, политкорректное, тонально-нейтральное (волокита);*

– *разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, ласкательное (старичок-боровичок);*

– *разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, непolitкорректное, ироничное // пренебрежительное (божья коровка).*

Применение предлагаемой трафаретной модели аспектно-структурного семного описания значения конкретного слова:

- облегчает анализ и описание семантики, поскольку показывает исследователю направление поиска того или иного семантического компонента;
- представляет собой более информативное и четко структурированное описание семантики слова;
- дает исследователю направление в поиске конкретных сем;
- облегчает формулирование сем, поскольку позволяет во многих случаях выбирать уже готовые единицы унифицированного метаязыка;
- позволяет описать значения разных слов по единым принципам, что облегчает установление системных связей между ними, системной интеграции и дифференциации по семантике;
- позволяет установить и описать парадигматические отношения между языковыми единицами ЛСГ / ЛСП, в семемах которых выявлена единая доминирующая интегральная сема;
- позволяет единообразно описать значения исследуемых слов в толковых словарях, что делает их более доступными в плане понимания для пользователей словаря;
- позволяет сопоставить значения слов и словосочетаний в межъязыковом аспекте.

Модель названа нами *трафаретной*, поскольку ее применение напоминает наложение на семантику описываемого слова трафарета с заранее определенными типами семантических компонентов, которые нужно выявить и описать в каждом описываемом значении.

АЛГОРИТМ АСПЕКТНО-СТРУКТУРНОГО СЕМНОГО ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

Данный алгоритм предполагает последовательное применение разработанной трафаретной модели к семному описанию слов исследуемой группы.

Последовательность шагов алгоритма следующая:

1. В рамках денотативного аспекта описания выделить присутствующие в описываемой семеме семы.
2. Сформулировать эти семы через использование разработанного унифицированного семного метаязыка для данного аспекта.
3. Сформировать семную дефиницию соответствующего аспекта значения путем перечисления сем в порядке, определенном трафаретной моделью.
4. В рамках коннотативного аспекта описания выделить присутствующие в описываемой семеме семы.
5. Сформулировать эти семы через использование разработанного унифицированного семного метаязыка для данного аспекта.

6. Сформировать семную дефиницию коннотативного аспекта значения путем перечисления сем в порядке, определенном трафаретной моделью.

7. В рамках функционального аспекта описания выделить присутствующие в описываемой семеме семы.

8. Сформулировать эти семы через использование разработанного унифицированного семного метаязыка для данного аспекта.

9. Сформировать семную дефиницию функционального аспекта значения путем перечисления сем в порядке, определенном трафаретной моделью.

10. Осуществить обобщающее описание семемы через перечисление совокупностей выявленных и сформулированных на унифицированном метаязыке денотативных, коннотативных и функциональных сем.

В результате аспектное семное описание конкретных семем по трафаретной модели выглядит следующим образом:

ГЕРОЙ семема-1

ДЕНОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

лицо

мужской пол

совершил подвиг / проявил личное мужество / готовность к самопожертвованию

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

одобрительное

положительно-эмоциональное

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

КОНТРАЛЬТО семема-2

ДЕНОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

лицо

женский пол

обладает низким певческим голосом

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

неоценочное

неэмоциональное

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

межстилевое

музыкальное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

СУМА ПЕРЕМЕТНАЯ

ДЕНОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

лицо

мужской // женский пол

легко меняет свои убеждения

переходит из одного противоборствующего лагеря в другой

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

неодобрительное

отрицательно-эмоциональное

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

разговорное

общеупотребительное

устаревающее

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

Для проведения контрастивного анализа межъязыковых переводных соответствий следует добавить к описанному выше алгоритму следующие этапы:

1. Подбор для каждой семемы исходного языка переводных соответствий в фоновом языке (на фоне которого производится сопоставление).
2. Описание семной структуры переводных соответствий по предложенной выше схеме на основе анализа словарных дефиниций и контекстов их употребления.
3. Корректировка и унификация семного описания семем исходного языка и её переводного соответствия для уточнения формулировок сем.

Результаты трафаретного аспектно-структурного семного описания контрастивных пар семем двух языков имеют следующие варианты представления:

ГЕРОЙ семема-1 = HERO

лицо

мужской пол

совершило подвиг

проявило личное мужество

готовность к самопожертвованию

одобрительное

положительно-эмоциональное

межстилевое

общеупотребительное

современное

лицо

мужской пол

совершило подвиг

проявило личное мужество

готовность к самопожертвованию

одобрительное

положительно-эмоциональное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

– или:

КОНТРАЛЬТО семема-2 = CONTRALTO SINGER

лицо, женский пол, обладает низким певческим голосом;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, музыкальное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное;

– или:

СУМА ПЕРЕМЕТНАЯ

лицо, мужской // женский пол, легко меняет свои убеждения, переходит из одного противоборствующего лагеря в другой;
неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное;
~ *weathercock* (флюгер), **отсутствует**: переходит из одного противоборствующего лагеря в другой;
~ *a man of straw* (человек из соломы) **дифференциальные семы**: мужской пол, ненадежный человек; современное.

3. Унификация метаязыкового семного описания значения слова

Принцип неединственности описания значения языковой единицы ставит на повестку дня проблему *унификации метаязыковых обозначений сем*. Это проблема решается на уровне семантического признака и обобщенного семного конкретизатора и заключается в обобщении имеющихся метаязыковых вариантов обозначения, выявленных в исследуемом материале сем, с использованием трафаретной модели.

В результате обобщения отдельная *унифицированная сема*, служащая в качестве основы для описания того или иного семантического признака, фиксируется как микрокомпонент значения, в состав которого входят *единообразно сформулированный семантический признак* и *обобщенный семный конкретизатор*.

В унифицированной семе, используемой при описании конкретного семантического признака конкретной языковой единицы, *обобщенный семный конкретизатор* наполняется, т.е. конкретизируется, и становится *индивидуальным семным конкретизатором*.

Принцип трафарета позволяет унифицировать лексикографическую

фиксацию значения слова в словарях различного типа, а также повышает эффективность контрастивных сопоставительных исследований межъязыковых переводных соответствий.

Унифицированные семы с конкретно наполняемыми в описываемых лексических или фразеологических единицах *индивидуальными семными конкретизаторами* применяются при описании открытых семантических признаков с практически неограниченным количеством семных конкретизаторов.

Например:

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК *характерное качество* может быть описан при помощи **УНИФИЦИРОВАННЫХ СЕМ**

- **выделяется** определенным характерным **качеством**;
- **отличается** (чем-либо) **тем, что...**;

которые в значениях слов наполняются *индивидуальными семными конкретизаторами*

ЖЕРЕБЕЦ – **выделяется** до неприличия *повышенной сексуальной активностью*;

ПЛАКСА – **отличается** тем, **что много и часто плачет** и т.п.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК *профессиональная принадлежность* описывается при помощи **УНИФИЦИРОВАННЫХ СЕМ**

- **занимается** определенной деятельностью **профессионально**;
- **работает** в определенной отрасли **промышленности**;
- **работает** на определенном **предприятии**;

которые в значениях слов наполняются *индивидуальными семными конкретизаторами*

ВАЛЬЩИК – **занимается** валкой леса **профессионально**;

КУЗНЕЦ – **занимается** ручной ковкой **профессионально**;

ТАБАЧНИК – **работает** в табачной **промышленности**;

НЕФТЯНИК – **работает** в нефтяной **промышленности**;

ШАХТЕР – **работает** на шахте;

ТОРФЯНИК – **работает** на торфоразработках; и т.п.

Закрытые семантические признаки, признаки с ограниченным учтенным количеством семных конкретизаторов описываются сформулированными на метаязыке описания готовыми *унифицированными семами с групповыми семными конкретизаторами*, которые интегрируют языковые единицы в одну семантическую группу, однако не дифференцируют их внутри этой группы, например, *лицо, мужской пол, женский пол, положительно-эмоциональное, неодобрительное, книжное, современное, театральное, американское, малочастотное, редкое, политкорректное, вежливое, ироничное, шутливое* и т.п., что неоднократно демонстрировалось при

семном описании значения в нашем исследовании.

Унифицированный метаязык трафаретного аспектно-структурного семного описания значений разработан нами на материале наименований лиц русского языка и их английских переводных соответствий.

3.1. Унифицированный метаязык трафаретного описания сем денотативного аспекта значения наименований лиц

Унифицированный метаязык трафаретного описания сем денотативного аспекта значения имеет следующий вид (цифры указывают количество наименований лиц в русском языке, в которых выявлена при описании соответствующая сема в единстве семантического признака и семного конкретизатора):

УНИФИЦИРОВАННЫЕ АРХИСЕМЫ

лицо (7397) (ниже представлены варианты архисемы «лицо», используемые в дефинициях словарей; во всех этих словах в составе дефиниции доминирует смысл «лицо»)

автор	воин	должник
автор-составитель	вор	должностное лицо
агент	воспитанник	достигший
агенты	воспитанница	(совершеннолетия)
актер	воспитатель	дочь
актриса	воспитательница-иностранка	дурак
акционер	враг	духовное лицо
арестант	всадник	душевнобольной
артист	всадница	ездок
артистка	вымогатель	живущий (чем-л.)
бедняк	выпускник	жена
бездельник	выпускница	женщина
безумец	выразитель	живописец
балбес	глава	житель
балерина	горец	жрец
богач	горнорабочий	жрица
боец	государственный служащий	заведующий
болтун	грабитель	заказчик
больной	гражданин	заместитель
брат	грузчик	зачинщик
верующий	дворянин	защитник
взяточник	девочка	землевладелец
владелец	девушка	знаток
владелица	делец	знахарь
водитель	деятель	игрок
военнослужащий	дипломатический представитель	идуший (мимо)
возчик	дирижёр	избиратель

избранник	музыкант-исполнитель	погонщик
извозчик	наборщик	подлец
изменник	надсмотрщик	подозреваемый (в чем-л.)
имеющий что-л.	наездник	подросток
инвалид	наместник	подручный
индивидуум	наркоман	подстрекатель
инициатор	наставник	поклонник
иностранец	настоятель	покровитель
искатель	настоятельница	покрытый (чем-л.: веснушками)
исполнитель	начальник	покупатель
исследователь	начальница	помещик
истопник	нахал	помогающий
казак	начинатель	помощник
крестьянин	не достигший (к-л. возраста)	помощь и поддержка
командование	не имеющий (что-л.)	посетитель
комедиант	негодяй	последователь
коммерсант	неуч	пособник
композитор	новообращенный	посредник
комсомолец	о ком-нибудь (каком)	постановщик
консультант	о том, кому	посыльный
контрреволюционер	о том, кто	потомок
контролёр	обитатель	почётное название
кузнец	обладатель	кого-л.
лекарь-самоучка	обладательница	поэт
летчик	обманщик	праведник
лимитчик	одетый (в маскарадный костюм)	правитель
лицо	озорник	предатель
лицемер	оратор	предводитель
личность	основатель	предмет восхищения
ловец	отец	предмет любви
льстец	открыватель	предок
любимец	отличающийся (чем-л.)	предприниматель-
любимый	отшельник	монополист
любитель	офицер	представитель
люди	официант	предшественник
мальш	охотник	преступник
мальчик	паломник	приверженец
мастер	парень	прислуга
мастерица	пассажир	прислужник
матрос-артиллерист	пастух	приспешник
мать	певец	прихожанин
машинист	певец-музыкант	пришелец
миллионер	певец-поэт	проводжатый
молодой человек	певица	продавец
монах	пекарь	продолжатель
монахиня	перевозчик	проезжающий (мимо)
мореплаватель	пианист-аккомпаниатор	прозвище (кого)
моряк	писатель	противник
мошенник	плательщик	профессор
муж	пленник	
мужчина	плут	
музыкант	повар	

путешественник-	состоящий (под чьей-н. опекой)	чиновник
исследователь	сотрудник	швейцар
раб	социолог	шут
работник	сочинитель	шутиха
работница	спелеолог	эксперт
рабочий	специалист	(какой) элемент
разбойник	специалист-консультант	юноша
разведчик	спортсмен	юридическое лицо
распорядитель	спутник	юрист
распространитель	старик	и т.п.
рассказчик	старший	
ребенок	старуха	
ребёнок-подкидыш	столяр	
революционер	сторож	
режиссёр	сторонник	
ремесленник	стоящий (на посту)	
рисовальщик	стрелок	
родня	студент	
родоначальник	судья	
родственник	существо	
родственница	сын	
руководитель	танцовщик	
рулевой	танцовщица	
рядовой	товарищ	
санитарка	токарь	
сановник	торговец	
сборщик	торговец-спекулянт	
свидетель	тореадор	
связанный с чем-л.	тот, кого	
священник	тот, кто	
священнослужитель	труженик	
секретный сотрудник	тунеядец	
сержант (милиции)	турист	
сестра	убийца	
скрипач	уборщица	
скотовод	управляющий	
слуга	уроженец	
слуга-воспитатель	участник	
слуга-подросток	участница	
служанка	учащийся	
служащий	ученик	
служитель	учёный	
собиратель	учитель	
собственник	фотограф	
содержатель	хам	
содержательница	хозяин	
создатель	хозяйка	
солдат	хранитель	
сообщник	художник	
соперник	художник-модельер	
сорванец	цирковой артист	
составитель	человек	

совокупность лиц (157)

бедняки (какая) верхушка государственные служащие группа должностных лиц дворяне девушки дети должностные лица друзья избиратели казаки (какие) круги класс коллегия (кого) командование комсомольцы контрреволюционеры	лимитчики лица личный состав монахи не достигшие (к-л. возраста) не имеющие (что-л.) общество персонал поколение помещики помощь и поддержка предки представители прислуга прихожане профессора работники	режиссёры родня родственники руководители руководящий орган слой людей совокупность сотрудников сословие старики студенты существа те, кто товарищи шофёры (какие) элементы юридические лица и т.п.
--	---	---

Примеры наименований лиц с архисемой **совокупность лиц**

авангард агентура актерство актерская братия акулы бизнеса акулы пера бабье барахло барство беднота бездарность безотцовщина белая кость бестолочь богема бомонд боярство братва братья по оружию братья по перу буржуазия быдло бюрократия великие мира сего власть военщина воронье высший свет	гольтьба голь бездомная голь перекатная голь кабацкая гоп-компания два сапога пара два лаптя пара дворня дворянство детвора дубье дурачье духовенство живой товар жлобье жулье замена зверье золотая молодежь золотой фонд иванов, петров, сидоров интеллигенция иродово племя истеблишмент исчадие ада иудино племя казачество	контра крестьянство криминал кровь и плоть лебедь, рак да щука лед и пламень лихие люди лишние люди люди доброй воли люди так себе малые мира сего мелкая рыбешка мелкота мелюзга мерзость мертвые души мещанство молодежь молодняк мразь мужичье начальство нежный пол нелюди неприятель нечисть ничтожество нищая братия	обуза однолетки оппозиция отребье отродье офицерство офицерье офисный планктон охрана пакость пережиток пехота плесень подмога позорище посмешище посредственность потомство предпринимательство прекрасный пол прибавление прислуга пролетариат простонародье профессура профи публика пятая колонна
--	--	---	--

герцогство	клиентура	нищета	пьянь
голубая кровь	кодла	номенклатура	пьянь подзаборная
рвань	сильные мира сего	старье	чиновничество
режиссура	сильный пол	студенчество	шантрапа
родня	слабый пол	тыл	шваль
руководство	сливки общества	убожество	шобла
рыцарство	смена	уголовщина	шпана
сатанинское	собратья по перу	хамово отродье	шушера
отродье	солдатня	хирургия	элита
сброд	сатанинское племя	челядьчерная кость	юношество и т.п.
сено-солома	соль земли	чернильное племя	
серость	союзник	чернь	

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СЕМЫ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ПОЛ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

мужской пол / женский пол / мужской или женский пол

в значениях слов:

аферист, атлет, водолаз, игумен, волокита, горбатый, землекоп, неплательщик, конюх, бас, кореш, обозник и т.д. – **мужской пол** (3075);

капитанша, клоунесса, обманщица, контральто, возжатая, воровка, королева, горянка, актриса, нищевродка и т.д. – **женский пол** (2625);

грудничок, грязнуля, астролог, вруша, зубрила, аутсайдер, аукционер, кардиолог, копуша, океанолог и т.д. – **мужской или женский пол** (1800).

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ХАРАКТЕРНОЕ КАЧЕСТВО»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

выделяется / отличается определенным характерным **качеством / тем, что** (1842)

(крайне негативными качествами, способностью импровизировать, подвижным и беспокойным поведением, бездушным отношением к кому-либо, манерным поведением, умением хорошо одеваться, распутным образом жизни, своей загадочностью для окружающих, снисходительностью по отношению к кому-/чему-либо, терпимостью, необразованностью, необоснованно завышенной самооценкой, упрямством, малозначительностью, имеет склонность к обжорству, не умеет хранить тайны, не может постоять за себя, ненавидит людей, легко поддается панике, легко меняет свои убеждения, любит ухаживать за женщинами, является предметом насмешек);

в значениях слов: *подлец, непоседа, иродово семя, кукла, аристократка 2, повеса, невежа, самохвал, абсолютный ноль, ветряная мельница, распутник, нюня, посмешище, осел, нахал, авантюрист* и т.д.;

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

в сфере материального производства

занимается определенной деятельностью **профессионально** (453)

(простой обработкой дерева, механической обработкой твёрдых материалов, типографским набором, поисками и разработкой золотых месторождений, сборкой, монтажом, установкой, заготовкой чего-л.);

в значениях слов: *наборщик, инструментальщица, лесозаготовитель, ковродел, монтажник, сварщик, сборщик, трелевщик, каменотес* и т.д.;

работает в определенной **отрасли производства** (147)

(в горной промышленности, в швейной промышленности, в энергетике, в металлургии);

в значениях слов: *швейник, энергетик, металлург, бумажник, горняк, топливник, тракторостроитель* и т.д.;

табачник – **работает** в табачной промышленности;

нефтяник – **работает** в нефтяной промышленности;

работает на определенном **предприятии** (52)

(на заводе, на стройке, на судовой верфи, на железнодорожном транспорте, в типографии);

в значениях слов: *типограф, деповский, заводчанин, судосборщик, железнодорожник, чугунолитейщик* и т.д.;

шахтер – **работает** на шахте;

торфяник – **работает** на торфоразработках;

в сфере торговли и услуг

работает в сфере обслуживания / **оказывает** определенные услуги (219)

(в гардеробе, в кассе, на почте, в парикмахерской, в автосервисе, подает кушанья, напитки, делает гравировку);

в значениях слов: *гардеробщица, кухарка, служанка, парикмахер, банщик, электрик, часовщик, кастелянша, стекольщик, водопроводчик, сантехник, горничная, носильщик, гравёр* и т.д.;

изготавливает определенные **предметы потребления** / **торгует** определенным **товаром** (175)

(молоком, мясом, печатными изданиями, антикварными предметами, подержанными и старинными книгами / дамские шляпы, шьёт одежду, обувь, варит самогон);

в значениях слов: *мороженщик, мясник, киоскер, книгоноша, виноторговец, газетчик 1, старьевщица, молочница, сапожник, модистка, портниха, закройщик, скорняк, самогонщица* и т.д.;

в сфере науки

занимается научными исследованиями в определенной **области науки** / **владеет профессиональными знаниями** в определенной **области науки** (315)

(вопросами теории, разработкой методологии, системной классификацией чего-л. / в физике, математике, химии, лингвистике, биологии, астрономии, биофизики, геологии, педагогики, истории, энергетике);

в значениях слов: *атомщик, языковед, этимолог, палеобиолог, гидролог, картограф, сейсмолог, историограф, математик, астроном, биофизик* и т.д.;

в сфере искусства

занимается определенной деятельностью в сфере **искусства** (115)

(вокальным искусством, жонглированием, гримировкой артистов, дрессировкой, реставрацией памятников старины, критикой, музыковедением);

в значениях слов: *вокалист, гример, дрессировщица, реставратор, жонглер, музыковед* и т.д.;

создает определенные **произведения** (97)

(сценарии, лирические / стихотворные / прозаические / фантастические произведения, романы, произведения изобразительного искусства);

в значениях слов: *сценарист, лирик, поэтесса, романист, скульптор, портретист, маринистка* и т.д.;

исполняет определенные **произведения** (72)

(пантомимы, сценический танец);

в значениях слов: *актер, клоун, инструменталист, певичка, мим, танцор, сатирик, киноартист, сказительница* и т.д.;

исполняет определенные **произведения** на определенном **инструменте** (58)

(на гармонике, на органе, на саксофоне);

в значениях слов: *гармонист, альтист, органист, тапер, гитарист* и т.д.;

в сельском хозяйстве и природоохранной сфере

занимается определенной сельскохозяйственной деятельностью / **уходом** за определенными **животными или птицами** / **разведением** определенных **животных или растений** (198)

(земледелием, овощеводством, обслуживанием механизированных орудий, заготовкой сена / домашней птицей, садом, коровами, лошадьми, пушными зверьями / пчел, овец, полевых сельскохозяйственных культур);

в значениях слов: *земледелец, механизатор, сенозаготовитель, овощевод, птицевод, садовод, конюх, зоотехник, табунык, пчеловод, полевод* и т.д.;

в административно-правовой сфере

работает / служит в административно-исполнительных **органах** (93)

(в органах прокуратуры, в милиции, в ОМОНе – отряде милиции особого назначения, в жандармерии, на таможне);

в значениях слов: *прокурор, милиционер, делопроизводитель, судья, таможенник, полицейский, комендант, тюремщик, заседатель* и т.д.;

осуществляет / совершает определенные административно-правовые действия (87)

(принудительное исполнение судебных решений, нотариальные акты, оперативную работу по расследованию правонарушений, предварительное следствие, инспектирование участка);

в значениях слов: *табельщица, паспортистка, следователь, пристав,*

администратор, контролер, ревизор, надсмотрщик, инспектор, охранник и т.д.;

в сфере медицины

обладает специальными знаниями в определенной области медицины / лечит определенные заболевания (135)

(психические болезни, внутренние болезни, болезни нервной системы, заболевания полости рта, глазные болезни);

в значениях слов: *психиатр, невролог, окулист, стоматолог, кожник, офтальмолог, терапевт, педиатр, косметолог, пульмонолог* и т.д.;

работает в сфере медицинских услуг в определенном лечебном учреждении / выполняет определенные обязанности (25)

(гигиенический уход за больными, уборку помещений лечебного учреждения, предписания врача по лечению пациента рациональным питанием, хозяйственные обязанности в лечебном учреждении);

в значениях слов: *медик, медбрат, санинструктор, сестра-хозяйка, нянечка, сестричка, диетсестра* и т.д.;

лечит определенным способом (22)

(способом лекарственного лечения, который заключается в применении очень малых доз тех лекарств, к-рые в больших дозах вызывают у здорового человека признаки данной болезни; рациональным питанием; лечебными травами, консервативными методами, оперативными методами);

в значениях слов: *гомеопат, диетолог, рентгенолог, массажист, хирург, гомеопат, иглотерапевт, офтальмохирург, травница* и т.д.;

на транспорте

осуществляет управление определенным видом транспорта (48)

(паромом, рулём на судне, самоходной, наземной машиной);

в значениях слов: *водитель, машинист, воздухоплаватель, шофер, пилот* и т.д.;

перевозит людей / грузы на определенном транспорте (35)

(на такси, на вертолете, на повозке, на лодке);

в значениях слов: *таксист, рейсовик, паромщик, лодочник, частник, бомбила, рефрижераторщик* и т.д.;

обслуживает пассажиров на определенном виде транспорта (18)

(в самолете, в поезде, на теплоходе);

в значениях слов: *вагоновожатый, стюард, бортпроводница, проводник, кондуктор* и т.д.;

в сфере образования

преподает определенный предмет / передает кому-л. сведения из какой-л. области знаний (91)

(физику, философию, русский язык, математику);

в значениях слов: *философ, русист, математик, физик, историк,*

культуролог, латинист, учитель музыки, англичанка, арабист и т.д.;

преподает в определенном месте (38)

(в школе, в вузе, в семье);

в значениях слов: *учитель, преподаватель, репетитор, гувернер, гувернантка, училка, немка* и т.д.;

в средствах массовой информации

работает в СМИ / передает определенную **информацию** (45)

(комментарии, обзоры, корреспонденцию, сообщения о текущих событиях, репортажи средствами фотографии);

в значениях слов: *комментатор, обозреватель, фотокорреспондент, спецкор, телевизионщик, журналиста, оператор* и т.д.;

на военной службе

состоит / состоял(а) на военной службе в определенных **войсках** / в определенном **звании** (187)

(в войсках связи, в российской армии до 1917г., в сухопутных войсках, в самом младшем офицерском звании, в ранге ниже младшего лейтенанта и выше старшины, в самом низком ранге);

в значениях слов: *связистка, подводник, прапорщик, хорунжий, подполковник, конногвардеец, адмирал, солдатик, танкист* и т.д.;

принимает участие в военных действиях на определенной **территории** / определенным **образом** (125)

(ополчения, народного вооруженного отряда, карательного отряда, в тылу противника, на оккупированной территории, на путях передвижения войск, на фронте / втайне от властей, по найму);

в значениях слов: *фронтовик, десантник, ополченец, партизан, ратник, штабной, тыловик, каратель, наемник, боевик* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ВОЗРАСТ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

определенного **возраста** / в определенном (от...до...) **возрасте** (83)

(от рождения до подросткового возраста, от детского до юношеского возраста, не достигший совершеннолетия, переросший установленный для чего-н. возраст, детского возраста, отроческого возраста, юношеского возраста, молодого возраста, в возрасте, в переходном от отрочества к зрелости возрасте, зрелого возраста, пожилого возраста, зрелого или пожилого возраста, преклонного возраста, старого возраста);

в значениях слов: *чадо, юнец, мужик, старуха, старикан, отрок, патриарх, переросток, мальчуган, старый пень, первогодок* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

(не) **обладает** определенной **квалификацией** в чем-л. (48)

(высокой квалификацией, высоким мастерством, совершенной техникой своего искусства, необыкновенной ловкостью, недоучившийся, малосведущий в чем-л.);

в значениях слов: *ас, виртуоз, графоман, дилетант, любительница, знаток, мастак, мастерица, маэстро, мэтр, начинающий, недоучка* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:
«ОТНОШЕНИЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

выполняет определенную **работу** / определенным **образом** (33)

(небрежно, наспех, недобросовестно, усердно, со старанием, рьяно, с азартом);

в значениях слов: *аварийщик, бездельник, инициатор, рабочий, служака, труженик, трудоголик, отличник производства, передовик, трудяга* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:
«ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ»

(местожительство, местонахождение, местопребывание)

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

проживает в определенном **месте** / определенный период **времени** (725)

(в стране, местности, где-либо, в Европе, в доме / квартире, в городе / в сельской местности; как в данном государстве, так и за его пределами);

в значениях слов: *дальневосточница, абориген, сибиряк, техасец, волгарь, ленинградка, россиянин, европеец, американец, сельчанин, островитянин, квартирант, постоялец, полярник, старожил, гость, жилец, дачник* и т.д.;

прибыл(а) / приехал(а) в определенное **место** (51)

(на поселение, на новое, необжитое место);

в значениях слов: *переселенец, невозвращенец, новосел, иностранец, эмигрант, чужак¹, курортник, приезжий* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

принадлежит к народу, составляющему (основное, коренное) население определенного **государства** / определенной **страны, республики** (651)

(Австралии, Армении, Венгрии, Казахстана, республики Алтай РФ, России, Шотландии, США, Китая);

в значениях слов: *австралийка, венгр, китаец, белорус, бельгиец, молдаванин, монгол, таджик, таец, татарин, чех, чеченец, чукча, швед* и т.д.;

принадлежит / принадлежал(а) к древним **племенам / народам**, обитавшим на определенной **территории** (28)

(к сарматским племенам; к древним кельтским племенам, к самым древним германским племенам);

в значениях слов: *викинг, галл, германец, скиф, халдей, гот, перс, иудей, кельт, майя, римлянин, спартанец* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПО РОЖДЕНИЮ / ПРОИСХОЖДЕНИЕ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

родом из определенной страны / местности (651)

(Австралии, Армении, Венгрии, Казахстана, республики Алтай РФ, России, Шотландии, США, Китая);

в значениях слов: *австралийка, венгр, белорус, бельгиец, молдаванин, китаец, монгол, таджик, таец, татарин, чех, чеченец, чукча, швед* и т.д.;

принадлежит к потомкам определенных народов / к потомкам от смешанных браков представителей различных рас (18)

(от смешанного брака представителей белой и негроидной рас, от смешанного брака русского с алеутом, эскимосом или индейцем; первых колонистов - переселенцев из Европы (Испании, Португалии) в Южную Америку);

в значениях слов: *мулатка, креол, афроамериканец, индеец, тунгус* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ»

УНИФИЦИРОВАННАЯ СЕМА:

говорит на определенном языке (651)

(русском, английском, польском, немецком, итальянском, таджикском, японском);

в значениях слов: *австралийка, венгр, белорус, бельгиец, молдаванин, китаец, монгол, таджик, таец, татарин, чех, чеченец, чукча, швед* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«СОЦИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

имеет гражданство / подданство определенной страны / определенного государства (645)

(Австралии, Армении, Венгрии, Казахстана, республики Алтай РФ, России, Шотландии, США, Китая);

в значениях слов: *австралийка, венгр, китаец, белорус, молдаванин, монгол, бельгиец, таджик, таец, татарин, чех, чеченец, чукча, швед* и т.д.;

состоит в рядах определенной организации / представляет интересы определенного общественного образования (128)

(политической организации / социального объединения / общественного движения / группы);

в значениях слов: *республиканец, расист, социалист, троцкист, декабрист, демократ, реформатор, феминистка* и т.д.;

(не) принадлежит к определенному общественному классу / социальной прослойке (112)

(к дворянству, к высшему обществу, к деклассированному слою людей, к малоимущим слоям населения);

в значениях слов: *середняк, служащий, помещица, льготник, люмпен, принц, леди, лорд, купец, нэпман, олигарх, безработный* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

служебное положение в гражданском обществе

осуществляет руководство определенным учреждением / подразделением (93)

(проведением заседания, государством, хозяйством, органом местного самоуправления, больницей, театром);

в значениях слов: *президент, премьер, префект, управляющий, директор, завлаб, бригадир, босс, прораб, завхоз, градоначальник, губернатор, гендиректор, декан, патрон* и т.д.;

входит в состав определенного (административного / совещательного / распорядительного) **органа (71)**

(правительства, директората, коллегии, совета, аппарата);

в значениях слов: *депутат, думец, чиновник, советник, полномочный представитель, парламентарий, сановник, аппаратчик, председатель, член* и т.д.;

находится в служебном подчинении у определенного лица (58)

(обычно основного и руководящего лица, министра, директора, ректора, начальника, главврача);

в значениях слов: *замдиректора, заместитель, вице-губернатор, замминистра, зампред, вице-президент, проректор, подмастерье* и т.д.;

материальное положение

обладает определенным количеством материальных ценностей / (не) имеет определенные средства к существованию (53)

(очень большим количеством материальных ценностей, миллиардами к-л. денежных единиц, никаких средств к существованию);

в значениях слов: *богатый, миллионерша, неимуций, бюджетник, нищенка, голь перекатная, середняк, бизнесмен, новый русский, нищоброд, крез, попрошайка, магнат* и т.д.;

положение в церковной иерархии

имеет определенное монашеское звание / титул (114)

(архимандрита, далай-ламы, высший чин православного духовенства, старшего православного священника);

в значениях слов: *архиерей, архимандрит, дьяк, дьякон, епископ, раввин, ксендз, поп, имам, протодьякон, викарий, священник, причетник, лама* и т.д.;

совершает определенные религиозные обряды / богослужение (48)

(богослужения, произносит проповеди);

в значениях слов: *жрец, гуру, миссионер, звонарь, служка, муэдзин, трапезник, головщик, духовник* и т.д.;

осуществляет руководство определенным подразделением (25)

(в монастыре, в мечети, в соборе, в католической церкви);

в значениях слов: *келарь, настоятель, аббат, папа, архиепископ, имам* и т.д.;

отношение к законопорядку

совершает / совершил(а) определенное **противоправное действие** (172)

(грабеж, торговлю наркотиками, хищения, мошенничество);

в значениях слов: *карманник, киллер, гангстер, грабитель, вымогатель, громила, домушник, фальшивомонетчик, уголовник, поджигатель, погромщик, угонщик, урка, ворюга, правонарушитель, преступница, наперсточник* и т.д.;

отбывает наказание в определенном **месте** / в определенных **условиях** (34)

(в колонии, под арестом, на каторге, в местах заключения, в отдалённом месте, в ссылке на поселении);

в значениях слов: *заключенный, узник, каторжник, колонист, зэчка, поселенец, ссыльная, осужденный* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

придерживается определенных **взглядов** / **взглядов** определенного **учения** (149)

(религиозных взглядов, политических взглядов, взглядов материализма, атеизма, анархизма, коммунизма, либерализма, пацифизма, шовинизма, демократизма);

в значениях слов: *диалектик, идеалист, импрессионист, консерватор, материалист, метафизик, футурист, мистик, модернист, христианин, эстет, католик* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

связан / связана с кем-либо определенными неродственными **отношениями** / **состоит с кем-то** в определенных неродственных **отношениях** (87)

(дружбы / любви, близкими / доверительными отношениями / в знакомстве, в любовной связи, в отношениях вражды);

в значениях слов: *друг, возлюбленная, подружка, соперник, знакомый, приятель, недруг, враг, доброжелатель, любовник, сожитель* и т.д.;

совместно с кем-либо выполняет определенное **действие** / определенную **деятельность** (44)

(работает, служит, пьет, помогает, участвует в беседе / в совершении чего-либо, выступает с докладом, учится);

в значениях слов: *сослуживица, сменщик, собеседник, содокладчик, собутыльник, сотрапезник, соратник, попутчик, спутник, компаньон, брат* и т.д.;

(имеет) обладает определенной **популярностью** / определенным **авторитетом** (25)

(всеобщей известностью, высокой / низкой репутацией, всеобщим признанием, большими заслугами, общепризнанной полезностью);

в значениях слов: *звезда, шоумен, гуру, авторитет, светило, деятель* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ОБРАЩЕНИЕ к кому-л. / УПОМИНАНИЕ о ком-л.»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

определенная **форма обращения** к определенному лицу / **упоминания** об определенном лице (172)

(официальная форма обращения, почтительная форма обращения, дружеская форма обращения / к близкому, родному, знакомому лицу, чужому, незнакомому лицу, лице старшего / младшего возраста);

в значениях слов: *сестричка, матушка, брат, государь, господин, мадам, голубушка, гражданин, батенька, голубчик, дорогуша, душенька, голуба, донья, дяденька* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ВНЕШНИЙ ВИД»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

отличается определенной **особенностью внешности** / **имеет** определенное **внешнее отличие** (74)

(очень красивой, красивой, привлекательной, очаровательной, прекрасной, уродливой, страшной, непривлекательной внешностью, коротконогий, с большими толстыми губами);

в значениях слов: *красавица, милашка, симпатяга, страшилище, уродина, губошлеп, горилла, краля, кувшинное рыло, добрый молодец, питекантроп, раскрасавица* и т.д.;

отличается определенным **ростом** / **размерами** (65)

(рослый, гигантского роста, необыкновенно высокого роста, высокого роста, среднего роста, небольшого роста, неестественно маленького роста, необыкновенно больших размеров, толстый, худой, большой);

в значениях слов: *бабища, гигант, мордоворот, карлик, аришин с шапкой, исполин, дылда, малявка, толстяк, тумба, худышка, коротышка* и т.д.;

отличается определенной **манерой одеваться** / **одевается** определенным **образом** (49)

(модной / небрежной / неопрятной / невзрачной / неряшливой / безвкусной манерой, в изорванную или изношенную одежду);

в значениях слов: *франт, модница, неряха, пугало огородное, босоножка, замухрышка, хиппи, панк, модель, оборванец, щеголь* и т.д.;

отличается определенным **цветом** волос / глаз (42)

(белокурый, со светло-русыми волосами, с темно-русыми волосами, с темными волосами, с черными бровями, с голубыми глазами, без волос);

в значениях слов: *блондинка, кучерявая, зеленоглазка, бородач, усач, лысый, чернобровка, рыжий, шатен, кареглазая* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

(не) **обладает** / **отличается** определенным уровнем **физических возможностей**

/ физической способностью (71)

(сильный, с крепким телосложением, дряхлый, неповоротливый, вялый, медлительный, неуклюжий / высоким певческим голосом, абсолютным слухом, басом);

в значениях слов: *акселерат, детина, амбал, силачка, бабища, заморыш, слабослышащий, доходяга, увалень, бас, дискант, тетеря, геркулес, крепыш, выжатый лимон* и т.д.;

лишился определенной физической способности / части тела (28)

(слуха, зрения, рук, ноги);

в значениях слов: *инвалид, калека, безногий, слепец, одноглазый, кривой, безрукий* и т.д.;

не способен владеть / владеет определенной частью тела (10)

(левой рукой лучше, чем правой);

в значениях слов: *левша, правша, паралитик, инвалид-колясочник* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:**страдает определенным заболеванием (78)**

(заиканием, алкоголизмом, косоглазием, хроническим заболеванием);

в значениях слов: *алкоголик, заика, астматичка, хроник, легочник, дальтоник, сердечник, параноик, неврастеник, токсикоман* и т.д.;

обладает определенным состоянием здоровья (35)

(здоровый, слабый, недоразвитый, хилый);

в значениях слов: *тяжелобольной, старичок-боровичок, здоровяк, больной, дохляк, деваха, ходячий, крепыш* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«УВЛЕЧЕНИЕ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ / СПОРТОМ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:**занимается / увлекается определенным видом деятельности непрофессионально / каким-либо видом спорта (235)**

(рыбалкой, сбором лечебных трав, коллекционированием чего-либо / атлетической гимнастикой, спортом, футболом, бегом на короткие дистанции, биатлоном, тяжелой атлетикой, многоборьем, плаванием, шахматами);

в значениях слов: *рыбак, грибник, коллекционер, футболист, волейболист, спринтер, марафонец, каратист, каноист, слаломист, вязальщица, мотогощик, шахматист* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«УЧЕБНАЯ / ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:**проходит курс обучения чему-либо / где-либо / на каких-либо условиях (54)**

(курс профессиональной подготовки, в высшем учебном заведении / среднее образование, в начальном / среднем учебном заведении, заочно);

в значениях слов: *курсант, пэтушник, школьница, студентка, второклассник, отличник, второгодник, старшеклассник, магистр,*

третьекурсник, ученик, бюджетник-2, заочник и т.д.;

имеет определенный уровень **образования** (33)

(высшее / среднее / профессиональное / неоконченное высшее образование);

в значениях слов: *врач, филолог, педагог, инженер, акушер, фельдшер, медбрат, ординатор, аспирант, абитуриент, дипломник, соискатель2, адъюнкт* и т.д.;

(не) имеет определенное **воспитание** / определенные **навыки поведения в обществе** (18)

(плохое / хорошее; вообще не имеет);

в значениях слов: *светская львица, дикарь, деревенщина, сельпо, невежа, аристократ, жлоб* и т.д.;

(не) имеет определенное **ученое звание** (10)

в значениях слов: *кандидат наук, профессор, магистр, бакалавр, академик, доцент, старший преподаватель, ассистент* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ИМУЩЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

владеет / распоряжается определенным **имуществом** (50)

(фабрикой, банком, трактором, акциями, капиталом);

в значениях слов: *банкир, промышленник, владелец, акционер, хозяин, капиталист, вкладчик, инвестор* и т.д.;

вступает в правовые отношения с определенным лицом / **пользуется услугами** определенного лица (50)

(юриста, банкира, работодателя);

в значениях слов: *клиент, подзащитный, наемный работник, заказчик, грузополучатель* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

по отношению родства к кому-л. (73)

(к своим родителям; к детям своих детей; к другим детям этих же родителей и т.д.);

в значениях слов: *сестра, братишка, дочь, мама, батя, бабушка, тятя, матушка, сын, ребенок, чадо, отпрыск, потомство, отец* и т.д.;

приходится каким-л. родственником по отношению к кому-л. (44)

(по отцовской / материнской линии);

в значениях слов: *дядька, родня, сват, невестка, зять, сноха, свояк, родственничек, золовка* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» (85)

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

(не) состоял в браке / (не) состоит в браке определенный **период времени** / определенное **количество раз** / (35)

(после смерти жены, никогда, неоднократно);

в значениях слов: *супруг, вторая половина, жена, муженек, многоженец, вдовец, мать-одиночка, старая дева, вековуха, холостяк, двоеженец* и т.д.;
с определенным **лицом** (25)

(с миллионером, генералом, инженером, врачом);

в значениях слов: *генеральша, инженерша, агрономша, профессорша, президентша, майорша, капитанша* и т.д.;

собирается вступить в брак / вступает в брак в определенный момент (10)

(в ближайшее время, в данный момент);

в значениях слов: *невеста, новобрачные, жених, молодая* и т.д.;

живет без семьи (10)

в значениях слов: *бобыль, одиночка, подкидыш, беспризорник* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ»

УНИФИЦИРОВАННАЯ СЕМЫ:

отличается определенным уровнем **интеллектуальных способностей** (78)

(высоким уровнем интеллектуальных способностей, недалёким умом, полным отсутствием ума и сообразительности, своим талантом от других);

в значениях слов: *умник, болван, дурак, светлая голова, пустышка, интеллектуал, голова, тупица* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ХАРАКТЕРИСТИКА ПО ВИДУ ВЫПОЛНЯЕМОГО ДЕЙСТВИЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

выполняет определенное **действие** (187)

(делает заказ, платит алименты, подписывается на какое-либо издание, пользуется абонементом, берёт интервью, помогает кому-н., подает жалобу / сигнал; водит кого-н., отмечает свой юбилей / день рождения);

в значениях слов: *заказчик, алиментщик, агрессор, захватчик, помощник, подписчик, абонент, жалобщик, подсказчица, советчик, аноним, сигнальщик, поводырь, защитник, полуночник, агитатор* и т.д.;

передвигается на определенном **виде транспорта / определенным способом** (34)

(верхом, пешком, на велосипеде, на автомобиле);

в значениях слов: *скутерист, мотоциклист, автомобилист, конькобежец, велосипедист, пешеход, воднолыжник* и т.д.

3.2. Унифицированный метаязык трафаретного описания сем коннотативного аспекта значения наименований лиц

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ОЦЕНКА»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

неоценочное (6935)

в значениях слов: *сослуживица, сменщик, миссионер, звонарь, губернатор, проректор, гример, подмастерье татарин, новосел, иностранец, медик, связистка, подводник, прапорщик, водитель, машинист, медбрат, чех, вокалист, гидролог, картограф, санинструктор, сейсмолог, сборщик, трелевщик* и т.д.;

одобрительное (194)

в значениях слов: *гений, гигант мысли, мудрец, отличник, талант, умница, эрудит, смельчак, семьянин, весельчак, добряк, трудяга, идеал, вдовушка, ангел во плоти, светлая личность, полубог, человек с большой буквы* и т.д.;

неодобрительное (385)

в значениях слов: *негодяй, мерзавец, гад, сукин сын, исчадие ада, хам, ничтожество, прохвост, выродок, паршивец, дьявол, злой гений, сатана, дрянь, отморозок, скандалист, бестолочь, подлюга, хлюпик, трепач, драния кошка, мымра* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ЭМОЦИЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:**неэмоциональное (6877)**

в значениях слов: *водитель, санинструктор, машинист, вокалист, медик, медбрат, сослуживица, сменщик, миссионер, звонарь, губернатор, проректор, подмастерье татарин, чех, новосел, иностранец, связистка, подводник, прапорщик, гример, гидролог, картограф, сейсмолог, сборщик, трелевщик* и т.д.;

положительно-эмоциональное (71)

в значениях слов: *дитя¹, малыш, озорник, работяга, дочка, дяденька, бабенка, дружище, дедок, красавчик, бабушка, дедушка, звезда первой величины, светлая голова* и т.д.;

отрицательно-эмоциональное (90)

в значениях слов: *кумушка², уродина, бугай, многоженец¹, мракобес, старый сыч, девка, малый не промах, сукин/собачий/чертов/курицын сын, ханжа двуликая, сухарь, корова, душегуб, временицк* и т.д.

3.3. Унифицированный метаязык трафаретного описания сем функционального аспекта значения наименований лиц

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ »

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

книжное (215)

в значениях слов: *антиподы, обскурант, деист, делинквент, демиург, биполиды, версификатор, контингент, акмеист, оториноларинголог, панегирист, неофит, теург, регрессант* и т.д.;

высокое (175)

в значениях слов: *вершитель судеб, весталка, вестник, властолюбец, владычица, дочь трудового народа, исцелительница, пионер освоения космоса, первопроходец, подвижница, приспешник, поборник, пленник, соратник, ученый муж, сотрапезник* и т.д.;

поэтическое (87)

в значениях слов: *дитя, возлюбленная, дева, девица-красавица, недруг, искуситель, чужеземец, иноземец, эллин, незнакомка, пиит, поселянка, праматерь, узник* и т.д.;

официально-деловое (45)

в значениях слов: *арендодатель, брачующиеся, налогоплательщик, супруг, визитер, владельница, гражданин, заявительница, инициатор, податель, квартиросъемщик, ответчик, подданный, согражданин* и т.д.;

межстилевое (4895)

в значениях слов: *австралиец, абориген, бомж, дежурный, горожанин, ревизор, дилетант, жена, зимовщик, знаток, иностранец, пришелец, крестьянин, кочевник, подчиненный, поклонник, квартирант, очевидец, островитянин, ребенок, переселенец* и т.д.;

разговорное (1819)

в значениях слов: *бабник, бездельник, бобыль, волгарь, деревеница, городской, лоцманша, малолеток, постоялец, увалень, малый, курилка, плясун, собачник, искусник, мастерица, собутыльник, ябеда, смутьян, земляк* и т.д.;

сниженное (134)

в значениях слов: *баба, брехун, хлюпик, зануда, пацанье, трепач, трепло, балдежник, барыга, старая кляча, кобель, лахудра, левак, прибабахнутый, мертвяк, надувала, никудышник, охальник, старый пердун, подлюга, пузан, сморчок* и т.д.;

просторечное (152)

в значениях слов: *кореш, бабица, мамаша, пройда, дружбан, батрачиха, бомжиха, бомжовка, бригадирка, гайдучка (высокого роста), горланка, деваха, дохлячка, инвалидка, инженериха, костоправка, пройда, охламон, тятя, поскребыш, почтарка* и т.д.;

сленговое (38)

в значениях слов: *динамщик, совок, чайник, лузер, кадр, синяк (много пьет), лошара (простофиля), приколист, обдолбанный* и т.д.;

жаргонное (39)

в значениях слов: *отморозок, хмырь, стукач, цаца, пахан, банжиха (вокзальная проститутка), бичевка, гёрла, кусочница (нищая), кадра (приятельница), марьяна (женщина), марафетчица (наркоманка), путана* и т.д.;

грубое (58)

в значениях слов: *сопля, брюхатая, пакостник, поганец, паршивец, мымра,*

шантрапа, ищейка, дурачище, жлобье, ведьма, девка (4 зн. развратная), дурища и т.д.;

бранное (55)

в значениях слов: *отродье, паскуда, подонок, подлюга, стерва, сволочь, изверг, вахлак, шлюха, дешёвка, идиотка, карга, кретинка, курва, погань, мерзавка, потаскуха, псовка* и т.д.;

вульгарное;

нецензурное.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК: «СОЦИАЛЬНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

общеупотребительное (6464)

в значениях слов: *прохожий, путник, победитель, отправитель, горнист, грибник, зевака, зритель, начальница, парламентарий, гурман, самоубийца, лох, раненый, интеллектual, мудрец, мужлан, мыслитель, организатор, освободитель, приятель, оригинал, любопытный, кроха, любительница, потомок, отдыхающий, двойник, одноклассник, сверстник* и т.д.;

техническое (180)

в значениях слов: *схемотехник, теплотехник, дозиметрист, фрезеровщик, револьверщица, такелажник, металлист-1, скреперист, формовщик, вальцовщик, трелёвщик, гидравлик, трассовщик, бурильщик* и т.д.;

юридическое (32)

в значениях слов: *истица, ответчик, поручитель, ответчик, субъект, подзащитный, подозреваемый, осужденный, залогодержательница, подсудимый, душеприказчик, поверенный, опекун, соответчица, совладелец* и т.д.;

военное (67)

в значениях слов: *новобранец, ординарец, отставник, сверхсрочник, наводчик, окопница, резервист, рекрут, штабист, зенитчик, интендант, кавалерист, замполит, флигель-адъютант, фельдмаршал, уклонист, улан, унтер* и т.д.;

театральное (35)

в значениях слов: *примадонна, премьер2, капельдинерша, травести, корифейка (в зн: ведущая артистка кордебалета), мимистка, миманс* и т.д.;

музыкальное (102)

в значениях слов: *настройщик, саксофонист, органист, вокалист, бас, контральто, баритон, альтист, ударник, тапёр* и т.д.;

спортивное (135)

в значениях слов: *нападающий, полузащитник, кролистка, вратарь, гонщик, арбитр, олимпийка, полуфиналистка, одноклубник, штангист, пятиборец, секундант, спринтер, перворазрядник, запасной, бобслеист* и т.д.;

медицинское (180)

в значениях слов: *клетоман, сомнамбула, подагрик, дистрофик, донор,*

дальтоник, неврастеник, параноик, шизофреник, дебил, эпилептик, гомосексуалист, психопат и т.д.;

компьютерное (21)

в значениях слов: *юзер, компьютерщик, программист, электронщик, системщик, тэшник* (играет только в Time Zero), *лисовод* (пользователь браузера Fire Fox);

церковное (157)

в значениях слов: *богомученица, великомученица, кармелитка, мирянка, прихожанка, мученик, преосвященный, послушник, отшельник, паломник, служка, расстрига, настоятельница, старец, пастырь, протопоп, звонарь, инокиня* и т.д.;

детское (15)

в значениях слов: *вруша, няня, буся, деда, ма, па, муля, бука, бяка* и т.д.;

молодежное (10)

в значениях слов: *мажор, мажорка* (дети богатых родителей, которые ведут шикарную жизнь), *абабл* (парень, мало отличающийся от девушки по своему поведению), *гагус* (малоавторитетный человек), *жаба гончая* (тот, кто работает в поте лица), *бабайка* (бомж), *крендель=кекс* (личность) и т.д.;

студенческое (27)

в значениях слов: *абитура, сырняк (абитуриент), ботаник, зубр, заушник, бюджетник-2, дневник, очница, препод, староста, филолух, коммерческий-2, задолжница, хвостатый, хвостист* и т.д.;

уголовное (18)

в значениях слов: *пахан, подельник, жучка* (девушка-воровка), *бытовичка* (осужденная за бытовые, хозяйственные преступления), *мокрушница* (убийца), *бандерша* (содержательница притона), *габёл* (подлый человек), *обдолбыш* (маленький и страшный), *оторва* (отчаянная воровка), *жиганка* (ловкая, хитрая в делах), *чернушница* (обманщица), *профура* (бродяжничающая женщина), *халява* (девушка, женщина), *чувырла* (некрасивая девушка) и т.д.;

солдатское (15)

в значениях слов: *кусок* (прапорщик), *кэп* (капитан), *контрабас* (контрактник), *дух* (солдат первого периода службы), *дед* (солдат четвертого периода службы), *дембель* (человек после приказа), *зёма* (земляк), *комод* (командир отделения), *замок* (заместитель), *косарь* (тот, кто отлынивает от работы), *летюха* (лейтенант), *залетчик* (злостный нарушитель), *арматура* (крупный, большой человек) и т.д.;

семейное (45)

в значениях слов: *тятя, золовушка, сватовья, свекруха, бабуленька, ляля, бабуля, жёнка, жинка, супружница, матусенька, матуля, доча, доня, донюшка, сеструха, сеструшка, зятёк, племяш, папуляка, папусик, лапушка, братушка, лобушка* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

современное (7424)

в значениях слов: *девочка, мальчик, ветеран, взрослый, француз, японка, горожанин, дачник, иностранка, интурист, квартирант, прабабушка, правнук, прадед, одиночка, сирота, холостяк лысый, модница, плотник, проектировщик, работник, манипулятор, мим, музыкант, консультант, космонавт, лингвист, кочегар, аптекарь, врач, врачиха, садовод, сезонник, селекционер, литературовед, курьер* и т.д.;

новое (20)

в значениях слов: *террорист-смертник, наркобарон, киллер, хакер, антиглобалист, ньюсмейкер, сноубордист, фрилансер, имидж-мейкер, кризисник, спичрайтер, рекламист, коучер, креативщик, пиарщик* и т.д.;

устаревающее (38)

в значениях слов: *знакомица, комсомолка, лазутчик, сподвижник, матрона, нацменка, большевик, подпольщик, сватья, свояченица, хлебосол, сказительница, словесник, товарка, стряпуха, сударушка, супостат, надзиратель, соклассница, суженый* и т.д.;

устаревшее (18)

в значениях слов: *воительница, гаремница (смотрительница гарема), гетера (легкого поведения), гитана (испанская цыганка), государышня (дочь государя), домоправительница, драгоманиа (жена драгомана – переводчика при посольстве или консульстве европейской страны в странах Востока), заводчица (владелица завода), лжица, нарпитовка (в СССР до 1930г. – сотрудница системы нарпита), самоедка (представительница северных народов), сарафанница (крестьянка)* и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:**высокочастотное (19)**

в значениях слов: *ребенок, муж, жена, дочь, сын, брат, враг, врач, гость, друг, мужчина, отец, мама, мать, подруга, русский, сестра, студент, человек* и т.д.;

частотное (6875)

в значениях слов: *мать-одиночка, холостяк, новорожденный, тётя, герой, господин, хозяин, безработный, директор, житель, журналист, зритель, инженер, иностранец, космонавт, дурак, крестьянин, пассажир, ученик, пенсионер, писатель, преступник, продавец, профессор, террорист, турист, учёный, хозяйка, художник, покупатель* и т.д.;

малочастотное (540)

в значениях слов: *родительница, маменька, камазовка, греховница, недруг, пуританка, недоброжелатель, добрый молодец, сердцеед, батенька, драматургесса, падчерица, иماجинистка* и т.д.;

редкое (55)

в значениях слов: *доильница (доярка), инородка (в России до 17г. – название представительницы какой-либо неславянской народности, обычно уроженки восточной*

окраины Российской империи), *догаресса* (жена дожа – главы Венецианской и Генуэзской республик до кон.18в.), *институтка* (в России до 17г. – воспитанница привилегированного женского закрытого среднего учебного заведения), *кащейка* (скупая, весьма худая старушонка), *лишенка* (в СССР до принятия Конституции 1936г.: лишенная избирательных и др. гражданских прав в связи со своей принадлежностью к эксплуататорскому классу), *офеня* (В дореволюционной России: торговец, вразнос продающий галантерейные товары, книжки, лубочные картинки) и т.д.;

неупотребительное (15)

в значениях слов: *лектриса* (преподавательница иностранного языка в высшем учебном заведении), *зажинищица* (передовая жница), *заломиха* (мать жениха), *избачка* (в СССР до кон.60-х гг. 20в. – заведующая избой-читальней), *другиня*, *дщерша* (племянница по отношению к тетке, а не к дяде), *женима* (незаконная жена), *затетёха* (толстая, дородная) и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК: «ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ» УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

общераспространенное (7217)

в значениях слов: *мама*, *атлет*, *старушка*, *браконьер*, *труженик*, *обидчик*, *однофамилец*, *производитель*, *хозяйственник*, *хозяйюшка*, *бунтовщик*, *юбиляр*, *бюрократ*, *взяточник*, *посредственность*, *виновник*, *придурак*, *создатель*, *картежник*, *книголюб*, *биограф*, *вегетарианец*, *выпивала*, *дежурный*, *докладчик*, *утопающий*, *участник*, *предсказатель*, *мотоциклист*, *учительница*, *пассажир*, *физкультурник*, *шахматист*, *школьник*, *самоучка*, *преподаватель*, *слушатель*, *предшественник* и т.д.;

территориально-ограниченное (283) – обычно с конкретизацией территориальной ограниченности

в значениях слов: *жалмерка* (на Дону: солдатка), *картвелка* (в Грузии: самоназвание грузинки), *кацап* (на Украине: презрительное название русского), *квартиронка* (в Америке: рожденная от брака мулата и европейки, мулатки и европейца), *кельнерша* (в Германии и некоторых др. странах: официантка), *додзедзи* (в Японии: исполнительница танца с глицинией), *консьержка* (во Франции: привратница при доме), *леди* (1 зн. в Англии: жена лорда или баронета), *джентльмен* (чаще британское), *squaw* (жена в племенах американских индейцев), *lad*, *mate* (приятель британское), *guu* (парень американское), *baby* (детка американское), *lass* (девушка шотландское), *colleen* (девочка, девушка ирландское), *креолка семема-1* в Латинской Америке: потомок первых испанских и португальских переселенцев; **семема-2** в ряде стран Латинской Америки, в Вест-Индии, Сьерра-Леоне и Либерии: потомок африканских рабов; **семема-3** в странах Африки: потомок от брака африканца с переселенцем из какой-л. другой страны; **семема-4** в России 18-19 вв.: потомок от брака русского переселенца с индейцем, эскимосом, алеутом и т.д..

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК: «СОЦИАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ ГРУППЕ ЛИЦ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:

политкорректное (7320)

В значениях слов и словосочетаний: *лицо с ограниченными возможностями, параолимпиец, страдающие от избыточного веса, лицо нетрадиционной ориентации, страдающий от алкогольной зависимости, находящийся в местах лишения свободы, асоциальный элемент, слабоуспевающий / испытывающий трудности при обучении ученик, мулат – mixed race, индеец – American Indian/Native American, абориген – indigenous inhabitant / person, иностранец – alien / newcomer, refuse collector (собиратель вещей, от которых отказались), disadvantaged (лишенные возможностей), economically disadvantaged (экономически ущемленные), unwaged (не получающие зарплаты), substance abuse survivor (злоупотребляющий алкоголем), person of differing sobriety (индивидуум иной трезвости), African-American / Afroamerican, Afro-Caribbean, chairperson (председательствующая персона), congressperson, spokesperson (делегат), camera operator (оператор), mail carrier (почтальон), headteacher (директриса), police officer (полицейский), инвалид – differently-abled (обладающий другими способностями) – physically challenged (испытывающий трудности из-за своего физического состояния), aurally inconvenienced (с затрудненным слуховым восприятием), differently abled (с отличительными возможностями) – physically different (отличающийся физически), полные люди – big-boned (ширококостные) – differently sized (отличительного размера) – horizontally challenged people (люди, преодолевающие трудности из-за горизонтальных пропорций), люди низкого роста – vertically challenged people (люди, преодолевающие трудности из-за вертикальных пропорций), hair-disadvantaged (не имеющий волос), неуклюжий – uniquely coordinated (со специфической координацией) и т.д.;*

неполиткорректное (67)

В значениях слов и словосочетаний: *инвалид-участник Олимпийских игр, выходец с Кавказа, лицо кавказской национальности, мигранты из Средней Азии, старородящая первородка, однорукий, одноглазый, заика, лысый, покалеченный, жирный, толстый, умалишенный, душевнобольной, глухонемой, цветной, черномазый, калека, лягушатник, макаронник, азер, чурка, негритос, япошка, узкоглазые, пьяница, гомик, психбольной, голубой, нацмен, ребенок-дебил, умственно отсталый, коротышка, карлик, паралитик, гяур (у мусульман: иноверец, презр.), bin man (бомж, роющийся в помойках), poor (бедные люди), unemployed (безработные), alcoholic (алкоголик), Black (негр), mulatto (мулат), chairman (председатель), congressman (член конгресса), spokesman (делегат), policeman (полицейский), invalid (инвалид) – handicapped (имеющий физические недостатки) – disabled (искалеченный), deaf (глухой), cripple (калека) – physically handicapped (страдающий каким-либо физическим недостатком), толстые люди – fat people (толстые люди), short people (низкорослые люди), лысый – bald (лысый), Negro, darkie (негр), coloured (цветной), Red Indian/ Macaca (индеец) и т.д.*

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК:

«СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К КОНКРЕТНОМУ ЛИЦУ»

УНИФИЦИРОВАННЫЕ СЕМЫ:**тонально-нейтральное (7293)**

в значениях слов: *литератор, рабочий, лингвист, лесоруб, кооператор, кредитор, дядя, зять, крестный, курортник, москвич, приезжий, кузен, кум, кума, новорожденный, одноклассник, отрок, женщина, мальчик, мужик, мужчина, командующий, комендант, красноармеец, конник, легионер, курильщик, летописец, меломан* и т.д.;

почтительное (22)

в значениях слов: *маэстро, мудрец-2, старец, мэтр, матушка, владыка, светлость, величество, благородие, святейшество* и т.д.;

вежливое (14)

в значениях слов: *сударыня, милостивый государь, господин, госпожа, сударь, молодой человек, уважаемые посетители* и т.д.;

фамильярное (33)

в значениях слов: *дядька, голуба, братан, голубчик, дорогуша, молочка, батенька, старушенция, голубушка, дамочка, почтенный, папаша, маманя, мать-4* и т.д.;

дружеское (25)

в значениях слов: *старина, брат, друг, доченька, сынок, дяденька, красавица, сестричка* (форма обращения);

ласковое (145)

в значениях слов: *мальчонка, матушка, бабуся, бабуля, девчушка, паренек, доченька, дочурка, дочушка, дядюшка, вдовушка, дамочка, гражданочка, кумушка, младенец, пацаненок, постреленок, старичок, толстушка, хохотушка, хозяйушка, братан, братушка, братишка, женка, братец, женушка, мальчуган, ласточка, соседушка, толстячок* и т.д.;

шутливое (113)

в значениях слов: *благоверная, аршин с шапкой, дуреха, старикан, дражайшая половина, святая невинность, каланча, курилка, женатик, неумейка, обещалкин* и т.д.;

сочувственное (15)

в значениях слов: *бедняга, живые мощи, бедолага, невезунчик* и т.д.;

восхищенное (10)

в значениях слов: *восходящее светило, маг и волшебник, мэтр, богиня, мастер-золотые руки* и т.д.;

ироничное (180)

в значениях слов: *борзописец, вояка, рабочий, блюститель, ангел непорочный-2, мышиный жеребчик, родственничек, божья коровка-2, клоун-2, непризнанный гений* и т.д.;

уничижительное (17)

в значениях слов: *старикашка, мужичонка, пьянчужка, старикашка, старушонка, офицеришка, блондинчик, гусаришка, женишок* и т.д.;

пренебрежительное (47)

в значениях слов: *кукла, деревенщина, дурачина, мальчишка, разиня,*

мальчик на побегушках, остряк-самоучка, деревня, папашка, бездарь, буквоед, писака, офицерья и т.д.;

презрительное (51)

в значениях слов: *архивная крыса, мелкая сошка, тормоз, мымра, лизоблюд, карьерист, быдло, выкормыш, гадина, горлохват, живодер* и т.д.;

бранное (113)

в значениях слов: *барабанная шкура, хамово племя/отродье, рвань, пьянь, сукин / собачий / чертов / курицын сын, мымра, ханжа двуликая, чёртова перечница, старый хрыч, выродок, дрянь, ведьма, вахлак, чума, язва, идол, погань, морда* () и т.д.;

грубое (87)

в значениях слов: *шантрапа, балбес, старый сыч, прохвост, медный лоб, нахалюга, журтрест, коммуняка* и т.д.;

тонально-недопустимое (вульгарное и нецензурное).

Для лексикографической фиксации значений лексических или фразеологических единиц также весьма существенна характеристика используемых в их описании сем по степени вероятности их присутствия в значении, что предлагается учитывать следующим образом:

обычно – в большинстве случаев (80% и более употреблений);

как правило – в большинстве случаев, но с рядом исключений (более 60% употреблений);

часто – во многих случаях, но не в большинстве (более 40% употреблений);

иногда – в ряде случаев, но чаще единичного (менее 20% употреблений).

Вероятностный характер сем определяется эмпирически, методом рефлексивного и контекстного анализа.

Таким образом, более 7,5 тысяч лексических и фразеологических наименований лиц (около 20 тыс. значений), в семантике которых выявлено 35 семантических признаков, могут быть описаны с использованием унифицированного метаязыка семного описания, который включает 69 унифицированных сем с конкретно-наполненными групповыми семными конкретизаторами и 138 унифицированных сем с единообразно сформулированным семантическим признаком и обобщенным семным конкретизатором, который конкретно наполняется в конкретной единице языка, т.е. конкретизируется индивидуальными семными конкретизаторами (в т.ч. контекстуальная оценка, контекстуальная эмоция и контекстуальная коммуникативная тональность).

Количество конкретно-наполненных групповых семных конкретизаторов поддается учету только в коннотативном и функциональном макрокомпонентах значения, в денотативном макрокомпоненте значения эта величина не является константной, за исключением архисем (всего 2) и полоразличительных сем (всего 3), и практически определяется количеством описываемых единиц.

Полученные результаты унификации метаязыковых обозначений сем при описании наименований лиц представлены в сводной таблице:

Аспект семного описания	Количество семантических признаков	Количество унифицированных сем с групповым семным конкретизатором	Количество унифицированных сем с обобщенным семным конкретизатором
Денотативный	26	5	135
Коннотативный	2	6	2
Функциональный	7	58	1
Всего	35	69	138

Унификация метаязыка аспектного семного описания позволяет:

- формализовать и упростить язык семного описания;
- сократить количество используемых метаязыковых вариантов обозначения одинаковых семантических компонентов, особенно за счет сокращения количества используемых для толкования значения архисем путем замещения их метаязыковыми единицами с высоким уровнем абстракции;
- представить обобщенное семное описание макрокомпонентов значения посредством использования дифференциальных дизъюнктивных и альтернативных типов сем;
- формулировать не только системные, но и контекстуально наполняемые компоненты значения лексических и фразеологических единиц;
- эффективно проводить межъязыковое сопоставление значений;
- упростить формулирование сем для лексикографических и учебных целей.

Думается, что применение апробированных на большом лексическом и фразеологическом материале трафаретных моделей для семного описания языковых единиц, подробно рассматриваемых в нашей работе, представляет собой конкретный путь решения проблемы разработки реального, унифицированного метаязыка семного описания значений в лексической системе языка.

4. Лингвокультурный аспект семной семасиологии в описании наименований лиц.

Виды национальной специфики семантики наименований лиц

Как известно, носитель языка формирует свое видение мира не только на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, но и в рамках закрепленного в языке культурного опыта его языковых предков. Язык называет то, что есть в культуре, а также сам развивается в культуре.

Тесная связь языка с материальной и духовной культурой общества может многое рассказать о ней и её национальной специфике. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код – систему взаимосвязанных значений, отражающих, в частности, специфические, исторически обусловленные мировосприятие и миропонимание, присущие определенному языковому сообществу.

На язык оказывает влияние как социальная стратификация общества, так и созданная в нем сложная система групповых и межличностных взаимоотношений. Индивидуальные коммуниканты одновременно выполняют множество социальных ролей, и их коммуникативное поведение зависит от иерархии этих ролей, выстраиваемой в системе их ценностей и приоритетов.

Социальная стратификация общества по горизонтали осуществляется в зависимости от географической (территориальной), этнической, культурной принадлежности, по вертикали – на основе социальной иерархии. На коммуникативном уровне стратификационное членение общества проявляется в наличии разных языков, их региональных вариантов, диалектов и прочих «лектов», что может создавать проблемы в межкультурном общении.

Для того чтобы изучение семантики служило взаимопониманию людей разных культур и разных стран, «особое значение должно быть уделено соотносительности языковых фактов с культурой говорящих на них народов» [Гак 1995: 57].

В условиях межкультурной коммуникации специфика мышления и характер восприятия действительности представителями разных лингвокультур могут приводить к попытке осмыслить чужую культуру через собственную, тем самым, провоцируя ситуации непонимания. Конфликт «концептов, сформировавшихся в разных гипертекстах, на пересечении разных смыслов и ассоциаций», приводит к заблуждениям в отношении друг друга в результате «эффекта обманутого ожидания» [Карасик 2010: 150].

Г.Р. Уивер уподобляет контакт двух культур встрече айсбергов: именно «под водой», на уровне «неочевидного», происходит основное столкновение ценностей и менталитетов. Г.Р. Уивер утверждает, что при столкновении та часть культурного восприятия, которая прежде была бессознательной, выходит на уровень сознательного, и человек начинает с большим пониманием относиться как к своей, так и к чужой культуре [Weaver 1993: 159-160].

Описывая деловые переговоры между русскими и американцами, Й. Ричмонд отмечает: «Понятие или слово, произнесенное на одном конце стола, может быть не понято на другом конце просто-напросто потому, что оно не существует в политике, юриспруденции, культуре и даже языке этой страны. Добавьте к этому недостаток знаний русских и американцев друг о друге – и задача переговоров с русскими станет ещё более трудной» [Richmond 1996: 151].

Рассуждая о взаимоотношении индивидуумов и культуры, к которым они принадлежат, Ф. Клакхон отмечает, что ни один представитель культуры не знает всех её деталей. Есть определенная часть культуры, которая должна быть известна всем её носителям, часть, отбираемая на альтернативной основе в

зависимости от потребностей коммуниканта, и, наконец, часть, которая используется ограниченно и очерчивается социальной ролью индивидуума в данном обществе [Kluckhohn 1944: 30-31]. Соответственно, важно уметь отличить то, что действительно заслуживает внимания как необходимое для адекватной коммуникации, и то, без чего можно обойтись при общении.

Как справедливо утверждает К. Фрейк, культура является не столько «когнитивной картой», сколько набором принципов для создания такой карты, задача которой – обеспечить безопасное плавание в море чужой культуры [Frake 1981: 144-145].

Следует признать, что понятие *культура* по праву является фундаментальным и крайне важным, но в то же время одним из самых запутанных и противоречиво определяемых в современном научном знании. Различные определения *культуры* насчитываются в научной литературе буквально сотнями. Возможно, этому способствует недостаточная разработанность представлений о специфике культуры как общественного явления, но эту проблему скорее следует отнести к сфере культурологии.

Современные культурологи предлагают множество подходов в понимании и определении *культуры* в зависимости от её роли, функций, основных характеристик, например: диалогический (С.С. Аверинцев, М.М.Бахтин, В. Библер), духовный (Л. Кертман), историко-просветительский (Вольтер, Гельвеций, Гете, Гегель, Гердер, Лессинг, Руссо, Шиллер), историко-этнографический (Л. Леви-Брюль, Л.Г. Морган, Э.Б. Тейлор), герменевтический, информационный и функционалистский (Ю.М. Лотман), личностный (Л.Н. Коган, В.М. Межуев, Э.В. Соколов), нормативный (Б.А. Успенский), описательный (З. Фрейд), семиотический (Р. Барт), символический (Д.С. Мережковский), социально-деятельностный (К. Маркс, Ф. Энгельс, М.С. Каган, Э. Маркарян, Ю.А.Сорокин, Е.Ф. Тарасов), типологический (С.С. Аверинцев, М.Мамардашвили), ценностный (М. Вебер, З. Какабадзе, Л.Н. Столович, Ю.П.Францев, М. Хайдеггер, Н. Чавчавадзе), экзистенциальный (Н.А.Бердяев) и др.

В реальности в научной практике наблюдается тенденция «приспособить» понятие *культура* к категориям и понятиям той науки, с точки зрения которой рассматриваются специфические особенности или различия тех или иных культур. В современной лингвистике это особенно явно ощущается в условиях возникновения такого научного направления как лингвокультурология.

Некоторые исследователи-лингвисты предлагают отказаться от прямого применения методов анализа языка к культуре, поскольку оно в известной степени обуславливает механистический подход к явлениям культуры, игнорируя её динамический характер и системность, однако таких ученых в настоящее время явное меньшинство. Лингвокультурологи неизбежно должны в своих исследованиях присоединиться к тому или иному понятию культуры, выработанному в современной культурологии и философии, иначе проводимые ими исследования превращаются в чисто умозрительные и теоретически эклектические построения.

Для практического лингвокультурологического анализа представляется важным разграничить *объяснительную* лингвистику и *описательную* лингвистику (по терминологии И.А.Стернина, 2013). Так, лексикология, семасиология, грамматика, фонология, психолингвистика, диалектология, сопоставительная и контрастивная лингвистика преимущественно представляют собой описательную лингвистику, цель которой – зафиксировать и систематизировать то, что есть в языке. *Описательная лингвистика* исследует и описывает систему языка и языковые нормы.

Объяснительная лингвистика ищет объяснение тех или иных языковых явлений вне языка – в культуре, менталитете, концептосфере народа, в его быте и т.д. Социолингвистика, этнолингвистика, этимология, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология преимущественно представляют собой объяснительную лингвистику. К объяснительному направлению, по нашему убеждению, относится и лингвокультурология.

Методологически принципиальным представляется то, что объяснительная лингвистика в науке всегда вторична, она возможна только на базе достижений описательной лингвистики и представляет собой ее дальнейшее углубление и развитие в избранном объяснительной наукой направлении. Данное положение принципиально важно для выявления и декодирования языковых национально-специфических различий, которые остаются не осознаваемыми при внутрикультурном общении, однако становятся очевидными в процессе контакта представителей разных культур.

Широкое распространение лингвокультурологических исследований, которые на современном этапе развития лингвистики стали даже модными, постепенно привело к значительному расширению понятия лингвокультурологии, к включению в сферу многочисленных фактов, которые, с нашей точки зрения, мало связаны с культурой или вообще не связаны с ней, но, тем не менее, интерпретируются как лингвокультурные, что приводит к тому, что во многих исследованиях, декларируемых как лингвокультурологические, возникает теоретическая эклектика, наблюдается некорректное обращение с терминами *культура*, *лингвокультура*, *лингвокультурная специфика*, лингвокультурными объявляются языковые факты, не имеющие отношения к культуре как таковой.

В связи с этим некоторые базовые понятия лингвокультурологии на современном этапе требуют уточнения и дифференциации, что особенно оказывается актуальным для развития семной семасиологии и контрастивной лингвистики.

Бесспорным представляется то, что при выполнении исследования, позиционируемого как лингвокультурологическое, необходимо конкретизировать и эксплицитно обозначить в ходе исследования используемое данным научным направлением или отдельным исследователем понятие *культура*. При этом принципиально, чтобы используемое понятие *культура* было достаточно конкретным, а не всеобъемлющим как, например, такое: *культура* – «это все свойственные данному народу способы жизни и

деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы понимания и преобразования мира» [Маслова 2010: 16]. Здесь воедино под понятием *культура* объединяются материальные способы жизнедеятельности, социальные ритуалы и особенности менталитета, а также такие неопределяемые понятия как способы понимания и преобразования мира, под которыми вообще можно понимать что угодно.

Аналогично неплототворно в лингвистике понимание *культуры* как «мира человека в противопоставлении миру природы» [НЭС 2007: 594], или как «общего отличия человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни» [ФЭС 1983: 292]. Исходя из такого понимания *культуры*, мы должны признать, что поскольку семантика языковых единиц носит отражательный характер, то вся языковая семантика отражает в этом смысле культуру народа, и предмет лингвокультурологии полностью совпадает с предметом семасиологии.

С другой стороны, понимание культуры в той или иной лингвокультурологической работе может быть обозначено весьма неопределенно, метафорически или в самом общем виде, через понятия типа «связано», «отражает», «воплощает» и под. Ср. «зона вариативности лексического значения *теснейшим образом связана с общекультурными, социальными и религиозными представлениями языкового социума*» [Беляевская 1987: 59]; исследование явлений языка в пространстве духовной культуры определяется выявлением и констатацией фактов «*отражения в языковых текстах и в самих языковых средствах определенного культурного содержания, связанного с мировосприятием данного этноса / народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и / или верой*» [Виноградов В.А. 2010: 462].

С этими высказываниями – «значение теснейшим образом связано с культурой», «в значениях отражается культурное содержание» – невозможно не согласиться, это действительно так, но подобные утверждения на современном этапе уже не дают лингвистике никакого нового знания. «Теснейшая взаимосвязь» требует конкретного исследования и установления конкретных фактов связи языка и культуры, приведения конкретных, проверяемых доказательств связи языка и культуры.

Представляется вполне очевидным, что если принять в лингвистических исследованиях *предельно расширительное понимание культуры* (а так в большинстве лингвокультурологических работ и делается), то достаточно будет констатировать, что семантика языка имеет культурную обусловленность, то есть отражает человеческую культуру, и предмета для исследования лингвиста в таком случае просто нет. Такой подход представляется нам в настоящее время уже пройденным этапом как лингвистики, так и лингвокультурологии.

Понятие *культура* в лингвокультурологических исследованиях целесообразно конкретизировать и сузить, что позволит конкретно выявлять *культурную обусловленность семантики* языковых единиц при проведении вышеназванных исследований.

Одним из распространенных и, как представляется, практически

применимых в лингвистическом исследовании подходов к определению культуры в настоящее время является рассмотрение её как «трехслойной» сущности: 1) верхний слой, наиболее явный и доступный чувственному восприятию, включает артефакты, другие материальные явления культуры, а также язык; 2) средний слой – нормы и ценности; 3) внутренний слой – базовые установки, послышки, убеждения, менталитет и т.д. (Касьянова 1994, Dahl 1998). Близок к такому пониманию и подход В.В. Журавлева к трактовке *культуры*, согласно которому «социокультурные явления существуют и развиваются в трех важнейших формах: духовной (различные элементы и состояния сознания), овеществленной (опредмеченные духовные явления) и институциональной (культурный аспект различных институтов общества)» [Журавлев 1998: 58].

Таким образом, есть материальные проявления культуры (предметы, ритуалы) и ментальные проявления (идеи, понятия, ценности, правила, менталитет, литература и искусство).

Думается, что при исследовании проблем, связанных с национальной спецификой того или иного языка, предпочтительнее принять узкое толкование *культуры*, понимая её как *культуру ментальную* – это ценности, принципы, нормы и правила, а также произведения литературы и искусства (художественная культура).

С нашей точки зрения, лингвокультурология должна иметь своим предметом именно ментальную культурную специфику (культурные концепты, явления художественной культуры), в то время как опредмеченная культурная специфика (материальные предметы, социальные институты, учреждения, должности и под.) будет относиться к сфере *лингвострановедения*, столь хорошо разработанного в отечественной лингвистической и методической традиции (Верещагин, Костомаров 1990, 1999, Листрова-Правда 2003, 2004).

Следует принять во внимание, что большую часть своей жизни обычный человек проводит, подражая тем или иным культурным образцам, следуя, установленным паттернам поведения. Соответственно, если некоторая ценность, верование, убеждение и знание прошли эстафету поколений и нашли свое отражение в языке, то это и есть достаточный критерий культурной значимости всех этих форм опыта. Совершенно справедливо утверждать, что «духовная культура как объективное ментальное образование оказывает воздействие на людей, в значительной мере определяет их ценностно-мыслительные ориентации» [Поппер 1983: 302-303].

Также важно, что «данная культурная общность, народ связаны не только проживанием на общей территории, в рамках одного государства, но совершенно реальным опытом проживания в одних и тех же воображаемых мирах, созданных воображением Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова. Если человеку, даже говорящему на русском языке, нужно объяснить, кто такой Онегин или Обломов – можно вполне уверенно устанавливать симптом чуждости сознания этого человека русской культуре» [Ячин 2010: 24]. Нельзя в этой связи не согласиться с высказыванием этого автора, что «с содержательной стороны – любая культура есть продукт творческих вкладов

гениев её рода» [там же], что, по всей видимости, можно отнести к одной из самых существенных характеристик феномена культуры.

Полагаем, что выявление культурной специфики семантики как отражения ментальной культуры в семантике слова связано с отражением в семантике языковых единиц

- духовных явлений (образов художественной культуры): литературных реалий, прецедентных художественных (паремий, мифов, сказок) и нехудожественных (например, рекламных, публицистических) текстов, в том числе и экранизированных произведений;

- а также опредмеченных духовных явлений (социальных ритуалов, культурных явлений, социальных институтов, отражающих духовные явления как элементы сознания народа).

Знание прецедентных текстов, с которыми могут быть тесно связаны культурные ассоциации, весьма существенно для адекватного понимания национально маркированных языковых единиц. По мнению Г.Г.Слышкина, «реминисценции, основанные на апелляции к прецедентным текстам, должны отвечать следующим условиям: во-первых, осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст; во-вторых, знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; в-третьих, наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста» [Слышкин 2000: 48]. Незнание прецедентных текстов как в родной, так и в чужой культуре, неосознанное игнорирование их культурной «привязки» к речевым актам может приводить к коммуникативным неудачам.

Примерами собственно литературных сем, отсылающих к национально-литературным реалиям или прецедентным текстам, являются следующие микрокомпоненты значения, описанные в семантике наименований лиц:

колокольный дворянин – лицо духовного сословия – из поэмы Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»;

кисейная барышня – лицо, женский пол, провинциальная, ограниченная, простодушная, жеманная – персонаж повести Н.Г.Помяловского «Мещанское счастье» 1860 г.;

лебедь, рак да щука – о компании с различными интересами – от названия басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак»;

лишний человек – в русской литературе 19-го в. тип человека, не умеющего найти применение своим силам в общественной жизни, своего рода форма косвенного, неполитического протеста против сложившихся в России условий жизни (выражение вошло в употребление после публикации «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева 1850 г.);

маг и волшебник – человек, который очаровывает кого-л. своим умом, знаниями, мастерством и т.п. (заимствовано из комедии А.В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» 1855г., где рассказывается об авантюристе Кречинском, которого называют магом и волшебником);

Маша-растеряша – о том, кто отличается сильной рассеянностью, постоянно

что-л. забывает – персонаж из стихотворения Л.Ф.Воронковой, 1906-1976;

Саша с Уралмаша – простоватый, не слишком образованный провинциал [Юганов 1994:163] (из кинофильма «Два бойца» (1943г.)), в основу сценария которого легла повесть Л.И.Славина «Мои земляки», так один из героев фильма шутливо называет своего друга);

человек в футляре – живущий своими узкими интересами; отгородившийся от людей, от жизни; косный и замкнутый (по одноименному рассказу А.П.Чехова);

another Richmond in the field – ещё один неожиданный соперник (измененное шекспировское выражение) [Кунин 1984:630];

Man Friday = Пятница – верный, преданный слуга (по имени верного слуги в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо»), по аналогии: *a girl Friday* – помощница, правая рука, надежный работник, особ. о девушке-секретаре) [Кунин 1984:313,481];

Simon Legree – жестокий властитель (по имени злодея-надсмотрщика из романа «Хижина дяди Тома», избивающего негра Тома до смерти);

white hat = белая шляпа – хороший парень, *black hat* = черная шляпа – злодей, негодяй (исходя из одежды героев американских фильмов);

deep throat – тайный информант, осведомитель (псевдоним осведомителя, фигурировавшего в скандале с разоблачением установки подслушивающих устройств в штаб-квартире избирательной кампании демократов в гостинице «Уотергейт», взятого им по названию порнографического фильма);

– а также следующие микрокомпоненты значения, выявленные в семантике наименований лиц посредством психолингвистического эксперимента (количество ассоциативных реакций на слова-стимулы указано цифрами):

тупой – фильм: «Тупой и ещё тупее» 15, известны выражения: *тупой как баран* 3, *как валенок* 1, *как пробка* 1;

дикий – персонажи книг и сериалов: *Дикий ангел* 1, кличка *Дикий* 1;

бомж – персонажи юмористического телешоу «Наша Russia»: *бомжи Сифон и Борода* 2;

papa – спортивная передача «Папа, мама, я – веселая семья» 1, песня «Папа, подари мне куклу» 1.

Следующие примеры наименований лиц, служащих для обозначения участников свадебного обряда, свидетельствуют об изменении или исчезновении *культурной значимости* ряда языковых единиц, что нашло свое отражение в переходе таких лексических единиц из разряда современной и частотной в разряд устаревшей и малочастотной или неупотребительной лексики:

дружка (совр., частот.) – распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом;

шафер (совр., малочастот.) – в церковном свадебном обряде: человек, состоящий при женихе (или невесте) и во время венчания держащий у него

(неё) над головой венец;

вежевуха (устар., редк.) – бойкая женщина, управляющая свадьбами;

гостиницина (устар., неупотр.) – каждая из девушек, приехавшая от жениха к невесте с подарками накануне свадьбы, либо на девичник (их угощают и отправляют кататься по городу).

Общеизвестно, что в лингвистике уже сложилась традиция изучения национальной специфики языка, в большинстве случаев касающейся семантики слов. Так, А. Гудавичюс обнаруживает в лексической семантике «поверхностный и глубинный уровни отражения культуры». Поверхностным уровнем отражения культуры исследователь называет такой, «когда особенности культуры народа находят непосредственное выражение в особых единицах лексического уровня языка (безэквивалентная лексика) или в характере этих единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация)». Глубинный же уровень «кроется в природе самого значения как сокращенного понятия, сигнализирующего об объектах действительности (или концептах) при вторичной референции в актах речи» [Гудавичюс 1980: 57].

А.А. Леонтьев выделяет систему факторов, определяющих национальную языковую специфику, к которым относятся как «факторы, связанные с культурной традицией и с социальной ситуацией, так и факторы, определяемые спецификой языка данной общности» [Леонтьев А.А. 1997: 191-192].

Подчеркнем, что на современном этапе развития лингвокультурологических исследований очень часто наблюдается тенденция подводить под лингвокультурологические особенности семантики языковых единиц практически все особенности их семантики, а при сопоставительных и контрастивных исследованиях – всю выявляемую национальную специфику семантики (Кирилова 2011, Комарова 2010, Медведева 2010, Шерина 2010 и др.).

Полагаем, что далеко не вся национальная специфика семантики языковых единиц, представляющая особый тип осмысления действительности в национальном сознании, может быть обусловлена отражением в семантике культуры того или иного народа. Придание отдельному слову статуса *культурного* или *ключевого* для данной лингвокультурной традиции нуждается в лингвистическом обосновании, в выявлении так называемых культурных доминант «через сопоставление ценностных суждений, которые вытекают из стереотипов поведения и зафиксированы в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах» [Карасик 1996: 5].

Справедливо утверждение А. Вежбицкой, что «не все межъязыковые различия исследуются лингвокультурологией, ибо они не являются культурно-значимыми, т.е. не все различия в языках имеют культурно обусловленные причины и следствия» [Вежбицкая 2001: 38].

Так, в семантике многих лексических и фразеологических единиц выявляются стилистические и шире – функционально-структурные различия, которые никак не обусловлены факторами культуры, специфичными для

соответствующего народа. В то же время, согласно результатам нашего исследования, в семантике сопоставимых единиц разных языков фиксируются многочисленные тождественные семантические компоненты значения, которые отражают универсальные, общечеловеческие явления культуры, поскольку принадлежат не отдельно взятому народу, а являются достоянием человечества в целом.

Например, следующие фразеологические единицы русского языка и их переводные соответствия в английском языке дифференцируются по составу конституирующих их компонентов и по фразеологическому образу, то есть имеют национальную специфику семантики, однако выражают тождественные для двух культур ценностные культурные ориентиры, демонстрируя тем самым отсутствие культурологически значимых национальных различий:

вырос, а ума не скопил \approx *better fed than taught* (откормлен, но не обучен) – о невоспитанном или необразованном человеке – *неодобрительное*;

так себе, ни то ни сё \approx *betwixt and between* (между и между) – о человеке среднем, ничем не примечательном – *пренебрежительное*;

ум хорошо, а два – лучше \approx *four eyes see more than two* (четыре глаза видят лучше, чем два) \sim [этим. лат. *Plus vident oculi quam oculus* – несколько глаз видят лучше, чем один] – о людях (ум, глаза), которые добьются успеха, объединив свои усилия;

притча во языцех \approx *the talk of the town* (то, о чём или тот, о ком говорит весь город) – предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов и т.п.

Само утверждение о лингвокультурном характере конкретного языкового явления в любом случае должно быть доказано конкретными фактами конкретной культуры. При наличии таких доказательств данное явление становится лингвистическим фактом и дополняет описание национальной специфики языка, в противном случае – лингвокультурологические версии остаются гипотезами, не дающими лингвистике достоверного знания о языке.

Например, для жителей многих стран *снег* – это не просто вид атмосферных осадков, но и эталон белизны, с которым принято сравнивать другие белые предметы: белоснежные волосы, кожу, плечи; с белым цветом *жемчуга* ассоциируется белизна зубов; *мел* – тоже белый, но в сознании русскоязычных людей с ним обычно воспринимается по ассоциации цвет побледневшего лица, описывая которое также говорят: бледный как *полотно* или *смерть*.

Англоязычные люди *бледное лицо* образно связывают со следующими предметами: *white as a sheet* (*полотно*), *as ashes* (*пепел*), *as death* (*смерть*), *as ghost* (*приведение*), *as the driven snow* (*выпавший снег*); при этом белоснежность метафорично описывают как *white as milk* (*молоко*), *as snow* (*снег*), *as wool* (*руно*).

Слова *щепка*, *спичка*, *спица* применяются в русском языке для образного описания худобы человека. Напротив, в семантике слов *иголка*, *соломинка*, *волосок*, *шило*, которые также обозначают вещи тонкие, не выявляется компонент, служащий для обозначения такого физического состояния человека,

и образная потенция данных слов раскрывается во фразеологических сочетаниях с другими значениями: *на волоске* – в крайне опасном или ненадёжном состоянии; *не иголка* – трудно потерять; *шило в попе* – грубо, о вертлявом, непоседливом человеке, обычно ребенке; *утопающий хватается за соломинку*.

Подобная особенность значения слов свидетельствует о наличии у них образности, закреплённой в их семантике речевой практикой, однако не доказывает наличие у них национально-культурной специфики, поскольку никаких доказывающих это конкретных ритуалов либо ментальных фактов культуры привести невозможно.

В английском и русском языковом сознании ассоциации, связанные с описанием худого человека, ненадежного состояния, крайнего средства спасения, пустой траты времени и т.п. в некоторых случаях совпадают:

dry as a chip (высохший как щепка), *by a hair / within a hair of* (на волосок),
a drowning man will catch at a straw (утопающий хватается за соломинку),
look for a needle in a bottle of hay (искать иголку в стоге сена).

В следующих фразеологических сочетаниях упомянутые английские лексические единицы ассоциируются с другими образами, отличными от тех, что существуют в русском национальном сознании:

not worth a straw (не стоить и соломинки ~ гроша ломанного не стоит),
it is the last straw that breaks the camel's back (последняя соломинка ломает спину верблюда ~ последняя капля, переполняющая чашу терпения),
sharp as a needle (острый как игла = наблюдательный, проницательный, находчивый),
as thin as a lath (худой как рейка), *as thin as a rail* (...как рейка, шпала),
as thin as a rake (...как грабли),
as thin as a thread-paper (...как полоска бумаги),
as thin as a whipping post (...как столб позора).

Представляется, что подобные примеры, число которых может быть умножено многократно, никак не отражают различия культур, а отражают различие в коммуникативных потребностях народов, которые вызывают формирование тех или иных лексических дифференциаций или интеграций.

Почему возникли те или иные лексические дифференциации или интеграции, почему так или иначе символизируется то или иное явление – вопросы, которые обычно не могут быть решены однозначно, большинство объяснений находятся в сфере случайности, уходящей корнями во время первичной номинации предмета словом; особенно часто это может быть отнесено к детальности номинации той или иной сферы действительности (номинативной плотности лексических группировок), дифференциации номинативных средств языка, внутренней форме единиц, метафорам, символик.

Ср. словарное толкование фразеологического образа ФЕ *мышинный жеребчик*, которое более похоже на предположение или версию: «В образе фразеол. дошли до нас представления о неравных браках, являющихся одной из

исторических традиций на Руси и отражающие определенные устои классового общества» [БФСРЯ 2006: 480].

Ср. также словарное толкование фразеологического образа ФЕ *нет царя в голове*: «Образ фразеол. связан с древнейшими представлениями о бытии – небытии. С помощью компонента **нет** выражается смысл абсолютного отсутствия, несуществования кого-л., чего-л. Понятие, выражаемое словом **нет**, в русской культуре очень значимо, отсутствие чего-л. ощущается, является зримым и находит свое воплощение в вещной метафоре; ср. фразеол. *дырка от бублика, ноль без палочки, пустое место...* [БФСРЯ 2006: 480].

Думается, что на современном этапе развития науки о языке уже совершенно недостаточно обобщенно констатировать, как это часто делается в некоторых современных работах, претендующих на статус лингвокультурологических, что данное явление «*очень значимо в культуре народа*», «*отражает особенности культуры народа*» и т.п. – необходимо эксплицитно объяснить, какой культурный феномен, явление, факт национальной культуры отражает та или иная единица, ее значение или семантический компонент.

Иными словами, для констатации факта национально-культурной специфики семантики языковых единиц необходимо эксплицитное выделение лингвокультурно значимых сем или семем, обусловленных конкретными фактами конкретной национальной культуры, феноменами, явлениями и процессами, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа.

Немаловажную роль играют при этом изменения в употребительности лексемы или семемы, обусловленные культурными изменениями, то есть «объяснимые с позиций изменений, происходящих в национальной поведенческой культуре» [Стернин, Саломатина 2011: 10].

Например, изменения в частотности лексем установлены в исследованиях У.Талла на примерах уменьшительно-ласкательных форм наименований гостей в русском языке. Исследованный материал показывает, что выходят из употребления или становятся значительно менее употребительными ласкательные наименования гостей (*гостьюшка, гостенек, гостинчик, гостек, гостинька, гостейка*, в значении слова *гостья* ласкательное значение вышло из употребления совсем). Такие единицы становятся малочастотными. «Это объясняется тем, что в современной русской культуре постепенно ослабляется положительно-эмоциональное отношение к гостям, оно становится более ритуальным, что и ведет к снижению частотности номинации ласкательного отношения к гостям» [Талл 2011: 115]. Соответственно, конкретный факт изменений в культурных ритуалах доказывает, что данное явление имеет в языке культурную обусловленность.

«Высокая эмоциональность русского человека и демонстрируемая им в общении устойчивое стремление к установлению дружеского межличностного контакта с собеседниками» [Прохоров 2006: 32] обуславливает наличие в русском языке многочисленных эмоционально-ласкательных единиц в функции обращения: *матушка, матуша, матуня, матуничка, матушенька*,

матунюшка, матуся, матусенька, матуля, матуличка, матя, матунька, батенька, голуба, гражданочка, люблюшка, милочка, милава, милена, милюша, милушка, милаша, милашиха, душка, душатка, душарка, душаточка, братишка, вдовушка, внушек и т.д. Наличие в русском языке большого количества слов с эмоционально-оценочными суффиксами разной семантики (*лебёдушка, девуня, девчушка, девчурка, девонька, деваха, девка, детина, дочурка, дурачина, дурища, дурында, дуреха, дурёшка* и мн. др.) может быть объяснено повышенной эмоциональностью русского общения и востребованностью эмоциональных единиц в общении русского человека. Приведенные примеры могут быть интерпретированы как имеющие лингвокультурный характер, отражающие национальную культуру народа.

Если же предлагаемое объяснение языкового явления носит гипотетический или общий характер (например, это *отражает особую душевность русского народа, это отражает любовь данного народа к природе, это отражает особую любовь англичан к морю*), то в таких высказываниях просто констатируется возможная связь семантики слова с культурой, что вполне может и не подтвердиться при конкретном исследовании. Коммуникативно обусловленные различия в номинативной плотности языковых сфер с точки зрения объяснительной лингвистики нуждаются в конкретном анализе в каждом отдельном случае.

Специфика внутренней формы языковой единицы, а также дифференциация языковых средств в номинации определенной предметной области автоматически не могут быть интерпретированы как отражение лингвокультурной специфики языка – эти различия могут быть обусловлены чисто случайными причинами. Если удастся мотивировать данные различия при помощи конкретного факта той или иной национальной культуры, то такие различия могут быть признаны национально-культурными. Если же такая мотивация невозможна, то можно говорить лишь о национальных особенностях семантики, но не о национально-культурных особенностях семантики.

Национальная специфика концептов далеко не всегда непосредственно связана с культурой народа. Она проявляется в наличии безэквивалентных языковых единиц, называющих соответствующие концепты у разных народов. Сюда же, очевидно, могут быть отнесены некоторые концепты, именуемые собирательными наименованиями лиц: *интеллигенция, номенклатура, провинция, деревня, власти, контра* и под. Например, ряд американских авторов, пишущих о России сочли необходимым воспользоваться следующими русскими словами, вкрапленными в английский текст – *nomenklatura, bespartiiny* (Shipler 1989), *vozhd, vlasti* (Lourie, Mikhalev 1989), так как вероятнее всего, не смогли подобрать английские переводные соответствия, соответствующие данным концептам русской культуры, воплощенным в соответствующих языковых единицах.

Отметим, что концептуальная сфера не идентична сфере лексических значений. Как следствие этого, например, наблюдается несопадение содержания и структуры концептов содержанию и структуре одноименных лексико-семантических полей. Например, концепт *человек* и лексико-

семантическое поле *человек* не совпадают: в концепте есть большая энциклопедическая периферия, индивидуальная составляющая, а в ЛСП участвуют только системные значения образующих его единиц (аналогично концепты и ЛСП: *личность, мужчина, женщина, учитель, мастер, лидер* и т.п.). Номинативное поле концепта может не совпадать с ЛСП – в него входят несколько иные единицы, нежели в ЛСП.

Нельзя не учитывать и подвижности отношений между концептом и лексемой, в процессе исторического движения языка происходят как явления деконцептуализации, так и явления концептуализации.

Некоторые концепты (но далеко не все) могут быть обусловлены национальной культурой. В таком случае номинирующие их лексические единицы будут отражать в своей семантике культурные факторы. «Культурные доминанты в языке объективно выделяются и могут быть измерены. Этнокультурная специфика представления того или иного концепта может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов» [Карасик 2002: 205].

Следовательно, когнитивное содержание культуры, выраженное в культурных концептах, требует отдельных параллельных исследований для выявления при этом их **национальной когнитивной специфики**, что следует относить к предмету *лингвокогнитивных* исследований.

Исследование национально-культурной специфики языка в рамках семной семасиологии предполагает выявление и описание национально-культурных сем в парадигме объяснительной лингвистики.

Подобное описание может осуществляться как внутри одного языка (семы, обусловленные фактами национальной духовной культуры), так и при сопоставлении двух и более языков (семы, различающиеся как отражение разных национальных духовных культур).

Таким образом, для исследования культурной специфики языка в рамках семной семасиологии представляется важным и принципиальным:

- не усматривать в любых семантических различиях языков отражение культурных факторов;
- определить для лингвокультурологического анализа языковых единиц *культуру* как явление ментальное – совокупность ментальных ценностей, принципов, норм и правил народа, а также совокупность произведений литературы и искусства (художественная культура);
- систематизировать формы отражения культуры в языке и рассматривать языковые явления в рамках выделенных форм (культурно-обусловленные семы, лингвокультурные значения, культурные концепты);
- подтвердить выявленную национально-культурную специфику семантики конкретных языковых единиц конкретными фактами национальной культуры.

Лингвокультурология в таком случае может быть определена как наука о *национально-культурной специфике* семантики языковых единиц.

Соответственно, интерпретацию лингвокультурных сем, семем, концептов

следует осуществлять посредством специально разработанной для этих целей лингвокультурологической методики, одним из начальных этапов которой, вероятно, и будет выявление *национальной специфики* явлений языка.

Подчеркнем, что лингвокультурологический подход в современной лингвистике следует рассматривать в качестве *дополнительного аспекта лингвистического описания семантики языковых единиц*, направленного на объяснение и доказательство культурно обусловленных причин возникновения национальных особенностей семантики языковых единиц.

Данная точка зрения имеет несомненное преимущество, прежде всего потому, что позволяет отграничить *лингвокультурную специфику семантики* от более широкого понятия – *национальная специфика семантики*, определить соотношение этих понятий, конкретизировать и уточнить данные термины.

В связи с этим целесообразно провести следующие разграничения:

Национальная специфика языка – особенности языка, отличающие его от других языков. Часть национальной специфики языка – **национальная специфика семантики** – представляет собой отражение неповторимости национальной действительности в семантике, что изучается контрастивной семасиологией с целью выявления национально-специфических макро- и микрокомпонентов значения, семем или лексем, и проявляется в виде:

- безэквивалентных лексем, семем, сем;
- денотативной семной специфики;
- коннотативной семной специфики;
- функциональной семной специфики.

Часть **национальной специфики семантики** – **национально-культурная специфика семантики языка**, наличие культурно обусловленных сем и семем.

Соотношение целого и частного можно проиллюстрировать следующей схемой:

Национальная специфика языка	
Национальная специфика семантики языка	
Национально-культурная специфика семантики языка	
ментальная культурная специфика (ментальные образы, концепты, культурно обусловленные семемы, семы) – <i>исследуется лингвокультурологией</i>	опредмеченная культурная специфика (предметы, должности, социальные институты, вербализованные словами-реалиями) – <i>исследуется лингвострановедением</i>

Таким образом, любая *лингвокультурная специфика семантики языка* есть

вид проявления *национальной специфики семантики*, но не любой факт проявления национальной специфики семантики является культурно обусловленным, имеет лингвокультурный характер.

К формам проявления национальной специфики языковых явлений принято относить и так называемые слова-реалии, особенности которых составляют предмет лингвострановедения как раздела методики преподавания языка как иностранного. Характеристика и различные классификации слов-реалий рассматривались в работах М.Л. Вайсбурд, Е.М. Верещагина, И. Келлера, В.Г. Костомарова, А.Д. Райхштейн и др.

В основном к числу реалий относят события общественной и культурной жизни страны, обычаи и традиции, предметы обихода, наименования или аббревиатуры общественных организаций или учреждений, географические названия, имена общеизвестных исторических или современных личностей, явления природы и др.

К национально-специфическим реалиям-наименованиям лиц следует отнести следующие лексические и фразеологические единицы, которые в целом можно охарактеризовать как проявление *лингвострановедческой специфики семантики*,

например:

буденовец – лицо, воевал за Советскую власть в Первой Конной армии С.М. Будённого, в годы гражданской войны, в России;

белогвардеец – лицо, сражался против Советской власти в рядах белой гвардии (русских военных формирований), в годы гражданской войны, в России;

гардемарин – лицо, получает образование в старших классах морского корпуса, в России до 1917 г.;

враг народа – идейно-политический противник советской власти – идеологический ярлык, широко распространенный в СССР в годы сталинизма, когда врагами народа нередко объявлялись и преследовались по закону ни в чем не повинные люди [Жуков 2007: 91];

запорожец – лицо, служил в украинском казачьем войске в Запорожской Сечи, 16-18 вв.;

пионер семема-3 – лицо, в возрасте от 10 до 15 лет, входил в состав детской организации, в СССР.

Стремление к достоверной интерпретации подобных лингвистических явлений проявляется в их употреблении как варваризмов для описания особенностей жизни и быта другого народа для придания изложению местного колорита. Например, некогда считавшиеся безэквивалентными нижеперечисленные русские наименования лиц постепенно находят свою «прописку» в английских словарях в виде варваризмов, заполняя мотивированные и немотивированные лакуны в английском языке: *большевик* – *Bolshevik*, *барин* – *barin*, *барыня* – *barinya*, *боярин* – *boyar*, *боярыня* – *boyarynia*, *господин* – *gospodin*, *интеллигенция* – *intelligentsia*, *казак* – *Cossack*, *комсорг* – *Komsomol organizer*, *космонавт* – *cosmonaut*, *кулак* – *kulak*, *матушка* – *matushka*, *меньшевик* – *Menshevik*, *мужик* – *muzhik*, *стрелец* – *Strelets*, *троцкист*

– *Trotskyist, царь – tsar, czar, цесаревич – Cesarevitch.*

Анализ фактического материала показал, что наиболее частотными в структуре семантики наименований лиц с национальной лингвострановедческой спецификой являются семы *локальность, предметно-бытовая* или *историческая соотнесенность, социальная принадлежность, местопроживание, общественно-политическая деятельность.*

Например:

Национально-исторические и социальные реалии

выдвиженец – в СССР в 20-30-е гг.: работник низшего звена, выдвинутый на ответственную работу, получивший высокий пост по признаку социального происхождения (преимущественно выходец из рабочих или крестьян);

декабристка – жена или невеста осужденного на каторгу декабриста, добровольно последовавшая за ним в Забайкалье, как и жены ссыльнокаторжных лишалась дворянских привилегий и гражданских прав (*декабрист* – участник русского дворянского революционно-освободительного движения против самодержавия и крепостничества, завершившегося восстанием 14 декабря 1825г.);

думец – член Государственной Думы (в России: Государственная Дума – высшее государственное законодательное представительное собрание, построенное на выборных началах);

красный каблук – щеголь (красные каблуки в XVIII в. считались отличительной приметой щегольского костюма) [Фёдоров 2008: 280];

a wooden Indian = деревянный индеец – человек с непроницаемым лицом; молчаливый и замкнутый человек (перед табачными магазинами раньше выставлялась для рекламы деревянная фигура индейца) [Кунин 1984: 410];

cliff dweller = житель скал – житель многоэтажного дома (от названия представителей расы древних индейцев, обитавших в скальных пещерах или на выступах скал) [Леонтович 2005: 275];

bluenose = синеносый – пуританин, старающийся навязать окружающим свои строгие моральные принципы (в связи с тем, что пуританские законы, запрещающие танцы, шоу, спорт, продажу алкогольных напитков и т.д. по воскресеньям, первоначально печатались на голубой бумаге)» [Леонтович, Шейгал 1998: 22].

Национально-ономастические реалии

не помнящий родства Иван – неблагодарный, относящийся с полным безразличием к своим предшественникам человек (в России: Иван – имя собств. с XIV в.) [Фасмер 2004 Электронный ресурс], (первонач.: юридический термин, который применялся к беспаспортным бродягам) [Ашукин 1987: 430];

коломенская верста – высокорослый человек (от сравнения с верстовыми столбами, расставленными между Москвой и селом Коломенским, где когда-то находилась летняя резиденция царя Алексея Михайловича) [Жуков 2007: 75-]

76];

казанская сирота – человек, который, желая разжалобить кого-л., прикидывается несчастным (первонач. о татарских князьях, старавшихся после покорения Казанского царства Иваном Грозным получить от русских царей всевозможные побряжки, жалуясь на свою горькую участь) [Ушаков 2006 CD];

Алёха сельский – безнадёжный дурак, глупый, невежественный человек [Мокиенко, Бирих, Степанова 1998: 22], «др.-русс. село „жилище; селение; поле“, ст.-слав. [„населенное место, дворы, жилые и хоз. постройки; поле, земля“]...» [Фасмер 2004 Электронный ресурс], ср. *село* – о невежественном, наивном или отсталом в чем-то человеке;

Иванов, Петров, Сидоров – простые, рядовые жители страны (относятся к часто встречающимся в России фамилиям);

Lucy Stoner – женщина, оставляющая после замужества девичью фамилию (от имени Lucy Stone – Люси Стоун, женщины, отказавшейся принять фамилию мужа) [Леонтович 2005: 301];

Philadelphia lawyer – находчивый, хитроумный юрист [Кунин 1984: 440] (в Филадельфии была подписана Декларация Независимости и написана Американская Конституция 1787 г.);

Teddy boy – стиляга (*Teddy* уменьшительное от *Edward*; по имени английского короля Эдуарда VII, отличавшегося своеобразной манерой одеваться. *Teddy boys* – его подражатели в среде молодёжи в 50 гг. нашего столетия. Эти молодые люди были к тому же скандалисты и драчуны) [Кунин 1984: 104];

также наименования лиц по территориальной принадлежности: *волгарь, пермяк, петербуржца, ленинградка, кубанец, нижегородец* и т.п.

Национально-материальные (бытовые) реалии

бесструнная балалайка – болтун, пустомеля [Фёдоров 2008: 17] (*балалайка* – русский народный трёхструнный щипковый музыкальный инструмент с треугольной декой, известен с нач. 18 в.);

сибирский валенок – неотёсанный человек; простак; тупица [Квеселевич 2002: 79] (*валенок* – зимний мягкий сапог, сваланный из шерсти);

тугая / толстая мошна – о том, у кого очень много денег (*мошна* – мешочек для хранения денег);

аршин с шапкой – о человеке маленького роста (*аршин* – старая русская мера длины, равная 0,71 м);

кладезь премудрости – о человеке с большими знаниями (*кладезь* – церковно-славянское колодец);

black ivory = чёрная слоновая кость – так называли работорговцы негров рабов [Кунин 1984: 413].

К наиболее распространенным и частотным видам национальной специфики семантики наименований лиц, как показывает наше исследование, следует отнести следующие.

Системно-языковая национальная специфика семантики

Она обусловлена исторически сложившимися особенностями национальных языковых систем, которые имеют традиционный характер, не связанный с культурой народа, и отражает различие в формально-языковой структуре языковых единиц, в количестве единиц, номинирующих ту или иную предметную или смысловую область. Системно-языковая национальная специфика не демонстрирует какой-либо зависимости от культурных факторов, она объяснима традициями номинации или зачастую вообще необъяснима, то есть, обусловлена случайными причинами, в которых не просматривается никакой закономерности.

Например:

парные стилистически равные русские наименования лиц, обозначающие людей мужского или женского пола и их английские переводные соответствия общего рода (*заказчик – заказчица* ср. customer, *преступник – преступница* ср. criminal, *рenegат – рenegатка* ср. renegade, *татарин – татарка* ср. Tatar, *связист – связистка* ср. signaller и т.п.);

коллоквиальные феминизмы в русском языке и их межстилевые переводные соответствия в английском языке (*партнер* ср. partner / *партнерша*, *конспиратор* ср. conspirator / *конспираторша*, *новатор* ср. innovator / *новаторша*); а также *адмиральша* (жена адмирала), *градоначальница* (жена градоначальника);

неэквивокабульные переводные соответствия (цельнооформленные единицы в исходном языке и соответствующие им раздельнооформленные переводные номинативные единицы, которые составляют контрастивные пары): *баянист* ~ button accordion player, *букинист* ~ second-hand bookseller, *вахтенный* ~ watch-standing, *гуляка* ~ good-timer, *доцент* ~ assistant professor, *комедиантка* ~ play-actress, *мороженщик* ~ ice cream vendor, *баскетболист* ~ basketball player и т.д.; раздельнооформленные единицы в исходном языке и цельнооформленные соответствующие им переводные номинативные единицы, которые составляют контрастивные пары): *ведущий программы* (на радио, телевидении) ~ host; *специальный корреспондент* ~ special и т.д.);

сложносокращенные наименования лиц по профессиональной принадлежности: *автослесарь, вагоновожатый, военврач, военком, генсек, гендиректор, главбух, главврач, главком, завуч, завхоз, замполит, зампред, интурист, командарм, общественник, оперативник, спецкор* и т.д.;

наименования лиц, используемые в устной речи в профессиональном жаргоне: *киношник* (1. Работник кино. 2. Любитель ходить в кино), *ларечница* (продавщица в ларьке), *лёгочник* (1. Врач специалист по лёгочным болезням. 2. Лёгочный больной), *подснежник* (числящийся на работе, но не работающий), *сверхсрочник* (сверхсрочнослужащий), *сердечник* (1. Страдающий болезнями сердца. 2. Кардиолог), *телевизионщик* (1. Работник телевидения. 2. Мастер по ремонту телевизоров), *надомница* (Работница, выполняющая на дому порученную ей предприятием работу); *литературный сотрудник* ~ deskman;

старший инженер ~ checker (в конструкторском бюро) и т.д.;

субстантивированные прилагательные – имена носителей качества: *беглый, бедный, ближний, богатый, богатая, больной, военный, встречный, глухой, голодающий, голодный, городской, желающий* и т.д.;

безэквивалентные деривативы – национально-специфические формы обращения, принадлежащие к коллоквиализмам: *деточка, батенька, голуба, гражданочка, любушка, милочка, братан, корешок, душка*; наименования лиц с суффиксами эмоционально-субъективной оценки: *подруженька, сестренка, сеструха, хозяйушка, цыганочка, девчоночка, пацаненок, дочурка, дуреха*; наименования лиц по доминирующему характерному признаку: *свистун, несун, весельчак, вырожденец, говорунья, горделивица, двоечник, недоучка, живчик, замухрышка, мерзляк, лепетунья, своевольник, смельчак, спесивец* и т.д.;

безэквивалентные композиты – парасинтетические слова: *второразрядник, детсадовец, дошколята, восьмиклассница, домработница, многостаночница, малолетка, единоверка, одноклассник, богомол, сотрапезник* и т.д.;

национальная специфика языка по степени дифференцированности языковой номинации (также *расчлененная номинация*), что отражает разную степень вербализации одинаковых сфер действительности в разных языках.

Коммуникативная специфика семантики

К проявлению **коммуникативной специфики** семантики относятся различия, выявляемые при установлении межъязыковых соответствий языковой единицы одного языка в другом языке при обнаружении векторного типа соответствий: слову одного языка могут соответствовать несколько более конкретных единиц другого языка, отличающихся друг от друга различными денотативными, коннотативными, функциональными семами.

Например (в контрастивных парах межъязыковых переводных соответствий приведены только национально-специфические дифференциальные семы):

АМЕРИКАНЕЦ семема-1 – AMERICAN

мужской пол

мужской // женский пол

АМЕРИКАНЕЦ семема-1 – WESTERNER

мужской пол

мужской // женский пол

проживает в США /

проживает на Западе США /

родом из США /

родом с Запада США

общераспространенное

американское

АМЕРИКАНЕЦ семема-1 – YANKEE

мужской пол

мужской // женский пол

проживает в США /

проживает в северных штатах США /

родом из США

родом из северных штатов США

неоценочное

неодобрительное

неэмоциональное

отрицательно-эмоциональное

общераспространенное

на Юге США

тонально-нейтральное

презрительное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1 – YANK

мужской пол
неоценочное
общераспространенное

мужской // женский пол
неодобрительное
британское

Национальная специфика образного переосмысления значения

Национальная **специфика образного переосмысления** значения проявляется при образовании переносных значений.

Например, в англоязычной культуре слово *dog* можно встретить во многих устойчивых словосочетаниях, используемых в разговорной речи для именования людей, возможно, чтобы ярче выразить их характерные особенности: *a big dog* – большая шишка, *a clever dog* – умница, *a dead dog* – бесполезный человек, *a dirty dog* – «свинья», *a dull dog* – зануда, *a dumb dog* – молчун, *a gay dog* – кутила, *a lame dog* – неудачник, *a sad dog* – мрачный человек, *a sly dog* – хитрец, *top dog* – хозяин положения.

В русскоязычной коллоквиальной лингвокультуре также выявляются переносные значения слова *собака*, которые демонстрируют двойственное отношение, сложившееся у носителей русского языка к данному животному: с одной стороны, так называют *злого, грубого человека*, а с другой – выражают восхищение *знатоком, ловким в каком-нибудь деле человеком*: «Хорошо поет, *собака*, заслушаешься» [Ожегов 1994: 728].

При этом данные ряда исследований [Сильченко 2010: 208] свидетельствуют, что употребление слов *animal* (животное), *dog* (собака), *swine* (свинья), *sheep* (овца) сводятся к общему пейоративному наименованию человека как в русском, так и в английском языках.

Национальное своеобразие переносных значений в двух лингвокультурах может уступать место универсальным образам, частично или полностью:

о знаменитом деятеле искусства, науки, о спортсмене скажут *звезда – star*;
поросенком – piggy-wiggy принято называть маленького ребенка-грязнулю;
жестокоего человека, кровопийцу назовут *вампиром – vampire*;

бесхарактерный, мягкотелый человек в сознании носителя русского языка рождает образ *амебы*, а в сознании носителя английского языка – *медузы – jellyfish*, что при общении не создает трудностей непонимания, так как при переносе значения в производном образе выделяются и усиливаются сходные физические характеристики данных представителей фауны, которые служат для обозначения тождественных семантических признаков у наименований лиц.

Формой проявления национальной специфики фразеологических и паремиологических единиц принято считать «различия по фразеологическому образу при полной эквивалентности их семантики» [Зимица 2007: 154], то есть при совпадении денотативного, коннотативного и функционального компонентов их значения, например:

последняя спица в колеснице / пятая спица в колеснице \approx *a tiny cog in the machine* (крошечный зубец в машине) – человек, играющий незначительную,

ничтожную роль в жизни, в каком-либо деле – ироничное;

от горшка два вершка ≈ *knee-high to a grasshopper* (по колено кузнечнику) – человек небольшого роста, детского возраста – шутливое;

два сапога – пара ≈ *birds of a feather (flock together)* (птицы с одинаковым оперением собираются вместе) – о тех, кто по своим качествам похожи друг на друга – ироничное.

Национальная специфика внутренней формы слова

Национальная **специфика внутренней формы** проявляется в том, что возникающий при номинации некий образ объекта наименования складывается из отражения чувственно-практического восприятия некоего признака действительности, избранного данным народом как основание для номинации, что свидетельствует об использовании носителями того или иного языка различных эмпирических компонентов значения для осуществления данного процесса, например:

крестный отец (от обряда крещения, от креста) – *godfather* (от бога);

летун (часто меняет место работы, «летает» с одного места на другое) – *job-hopper* (часто меняет место работы, «прыгает» с одной работы на другую);

молочный брат (кого кормили молоком одной матери, брат по молоку матери) – *foster brother* (кого воспитывали, выхаживали как родного, брат по воспитанию в семье);

подпевала (поддерживает кого-л., «поет, вторя, или подпевает» в угоду кому-л.) – *yes-man* (поддерживает кого-л., со всем соглашается с кем-л., говорит «да» в угоду кому-л.).

Национальная символичность значений

Национальная **символичность** значений носит когнитивный характер, отражает особенности национального мышления, национальной концептосферы, но их связь с какими-либо факторами национальной культуры требует конкретных доказательств, которые не всегда возможно предоставить. Символ в таких случаях – это условный знак, в котором связь между означаемым и означающим не зависит от наличия или отсутствия между ними какого-либо фактического сходства. Условность такой связи между означаемым и означающим подтверждает тот факт, что одному и тому же означаемому в разных языках могут соответствовать разные означающие или один и тот же план выражения может символизировать разные понятия.

Таким образом, знак переходит в символ, накапливая отвлеченные смыслы, поскольку они оказываются актуальны для конкретной коммуникации. Символу свойственна эстетическая привлекательность, которая подчеркивает его важность и общезначимость, а также формальная простота, актуальная для употребления в коммуникативной ситуации.

Например, число *семь*, относящееся к христианским символам, встречается в ряде русских фразеологических словосочетаний для усиления, придания

высказыванию экспрессивности: *семи пядей во лбу* – очень умный, *семь пятниц на неделе* – очень часто меняет свое решение, *семеро по лавкам* – очень много маленьких детей (у кого-либо), *за семерых* (ест кто-то) – очень, много, прожорливо, *на седьмом небе* – безгранично счастлив.

Особенности символического употребления отдельных единиц лексики в одном языке на фоне другого языка проявляются при сопоставлении наименований животных, используемых в качестве наименований лиц, в чем просматривается и универсальное единство, и неповторимый национальный колорит анималистической знаковости, например:

русский *медведь*, традиционный персонаж русского фольклора, это доброе и неуклюжее животное, который символизирует собой «силу», «грузность», «неповоротливость», чаще – «благодущие» и «простоту», реже – «злобу» и «мстительность». Для русских носителей языка в этом символе больше положительного, отсюда – его весьма частое и успешное использование в спортивной символике.

В английском языке слово *bear*, напротив, служит символом «злости» и «раздражительности», а также «грубости» и «невоспитанности» – *to be like a bear with a sore head / cross as a bear* – злой как *медведь* или как *медведь* с больной головой. *Шумное сборище людей*, которое русские, скорее всего, назовут словом *базар* (английское *bazaar* подобным значением не обладает), в английском языке представляет собой *bear garden* – медвежий сад. *Медведь*, особенно для американцев, – это страшный и опасный зверь, за которым стоит образ *grizzly bear* (медведь гризли), отличающегося свирепым нравом. Поэтому, когда жители США во время «холодной войны» говорили о «русском *медведе*», они вовсе не имели в виду неуклюжесть, граничащую с наивностью, – это был образ грозного врага, от которого надо защищаться всеми возможными средствами.

Национально-специфические различия и универсалии выявляются также и в цветовой символике, связанной с наименованием лиц. Слово *голубой* в русской лингвокультуре с недавних пор приобрело стойкие ассоциации с гомосексуалистами, не представленные в англо-американской языковом сознании: *blue* – в британском варианте английского – это о консерваторе, так как светло-синий цвет является символом Консервативной партии; американцы называют этим цветом тех, кто находится под действием алкоголя или наркотиков, «под кайфом». Цвет *blue* у англичан и американцев связывается с печалью и меланхолией.

Таким образом, к исследованию национальной специфики семантики следует подходить с учетом её видового разнообразия. Что касается придания национально-культурного статуса тому или иному языковому явлению, то констатация этого возможна только при обязательном условии сбора дополнительной доказательной базы, подтверждающей связь этих различий с конкретными явлениями духовной или художественной культуры в каждом конкретном случае.

Отметим также, что можно говорить не только о *синхронических лингвокультурологических исследованиях* – выявлении и описании

национальных особенностей современной семантики слова, которые влияют на современное общение и межкультурную коммуникацию, но и о *диахронических лингвокультурологических исследованиях* – выявлении и описании национальных особенностей семантики языковых единиц, неактуальных для современного состояния языка, но выявляемых лингвокультурологическим анализом в семантической диахронии – во внутренней форме слова или фразеологизма, в первичных образах, которые когда-то легли в основу той или иной номинации.

Важно также разграничивать *одноязычные и сравнительные лингвокультурологические исследования*. Первые устанавливают значения и компоненты семантики, сформированные национальной культурой, вторые – призваны выявлять факты культуры, повлиявшие на формирование несовпадающих (то есть имеющих национальную специфику) значений в сравниваемых языках.

Проведенные разграничения, как нам представляется, могут способствовать уточнению некоторых весьма важных положений лингвокультурологии, контрастивной лингвистики и семной семасиологии на современном этапе их развития.

5. Метаязыковая унификация семного описания межъязыковых соответствий

Результаты контрастивных исследований [Маклакова 2006, 2009, 2011] свидетельствуют, что принцип неединственности метаязыкового описания распространяется и на межъязыковые отношения переводных соответствий. В связи с этим необходима унификация метаязыковых обозначений одинаковых сем в исходном и фоновом языках сопоставления.

Для унификации метаязыка семного описания наименований лиц в русском и английском языках использовалась следующая методика.

Сопоставлялись словарные дефиниции значений из различных источников в двух языках, на основе анализа которых формулировались унифицированные описания семантических признаков:

КОЧЕВНИК семема-1 – *NOMAD*

Словарные дефиниции

Племя, ведущее кочевой образ жизни [Ушаков 2006].

Народ, племя, ведущие кочевой образ жизни. Кочевой 1. Переходящий с места на место, не имеющий оседлости [ССРЛЯ Т.5. 1956].

A member of a group of people who have no fixed home and move according to the seasons from place to place in search of food, water, and grazing land [The American Heritage Dictionary of the English Language 2001].

Человек, к-рый ведёт кочевой образ жизни [Ожегов 1994].

1) Народ, племя, ведущие кочевой образ жизни [Ефремова 2000].

Представитель народа, ведущего кочевой образ жизни [Кузнецов 2003].

A member of a people having no permanent abode, and who travel from place to place to find fresh pasture for their livestock [New Oxford American Dictionary 2001].

A member of a people or tribe who move from place to place to find pasture and food [Collins English Dictionary 2003].

A member of a tribe that travels from place to place instead of living in one place all the time, usually in order to find grass for their animals [Longman Dictionary of Contemporary English 2000].

Формулируемые семы

лицо

мужской пол

принадлежит к народу, ведущему кочевой образ жизни

переезжает с места на место со своим

жилием и имуществом

периодически

0

0

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

лицо

мужской // женский пол

принадлежит к народу, ведущему кочевой образ жизни

переезжает с места на место со своим

жилием и имуществом

периодически

в поисках воды, пропитания, пастбищ для скота

в основном занимается скотоводством

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

ВАНДАЛ семема-2 – VANDAL

Словарные дефиниции

2) Разрушитель памятников культуры; варвар [Ушаков 2006].

Разрушитель культуры, варвар /по названию воинственных древнегерманских племён, разрушивших Рим и уничтоживших его культурные ценности/ [Ожегов 1994].

1) Тот, кто разрушает исторические памятники, уничтожает культурные ценности

[Ефремова 2000].

О том, кто занимается вандализмом

1) A person who deliberately destroys or damages public or private property [New Oxford American Dictionary 2001].

One who willfully or maliciously defaces or destroys public or private property [The American Heritage Dictionary of the English Language 2001].

a) A person who deliberately causes damage or destruction to personal or public property [Collins English Dictionary 2003].

Someone who deliberately damages things, especially public property [Longman

Формулируемые семы

лицо

мужской пол

уничтожает культурные и материальные ценности

0**0****неодобрительное**

неэмоциональное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

лицо

мужской // женский пол

уничтожает культурные и материальные ценности

особенно находящиеся в общественной собственности**делает это преднамеренно и осознанно****неодобрительное**

неэмоциональное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

В ряде случаев контрастивное описание позволяет пополнить семное описание русского слова, поскольку выявленная в английском соответствии сема оказывается не безэквивалентной, а просто неучтенной в русских лексикографических источниках, по которым описывался семный состав русских наименований лиц.

Например, выделенные **жирным** шрифтом семы английских слов:

ДЕСПОТ семема-2 – *DESPOT*

Словарные дефиниции

Человек, принуждающий других поступать по его воле, не считающийся с чужими желаниями; тиран [Ушаков 2006].
 2. Самовластный человек, попирающий чужие желания, не считающийся ни с кем; самодур [Ожегов 1994].
 2) перен. Тот, кто диктует свою волю другим, попирает чужие желания; тиран [Ефремова 2000].
 2. Самовластный человек, попирающий чужие желания и волю [Кузнецов 2003].

A ruler or other person who holds absolute power, typically one who exercises it in a cruel or oppressive way [New Oxford American Dictionary 2001].
 2) Any person in power who acts tyrannically [Collins English Dictionary 2003].
 2. A person who wields power oppressively; a tyrant [The American Heritage Dictionary of the English Language 2001].
 Someone, especially a ruler, who uses power in a cruel and unfair way [Longman Dictionary of Contemporary English 2000].

Формулируемые семы

лицо

мужской // женский пол

диктует свою волю другим

лицо

мужской // женский пол

диктует свою волю другим

попирает чужие желания

0
0

неодобрительное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

попирает чужие желания
действует жестоко и несправедливо
особенно о том, кто реально обладает
властью

неодобрительное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

ОЧЕВИДЕЦ – EYEWITNESS

Словарные дефиниции

Лицо, бывшее непосредственным наблюдателем какого-н. события, происшествия [Ушаков 2006].
Тот, кто был непосредственным свидетелем, наблюдателем какого-л. события [Ефремова 2000].
Человек, бывший свидетелем, наблюдателем какого-л. события [Кузнецов 2003].
Тот, кто наблюдает, наблюдал какое-н. событие, явление. [Ожегов 1994].

A person who has personally seen something happen and so can give a first-hand description of it [New Oxford American Dictionary 2001].
A) a person present at an event who can describe what happened [Collins English Dictionary 2003].
A person who has seen someone or something and can bear witness to the fact [The American Heritage Dictionary of the English Language 2001].
Someone who has seen something such as a crime happen, and is able to describe it afterwards [Longman Dictionary of Contemporary English 2000].

Формулируемые семы

лицо
мужской пол
наблюдает // наблюдал какое-л. событие,
происшествие
лично
0

неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

лицо
мужской // женский пол
наблюдает // наблюдал какое-л. событие,
происшествие
лично
способен впоследствии описать это
событие
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

Семы действует жестоко и несправедливо; особенно о том, кто реально обладает властью; способен впоследствии описать это событие присутствуют и в русских словах, что подтверждает когнитивная верификация, и эти семы должны быть включены в итоговое аспектное семное описание русского слова.

По результатам контрастивного сопоставления разные названия одной семы в двух языках сводятся к единице метаязыка исходного языка – русского, что является результатом унификации семного описания значения на межъязыковом уровне.

Безэквивалентные английские семы добавляются к используемому метаязыку.

Далее на базе унифицированного метаязыка формулируются аспектные семные дефиниции сравниваемых единиц двух языков.

Приведем примеры дефиниций с межъязыковыми соответствиями *лилипут* – *Lilliputian*, *карлик* – *dwarf*, *карлик* – *pygmy*:

ЛИЛИПУТ семема-1 = *LILLIPUTIAN*

денотативный аспект

лицо
мужской пол
отличается очень маленьким ростом

коннотативный аспект

неоценочное
неэмоциональное

функциональный аспект

межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

ЛИЛИПУТ семема-2 = *LILLIPUTIAN*

денотативный аспект

лицо
мужской пол
малозначительный, ничтожный

коннотативный аспект

неоценочное
неэмоциональное

функциональный аспект

книжное
общеупотребительное
современное
общераспространенное

частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

КАРЛИК семема-1 = DWARF

денотативный аспект

лицо
мужской пол
маленького роста
не может вырасти до обычных размеров по медицинским показаниям

коннотативный аспект

неоценочное
неэмоциональное

функциональный аспект

межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
употребительное
неполиткорректное
оскорбительное

КАРЛИК семема-2 = PYGMY

денотативный аспект

лицо
мужской пол
незначительный / ничтожный в каком-л. отношении

коннотативный аспект

неодобрительное
отрицательно-эмоциональное

функциональный аспект

межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
употребительное
неполиткорректное
уничижительное

В следующих примерах *курсивом* отмечены семы, выявленные сначала в английских переводных соответствиях, а потом включенные в унифицированное метаязыковое описание контрастивных пар, и **жирным шрифтом** – дифференциальные или национально-специфические семы или семные конкретизаторы:

НАСТАВНИК – MENTOR

денотативный макрокомпонент значения

лицо

лицо

мужской пол

обладает большим опытом в каком-л. виде деятельности

занимается профессиональной подготовкой кого-л.

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых

0

обычно в какой-л. организации или в спорте

мужской // женский пол

обладает большим опытом в каком-л. виде деятельности

занимается профессиональной подготовкой кого-л.

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых,

которые недавно приняты в штат

обычно в какой-л. организации или в учебном заведении

коннотативный макрокомпонент значения

неоценочное

неэмоциональное

неоценочное

неэмоциональное

функциональный макрокомпонент значения

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

НАСТАВНИК – PRECEPTOR**денотативный макрокомпонент значения**

лицо

мужской пол

обладает большим опытом

в каком-л. виде деятельности

занимается профессиональной подготовкой

кого-л.

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых

обычно в какой-л. организации или в спорте

лицо

мужской // женский пол

обладает большим опытом

обычно в медицине

занимается профессиональной подготовкой

студентов-медиков и медсестер/братьев

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых

обычно в учебном заведении

коннотативный макрокомпонент значения

неоценочное

неэмоциональное

неоценочное

неэмоциональное

функциональный макрокомпонент значения

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

межстилевое

общеупотребительное

современное

американское

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

*НАСТАВНИК – TUTOR***денотативный макрокомпонент значения**

лицо

мужской пол*обладает большим опытом в каком-л. виде деятельности*

занимается профессиональной подготовкой кого-л.

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых

обычно в какой-л. организации или в спорте

лицо

мужской // женский пол*обладает большим опытом в каком-л. виде деятельности*

занимается профессиональной подготовкой кого-л.

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых

*обычно в учебном заведении***коннотативный макрокомпонент значения**

неоценочное

неэмоциональное

неоценочное

неэмоциональное

функциональный макрокомпонент значения

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

межстилевое

общеупотребительное

современное

чаще британское

частотное

политкорректное

тонально-нейтральное

*НАСТАВНИК – COACH***денотативный макрокомпонент значения**

лицо

мужской пол*обладает большим опытом в каком-л. виде деятельности*

занимается профессиональной подготовкой

кого-л.

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых

обычно в какой-л. организации или в спорте

лицо

мужской // женский пол*обладает большим опытом в спортивной подготовке*

занимается профессиональной подготовкой

отдельных спортсменов или команды

осуществляет контроль и руководство деятельностью обучаемых

*обычно в спорте***коннотативный макрокомпонент значения**

неоценочное

неэмоциональное

неоценочное

неэмоциональное

функциональный макрокомпонент значения

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

политкорректное
тонально-нейтральное

политкорректное
тонально-нейтральное

Подобная методика делает семные структуры слов разных языков сопоставимыми, дает возможность существенно дополнить и расширить параметры семного описания значения с учетом данных, полученных не только отечественными, но и зарубежными лексикографами, а также выявить национальную специфику семантики на семном уровне.

При контрастивном семном сопоставлении выявляются как семные совпадения, так и семные различия сравниваемых значений.

Параллельное расположение унифицированных описаний семных структур членов контрастивных пар, в которых согласно методике унификации семного описания зафиксированы и противопоставлены друг другу архисемы и семы, обозначающие совпадающие семантические признаки, равно как и несовпадающие семы и семные конкретизаторы, а также безэквивалентные семы и лакуны (отсутствие семы в фоновом языке), оформляются в следующем виде (несовпадающие семы отмечены жирным шрифтом):

ЗНАТОК

лицо
мужской // женский пол
обладает большими специальными
познаниями в какой-л. области
отличается тонким пониманием чего-л.
0

неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

лицо
мужской // женский пол
первый
прокладывает пути
в освоении чего-л. нового
неоценочное
неэмоциональное
высокое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
малочастотное
политкорректное

CONNOISSEUR

лицо
мужской // женский пол
обладает большими специальными
познаниями в какой-л. области
отличается тонким пониманием чего-л.
**особенно в изобразительном искусстве,
еде, музыке, вине**

неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

PATHFINDER

лицо
мужской // женский пол
первый в группе
прокладывает пути
в освоении неизвестных земель
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное

тонально-нейтральное

ПОДХАЛИМ

лицо

мужской пол

угодничает / заискивает перед кем-л.

0

с целью расположить к себе /
добиться чего-л.

неодобрительное

неэмоциональное

межстилевое

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

неполиткорректное

тонально-нейтральное

ГОЛЬ ПЕРЕКАТНАЯ

лицо // совокупность лиц

мужской // женский пол

принадлежит к неимущим слоям
населения

неодобрительное

неэмоциональное

разговорное

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

неполиткорректное

фамильярное

ГОЛЬ ПЕРЕКАТНАЯ

лицо // совокупность лиц

мужской // женский пол

принадлежит к неимущим слоям
населения

0

неодобрительное

неэмоциональное

разговорное

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

неполиткорректное

фамильярное

тонально-нейтральное

TOADY

лицо

мужской // женский пол

угодничает / заискивает перед кем-л.,

особенно влиятельным и сильным

с целью расположить к себе /

добиться чего-л.

неодобрительное

неэмоциональное

разговорное

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

неполиткорректное

тонально-нейтральное

THE RABBLE

совокупность лиц

мужской // женский пол

принадлежат к неимущим слоям
населения

неодобрительное

отрицательно-эмоциональное

разговорное

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

неполиткорректное

презрительное

RIFF-RAFF

совокупность лиц

мужской // женский пол

принадлежат к неимущим слоям
населения

отличаются недостойным поведением

неодобрительное

отрицательно-эмоциональное

разговорное

общеупотребительное

современное

общераспространенное

частотное

неполиткорректное

оскорбительное

Таким образом, за основу семного описания значений языковых единиц в

работе принимается унифицированный метаязык семного описания наименований лиц в русском языке. Его приложение к описанию значений английских метаязыковых переводных соответствий показало, что он полностью применим для описания и английской «семантической реальности», за исключением ряда английских страноведческих и культурно-обусловленных сем, которые лакунарны для русского языка. Сформулированные в процессе исследования семы из английских лексикографических источников и неучтенные в русских толковых словарях были включены в описание контрастивных пар на русском языке и ими был дополнен унифицированный метаязык семного описания наименований лиц.

Полученные на основе применения методики унификации семного описания, аспектного подхода к семному описанию и разработанного трафаретного метаязыка межъязыкового описания результаты позволяют эффективно осуществить контрастивный анализ семантики переводных соответствий в двух языках и сделать выводы как о наличии эквивалентных, близких, приблизительных и допустимых соответствий у единиц данного корпуса лексики, их количественном составе, так и о наличии явлений семемной и семной безэквивалентности и лакуарности в двух языках.

5.1. Семная эквивалентность межъязыковых соответствий наименований лиц

Понятию эквивалентности, которую в лингвистике считали и считают одной из наиболее важных онтологических характеристик перевода, всегда придавалось решающее значение во многих теоретических исследованиях, в том числе и в контрастивных. Поскольку этапы логической последовательности действий контрастивного анализа лексики требуют сначала установления межъязыковых соответствий для исследуемых лексических единиц, а далее – осуществления дифференциации этих соответствий на переводные эквиваленты, а также близкие, приблизительные и допустимые соответствия, то немаловажное значение при этом, имеет корректность и точность используемого исследователем понятийно-терминологического аппарата.

В самом широком смысле под языковой эквивалентностью принято понимать «такое соотношение между лингвистическими единицами, когда они обладают какими-то общими свойствами, позволяющими им выполнять одинаковую функцию» [Арнольд 1976: 12].

Однако с учетом различных точек зрения вопрос об эквивалентных и неэквивалентных переводных межъязыковых соответствиях может быть рассмотрен и в несколько ином ракурсе.

Так, в теории закономерных соответствий, заслуга разработки которой принадлежит Я.И. Рецкеру, понятие эквивалентности распространяется на отношения между микроединицами текста, а сам эквивалент понимается как «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от

контекста» [Рецкер 1974: 10-11]. Родовым понятием в этой системе является «соответствие», а видовыми – «эквивалент» и «вариантное соответствие», устанавливаемое между словами в том случае, когда в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова.

При этом отмечается, что когда слово многозначно, то ни одно из его значений нельзя считать эквивалентным другому слову в процессе перевода. По мнению Я.И. Рецкера, их следует рассматривать как «частичные эквиваленты» либо как «вариантные соответствия» [Рецкер 1974: 11–12]. Что же касается «полных эквивалентов», то они встречаются, как отмечает автор упомянутой теории, главным образом среди географических названий, собственных имен и терминов.

Разграничение таких понятий как «частичный эквивалент» и «вариантное соответствие» продиктовано, по-видимому, не столько переводческими, сколько лексикографическими соображениями. В самом деле, для переводчика различие между «частичным эквивалентом» и «вариантным соответствием» несущественно. И в том, и в другом случае он имеет дело с неоднозначным соответствием: одному слову в исходном языке соответствует несколько слов в языке перевода.

Различие возникает лишь при сопоставлении словарных дефиниций: в первом случае соответствия даются под отдельными цифрами и относятся к разным значениям многозначного слова, например, *антиквар* 1) торговец антиквариатом; продавец антикварных вещей в специализированном отделе; 2) знаток и собиратель антиквариата; а во втором – приводятся под одной цифрой как разные соответствия в рамках одного и того же значения, например, *библиофил* любитель или знаток книг; собиратель редких и ценных изданий.

Более того, «частичные эквиваленты» никак не подпадают под их приведенное выше определение как равнозначных соответствий, не зависящих от контекста, поскольку выяснить, как следует перевести многозначное слово, можно только из контекста.

Сходный подход к данной проблеме, хотя и основанный на других лингвистических предпосылках, обнаруживает Дж. Кэтфорд, по терминологии которого, переводческий эквивалент – это «любая форма языка перевода (текст или часть текста), которая, согласно наблюдениям, эквивалентна данной форме исходного языка (тексту или части текста)» [Catford 1965: 22].

Если для Дж. Кэтфорда решающим (и, пожалуй, единственным) критерием эквивалентности является семантический критерий соотнесенности с предметной ситуацией, то у Ю. Найды на первый план выдвигается наличие в процессе перевода двух коммуникативных ситуаций и необходимость согласованности вторичной коммуникативной ситуации с первичной. В выдвинутой Ю. Найдой концепции «динамической эквивалентности» делается попытка преодолеть ограниченность чисто семантического подхода к эквивалентности. Наличие семантического подобия между двумя единицами языка не рассматривается более как достаточное условие эквивалентности.

«Динамическая эквивалентность» определяется как «качество перевода, при

котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция (response) рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов» [Nida, Taber 1969: 202]. Кроме того, Ю. Найда объяснил, что культурные параллели часто приводят к взаимопониманию, несмотря на серьезные формальные изменения в переводе. Следовательно, лингвокультурная или фоновая составляющая перевода имеет такую же значимость, как и составляющая лексического значения.

Для анализа эквивалентных отношений при переводе также подходит типологическая схема Р. Якобсона, выделяющая следующие функции, отличающиеся друг от друга установкой на тот или иной компонент речевого акта:

референтная или *денотативная* (установка на референта или «контекст»),
экспрессивная – эмотивная (установка на отправителя),
конативная – волеизъявительная (установка на получателя),
фатическая – контактоустанавливающая (установка на контакт между коммуникантами),
металингвистическая (установка на код),
поэтическая (установка на сообщение, на выбор его формы) [Jakobson 1966: 37].

В соответствии с этими функциями можно говорить об эквивалентности референтной, экспрессивной, конативной, фатической, металингвистической и поэтической.

Развивая подобные идеи далее, Г. Йегер вводит понятие «коммуникативной эквивалентности» и делает акцент в её определении на «исчерпывающую передачу коммуникативной ценности исходного текста» [Jager 1975: 25].

В. Коллер, в свою очередь, ведет речь о «пяти видах эквивалентности» [Koller 1983:186-191]:

- 1) *денотативной*, предусматривающей сохранение содержательной инвариантности;
- 2) *коннотативной*, предусматривающей передачу коннотаций путем целенаправленного выбора синонимичных языковых средств;
- 3) *текстуально-нормативной* (textnormative Äquivalenz), ориентированной на жанровые признаки текста, на речевые и языковые нормы (также часто фигурирует под рубрикой «стилистической эквивалентности»);
- 4) *прагматической*, предусматривающей определенную установку на получателя (также именуется «коммуникативной эквивалентностью»);
- 5) *формальной*, ориентированной на передачу художественно-эстетических, каламбурных, индивидуализирующих и других формальных признаков оригинала.

В.Н. Комиссаров, в отличие от В. Коллера, выделяет следующие уровни (типы) эквивалентности, понимаемой как «разные степени смысловой общности между переводом и оригиналом» [Комиссаров 1980: 59-100]:

- 1) прагматический (цели коммуникации),
- 2) ситуационный (идентификации ситуации),
- 3) семантический («способ описания ситуаций»),

- 4) грамматический /трансформационный (значения синтаксических структур),
 5) лексико-грамматический (значения словесных знаков).

В схеме, предлагаемой В.Г. Гаком и Ю.И. Львиным, различаются три вида эквивалентности: «формальная, смысловая и ситуационная» [Гак, Львин 1970: 10].

При формальной эквивалентности наблюдается подобие слов и форм при подобии значений: *автор* – author, *агент* – agent, *пассия* – passion, *композитор* – composer, *кондитер* – confectioner, *адмирал* – admiral, *пешеход* – pedestrian, *лама* – lama, *блондинка* – blonde и др.

Различия средств выражения могут проявляться лишь в общих структурных различиях двух языков, например, в отсутствии падежных форм или наличии артикля в английском языке: *соль земли* – the salt of the earth, *большая голова, да мало ума* – a big head & a little wit, *солдат удачи* – a soldier of fortune, *сукин сын* – son of a bitch, *гражданин мира* – a citizen of the world и под.

Однако существующее у некоторых межъязыковых лексических и фразеологических единиц подобие форм не всегда сочетается подобием семантических структур, что может привести к заблуждению при подборе переводных соответствий:

моторист (специалист по двигателям) и *motorist* (водитель автомобиля), *аспирант* (обучающийся в аспирантуре) и *aspirant* (честолюбивый человек), *лифтер* (рабочий, обслуживающий лифт) и *lifter* (подъемное приспособление), *жена футболиста* и *footballer's wife* (жена футболиста 2 зн. – о красивой женщине, имеющей богатого мужа и ведущей праздный образ жизни) и т.д.

При смысловой эквивалентности совокупность семантических признаков, составляющих общий смысл обеих единиц языка, одинакова. Варьируются лишь языковые формы их выражения: *попутчик* – fellow-traveller, *прохожий* – passer-by, *аспирант* – post-graduate student, *доцент* – assistant professor, *автоматчик* – sub-machine-gunner, *везунчик* – lucky devil, *гуляка* – good-timer, *переросток* – over-age juvenile, *аудитория читателей* – readership, *прелестнейшая девушка* – a darling of a girl, *лишний рот* – useless (бесполезный) mouth и т.д.

При ситуационной эквивалентности наблюдаются различия в наборе сем, описывающих одну и ту же ситуацию: и тесть, и свекор – *father-in-law* (отец по закону), и теща, и свекровь – *mother-in-law* (мать по закону), и сноха, и невестка – *daughter-in-law* (дочь по закону), и моряк, и матрос – *seaman* (морской человек).

По сути дела, все три категории эквивалентности представляют собой результат различных переводческих операций: в первом случае речь идет о простейшей из этих операций – субституции, т.е. о подстановке знаков языка перевода вместо знаков исходного языка, а во втором и в третьем – об операциях более сложного типа – так называемых переводческих трансформациях.

Модель уровней эквивалентности А.Д. Швейцера строится на учете двух взаимосвязанных признаков: 1) характера трансформации, которой подвергается исходное высказывание при переводе, и 2) характера

сохраняемого инварианта.

При построении этой модели за основу принимаются «три измерения семиозиса или знакового процесса, различаемые в семиотике, – синтактика (отношение „знак : знак“), семантика (отношение „знак : референт“) и прагматика (отношение „знак : человек“» [Швейцер 1988: 91].

В процессе составления контрастивных пар переводческая операция может быть описана как замена одних знаков (единиц) другими, что соотносится с упомянутой выше субституцией на уровне синтактики. К семантическому уровню относятся те виды эквивалентности, которые в изложенной выше схеме В.Г. Гака и Ю.И. Львина называются «смысловым» и «ситуационным» и которые представляют некоторый интерес для данного исследования в связи с используемыми трансформациями при переводе исходной языковой единицы (например, замена слова словосочетанием, реметафоризация, генерализация, конкретизация и др.).

Все случаи семантической эквивалентности объединяет наличие одних и тех же сем (семантических микрокомпонентов) при расхождении в инвентаре формально-структурных средств, используемых для их выражения. Поэтому данный подуровень **семантической эквивалентности** можно назвать **семным**.

Отметим при этом, что большинство лингвистов сходятся во мнении, что прагматические факторы играют доминирующую роль, как в иерархической модели уровней эквивалентности, так и в одномерной функциональной типологии эквивалентности. Это в какой-то мере связано с тем, что значение отдельных лексем представляется современным авторам не как фиксированный срез определенного набора семантических признаков, а как «гибкая совокупность сем и прагматических параметров, изменчивые сочетания которых проецируются в плоскость текста» [Stolze 1982: 93-104].

В сфере прагматики инструментальное измерение понимается как ориентация высказывания на контакт с адресатом, увеличение его информированности и изменение его поведения. Иными словами, речь идет о цели высказывания. Передача экспрессивного начала порой требует переводческого комментария или транспонирования высказывания в другую систему культурных ценностей. Описывая процесс актуализации языкового знака, автор делает важный для перевода вывод о том, что «мыслительный эквивалент» актуального знака не исчерпывается словарными толкованиями и грамматическими понятиями, которые могут быть соотнесены с данным экспонентом. «Он включает серию пресуппозиций и импликаций, обусловленных контекстом семиозиса» [Сыроваткин 1978: 69].

Следует добавить, что «совокупность таких факторов, как связь значения с внеязыковой действительностью, речевой контекст, эксплицитный и имплицитный, коммуникативная установка, связывающая высказывание с меняющимися участниками коммуникации – субъектом речи и ее получателями, фондом их знаний и мнений, ситуацией (местом и временем), в которой осуществляется речевой акт, образует мозаику широко понимаемого контекста, который как раз и открывает вход в прагматику смежных дисциплин и обеспечивает ей синтезирующую миссию» [Арутюнова, Падучева 1985: 7].

В теории и практике перевода также оперируют такими терминами, как «эквивалентность» и «адекватность». Порой в них вкладывается разное содержание, а иногда они рассматриваются как синонимы.

Так, В.Н. Комиссаров различает «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод», определяя их как понятия неидентичные, хотя и тесно соприкасающиеся друг с другом.

В ином ключе решают проблему соотношения эквивалентности и адекватности К. Раис и Г. Вермеер. Термин «эквивалентность», в их понимании, охватывает отношения, как между отдельными знаками, так и между целыми текстами. Эквивалентность знаков еще не означает эквивалентности текстов, и, наоборот, эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентности всех их сегментов. При этом эквивалентность текстов выходит за пределы их языковых манифестаций и включает также культурную эквивалентность. В отличие от адекватности эквивалентность ориентирована на результат. Согласно К. Раис и Г. Вермееру, «эквивалентность – это особый случай адекватности или адекватность при функциональной константе исходного и конечного текстов» [Reiss, Vermeer 1984: 22]. С другой стороны, по мнению данных авторов, адекватностью называется соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому измерению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира процесса перевода.

Иными словами, «перевод, полностью эквивалентный оригиналу, не всегда отвечает требованиям адекватности. И наоборот, выполненный адекватно перевод не всегда строится на отношении полной эквивалентности между исходным и конечным текстами» [Швейцер 1988: 115]. По мнению данного автора, наиболее общим, существенным для всех уровней и видов эквивалентности инвариантным признаком является «соответствие коммуникативной интенции первичного отправителя коммуникативному эффекту конечного текста, так как подобный коммуникативно-функциональный инвариант охватывает различные семиотические уровни и функциональные виды эквивалентности» [Швейцер 1988: 117].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением, что термины «адекватность» и «адекватный» ориентированы на перевод как процесс, тогда как термины «эквивалентность» и «эквивалентный» имеют в виду отношение между исходным и конечным единицами перевода, которые выполняют сходные коммуникативные функции в разных лингвокультурах.

При этом полная эквивалентность, охватывающая как семантический, так и прагматический уровень, а также все релевантные виды функциональной эквивалентности, является идеализированным конструктом. Это не значит, что полная эквивалентность вообще не существует в действительности. Случаи полной эквивалентности вполне возможны, но наблюдаются они, как правило, в относительно несложных коммуникативных условиях со сравнительно узким диапазоном функциональных характеристик.

Необходимо также учитывать тот факт, что далеко не всегда можно с уверенностью определить, выступает ли та или иная лексическая единица в данном контексте в особом «несловарном» значении или же мы имеем дело

просто с конкретизацией обычного словарного значения. Логичным в связи с этим можно рассматривать вывод Л.С. Бархударова о том, что, «функционируя в строе связного текста, языковые единицы, в том числе словарные, не просто реализуют свое системное, закрепленное в языке значение, но и приобретают под давлением контекста и внеязыковой ситуации новые значения и их оттенки» [Бархударов 1984: 17].

Принимая во внимание вышеизложенное и не исключая авторского права на употребление того или иного термина в соответствии с используемым им понятийным аппаратом, определим свою позицию по данному вопросу в контексте требований контрастивной методики.

При выявлении национальной специфики семантики наименований лиц в двух языках (в нашем случае – в русском и английском) представляется обоснованным рассматривать эквивалентность исследуемых языковых единиц на уровне сем и фиксировать в качестве переводных эквивалентов отдельной семемы (в другой терминологии – одного из значений слова) «межъязыковые соответствия, максимально сходные по составу сем и обеспечивающие адекватный взаимный перевод в любых контекстах» [Стернин 2008: 196].

Национальная специфика семантики языковых единиц эффективно выявляется в рамках аспектно-структурного подхода к её описанию (см. Глава I данного исследования).

Аспектно-структурное семное описание национальной специфики семантики наименований лиц представляет собой поэтапное выявление национальной специфики семантики, отраженной в отдельных макрокомпонентах значения двух сопоставляемых семем на уровне сем, и проявляется в наличии у единиц исследуемой лексики исходного языка эквивалентных, близких и / или приблизительных переводных соответствий в фоновом языке, либо в их безэквивалентности.

Основными макрокомпонентами значения, в которых фиксируется национальная специфика семантики, выступают денотативный, коннотативный и функциональный.

Соответственно, контрастивные пары, члены которых не обнаруживают семных различий в процессе их контрастивного сопоставления на уровне сем, относятся к разряду **переводных семных эквивалентов**.

Например, приведенные ниже пары межъязыковых соответствий русских и английских наименований лиц, сначала описанные по трафаретной аспектно-структурной модели отдельно, затем после унификации описания, сопоставленные по методике контрастивного анализа, демонстрируют полное совпадение на уровне сем:

ВИРТУОЗ

лицо

мужской // женский пол

в совершенстве владеет

техникой какого-л. искусства

обычно

играет на музыкальном инструменте

= *VIRTUOSO*

лицо

мужской // женский пол

в совершенстве владеет

техникой какого-л. искусства

обычно

играет на музыкальном инструменте

одобрительное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

ГОЛЛАНДКА

лицо
женский пол
принадлежит к народу, составляющему
основное население Нидерландов
(Голландии) /
проживает в Нидерландах /
родом из Нидерландов /
имеет гражданство Нидерландов /
говорит на нидерландском языке
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

ИРЛАНДЕЦ

лицо
мужской пол
принадлежит к нации, составляющей
основное население Ирландии /
проживает в Ирландии /
родом из Ирландии /
имеет гражданство Ирландской Республики
или подданство Великобритании /
говорит на ирландском языке
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

КЛАССИК семема-3

лицо

одобрительное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

= *DUTCHWOMAN*

лицо
женский пол
принадлежит к народу, составляющему
основное население Нидерландов
(Голландии) /
проживает в Нидерландах /
родом из Нидерландов /
имеет гражданство Нидерландов /
говорит на нидерландском языке
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

= *IRISHMAN*

лицо
мужской пол
принадлежит к нации, составляющей
основное население Ирландии /
проживает в Ирландии /
родом из Ирландии /
имеет гражданство Ирландской Республики
или подданство Великобритании /
говорит на ирландском языке
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

= *CLASSICIST*

лицо

мужской // женский пол
 придерживается взглядов классицизма
 неоценочное
 неэмоциональное
 книжное
 специальное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

МИЗАНТРОП

лицо
 мужской // женский пол
 ненавидит людей
 чуждается их
 неоценочное
 неэмоциональное
 книжное
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 малочастотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

ПАССАЖИР

лицо
 мужской // женский пол
 совершает поездку
 на одном из видов транспорта
 при этом не управляет средством
 передвижения и не работает на нем
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

мужской // женский пол
 придерживается взглядов классицизма
 неоценочное
 неэмоциональное
 книжное
 специальное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

= *MISANTHROPE / MISANTHROPIST*

лицо
 мужской // женский пол
 ненавидит людей
 чуждается их
 неоценочное
 неэмоциональное
 книжное
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 малочастотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

= *PASSENGER*

лицо
 мужской // женский пол
 совершает поездку
 на одном из видов транспорта
 при этом не управляет средством
 передвижения и не работает на нем
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

Поскольку у членов подобных пар межъязыковых соответствий в отдельном описании семантических макро- и микрокомпонентов не выявляется никаких различий, то описание можно объединить и оформить следующим образом:

ВАРЯГ семема-1 = *VARANGIAN*

лицо, мужской пол, родом из Скандинавии, участвовал в морских завоевательных походах в Европе и на островах Северной Атлантики;

неоценочное, незмоциональное;
 межстилевое, общеупотребительное, историческое (8-11вв), древнерусское,
 малочастотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

СООТЕЧЕСТВЕННИК = FELLOW-COUNTRYMAN

лицо, мужской пол, родом из одной с кем-л. страны;
 неоценочное, незмоциональное;
 межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
 политкорректное, тонально-нейтральное.

СОЦИОЛОГ семема-1 = SOCIOLOGIST

лицо, мужской // женский пол, обладает специальными знаниями в области социологии;
 неоценочное, незмоциональное;
 межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
 политкорректное, тонально-нейтральное.

ФРАНЦУЖЕНКА семема-1 = FRENCHWOMAN

лицо, женский пол, принадлежит к народу, составляющему основное население Франции /
 проживает во Франции / родом из Франции / имеет гражданство Франции / говорит на
 французском языке;
 неоценочное, незмоциональное;
 межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
 политкорректное, тонально-нейтральное.

ЧУКЧА семема-1 = CHUKCHIMAN

лицо, мужской пол, принадлежит к народу, составляющему основное население
 Чукотской и Корякской автономных областей РФ / проживает в Чукотской или Корякской
 автономной области / родом из Чукотской или Корякской автономной области / имеет
 гражданство РФ / говорит на чукотском языке;
 неоценочное, незмоциональное;
 межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
 политкорректное, тонально-нейтральное.

Как известно, в составе фоновых знаний можно выделить часть, связанную с
 общемировыми ценностями и соответственно с универсальными
 межъязыковыми закономерностями отражения экстралингвистических
 сущностей в языковых знаках, и локализованную, национально-
 различительную часть, отражающую национальную специфику языка. Что в
 свою очередь делает неоспоримым факт существования универсальных
 категорий в национальном языковом сознании каждого народа и выражается в
 наличии эквивалентных переводных соответствий на семном уровне в двух
 сопоставляемых языках.

Численность эквивалентных переводных соответствий в двух языках,
 выявленных по контрастивной методике на уровне семантических
 микрокомпонентов значения, обычно рассматривается как формализованный
 показатель национальной специфики семантики объединенных по какому-либо
 принципу языковых единиц.

Между количеством пар семных эквивалентных переводных соответствий, и
 количеством контрастивных пар, в состав которых входят лексические или

фразеологические единицы, обладающие национально-специфическими различиями в семной структуре, существует обратно пропорциональная зависимость: увеличение первого влечет за собой уменьшение второго показателя, – что подтверждается результатами исследования.

Причем доказано фактически, что малое количество или даже полное отсутствие переводных эквивалентов, выявленных по контрастивной методике на семном уровне, может быть зафиксировано даже у таких слов и словосочетаний, которые принадлежат к основному словарному фонду обоих языков [Маклакова 2006].

ПРИМЕРЫ ПЕРЕВОДНЫХ СЕМНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

(объединенных по доминирующему семантическом признаку)

- по отношению родства: *бабушка* семема-1 (по отношению к внукам) = *grandmother*, *брат* семема-1 (родственник) = *brother*, *дедушка-1* (по отношению к внукам) = *grandfather*, *дочь* семема-1 (родственница) = *daughter*, *дядя* семема-1 (родственник) = *uncle*, *дядя* семема-2 (форма обращения в семье) = *uncle*, *братишка* семема-1 (родственник) = *little brother*, *внук* = *grandson*, *мать* семема-1 (имеет детей) = *mother*, *отец* семема-1 (имеет детей) = *father*, *nana* семема-1 (имеет детей) = *dad*, *nana* семема-2 (форма обращения в семье) = *dad*, *сестра* семема-1 (родственница) = *sister*, *сын* семема-1 (родственник) = *son*, *тетя* семема-1 (родственница) = *aunt*, *тетя* семема-2 (форма обращения в семье) = *aunt*, *мама* семема-1 = *amma* / *mittu*, *мачеха* = *stepmother*, *молочный брат* = *foster-brother*, *бабуля* / *бабуся* = *granny* / *grannie*;
- по характерному качеству: *бабник* = *lady-killer*, *герой* семема-1 (совершил подвиг), *герой* семема-2 (вызывает восхищение) = *hero*, *героиня* семема-1 (совершила подвиг), *героиня* семема-2 (вызывает восхищение) = *heroine*, *семьянин* = *family man*, *дитя* семема-3 (тесно связан с определенной средой) = *child*, *счастливец* = *lucky man*, *непоседа* = *fidget*;
- по профессиональной принадлежности: *герой* семема-4 (главный персонаж) = *hero*, *героиня* семема-3 (главный персонаж) = *heroine*, *Папа* семема-4 (глава римско-католической церкви) = (the) *Pope*, *комедиантка* = *play-actress*, *председатель* семема-2 (руководитель) = *chairperson*, *президент* семема-1 (глава государства) = *president*;
- по межличностным отношениям: *враг* семема-1 (враждует) = *enemy*, *сестра* семема-3 (объединена с кем-л. общими интересами) = *sister*, *сын* семема-3 (в религиозном общении) = *son*, *товарищ* семема-2 (связан общими интересами) = *associate*, *брат* семема-3 (в религиозном общении) = *brother*, *сестра* семема-2 (в религиозном общении) = *sister*, *соперник* = *rival*, *конкурент* = *competitor*;
- по виду деятельности: *член* = *member*, *отец* семема-2 (основоположник чего-л.) = *father*, *председатель* семема-1 (ведет заседание) = *chairperson*, *противник* семема-3 (участвует в военных действиях) = *enemy*, *спортсмен* = *sportsman*, *спортсменка* = *sportswoman*, *школьник* = *schoolboy*, *школьница* = *schoolgirl*;
- по семейному положению: *вдова* = *widow*, *вдовец* = *widower*, *жена* = *wife*; *муж*

семема-1 (состоит в браке) = *husband*, холостяк = *bachelor*, муженек = *hubby*, новобрачная = *bride*;

по внешнему виду и физическим особенностям: красавица семема-1 = *beauty*; блондин = *blond*, блондинка = *blonde*, брюнетка = *brunette*, денди = *dandy*;

по возрастному признаку: ребенок семема-1 = *child*, новорожденный семема-1 = *newborn*;

по признаку пола: мужчина семема-1 (лицо мужского пола) = *man*, мальчик = *boy* и т.д.

Как показывает практика исследования, наибольшее количество переводных семных эквивалентов зафиксировано в тематических подгруппах наименований лиц по отношениям родства, по имущественно-правовым отношениям, по национальной принадлежности, по профессиональной принадлежности: продюсер = *producer*, геолог = *geologist*, коллекционер = *collector*, биограф = *biographer*, агроном = *agronomist*, вкладчик = *depositor*, работодатель = *employer*, провайдер = *provider*, инвестор = *investor*, арендатор = *lessee*, англичанин = *Englishman*, англичанка семема-1 = *Englishwoman*, викинг = *Viking*, голландец = *Dutchman*, нидерландец = *Dutchman*, питекантроп семема-1 = *pithecanthrope / pithecanthropus*, француз семема-1 = *Frenchman* и т.п.

Для более полной характеристики изучаемого вопроса автором исследования был введен специальный формализованный показатель – «индекс эквивалентности» [Маклакова 2006: 121], который вычисляется как для каждой тематической подгруппы, так и для всего корпуса исследуемой лексики и фразеологии в целом, в виде отношения количества переводных семных эквивалентных соответствий к общему числу исследуемых контрастивным способом английских переводных соответствий.

Причем следует отметить определенную закономерность, имеющую обратно пропорциональный характер: чем ниже индекс эквивалентности, тем выше индекс национальной специфики той или иной изучаемой структурного образования. Как показывает исследование, подобные формализованные показатели национальной специфики семантики, представленные в виде индексов, позволяют достаточно объективно и наглядно выявлять, описывать и оценивать национальную специфику семантики языковых единиц, объединенных в различные группы.

Отметим далее, что невозможность подобрать ко многим словосочетаниям адекватный и при этом стилистически нейтральный однословный эквивалент: умный человек ~ умник, веселый человек ~ весельчак, богатый человек ~ богач, храбрый человек ~ храбрец, деловой человек ~ делец, новатор производства, сторонники мира, сын степей – послужило поводом для выделения подобных словосочетаний в отдельную от фразеологических и лексических единиц группу, согласно следующему утверждению: «Группы слов, между которыми могут быть самые различные взаимоотношения, во многих случаях могут трактоваться как одно слово. Иногда, даже трудно бывает сказать, с одним или с двумя словами мы имеем дело» [Есперсен 1958: 114].

Существование устойчивых композитивных номинативных единиц языка, обладающих такими свойствами как воспроизводимость в постоянном

значении и семантическая неразложимость, неоднократно отмечалось многими выдающимися отечественными и зарубежными лингвистами, которые видели в них «слитные речения» [Фортунов 1956: 173], «структурную (аналитическую) разновидность собственно слова» или «специфически сложные слова, образованные путем синтаксического словосложения» [Щерба 1958: 70, 1974: 53], «сочетания аналитического типа, переходные от стереотипных словосочетаний к свободным» [Балли 1961: 19], «безобразные или неидиоматические фразеологизмы» [Левковская 1962: 15], «фиксированные языковые единицы номинации» или «единицы устойчивого контекста» [Амосова 1963: 59], «фразеологизмы терминологического характера» [Шанский 1963, 1972], «номинативные фразеологизмы» [Ройзензон 1973: 33], «целостные словесные группы» или «эквиваленты слова» [Виноградов 1977: 155-156], «синлексы» [Климовская 1978: 15], «межстилевые или стилистически нейтральные фразеологизмы» [Фомина 1990: 41] и др.

Интересной, на наш взгляд, представляется позиция по этому вопросу З.Н.Левит. В частности, в своей монографии (1968), в которой проведена детальная и убедительно аргументированная онтологическая проработка данного феномена, автор отмечает: «На уровне лексем, наряду с традиционными лексическими единицами – цельнооформленными (синтетическими) словами, выделяются раздельнооформленные (аналитические) эквиваленты слов или аналитические слова» [Левит 1967: 5]. Понятие «аналитического слова» при этом сформулировано в виде «раздельнооформленной лингвистической единицы, образованной по определенной структурно-семантической модели, включающей сочетания функционально-дифференцированных элементов (служебных и знаменательных) и эквивалентной в функционально-семантическом отношении цельнооформленному слову» [Левит 1968: 7].

Аналитическая лексика – общераспространенная форма пополнения лексического состава языка: *молодой человек* = young man, *преподавательский состав* = teaching staff, *государственный служащий* = civil servant, *собрать по оружию* = brother in arms и т.д.

Для контрастного исследования семантики наименований лиц данная трактовка таких примеров интересна с точки зрения возможности использования подобных синлексов или аналитических слов в качестве переводных семных эквивалентов отдельных слов и наоборот, что значительно расширяет возможности поиска межъязыковых соответствий: *ребенок мужского пола* = male child, *крестный отец* = godfather, *мальчонка* = little boy, *сводный брат* = step-brother, *старая дева* = spinster / old maid и т.д.

Отметим далее, что для многих этнокультурных сообществ характерно употребление устойчивых словосочетаний, основанных на образности слов, придающих экспрессивность высказыванию.

При этом, «универсальность фразеологических образов находит свое лингвистическое воплощение в так называемой интернациональной фразеологии, которая существует во многих языках и восходит к общим источникам – античной мифологии, Библии, всемирной литературной классики

и др.» [Кунин 1984: 10]:

святая простота = *sancta simplicitas* (лат.),
яблоко раздора = *apple of discord* (из древнегреческой мифологии),
слуга двух господ = *he who serves two masters* (библейское),
добрый самаритянин = *good Samaritan* (библейское),
камень преткновения = *stumbling block* (библейское),
блудный сын = *Prodigal Son* (библейское),
Валаамова ослица = *Balaam's ass* (библейское),
достопочтенный гражданин = *citizen of no mean city* (библейское),
заблудшая овца = *lost sheep* (библейское),
двуликий Янус = *two-faced Janus* (древнеримское божество),
золотая середина = *the golden mean* (Квинт Гораций Флакк),
гадкий утенок = *ugly duckling* (Г.-Х. Андерсен),
дойная корова = *milch cow* (Ж.-Б. Мольер),
Буриданов осел = *Buridan's ass* (Ж.Буридан),
Калиф на час = *Caliph for an hour* (арабские сказки),
отцы города = *city fathers* (члены городского управления во многих странах).

Соответственно, образность оригинала как одно из условий достижения эквивалентности перевода сохраняется в подобных случаях с максимальной точностью.

Применяемая в исследовании практика контрастивного анализа переводных фразеологических соответствий, описанных по трафаретной аспектно-структурной модели, также позволяет выявить семные эквиваленты в двух языках, сопоставляя их семемы аналогичным продемонстрированному выше на примерах с лексическими единицами образом:

РАННЯЯ ПТАШКА = EARLY BIRD

лицо, мужской // женский пол, рано принимается за работу, отличается удачливостью;
 одобрительное, положительно-эмоциональное;
 межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

СТОЛП ОБЩЕСТВА = PILLAR OF THE SOCIETY

лицо, мужской // женский пол, чьи заслуги в какой-л. общественной деятельности высоко оцениваются окружающими;
 одобрительное, неэмоциональное;
 высокое, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, мало частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

СИНИЙ ЧУЛОК = BLUE STOCKING

лицо, женский пол, лишена женственности, всецело поглощена научными интересами;
 неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
 межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, непolitкорректное, ироничное.

Фразеологизмы, абсолютно тождественные по составу семантических микрокомпонентов и совпадающие по внутреннему образу в обоих языках, принято причислять к *образным* [Стернин, Чубур 2006: 288, Зимина 2007: 7] переводным фразеологическим семным эквивалентам, например:

центр мироздания = the hub of the universe,
канцелярская крыса = desk rat,
игрушка судьбы = plaything of fortune,
первая скрипка = the first fiddle,
правая рука кого-либо = one's right hand,
первый среди равных = the first among equals,
путеводная звезда = one's guiding star,
мелкая рыбешка = small fry,
новая метла (чисто метет) = new broom (sweeps clean),
родившийся под счастливой звездой = born under a lucky star и т.д.

Образные переводные фразеологические семные эквиваленты вследствие особенностей типологического строя того или иного языка могут различаться по входящим в их состав лексическим элементам при полном соответствии семантических признаков и внутренних образов:

шапочный знакомый = nodding / bowing (*кивающий*) acquaintance,
твердый орешек = hard nut to crack (*расколоть*),
человек с улицы = man in the street (*на улице*),
мальчик для битья = whipping (*для битья кнутом*) boy,
волк в овечьей шкуре = wolf in sheep's clothing (*одеяние*) и т.п.

Выявляемая в следующих переводных фразеологических соответствиях национально-специфическая образность, не исключает возможность их рассмотрения в качестве переводных фразеологических семных эквивалентов, поскольку контрастивное исследование по трафаретной аспектно-структурной модели свидетельствует в пользу полного совпадения их семантических микрокомпонентов:

мелкая сошка = small beer (*слабое пиво / пустяки*),
перекати-поле = rolling stone (*камень, который катится*),
паршивая овца (все стадо портит) = the rotten apple injures its neighbours (*гнилое яблоко портит те, что рядом*) и т.д.

Соответственно, обладая *национальной образной спецификой*, подобные языковые единицы тем не менее могут быть использованы в качестве *переводных семных эквивалентов*, что также не противоречит результатам исследований вышеупомянутых авторов.

В ряде случаев в качестве переводных семных эквивалентов наименований лиц используются культурные аналоги, отличающиеся тем, что дают отсылку к различным прецедентным текстам, но совпадающие по ряду семантических признаков, релевантных для данной ситуации. В этих случаях перевод сводится к замене той или иной литературной, исторической или иной реалии ее контекстуальным аналогом, который по данным семного описания и контрастивного сопоставления рассматривается как переводной семный эквивалент:

МАША-РАСТЕРЯША = DIZZY MISS LIZZY

(из стихотворения Л.Ф.Воронковой) (из песни, исполняемой «Биттлз»)

лицо, женский пол, отличается сильной рассеянностью, постоянно что-л. забывает;
неоценочное, положительно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, шутивное.

КАЖДЫЙ ВСТРЕЧНЫЙ И ПОПЕРЕЧНЫЙ = EVERY TOM, DICK & HARRY

(распространенные английские имена)

лицо, мужской // женский пол, каждый без исключения, кто движется навстречу;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

ИВАНОВ, ПЕТРОВ, СИДОРОВ = BROWN, JONES, ROBINSON

(распространенные русские и английские фамилии)

совокупность лиц, мужской пол, ничем не отличаются от других людей;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

Среди переводимых аллюзий особое место занимают, например, ссылки на персонажей устного фольклора, хорошо знакомые русским представителям языкового сообщества, но необязательно известные в английской культурной среде и наоборот, что представляет определенную сложность при подборе межъязыковых соответствий двух сопоставляемых языков и затрудняет выявление переводных эквивалентов во фразеологическом составе исследуемого языкового корпуса.

Например, английское выражение *Kilkenny cats* (коты) вполне обоснованно переводится на русский язык как *смертельные враги*, потому что не каждому русскоговорящему человеку известна «легенда об ожесточенной борьбе между городами Kilkenny и Irishtown в XVII в., которая привела к их разорению» [Кунин 1984: 133].

Так, в русском языке наименование лица *любопытная Варвара* используется для обозначения человека любопытного сверх меры, который за свое любопытство и поплатился: *на базаре нос оторвали*. Дословная передача такого рода аллюзий, как правило, не достигает своей цели, оставляя нераскрытой лежащую в ее основе импликацию. Для английских носителей языка более понятен в связи с этим образ, возникающий при наименовании лица *a Peeping Tom*, – потому что английская легенда рассказывает, что «граф Мерсийский наложил непосильный налог на жителей города Ковентри. Когда его жена леди Годива заступилась за них, граф сказал, что отменит налог, если леди Годива осмелится в полдень проехать обнаженной через весь город. Чтобы не смущать её, все жители закрыли ставни своих домов. Один только портной Том стал подсматривать в щелку, и был тут же поражен слепотой» [Кунин 1984: 768].

Нередко вследствие различной сочетаемости лексических единиц в двух

сопоставляемых языках, что свидетельствует об отсутствии так называемого семантического согласования, определяемого В.Г. Гаком как «наличие одного и того же семантического компонента в двух членах синтагмы и являющегося формальным средством организации высказывания» [Гак 1977: 25], обеспечение эквивалентности переводных соответствий на семном уровне может происходить на основе семантических трансформаций составляющих их компонентов.

В их основе, построенной на гипо- или гиперонимических отношениях или различающейся в процессе перевода по направлению при замене одних единиц языка на другие, лежит известная семантическая закономерность, согласно которой для обозначения одного и того же объекта могут быть использованы языковые единицы более узкого, конкретного значения (гипонимы) и единицы более широкого, абстрактного значения (гиперонимы).

Например, используемое в русском языке для обозначения умудренного опытом человека сочетание *старый воробей* имеет переводной семный эквивалент *old bird* (старая птица) в английском языке (ср. пословицы: *Старого воробья на мякине не поведешь.* = *Old birds are not to be caught with chaff.*)

Или, к примеру, русская поговорка *яблоко от яблони недалеко падает* образно именуется родителей и детей *яблоня* и *яблоко*, а её переводной семный эквивалент в английском языке: *as the tree, so the fruit*, – *tree* (*дерево*) и *fruit* (*плод*).

В приведенных примерах при переводе с русского языка на английский наблюдается гиперонимическая, а при обратном переводе – гипонимическая трансформация составных компонентов фразеосочетания: *старый воробей* = *old bird*, *яблоня* и *яблоко* = *tree & fruit*, – что обусловлено наличием в одном из контактирующих друг с другом в процессе перевода языков так называемых широкозначных слов с недифференцированным значением, имеющих, как правило, целый ряд иноязычных соответствий, обозначающих более конкретные, частные понятия.

Наряду с двумя указанными вертикальными направлениями (от гиперонима к гипониму и от гипонима к гиперониму) в пределах гиперо-гипонимической группы, влияющими на изменение образа фразеологической единицы, возможны трансформации и в горизонтальной плоскости, которые принято называть интергипонимическими, – от одного гипонима к другому.

Например, перевод русского выражения *морской волк* английским *sea-dog* представляет собой преобразование, которое относят к «смещению», т.е. «переходу от одного видового понятия (А) к другому (В) внутри общего родового понятия» [Гак 1977: 31]. Что можно наблюдать и на примерах следующих фразеологических контрастивных пар наименований лиц:

ФОМА НЕВЕРУЮЩИЙ = DOUBTING THOMAS

лицо, мужской пол, отличается крайней недоверчивостью, упорно сомневается в наличии чего-л.;

неодобрительное, неэмоциональное;

межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

ВОСХОДЯЩЕЕ СВЕТИЛО = RISING STAR (*звезда*)

лицо, мужской // женский пол, начинает приобретать славу, известность в какой-л. сфере деятельности;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, восторженное.

ВЫЖАТЫЙ ЛИМОН семема-2 = SQUEEZED ORANGE (*апельсин*)

лицо, мужской // женский пол, отличается утратой своих творческих способностей;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, сочувственное.

Приведенные примеры не противоречат сформулированному ранее положению о переводных семных эквивалентах, согласно которому отношения эквивалентности между членами контрастивных пар лексических и фразеологических наименований лиц возникают при *тождестве выявляемых в структурах их значений (семем) семантических микрокомпонентов (сем)*, что можно рассматривать как **семную эквивалентность**, при которой *не исключены несовпадения по способу построения словоформы и / или по внутренней форме данных единиц языка*.

Таким образом, выявление переводных семных эквивалентных соответствий в двух языках осуществляется при контрастивном сопоставлении описанных по трафаретной аспектно-структурной модели семем исходного и фонового языков, составляющих контрастивную пару, и выражается в наличии у них полного соответствия в наборе семантических микрокомпонентов или сем, при этом допускается проявление у них таких видов национальной специфики семантики как структурно-языковая, специфика внутренней формы слова или словосочетания, специфика образного переосмысления значения, а также национальная символичность значения.

Основная стратегия, лежащая в основе поиска оптимального варианта, заключается в ориентации на многомерность процесса перевода, в постепенном включении в рассмотрение всех основных измерений этого процесса: межъязыкового, межкультурного и межситуационного.

Следует особо выделить при этом избирательность языка по отношению к явлениям внеязыкового мира, расхождения в семантической интерпретации одних и тех же отрезков внеязыковой действительности, в сочетаемости языковых единиц, в способах выражения коммуникативной структуры высказывания, в том числе и стилистические факторы.

Вышеизложенное позволяет прийти к еще одному важному выводу, который заключается в следующем. При кореферентности наборов разных сем, создающих в своей совокупности подобные смыслы и формирующих в сознании носителей двух языков подобные образы, отношения соответствия между семемами-членами контрастивных пар следует рассматривать как **референциальную тождественность**, которая проявляется в виде существования у единицы исходного языка вариантных (близких, приблизительных или допустимых) переводных соответствий в фоновом языке.

5.2. Национальная специфика значений межъязыковых соответствий наименований лиц

По результатам контрастивного исследования национальная специфика семантики наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке выявляется, прежде всего, на *семном* уровне, например (семные описания семем даны только в денотативном аспекте):

ВОЖАК

семема-1 лицо, мужской пол // женский пол, ведет кого-л.;
английское переводное соответствие: *GUIDE*;
семема-2 лицо, мужской // женский пол, руководит общественным движением, течением, организацией;
английское переводное соответствие: *LEADER*.

СОСТАВИТЕЛЬ

семема-1 лицо, мужской пол, занимается составлением чего-л.;
английское переводное соответствие: *COMPILER*;
семема-2 лицо, мужской пол, формирует железнодорожные составы;
английское переводное соответствие: *RAILWAY MAN*;
семема-3 лицо, мужской пол, занимается приготовлением каких-л. смесей, растворов и т.п.;
английское переводное соответствие: *PHARMACIST*.

ИСТОРИК

семема-1 лицо, мужской // женский пол, обладает специальными знаниями в области истории;
английское переводное соответствие: *HISTORIAN*;
семема-2 лицо, мужской пол, преподает историю в школе;
английское переводное соответствие: *HISTORY TEACHER*;
семема-3 лицо, мужской пол, изучает историю в каком-л. учебном заведении;
английское переводное соответствие: *HISTORY STUDENT* и т.п.

Для исследований в русле семной семасиологии большой интерес представляют национально-специфические различия семантики, выявленные на *семном* уровне: как в отдельных макрокомпонентах значения, так и в нескольких компонентах одновременно в разных сочетаниях.

Национальной спецификой семы считается ее отличие по типу, статусу или структуре (чаще по семному конкретизатору) от сходной семы в переводном соответствии, что выявляется при контрастивном сопоставлении семных структур семем-членов контрастивной пары.

Для выявления национальной специфичности семем по отдельным семам

применяются и хорошо зарекомендовали себя трафаретная аспектно-структурная модель семного описания значения слова или словосочетания, специально разработанный унифицированный метаязык семного описания их семантики, комплексные методы и приемы исследования (см. Глава I).

Интегральные микрокомпоненты значения, по которым комплектуются контрастивные пары, относятся к разряду ярких или доминирующих опорных в структуре их семем. Они отличаются от слабых признаков тем, что осознаются носителями языка как центральные для данного значения, в связи с тем, что они в первую очередь приходят на память и перечисляются носителями языка, когда их просят объяснить значение слова, например:

авантюрист семема-1 (любит приключения) ср. *adventurer*;

авантюрист семема-2 (склонен к рискованным / сомнительным предприятиям) ср. *adventurer*;

жестящик (изготавливает изделия из жести) ср. *tinsmith*;

алкоголик (употребляет много спиртного) ср. *alcoholic*;

активист (отличается активностью, действует живо и энергично) ср. *activist*;

агитатор (ведет активную деятельность по распространению политических идей) ср. *agitator*.

Национальная специфика семантики, выявляемая на семном уровне у межъязыковых соответствий, наиболее часто отмечается при контрастивном сопоставлении слабых периферийных, а также вероятностных сем в трех основных описываемых макрокомпонентах значения и проявляется в их несовпадении или безэквивалентности (лакунарности).

Например (дифференциальные национально-специфические семы выделены жирным шрифтом):

БОЛТУН семема-1
общераспространенное

GASBAG
британское

ОБМАНЩИК
общераспространенное

IMPOSTER
американское

НЕГОДНИК
общераспространенное

SCALAWAG
американское

ПЕРВОПРОХОДЕЦ
высокое

TRAILBLAZER
межстилевое

ЧЕСТОЛЮБЕЦ
межстилевое

ASPIRANT
официальное

ЧУДАК
межстилевое

CRANK
разговорное

БЕДНЯГА
разговорное

POOR WRETCH
межстилевое

ОСТРЯК
разговорное

МОЛЧУН
разговорное

МЕЛКАЯ СОШКА
пренебрежительное

КЛЕВЕТНИК
распространяет заведомо ложный слух
с целью опозорить кого-л.
в устной форме / в письменной форме / в печати

WIT
межстилевое

MAN OF FEW WORDS
межстилевое

UNDERLING
презрительное

LIBELLER
распространяет заведомо ложный слух
с целью опозорить кого-л.
в письменной форме / в печати

Количество слабых сем в структуре семемы обычно преобладает над количеством сильных, отсюда – неединичные случаи таких несоответствий, которые особенно часто выявляются в функциональном или в коннотативном макрокомпонентах двух контрастивно сопоставляемых значений:

НЕДОТЕПА
неоценочное
общераспространенное

ЯБЕДА
разговорное
общераспространенное

ЯБЕДА
разговорное
общераспространенное

АВСТРАЛИЕЦ
межстилевое
общераспространенное

БОМЖ
ночует на улицах
общераспространенное

DUFFER
неодобрительное
британское

TELLTALE
межстилевое
британское

TATTLETALE
межстилевое
американское

OCKER
разговорное
австралийское / новозеландское

DOSSER
ночует на улицах / в дешевых отелях
британское

Существенными следует рассматривать различия семем по вероятностным и постоянным семантическим признакам. Вероятностные семы отличаются от постоянных сем тем, что отражают признаки, присущие объекту не всегда, а лишь с той или иной степенью вероятности. Общепринятая лексикографическая фиксация вероятностных сем осуществляется такими единицами метаязыка, как «большой частью», «как правило», «часто», «чаще», «иногда», «в основном», «большинство» и т.п. При контрастивном сопоставлении подобные различия по характеру конкретного содержания сем

относятся к разряду национально-специфических и выражаются в их несовпадении или безэквивалентности (лакунарности).

Несовпадения сем при описании оппозиции *вероятностный признак – постоянный признак* зафиксированы в следующих примерах перечисленными выше единицами метаязыка описания, которые выделены жирным шрифтом:

ПЛАКСА

чаще детского возраста

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

мужской пол

ВДОВИЦА

чаще молодого возраста

ДРАЖАЙШАЯ ПОЛОВИНА

чаще женский пол

МАЛЫШ

обычно мужской пол

МАЛЫШКА

женский пол

ПОСТРЕЛ

обычно склонен к озорному нарушению порядка

ЖЕНАТИК

обычно о новобрачном

ЖЕНА

современное

ЖЕНА

общеупотребительное

НЕГОДНИК

общераспространенное

ПОДРУГА семема-2

тонально-нейтральное

БОМЖ

неэмоциональное

CRY-BABY

детского возраста

LOVER

чаще мужской пол

WIDOW

молодого **или зрелого** возраста

BETTER HALF

женский пол

KIDDY

мужской // женский пол

MORPET

особенно женский пол

IMP

склонен к озорному нарушению порядка

YOUNG HUSBAND

о новобрачном

MISSUS

довольно устаревшее

HELP-MATE

чаще библейское

SCALLYWAG

особенно британское

LADY FRIEND

часто шутовское

TRAMP

часто отрицательно-эмоциональное

Отсутствие вероятностной семы в структуре исходной языковой единицы свидетельствует о проявлении семной лакунарности, при этом сема в структуре переводного соответствия, используемая для обозначения не имеющего аналога

признака, будет относиться к разряду эндемичных или безэквивалентных, что также отражает национальную специфику семантики рассматриваемых семем (в примерах такие семы выделены жирным шрифтом, отсутствие семы – 0):

ПРИСТАВАЛА

0

КОЧЕВНИК

0

СЕЛЯНИН семема-1

0

ВАНДАЛ

уничтожает культурные / материальные ценности

0

ДЕСПОТ семема-2

0

ИНТРИГАН

занимается скрытыми действиями
неблаговидного характера

0

ПАНИКЁР

распространяет тревожные слухи,
которые могут вызвать панику

0

PEST

особенно в детском возрасте

NOMAD

в основном занимается скотоводством

RUSTIC

в основном работает на ферме

VANDAL

уничтожает культурные / материальные ценности

особенно находящиеся в общественной собственности

DESPOT

особенно о том, кто официально обладает властью

PLOTTER

занимается скрытыми действиями
неблаговидного характера

**особенно в сфере политики /
государственной власти**

SCAREMONGER

распространяет тревожные слухи,
которые могут вызвать панику

**особенно с целью получения
политического преимущества**

Как следует из перечисленных выше примеров, национальная специфика на уровне сем вероятностного типа фиксируется во всех макрокомпонентах значения, причем, наиболее часто подобные национально-различительные семы выявляются при описании таких семантических признаков, как «пол», «возраст», «местонахождение», «социальная принадлежность», «сфера / место / продолжительность / обстоятельство / условие действия», «эмоция», «социально ограниченное», «стилистически ограниченное», «темпоральность».

Наличие в семных структурах двух переводных соответствий сем, различающихся не полностью, а частично также относится к национальной специфике их семантики и при сопоставлении контрастивных пар фиксируется следующим образом (для наглядности **жирным шрифтом** отмечены только различающиеся части сем – семные конкретизаторы):

*ЗАВСЕГДАТАЙ*посещает **что-л.***МАТЬ-ОДИНОЧКА***не состояла и** не состоит в браке*ДЯДЕНЬКА-2*

к старшему по возрасту мужчине

*ПОДРОСТОК*в переходном
от детского к юношескому возрасту*ПОДРОСТОК*в переходном
от детского к юношескому возрасту*МОЛОДАЯ***0 //**вышедшая замуж
только что // **недавно***БАБУШКА* семема-1

в пожилом возрасте

*МАЛЬЧИК*в возрасте от рождения до **юношеского***МЛАДЕНЕЦ*в возрасте от рождения до **одного года***БРАТИШКА*в **малолетнем** возрасте*БОБЫЛЬ*

мужской пол

*PATRON*посещает **один и тот же ресторан / магазин / отель***UNMARRIED MOTHER*

не состоит в браке

*UNCLE*к старшему по возрасту **знакомому** мужчине*ADOLESCENT*в **младшем** переходном
от детского к юношескому возрасту*YOUTH*в **старшем** переходном
от детского к юношескому возрасту*BRIDE***выходящая замуж //**вышедшая замуж
только что // **0***NANNY*в **зрелом //** пожилом возрасте*YOUNGSTER*в возрасте от рождения до **молодого***NEONATE*в возрасте от рождения до **месяца***SIB*в **любом** возрасте*SOLITARY*мужской // **женский** пол

Наличие нескольких несовпадающих сем в структурах исходной семемы и её переводного соответствия в фоновом языке представляет собой частое явление, которое отмечается типичностью проявления у семем с векторными переводными соответствиями, употребление которых определяется контекстом.

При отсутствии семного эквивалентного переводного соответствия выбор для перевода языковой единицы на иностранный язык осуществляется из составляющих контрастивную векторную цепочку семем фонового языка с учетом входящих в их семные структуры несовпадающих или безэквивалентных сем.

Например, выбор переводного соответствия слова *цветной* производится из

предложенного набора векторных соответствий данного наименования лица в английском языке (в семном описании английских переводных соответствий выделены жирным шрифтом и представлены только дифференциальные или безэквивалентные семы):

ЦВЕТНОЙ

лицо
 мужской пол
 не принадлежит к европеоидной расе
 неодобрительное
 отрицательно-эмоциональное
 разговорно-сниженное
 общеупотребительное
 устаревающее
 общераспространенное
 малочастотное
 неполиткорректное
 презрительное

NON-WHITE

мужской // женский пол;
неоценочное
неэмоциональное
разговорное
современное
политкорректное
тонально-нейтральное

BLACKAMOOR

обладает черным цветом кожи
разговорное
устаревшее

COLOURED

мужской // женский пол
обладает темным // черным цветом кожи
разговорное

DARKIE

мужской // женский пол
обладает темным // черным цветом кожи
разговорное

Нижеследующие примеры фокусируют внимание на возможных переводах русских семем на английский язык с учетом частично несовпадающих сем в семных структурах их векторных переводных соответствий, представленных в контрастивных парах:

ГОРОЖАНИН

мужской пол

CITY-DWELLER

мужской // **женский** пол

проживает в городе

ГОРОЖАНИН

мужской пол
проживает в городе

ЖИТЕЛЬ

мужской пол

ЖИТЕЛЬ

мужской пол
проживает где-л.

ЭКСКУРСАНТ

мужской пол

ЭКСКУРСАНТ

мужской пол
участвует в экскурсии

ГРАЖДАНИН семема-1

мужской пол

ГРАЖДАНИН семема-1

мужской пол
проживает **в данном государстве /**
за пределами данного государства
официально-деловое

ГРАЖДАНИН семема-1

мужской пол
имеет **гражданство /** подданство **какого-л.**
государства

проживает в **крупном** городе

TOWN-DWELLER

мужской // **женский** пол
проживает в **некрупном** городе

DWELLER

мужской // **женский** пол

CITIZEN

мужской // **женский** пол
проживает **в каком-л. городе / стране**

EXCURSIONIST

мужской // **женский** пол

DAY TRIPPER

мужской // **женский** пол
участвует в **однодневной** экскурсии

CITIZEN

мужской // **женский** пол

NATIONAL

мужской // **женский** пол
проживает
за пределами данного государства
межстилевое

SUBJECT

мужской // **женский** пол
имеет подданство государства
с монархической формой правления

Трафаретное аспектно-структурное семное описание с последующим контрастивным сопоставлением семем двух языков предоставляет возможность сопоставить национальные особенности семантики таких наименований лиц как этнонимы, которые с развитием в лингвистике интереса к социальной обусловленности языка рассматриваются как специфические номинативные единицы, будучи употребленными в коммуникативной ситуации, выполняющие функции социального ориентирования:

АВСТРАЛИЕЦ

мужской пол

АВСТРАЛИЕЦ

AUSTRALIAN

мужской // **женский** пол

AUSSIE

мужской пол
межстилевое

АВСТРАЛИЕЦ

0

0

межстилевое
общераспространенное
политкорректное

НЕМЕЦ семема-1
мужской пол

НЕМЕЦ семема-1
мужской пол
проживает в Германии
межстилевое
политкорректное

АНГЛИЧАНИН

мужской пол
межстилевое

АНГЛИЧАНИН

мужской пол
межстилевое
частотное

АНГЛИЧАНИН

мужской пол
современное
общераспространенное

ШОТЛАНДЕЦ

ШОТЛАНДЕЦ

мужской пол

ШОТЛАНДЕЦ

межстилевое
общераспространенное
политкорректное
тонально-нейтральное

ЯПОНЕЦ

мужской // **женский** пол
разговорное

OCKER /OKKER

отличается плохим образованием
и невежливостью в общении
разговорное
австралийское/новозеландское
неполиткорректное

GERMAN

мужской // **женский** пол

OSSIE

мужской // **женский** пол
проживает в **восточных** землях Германии
разговорное
неполиткорректное

BRIT

мужской // **женский** пол
разговорное

BRITON

мужской // **женский** пол
официально-деловое
малочастотное

BRITISHER

мужской // **женский** пол
устаревающее
американское

= *SCOTSMAN*

SCOT

мужской // **женский** пол

JOCK

сленговое
британское
неполиткорректное
грубое

= *JAPANESE*

ЯПОНЕЦ

мужской пол
межстилевое
политкорректное
тонально-нейтральное

NIP

мужской // **женский** пол
разговорное
неполиткорректное
грубое

Результаты контрастивного анализа данного пласта наименований лиц позволяют выявить национальную специфику семантики этих языковых единиц и рассматривать их как вербализированную форму этнического сознания отдельного народа, отраженную в отдельных фрагментах национальной языковой картины мира:

АНГЛИЧАНИН

мужской пол
 принадлежит к народу, составляющему
основное население Великобритании

проживает в Великобритании

BRITISH ASIAN / ANGLO-ASIAN / ASIAN BRITISH

мужской // **женский** пол
 принадлежит к этнорасовой группе населения Великобритании, **чьи предки приехали из Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри Ланка, Непала**
 проживает / **вырос** в Великобритании

АНГЛИЧАНИН

мужской пол
 принадлежит к народу, составляющему
основное население Великобритании

общераспространенное

EAST ASIAN BRITISH / EAST ASIAN BRITON

мужской // **женский** пол
 принадлежит к этнорасовой группе населения Великобритании, **чьи предки приехали из Китая, Японии, Кореи, Филиппин, Малайзии, Сингапура, Тайланда, Вьетнама**
американское

АНГЛИЧАНИН

мужской пол
 принадлежит к народу, составляющему
основное население Великобритании

общераспространенное

BRITISH ORIENTAL

мужской // **женский** пол
 принадлежит к этнорасовой группе населения Великобритании, **чьи предки приехали из Китая / Японии**
британское

АНГЛИЧАНИН

мужской пол
 принадлежит к народу, составляющему
основное население Великобритании

ARAB BRITISH

мужской // **женский** пол
 принадлежит к этнорасовой группе населения Великобритании, **чьи предки приехали из стран Ближнего Востока / Северной Африки**

Использование данных, полученных при контрастивном сопоставлении на уровне сем полисемантических наименований лиц, позволяет выявить у семем, входящих в состав одной и той же исходной семантемы, наличие различных или одинаковых переводных соответствий в фоновом языке (в примерах для

сравнения приведены интегральные опорные доминирующие семы и выделенные жирным шрифтом дифференциальные или национально-специфические семы):

СОСЕД семема-1

мужской пол
живет рядом с кем-л.

СОСЕД семема-2

мужской пол
занимает ближайшее к кому-л. место

ПРОВИНЦИАЛ семема-1

мужской пол
проживает в провинции

ПРОВИНЦИАЛ семема-2

мужской пол
отличается ограниченными интересами
и узким кругозором
пренебрежительное

КЛАССИК семема-1

выдающийся общепризнанный деятель
науки или искусства
является образцом в данной области

КЛАССИК семема-2

занимается изучением
классической филологии
профессионально

КЛАССИК семема-3

придерживается взглядов классицизма

ДИЛЕТАНТ семема-1

мужской пол
занимается чем-л.
без специальной подготовки
0

ДИЛЕТАНТ семема-2

мужской пол
разбирается в чем-л.
плохо
неэмоциональное

NEIGHBOUR/ NEIGHBOR

мужской // **женский** пол
живет рядом с кем-л.

NEIGHBOUR/ NEIGHBOR

мужской // **женский** пол
занимает ближайшее к кому-л. место

PROVINCIAL

мужской // **женский** пол
проживает в провинции

PROVINCIAL

мужской // **женский** пол
отличается ограниченными интересами
и узким кругозором
тонально-нейтральное

CLASSIC

выдающийся общепризнанный деятель науки
или искусства
0

=*CLASSICIST*

занимается изучением
классической филологии
профессионально

=*CLASSICIST*

придерживается взглядов классицизма

DILETTANTE

мужской // **женский** пол
занимается чем-л.
без специальной подготовки
относится к какому-л. делу без
должной ответственности

DABBLER

мужской // **женский** пол
разбирается в чем-л.
поверхностно, непрофессионально
отрицательно-эмоциональное

тонально-нейтральное

пренебрежительное

Важными критериями выбора того или иного переводного соответствия из цепочки возможных вариантов перевода будут не только наличие совпадающих ярких ядерных сем при сопоставлении членов контрастивной пары, но и учет их семных несоответствий:

ОБЫВАТЕЛЬ семема-1

мужской пол
проживает в какой-л. местности
постоянно

ОБЫВАТЕЛЬ семема-1

мужской пол
постоянно

ОБЫВАТЕЛЬ семема-1

мужской пол
проживает **в какой-л. местности**
постоянно

ОБЫВАТЕЛЬ семема-2

мужской пол
отличается мещанскими взглядами
0
неоценочное
неэмоциональное

ОБЫВАТЕЛЬ семема-2

мужской пол
неоценочное
неэмоциональное

ЗЕМЛЯК семема-1

мужской пол
родом из одной с кем-л. **местности**
разговорное

ЗЕМЛЯК семема-1

родом из одной с кем-л. **местности**
разговорное

ЗЕМЛЯК семема-2

форма обращения

RESIDENT

мужской // **женский** пол
проживает в какой-л. местности
постоянно / **некоторый период времени**

NATIVE

мужской // **женский** пол
постоянно // **продолжительный период времени**

INHABITANT

мужской // **женский** пол
проживает в **каком-л. месте**
постоянно // **продолжительный период времени**

PHILISTINE

мужской // **женский** пол
отличается мещанскими взглядами
не любит и не понимает искусство
неодобрительное
отрицательно-эмоциональное

PETTY BOURGEOIS

мужской // **женский** пол
неодобрительное
отрицательно-эмоциональное

COMPATRIOT

мужской // **женский** пол
родом из одной с кем-л. **страны** / **имеет гражданство одной с кем-л. страны**
межстилевое

(FELLOW-) COUNTRYMAN

родом из одной с кем-л. **страны**
межстилевое

BUDDY

форма обращения

к лицу
мужского пола
знакомому / незнакомому
положительно-эмоциональное
общераспространенное
тонально-нейтральное

ЗЕМЛЯК семема-2
положительно-эмоциональное
просторечное
общераспространенное

ЗЕМЛЯК семема-2
просторечное
общераспространенное
тонально-нейтральное

к лицу
мужского пола
особенно незнакомому
неэмоциональное
американское
фамильярное

PAL
отрицательно-эмоциональное
разговорное
чаще американское

MATE
разговорное
британское
дружеское

Вышеперечисленные примеры, как и результаты контрастивного анализа на уровне микрокомпонентов значения в целом, свидетельствуют, что национально-специфические различия сем связаны в основном с их несоответствием по семным конкретизаторам. Представляя собой часть семы, семный конкретизатор уточняет количественные или качественные характеристики денотативного семантического компонента, обычно служащего для обозначения каких-либо признаков: «пол», «возраст», «местонахождение», «продолжительность / сфера / место / обстоятельство / условие действия», «социальная принадлежность» и т.п.

Аналогично денотативным семам, можно рассматривать как национально-специфические различия семантики переводных соответствий и случаи несовпадения коннотативных и / или функциональных сем по семным конкретизаторам, которые уточняют тот или иной признак:

оценочное – *одобрительное, неодобрительное;*

эмоциональное – *положительно-эмоциональное, отрицательно-эмоциональное;*

стилистически-ограниченное – *книжное, высокое, сленговое, просторечное, грубое;*

территориально-ограниченное – *британское, американское, австралийское;*

социально-ограниченное – *медицинское, морское, юридическое, музыкальное;*

темпорально-ограниченное – *устаревающее, современное, новое;*

тонально-ограниченное – *ласковое, дружеское, презрительное, грубое* и т.д.

Например:

ЛЕВАК
придерживается крайне левых
политических взглядов
неодобрительное
отрицательно-эмоциональное
пренебрежительное

LEFTIST
придерживается крайне левых
политических взглядов
неоценочное
неэмоциональное
тонально-нейтральное

СОЛДАТИК

состоит на военной службе
положительно-эмоциональное
ласковое

SOLDIER

состоит на военной службе
неэмоциональное
тонально-нейтральное

Исходя из возможности делимости семы на семный признак и семный конкретизатор, несовпадение коннотативных или функциональных, равно как и денотативных сем, рассматривается как национально-специфическое различие в семантике по *неполному семному соответствию* или по *несоответствию сем по семным конкретизаторам*.

К национально-специфичным семам относятся также безэквивалентные и эндемичные (по терминологии И.А. Стернина) семы, выявление которых свидетельствует о том, что определенный семантический признак в структуре одной из двух единиц, входящих в состав контрастивной пары, отсутствует или является уникально-неповторимым и свойственен только единственной единице сопоставления.

Например, в следующих контрастивных парах характерный семантический признак, обозначенный семой «отличается низким уровнем культуры», является безэквивалентным для исходной лексической единицы и не выявляется ни в одном из переводных соответствий в фоновом языке:

ДЕРЕВЕНЩИНА

отличается низким уровнем культуры

BUMPKIN

0

ДЕРЕВЕНЩИНА

отличается низким уровнем культуры

0

YOKEL

0

отличается странноватым внешним видом

Что касается семы «отличается странноватым внешним видом», то она относится к разряду эндемичных, так как представлена только в структуре одной английской семемы за исключением всех других, составляющих векторную цепочку переводных соответствий. Следует заметить, что эндемичность сем проявляется в тех случаях, когда существует возможность подобрать для исходной единицы языка ряд переводных соответствий в фоновом языке.

Эндемичность, равно как и безэквивалентность семантического признака в структуре одной из двух контрастивно анализируемых семем, в одинаковой степени относятся к национальной специфике их семантики и являются ярким доказательством уникальности языковой картины мира отдельного народа:

СЕЛЯНИН семема-1

занимается сельским хозяйством

COUNTRYMAN

0

СЕЛЯНИН семема-1

0

RUSTIC

в основном работает на ферме

СТАРУШОНКА**CRONE**

0

КУКЛА

бездрушная

0

МЛАДЕНЕЦ

0

РЕБЕНОК семема-1

0

ЭКСКУРСАНТ

участвует в экскурсии

0

уродливая

BIMBO

0

неумная

NURSLING / SUCKLING

которого кормят грудью

BRAT

неуправляемый

*HIKER*участвует в пешеходной экскурсии
в горах / сельской местности

В целом, учет и сопоставление всех видов национально-специфических различий и типов национально-специфических сем у членов контрастивных пар, описание которых выполнено по трафаретной аспектно-структурной модели, позволяет не только осуществить желаемый вариант перевода из возможных векторных межъязыковых соответствий исходной единицы языка, но и классифицировать их по ряду показателей как эквивалентные, близкие, приблизительные или допустимые переводные соответствия:

ЖИЛЕЦ семема-1

мужской пол

проживает в доме / квартире

платит за проживание владельцу жилья

ЖИЛЕЦ семема-1

мужской пол

проживает в доме / квартире

платит за проживание владельцу жилья

общераспространенное*ЖИЛЕЦ* семема-1

мужской пол

проживает в доме / квартире

0

платит за проживание владельцу жилья

общераспространенное*ЖИЛЕЦ* семема-1

мужской пол

проживает в доме / квартире

платит за проживание владельцу жилья

0

0

общераспространенное*TENANT*

мужской // женский пол

проживает в доме / квартире

платит за проживание владельцу жилья

LODGER

мужской // женский пол

проживает в комнате в частном доме

платит за проживание владельцу жилья

британское*ROOMER*

мужской // женский пол

проживает в частном доме

вместе с его владельцем

платит за проживание владельцу жилья

американское*BOARDER*

мужской // женский пол

проживает в частном доме

платит за проживание владельцу жилья

платит за предоставляемое питание**частично // полностью****американское**

«В качестве *близких соответствий* рассматриваются слова двух языков, имеющие значительное число общих сем в ядре, ряд общих периферийных сем и совпадающие (или имеющие незначительные различия типа межстилевое – разговорное, общераспространенное – британское, общераспространенное – американское и под.) по функциональным структурно-языковым семам. Различия при этом могут наблюдаться в нескольких неярких ядерных семах, или в ярких периферийных семах, а также, естественно, в тех и других одновременно. Близкие соответствия, несмотря на имеющиеся семантические различия, всегда легко вспоминаются человеком, знающим оба языка, и используются для взаимного перевода во многих контекстах» [Контрастивная лексикология и лексикография 2006: 44].

Как уже отмечалось ранее, значительное количество близких переводных соответствий двух языков дифференцируется только по семантическому признаку «пол», что фиксируется при контрастивном сопоставлении их семем следующим образом:

РУССКАЯ СЕМЕМА

женский пол

мужской пол

АНГЛИЙСКАЯ СЕМЕМА

мужской // женский пол

или

мужской // женский пол

Следовательно, следующие парные русские наименования лиц, обозначающие людей мужского // женского пола и различающихся между собой только по семантическому признаку «пол», всегда будут иметь одно и то же близкое переводное соответствие в английском языке, например:

японец // японка – *Japanese*, эстонец // эстонка – *Estonian*, экскурсант // экскурсантка – *excursionist*, швед // шведка – *Swede*, сибиряк // сибирячка – *Siberian*, русский // русская – *Russian*, провинциал // провинциалка – *provincial*, парижанин // парижанка – *Parisian*, островитянин // островитянка – *islander*, москвич // москвичка – *Muscovite*, африканец // африканка – *African*, предводитель // предводительница – *leader*, возлюбленный // возлюбленная – *sweetheart*, малыш // малышка – *tiddler*, двоюродный брат // двоюродная сестра – *cousin*, танцор // танцовщица – *dancer*, иностранец // иностранка – *foreigner*, работник // работница – *worker*, мороженщик // мороженщица – *ice-cream vendor*, санитар // санитарка – *orderly*, лаборант // лаборантка – *laboratory technician*, дура // дурак – *fool*, колхозник // колхозница – *collective farmer*, клиент // клиентка – *client*, собеседник // собеседница – *interlocutor*, партизан // партизанка – *partisan*, комсомолец // комсомолка – *Komsomol member*, супруг // супруга – *spouse*, преступник // преступница – *criminal*, практикант // практикантка – *trainee*, шаман // шаманка – *shaman* и т.п.

Примерами близких переводных соответствий, отвечающих приведенным выше требованиям, также могут служить следующие контрастивные пары, при описании которых различающиеся семы, относящиеся к разряду национально-специфичных, выделены жирным шрифтом:

ПРОХОЖИЙ

лицо
мужской пол
 проходит мимо
0

ОЧЕВИДЕЦ

лицо
мужской // женский пол
 наблюдал какое-л. событие, происшествие
 непосредственно
0

ЗАВСЕГДАТАЙ

лицо
мужской пол
 посещает что-л.
 часто / постоянно /обычно
межстилевое

КУРОРТНИК

лицо
мужской пол
 лечится и отдыхает
 на курорте
разговорное

СОКАМЕРНИК

лицо
мужской пол
 находится вместе с кем-л.
 в одной тюремной камере
разговорное

ХУТОРЯНИН

лицо
мужской пол
 проживает и работает на небольшом
 земельном участке (**на хуторе**)
 владеет небольшим земельным участком
 (**хутором**)
0

ПЛЕННИК семема-1

мужской пол
 находится в плену
0
высокое

PASSER-BY

лицо
мужской // женский пол
 проходит мимо
проезжает мимо

WITNESS

лицо
мужской // женский пол
 наблюдал какое-л. событие, происшествие
 непосредственно
обычно криминального характера

REGULAR

лицо
мужской // женский пол
 посещает что-л.
 часто / постоянно /обычно
разговорное

HEALTH-RESORT VISITOR

лицо
мужской // женский пол
 лечится и отдыхает
 на курорте
межстилевое

CELLMATE

лицо
мужской // женский пол
 находится вместе с кем-л.
 в одной тюремной камере
межстилевое

CROFTER

лицо
мужской // женский пол
 проживает и работает на небольшом
 земельном участке (**на маленькой ферме**)
 владеет небольшим земельным участком
 (**маленькой фермой**)
особенно в Шотландии

CAPTIVE

мужской // женский пол
 находится в плену
особенно в период военных действий
межстилевое

Различия между исходным словом и его переводными соответствиями могут

сводиться к принятой в той или иной лингвокультуре степени дифференциации одного и того же семантического признака. Так, и в русском, и в английском языке у наименований лиц тематической подгруппы, объединенных по признаку «родство», выявляется признак «родство по браку». Однако в русском языке этот признак в свою очередь дифференцируется по нескольким направлениям, что не наблюдается в английской лексике. В связи с этим возникает необходимость в семантической генерализации при переводе на английский язык и в семантической конкретизации при переводе на русский, поэтому английское *father-in-law* – это и *тесть*, и *свекор*; *mother-in-law* – и *теща*, и *свекровь* и т.п.

Так, в следующих примерах необходимость в разнонаправленных процессах семантической генерализации – семантической конкретизации будет определяться конкретной коммуникативной ситуацией, от которой будет зависеть выбор в фоновом языке близких переводных соответствий для единицы исходного языка:

ИНОСТРАНЕЦ

мужской пол

имеет гражданство / подданство другой страны / родом из другой страны / принадлежит к народу другой страны

ИНОСТРАНЕЦ

мужской пол

имеет гражданство / подданство другой страны / родом из другой страны / принадлежит к народу другой страны

0

ИНОСТРАНЕЦ

мужской пол

имеет гражданство / подданство другой страны / родом из другой страны / принадлежит к народу другой страны

0

ТУРИСТ

мужской пол

путешествует для отдыха, развлечения и удовлетворения своей любознательности

ТУРИСТ

мужской пол

занимается туризмом
путешествует для отдыха, развлечения и удовлетворения своей любознательности

0

FOREIGNER

мужской // женский пол

имеет гражданство / подданство другой страны / родом из другой страны / принадлежит к народу другой страны

NATIONAL

мужской // женский пол

имеет гражданство / подданство другой страны / родом из другой страны / принадлежит к народу другой страны

проживает в чужой стране

ALIEN

мужской // женский пол

имеет гражданство / подданство другой страны / родом из другой страны / принадлежит к народу другой страны

проживает / работает в чужой стране нелегально

TOURIST

мужской // женский пол

путешествует для отдыха, развлечения и удовлетворения своей любознательности

CAMPER

мужской // женский пол

занимается туризмом
путешествует для отдыха, развлечения и удовлетворения своей любознательности

живет в палатке

ГОРЕЦ

мужской пол
проживает в горах

MOUNTAIN-DWELLER

мужской // женский пол
проживает в горах

ГОРЕЦ

мужской пол
проживает в горах
0

HIGHLANDER

мужской // женский пол
проживает в горах
особенно на Севере Шотландии

Напомним, что при формировании контрастивных пар и подборе переводных соответствий в семантике единиц исходного и фонового языков наблюдаются и могут быть описаны и исследованы различные семантические трансформации.

Иногда побудительной причиной трансформаций служат расхождения в семантической интерпретации, которые сводятся к специфичным для каждого из языков и регулярно в них используемым способам представления мыслительного содержания, к примеру, дискретному или недискретному. В других случаях речь идет о семантических сдвигах, определяемых конкретной коммуникативной ситуацией.

В нашем случае, как уже упоминалось в контексте полисемии языковых единиц, к таким многочисленным трансформационным процессам на семном уровне относятся, в основном, следующие типы:

- гиперонимический (частное – общее),
- гипонимический (общее – частное),
- интергипонимический (замена одного частного понятия другим в пределах одного общего понятия),
- синекдохический (часть – целое, например, когда в одном из языков учреждение, организация или официальное лицо именуется по названию улицы или здания, где они находятся, а в другом – требуют прямой номинации),
- метонимический (причина – следствие, действие – результат, действие – признак, временной признак – пространственный и др.),
- метафорический (отношения сходства, аналогии),
- антонимический, а также различные комбинации этих типов семантических трансформаций.

В таких случаях приходится иметь дело с такими соответствиями, которые не всегда могут быть зафиксированы и описаны в классических двуязычных лексикографических источниках в качестве переводных.

К *приблизительным соответствиям* относятся переводные единицы двух языков, которые совпадают по основным ядерным семам, но различаются рядом периферийных, в том числе коннотативных и функциональных сем, и взаимный перевод которых возможен не во всех контекстах, например:

АВСТРАЛИЕЦ

мужской пол

ABORIGINE

мужской // женский пол

0

проживает в Австралии/родом из Австралии

принадлежит к народу, составляющему население Австралии

говорит на **варианте английского языка** / на одном из австралийских языков

ПОЛЯРНИК

мужской пол

исследует полярные страны / участвует в полярной экспедиции / зимует на полярной станции

межстилевое

неэмоциональное

тонально-нейтральное

ВЫРОДОК

мужской пол

выделяется крайне негативными качествами в своей семье / среде
неодобрительное

отрицательно-эмоциональное

бранное

уничжительное

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

первый прокладывает пути в освоении чего-либо нового

высокое

современное

общераспространенное

ГОРОЖАНИН

проживает в городе

межстилевое

современное

частотное

ЗЕМЕЛЯ

лицо

мужской пол

родом из одной с кем-н. **местности**

0

0

жаргонное

КОРЕШ

лицо

отличается темным цветом кожи

проживает в Австралии/родом из Австралии

принадлежит к народу, составляющему **коренное** население Австралии

0 /

говорит на одном из австралийских языков

BLUE NOSE

мужской // женский пол

исследует полярные страны / участвует в полярной экспедиции / зимует на полярной станции

сленговое

положительно-эмоциональное

шутливое

BLACK SHEEP

мужской // женский пол

выделяется крайне негативными качествами в своей семье / среде
неодобрительное

неэмоциональное

межстилевое

тонально-нейтральное

PATHFINDER

первый прокладывает пути в освоении чего-либо нового

межстилевое

устаревающее

особенно американское

TOWNSMAN

проживает в городе

книжное

устаревшее

малочастотное

HOMEY / HOMEBOY

лицо

мужской пол

родом из одного с кем-н. **города** / находится с кем-н. в **дружеских отношениях**

/ принадлежит к одной и той же группировке

сленговое

HOMEY / HOMEBOY

лицо

мужской пол
находится с кем-н. в дружеских отношениях
0
0
жаргонное

мужской пол
/ находится с кем-н. в дружеских отношениях
/ **принадлежит к одной и той же группировке**
/ **родом из одного с кем-н. города**
сленговое

Допустимыми соответствиями предлагается считать те, которые совпадают по архисеме, опорной доминирующей семе и различаются по коннотативным и функциональным семам. Их перевод возможен либо при отсутствии других видов переводных соответствий, либо в авторских или единичных контекстах, либо когда достаточным в силу контекстуальных условий и некоторых пояснений может оказаться перевод видового слова родовым, например:

МУЖИЧКА

лицо
женский пол
в молодом // **зрелом** возрасте
отличается грубостью
0
невежеством
0
просторечное
отрицательно-эмоциональное
общеупотребительное
обычно пренебрежительное

LADETTE

лицо
женский пол
в молодом возрасте
отличается грубостью
шумным поведением
0
употребляет много алкоголя
разговорное
неэмоциональное
молодежное
тонально-нейтральное

ФУНКЦИОНЕР

лицо
мужской пол
занимает высокий пост
в правительстве // политической партии
0
межстилевое
неоценочное
отрицательно-эмоциональное
пренебрежительное

SUIT (КОСТЮМ)

лицо
мужской пол
занимает высокий пост
в какой-л. организации // компании
отличается равнодушием
ко всем и ко всему
разговорное
часто неодобрительное
неэмоциональное
тонально-нейтральное

ЖЛОБ семема-1

лицо
мужской пол
отличается грубостью
/ **физической силой**
/ **отсутствием культуры**
/ **0**
0
отрицательно-эмоциональное
сниженное
грубое

SLOB

лицо
мужской пол
часто отличается грубостью
/ **0**
/ **0**
/ **неряшливым внешним видом**
любит безделье
неэмоциональное
разговорное
тонально-нейтральное

ЖЛОБ семема-1

лицо
 мужской пол
 отличается отсутствием культуры
 / грубостью
 / **физической силой**
 / 0
сниженное
общеупотребительное
грубое

СОЖИТЕЛЬНИЦА

лицо
 женский пол
 состоит в интимных отношениях с лицом
 мужского пола
 не состоит с ним в брачных отношениях
разговорное
общеупотребительное
тонально-нейтральное

СОЖИТЕЛЬНИЦА

лицо
 женский пол
 состоит в интимных отношениях с лицом
мужского пола
 не состоит с ним в брачных отношениях
разговорное
тонально-нейтральное

УАНОО

лицо
 мужской пол
 отличается отсутствием культуры
 / грубостью
 / 0
 / **шумным поведением**
разговорное
чаще американское
презрительное

SHAG

лицо
чаще женский пол
 состоит в интимных отношениях с лицом
 мужского пола
 не состоит с ним в брачных отношениях
сниженное
британское
грубое

FUCK

лицо
 женский / **мужской** пол
 состоит в интимных отношениях с лицом
противоположного пола
 не состоит с ним в брачных отношениях
вульгарное
тонально-недопустимое

Допустимым также можно считать перевод наименований лиц одного словообразовательного гнезда с помощью одной и той же языковой единицы фонового языка, выполняющей функцию родовой, или взаимный перевод единиц синонимического ряда исходного языка посредством единиц аналогичного синонимического ряда в фоновом языке:

дочь, доченька, дочка, дочурка, доча, доня – daughter (дочь);

дядя, дядюшка, дяденька – uncle (дядя);

брат, братишка, братик, братан, брательник, братка, братуха – bro, sib, brother (брат);

одногодки, однолетки, сверстники, ровесники – people of his/her etc own age = people of the same age as him, her etc (люди одного и того же или одинакового возраста);

балабон, балабол, болтун, балаболка, трепло, трепач, пустозвон – windbag, gasbag, twaddler, babbler, blowhard, babblemouth, loudmouth, motormouth, chatterer, chatter-box, magpie, bag of wind, bullshitter, bag of hot air, prattler, a lot of noise, ratchet jaw (много и попусту болтает).

Примеры допустимых соответствий, выявляемых при контрастивном анализе

их семантики, можно довольно часто встретить при переводе наименований лиц с пейоративным значением, которые всегда обладают усиленной отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией, независимо от контекста употребления.

Основное предназначение бранных слов – оскорбить и унижить того, к кому они обращены, также подобная лексика довольно часто употребляется в речи для придания ей экспрессивности или для выброса эмоций.

Вне зависимости от целей коммуниканта при использовании данной лексики в процессе общения в семантическом плане в структурах подобных семем одновременно вместе с гашением денотативных сем происходит смещение яркости в сторону усиливающихся коннотативных сем, которые начинают выполнять роль опорных доминирующих сем.

Денотативное содержание таких языковых единиц обычно становится менее информативным и главным образом сводится к констатации следующего: *данное лицо обладает крайне негативными характеристиками*. Неодобрительная и отрицательно-эмоциональная коннотация согласуется с подобным обобщением денотативных сем, а также с отрицательной тональностью общения (уничижительное, презрительное, пренебрежительное, грубое, бранное, тонально-недопустимое) и занимает доминирующую позицию в структуре семемы.

В связи с этим допустим перевод слов или словосочетаний, входящих в состав тематической подгруппы пейоративных наименований лиц в исходном языке, словами или словосочетаниями из такой же тематической подгруппы в фоновом языке:

дрянь, ублюдок, подлец, подлюга, подонок, выродок, ничтожество, мразь, нелюдь, негодяй, убожество, обормот, дерьмо, отбросы общества, барахло – devil, fart, fleabag, pig, plug-ugly, rat, ratbag, sleazebag, sod, skunk, muck, rotter, trash, bastard, mongrel, creep, jerk, degenerate, beast, son-of-a-bitch (SOB), dirty scum, swine, nasty wretch, crud, shit, dregs, scumbag, dumbbell.

Необходимо отметить, что поскольку деление переводных соответствий на близкие, приблизительные и допустимые основано на данных семантического анализа их качественных признаков, то четкой границы между ними не существует. Кроме того, по мнению большинства ученых, работающих в этом направлении, критерии переводимости являются относительными, так как при переводе с одного языка на другой значительное воздействие на конечный результат оказывает контекстуальный фактор, под влиянием которого происходит смещение границ между такими типами соответствий, как эквивалентные и близкие, допустимые и приблизительные.

Наглядными примерами в этом случае могут служить следующие контрастивные пары со словом *американец* семема-1 исходного языка и этнонимами, появившимися в американском и британском вариантах английского языка как отражение особых национальных исторических и социальных традиций говорящих на них народов. Данные члены контрастивных пар фонового языка служат для обозначения или наименования лиц, которые проживая в США и являясь их гражданами, в то же время

обладают конкретными признаками национальной принадлежности. При определенных условиях эти языковые единицы, синонимический ряд из которых остается открытым, могут быть использованы в качестве переводных соответствий для одной и той же семемы русского языка:

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка
общераспространенное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка
неоценочное
неэмоциональное
общераспространенное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка
неоценочное
общераспространенное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в США / родом из США /

AMERICAN

мужской // женский пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

WESTERNER

мужской // женский пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает на Западе США/ родом с Запада США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка
американское

YANKEE

мужской // женский пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в северных штатах США / родом из северных штатов США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка
неодобрительное
презрительное
на Юге США

YANK

мужской // женский пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США / проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка
неодобрительное
британское

ANGLO-AMERICAN

мужской // женский пол

принадлежит к народу, составляющему население США, чьи предки приехали в Америку из Великобритании / проживает в США / родом из США /

имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

современное частотное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

общераспространенное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

общераспространенное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США /

имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

ANGLO-SAXON

мужской // женский пол

принадлежит к этнорасовой группе белого населения в США, чьи предки приехали в Америку из Великобритании /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

историческое малочастотное

ARAB AMERICAN

мужской // женский пол

принадлежит к этнорасовой группе населения в США, чьи предки приехали в Америку из стран Северной Африки или Юго-Западной Азии /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США/ говорит на одном из вариантов английского языка

ASIAN-AMERICAN семема-1

мужской // женский пол

принадлежит к этнорасовой группе населения США, чьи предки приехали в Америку из Японии, Кореи, Вьетнама, Филиппин /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

американское

ASIAN-AMERICAN семема-2

мужской // женский пол

принадлежит к этнорасовой группе населения США, чьи предки приехали в Америку из Индии, Пакистана, Бангладеш

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

британское

AFRICAN AMERICAN

мужской // женский пол

принадлежит к этнорасовой группе негров в США, чьи предки приехали в Америку из Африки /

проживает в США / родом из США /

имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

современное

частотное

политкорректное

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

АМЕРИКАНЕЦ семема-1

мужской пол

принадлежит к народу, составляющему основное население США /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

BLACK AMERICAN

мужской // женский пол

принадлежит к этнорасовой группе негров в США, чьи предки приехали в Америку из Африки /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном

из вариантов английского языка

устаревающее

малочастотное

неполиткорректное

FRENCH AMERICAN

мужской // женский пол

принадлежит к народу, составляющему население США, чьи предки приехали в Америку из Франции /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

FRANCO-AMERICAN

мужской // женский пол

принадлежит к народу, составляющему население США, чьи предки приехали в Америку из Франции /

проживает в США / родом из США / имеет гражданство США / говорит на одном из вариантов английского языка

Данный список переводных соответствий слову *американец* далеко неполный, так как при его составлении принимались во внимание только те этнонимы, которые используются в письменной или устной речи в рамках литературной нормы, следовательно, имеющие в семной структуре пометы «межстилевое» или «разговорное».

Затрагивая тему допустимых переводных соответствий, нельзя обойти стороной такие понятия, как *безэквивалентность* и *лакунарность*, которые используются при контрастивном анализе семантики для выделения языковых единиц исходного языка, не имеющих переводных соответствий в фоновом языке (безэквивалентных единиц), и для констатации факта отсутствия единиц перевода в фоновом языке (языковых лакун).

Фиксация подобных языковых явлений служит неоспоримым доказательством национальной уникальности языковой картины мира, присущей определенному этносоциокультурному сообществу. Полученные путем контрастивного сопоставления факты национальной специфики языка

вызывают большой интерес и представляют лингвистическую ценность для всех, кто вовлечен в процесс межкультурной коммуникации.

К безэквивалентной лексике относят такие единицы исходного языка, перевод которых в фоновом языке возможен только с помощью толкований, имеющих вид развернутых и неустойчивых словосочетаний, например (семные описания русских наименований лиц даны в сокращенном виде):

однофамилец – лицо, мужской пол, носит с кем-л. одну и ту же фамилию, не состоя с данным лицом в родстве; ср. *person bearing the same family name*;

выдвиженец – лицо, мужской пол, выдвинут на ответственную работу по признаку социального происхождения; ср. *candidate for promotion*;

однолюб – лицо, мужской пол, всю жизнь любит только одну женщину; ср. *man loving only one woman all his life*;

первогодок семема-2 – лицо, мужской пол, числится на первом году военной службы / обучения; ср. *serviceman in his first year*;

киношник – лицо, мужской пол, работает в индустрии кино; ср. *person (who works) in the film industry [in the movie business, in the movies]*;

мерзляк – лицо, мужской пол, отличается большой чувствительностью к холоду; ср. *person very sensitive to cold*;

яблочник – лицо, мужской пол, состоит в партии «Яблоко»; ср. *member of the Yabloko party* и т.д.

Безэквивалентная лексика также может быть описана по трафаретной аспектно-структурной модели, например,

совок семема-2 – «person with a Soviet upbringing, person with ingrained Soviet mentality (человек советского воспитания) – Soviet philistine» [Квеселевич 2002: 867]:

лицо, мужской // женский пол, имел гражданство Советского Союза / проживал в Советском Союзе, пассивно принимал / принимает существовавший / существующий порядок вещей, приспособляется к обстоятельствам;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, частотное, неpolitкорректное, презрительное.

Общеизвестно, что «безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода» [Комиссаров, 1990: 179]. Подтверждая данное заключение, добавим при этом, что согласно результатам контрастивного исследования наименований лиц в двух языках к русской безэквивалентной лексике в основном относятся следующие подгруппы исследуемых единиц языка:

– национально-специфические топонимические наименования лиц по территориальной принадлежности: *ленинградка / нижегородец / петербуржца / волгарь / кубанец / пермяк*;

– национально-специфические формы обращения, в т.ч. и принадлежащие к т.н. коллоквиализмам: *сударыня / барышня / батенька / голубушка / красава /*

милушка / любава / ласточка / мил-человек;

– наименования лиц с доминирующим коннотативным компонентом (с суффиксами эмоционально-субъективной оценки): *внучонок / добрячок / деваха / девчушка / братишка / детинушка / девчурка / вдовушка / дочурка / дурачина;*

– наименования лиц, используемые в устной речи в профессиональном жаргоне: *федерал / бюджетник / выдвиженец / консерваторка* (студентка консерватории) / *двоечник / лёгочник / совместительница / общественник / думец / интердевичка / задолжник / сезонник;*

– наименования лиц с доминирующим характерным признаком или признаком внешнего вида из разряда разговорной и сниженной лексики: *веселуха / срамник / спесивец / вырожденец / гоготун / горюнья / замухрышка / носатиха / босячка / живчик / запойница / распустеха;*

– парасинтетические слова, образованные на основе словосложения и деривации: *второгодник / рукодельница / единомышленник / многостаночник / долгожитель / богомол / посудомойка / детдомовец / малолетка / своевольник / однокурсник* и т.п.

Ярко проявляясь на примерах безэквивалентных лексических единиц и лакун в одном языке на фоне другого, национальная специфика семантики лексики представляет собой отражение специфических понятий и национальных реалий, свойственных тому или иному народу, однако не является неустранимым барьером к общению, так как нельзя не согласиться с постулатом В. Коллера: «Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой» [Koller 1983: 152].

Следующие группы русских наименований лиц могут быть переведены на английский язык посредством развернутых словосочетаний, которые приобретают в настоящее время, благодаря широкому межкультурному общению, устойчивый характер:

– сложносокращенные неофициальные наименования лиц по должности / по профессиональной принадлежности: *автослесарь / вагоновожатый / военврач / генсек / военком / гендиректор / главбух / главврач / главком / замполит / завхоз / зампред / завуч / командарм / оперативник / сверхсрочник;*

– наименования лиц женского пола по семейному положению (в зн. чья-то жена): *агрономша / атаманиша / банкирша / бригадирша / гангстерша / дворничиха / инженерша / инспекторша;*

– субстантивированные прилагательные – имена носителей качества: *беглый / бедный / ближний / богатый / богатая / больной / военный / встречный / глухой / голодающий / голодный / городской / желающий.*

Поскольку подобная лексика все-таки имеет в фоновом языке переводные соответствия, хотя и относящиеся к разряду приблизительных, вследствие преобладания в таких контрастивных парах несовпадающих коннотативных и функциональных сем, то «в этом случае о наличии лакун говорить нельзя, налицо просто разные структурные типы языковой номинации концепта в различных языках» [Контрастивная лингвистика 2004: 46].

При этом также следует отметить проявление особенностей типологического

строю двух языков: русского языка как синтетического, а английского языка как аналитического, в соответствии с которыми модель контрастивной пары переводных соответствий принимает следующий вид:

русский язык *слово (универб)* – английский язык *устойчивое словосочетание*.

Например:

банищик – *bathhouse attendant* (служитель в бане),

баянист – *button accordion player* (исполнитель на баяне),

биологичка - (*female*) *biology teacher* (учительница биологии),

букинист – *second-hand bookseller* (продавец подержанных книг),

водник – *water transport worker* (работник водного транспорта),

дачник – (*summer*) *country cottage resident* (житель дачи),

затейник (массовик) – *game director* (руководитель играми),

командирша – *bossy woman* (женщина, ведущая себя как босс),

международник – *international affairs expert* (эксперт по международным вопросам),

мороженщик – *ice cream vendor* (продавец мороженого),

баскетболист – *basketball player* (игрок в баскетбол),

скоророход – *fast runner* (быстрый бегун),

словесник 2) *language & literature teacher* (преподаватель языка и литературы),

собачник 1) *dog owner* (владелец собаки) 2) *dog expert* (специалист по собакам),

станочница – *machine operator* (оператор машин),

рекордсмен – *record holder / record breaker* (тот, кто ставит / бьёт рекорд).

Кроме того, каждый национальный язык, представляя собой сложнейшую «разноаспектную систему систем, обеспечивающую коммуникацию во всех сферах жизни данного общества» [Попова, Стернин 2004: 38], постоянно находится под влиянием процессов эволюции и развития. Соответственно, косвенно или непосредственно изменения в глобальной системе приводят к локальным преобразованиям: при помощи всякого рода заимствований, калькирования, создания аналогов путем подыскивания ближайшей по значению переводной единицы сопоставления изменяется соотношение безэквивалентных лексических единиц и единиц, имеющих всякого вида переводные соответствия, в одном языке на фоне другого.

Неудивительно, что некогда считавшиеся безэквивалентными ряд русских наименований лиц постепенно приобретают свои английские переводные соответствия, которые получают постоянную лексикографическую «прописку» в солидных словарных изданиях, таким образом, заполняя мотивированные и немотивированные лакуны в английском языке:

аппаратчик – *apparatchik*, *большевик* – *Bolshevik*,

артельщик - *artel member*, *атаман* – *ataman*,

батюшка – *batiushka*, *отказник* – *refusenik*,

кулак – *kulak*, *лимитчик* – *limitchik*, *чекист* – *Chekist*

милиционер – *militiaman*, *мужик* – *muzhik*,

нэпман – *NEPman*, *опричник* – *oprichnik*,

сотник – *sotnik*, *декабрист* – *Decembrist*,

сталинист – *Stalinist / stalinist* и т.д.

Таким образом, можно заключить, что контрастивный анализ семантики на базе трафаретной аспектно-структурной модели семного описания значения слова или словосочетания предоставляет широкую возможность правильного «прочтения» в двух языках той или иной единицы языка, используемой для обозначения наименования отдельного лица и содержащей в своей семантике национально-специфический компонент значения, вооружая занимающуюся таким «прочтением» личность, обладающую уже некоторым набором знаний и представлений о действительности, которые носят как индивидуальный, так и коллективный характер, определенным уровнем коммуникативной компетенции.

6. Семная семасиология и лексикография. Типы семных словарей

Осуществляемые в русле семной семасиологии исследования, основанные на принципах универсальности и систематичности будут, несомненно, способствовать решению задач обучения языкам и эффективного межкультурного общения.

Теоретические исследования в области семной семасиологии и контрастивной лексикологии позволяют говорить о широких возможностях практического применения полученных результатов, к основным из которых следует отнести практику преподавания русского языка как иностранного, английского языка, одноязычную лексикографию, двуязычную контрастивную лексикографию, межкультурную коммуникацию.

Важнейшей прикладной задачей семной семасиологии нам видится создание семных словарей разных языков на базе унифицированного семного метаязыка.

Проблема метаязыка лексикографического семного описания имеет первостепенное значение для прикладной лексикографии.

Критериями метаязыка семного описания должны служить, прежде всего, простота и доступность рядовому носителю языка, что достигается в семной семасиологии разложением многообразного по составу компонентов и связей между ними значения на «элементарные частицы», которые унифицированы на естественном метаязыке и понятны не только лингвистам, а тем, кто изучает язык в качестве иностранного.

Нельзя не согласиться с А. Вежбицкой: «чтобы объяснять сложные значения понятным образом, ... не надо употреблять никакого технического, научного языка, а просто самый понятный человеческий язык... Нужно употреблять слова, которые универсальны, то есть те, которые имеют эквиваленты в любом языке, так, чтобы наши толкования и объяснения могли быть легко перенесены на другие языки и чтобы они могли быть понятны людям любой страны, любого общества и национальности» [Вежбицкая 2002: 10].

Как справедливо подчеркивает Ю.Н. Караулов, «семантические компоненты,

их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя языка, так как в противном случае утрачивается сама цель данного описания, ориентированного, прежде всего, на человека – носителя языка и пользователя языком» [Караулов 1988: 10].

Соответственно системное или общеязыковое значение, которое хотя и представляет собой «искусственный конструкт..., логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова» [Стернин 2010: 58], тем не менее, должно быть зафиксировано в словаре посредством унифицированного языка семного описания, основанном на естественном языке.

Результаты описания структуры значения слова на уровне сем служат весомым научным доказательством национальной специфичности членения одних и тех же фрагментов мира в разных языках, способствуют проведению «систематической лексикографической разработки лексики с социокультурным потенциалом» [Вежбицкая 2002: 10], тем самым, закладывая основы для успешного диалога представителей тех или иных лингвокультур.

Современная семная семасиология уходит своими корнями в ряд лингвистических и смежных с ними дисциплин, базовой из которых является именно лексикография, чьи практические потребности постоянно ставили теоретическую семантику перед необходимостью «создать аппарат для исчерпывающего и неизбыточного толкования лексических значений, характеристики лексической и синтаксической сочетаемости слов, описания их семантических связей с другими словами и т.п.» [Апресян 1995: 45].

В целом для лингвистики XX века характерно встречное развитие семантики и лексикографии, отразившееся в работах таких известных языковедов как Л.В. Щерба, Ш. Балли, Э. Сэпир, К. Эрдман, Дж. Фирт, В.В.Виноградов, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, А.К. Жолковский, И.А.Мельчук, Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия, С.А. Кузнецов и мн.др.

Толкование слова и лексикографическая фиксация всегда осуществляются лексикографом на базе понятий и принципов современной теоретической лингвистики, которая дает необходимую методику и категориальный аппарат описания семантики слова.

Многие лингвисты мечтают об идеальном научном толковом словаре, который в точности мог бы отразить все единицы языка в их многоаспектном разнообразии и со всеми их многочисленными свойствами, однако такой мечте, скорее всего, не суждено воплотиться в действительность. Появляющиеся в последнее время комплексные словари различных типов, вероятно, могут способствовать интегрированию подобных лексикографических проблем, но и их возможности не безграничны.

На наш взгляд, практически невозможно реализовать словарный проект, который удовлетворял бы всем критериям всех адресатов, ибо совершенно очевидно, что «лексикографическое комплексное описание, рассчитанное на всех, не будет нужно никому» [Дубичинский 2009: 54].

Под семантизацией заголовочной единицы, которую также определяют как толкование, дефиниция или переводное соответствие в словарной статье,

обычно понимается «во-первых, устранение неопределенности относительно значения слова, во-вторых, результат этой процедуры, т.е. текст, устраняющий указанную неопределенность» [Морковкин 1986: 109]. Названный элемент словарной статьи, рассматриваемой в качестве микроструктуры словаря, которая осуществляет презентацию различного рода информации о языковой единице, является одной из основных, хотя и не единственной её составляющей и во многом определяется назначением словарного издания. Последнее, в свою очередь, классифицируется в целом по факторам двоякого рода: по характеру отражаемого лексического материала и по практическому назначению [Кузнецова 1989: 3].

Многие ученые, исходя из опыта собственной лексикографической практики, констатируют, что проблема толкования – одна из важнейших и труднейших в лингвистике. Ю.Д. Апресян отмечает, что «вопрос о языке толкований, или семантическом языке, обсуждается последние 30-40 лет во всех развитых лексикографиях мира» [Апресян 1995: 27].

Основные трудности обусловлены парадоксами словарной статьи, о которых говорит Н.Ю. Шведова и которые, по её мнению, связаны, с одной стороны, со всеохватностью задачи описания лексической системы и миниатюрностью и сжатостью жанра, а с другой стороны, они обусловлены «классоцентризмом» языка и «лексоцентризмом» слова в словарной статье, а также «всеобщей связанностью всех константных свойств в слове и их искусственным разъятием в словарной статье» [Шведова 1988: 9].

Принимая во внимание такие «парадоксы», авторы концепции «Русского семантического словаря» (РСС) под руководством Н.Ю. Шведовой, например, сделали попытку представить лексику русского языка «в виде разветвленного дерева с ветвями, расходящимися от вершины к основанию» или «в виде естественной многоуровневой системы», включающей в себя:

- 1) часть речи – «макрокласс»,
например, «слова, именующие все живое: человек, животное, растения и другие растительные организмы»;
- 2) лексический класс,
например, «названия, общие для всех живых организмов или для нескольких их классов»;
- 3) лексические множества и подмножества,
например, «собственно организмы»;
- 4) лексико-семантический ряд,
например, «общие обозначения»,
к которому относятся следующие слова или их отдельные значения (количество слов дается в сокращении):
ИНДИВ'ИД, -а, м. 1. То же, что индивидуум (спец.).
ИНДИВ'ИДУУМ, -а, м. 1. Отдельный неделимый организм, особь (спец.).
МИКР'ОБ, -а, м. То же, что микроорганизм.

МИКРООРГАН'ИЗМ, -а, м. Мельчайший, преимущественно одноклеточный животный, растительный или грибковый организм, различимый лишь в микроскоп.

'ОСОБЬ, -и, ж. (книжн.). Самостоятельно существующий организм, индивидуум.

Возможно, построенный таким образом словарь имеет некоторое практическое значение для лингвистов, так как, по словам его составителей, «содержит материал для разнообразных обобщающих лексикологических исследований и сопоставлений, которые не могут быть осуществлены при выборочном описании отдельных лексических групп или синонимических рядов» [РСС 1998 Том I, Предисловие].

Однако, как видно из приведенных выше примеров, для семного описания слов и словосочетаний словарь такого типа малоинформативен, а значит он малоинформативен и для носителя языка. Многозначные слова не представлены в нем во всей совокупности их значений, поскольку «отдельные словозначения в соответствии с задачами словаря расходятся здесь по разным лексико-семантическим множествам». В нем также «не следует искать дифференцированных стилистических характеристик слова или сведений об его употреблении в образной или индивидуальной речи; система стилистических помет здесь совпадает с той, которая принята в однотомном «Толковом словаре русского языка» 1949-1998 гг.» [там же].

Тем не менее, работа не с алфавитным списком слов при их описании, а с определенными их группировками видится более перспективной, так как в перспективе позволит избежать разнобоя в подаче семантически сходных языковых единиц в словаре.

Как уже не раз указывалось, наиболее эффективный путь семного описания значения – использование естественного унифицированного метаязыка описания сем, образующих значение того или иного слова.

Однако приходится с сожалением констатировать, что в традиционных и современных толковых словарях составителями до сих пор практически не используется семный анализ, т.е. значения описываются без использования термина *сема* и не дифференцируются друг от друга в терминах семных различий. Установившийся в прошлом веке порядок лексикографической фиксации значения слов и словосочетаний нуждается в корректировке с учетом семного и семемного видов анализа. Думается, что назрела необходимость в последовательном семном описании структуры значения с использованием специально разработанного для этих целей метаязыка.

Можно, таким образом, говорить о возможности разработки семного одноязычного толкового словаря, в котором была бы представлена семная структура значения слова по трафаретной аспектной модели, общей для слов больших лексико-фразеологических разрядов. При создании такого словаря используется унифицированный метаязык семного описания.

6.1. Одноязычные семные словари наименований лиц

СЕМНЫЙ ТОЛКОВЫЙ словарь

Толкования наименований лиц, составленные на основе их семного описания, в рамках предложенной нами трафаретной модели аспектного семного описания могут быть для лексикографических целей представлены следующим образом:

СЕМНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

ЗАЧИНЩИК

Лицо, мужского пола, подстрекает начать / начинает что-н., обычно неблагоприятное; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

МОЛЧУН

Лицо, мужского пола, молчаливый и неразговорчивый; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

БАБА

1. Лицо женского пола, обычно молодого или зрелого возраста; неоценочное, неэмоциональное // отрицательно-эмоциональное; просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, часто пренебрежительное или фамильярное.
2. Лицо женского пола, состоит в браке с лицом мужского пола, обычно проживает в деревне, часто малообразованная; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, малочастотное, неполиткорректное, тонально-нейтральное.
3. Лицо женского пола, состоит в браке или находится в интимных отношениях с лицом мужского пола; неоценочное, неэмоциональное; просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, фамильярное.
4. Лицо женского пола, имеет внуков, приходится матерью отцу или матери по отношению к их детям – её внукам; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, в семейном общении в разговоре с детьми, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.
5. Лицо мужского пола, отличается робостью, нерешительностью;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, презрительное.

6. Форма обращения или упоминания о лице женского пола, обычно матери одного из родителей по отношению к их детям – её внукам, часто употребляется с именем собственным;

неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, в семейном общении в разговоре с детьми, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

7. Форма обращения или упоминания о лице женского пола, обычно пожилого или старого возраста, часто употребляется с именем собственным;

неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, в разговоре с детьми, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

БАБА-СКВЕРНАВКА

1. Лицо женского пола, отличается крайне негативными качествами;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
просторечное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, редкое, неполиткорректное, часто презрительное или бранное.

2. Лицо женского пола, отличается непристойным поведением;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное или презрительное;
просторечное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, редкое, неполиткорректное, часто презрительное или бранное.

3. Лицо мужского или женского пола, отличается нерешительностью, ненадежностью;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
просторечное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, редкое, неполиткорректное, часто презрительное или бранное.

БАБА-ЯГА

Лицо женского пола, отличается безобразной внешностью или злым и сварливым характером;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, грубое или презрительное.

БАБЕНКА

Лицо женского пола молодого возраста, обычно бойкая;

неоценочное, неоценочное или положительно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, часто шутовское или фамильярное.

БАБКА

1. Лицо женского пола, имеет внуков, приходится матерью отцу или матери по отношению к их детям – её внукам;

неоценочное, неэмоциональное или отрицательно-эмоциональное;
сниженное, в семейном общении, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, фамильярное или пренебрежительное.

2. Лицо женского пола пожилого или старого возраста;
неоценочное, неэмоциональное или неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
неполиткорректное, фамильярное или пренебрежительное.

3. Лицо женского пола, лечит народными средствами или оказывает помощь заговорами;
неоценочное, неэмоциональное;
просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
неполиткорректное, тонально-нейтральное.

БАБНИК

Лицо мужского пола, любит ухаживать за женщинами;
неоценочное, неэмоциональное или неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
неполиткорректное, часто пренебрежительное.

СТАРИЧОК-БОРОВИЧОК

Лицо, мужского пола, пожилого возраста, крепкого телосложения, невысокого роста;
одобрительное, положительно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, малочастотное,
политкорректное, ласкательное;

БОЖЬЯ КОРОВКА

Лицо мужского или женского пола, отличается тихим и безобидным нравом, не может
постоять за себя;
неоценочное, неэмоциональное // неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, ироничное // пренебрежительное.

СЕМНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

FIREBRAND

Лицо, мужского или женского пола, подстрекает начать / начинает что-н., обычно что-л.
радикальное, часто против правительства;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

INSTIGATOR

Лицо, мужского или женского пола, подстрекает начать / начинает что-н., обычно
неблаговидное;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

MAN OF FEW WORDS

Лицо, мужского пола, отличается молчаливостью и неразговорчивостью;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

TACITURN MAN

Лицо, мужского пола, отличается молчаливостью и неразговорчивостью;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

UNCLE

Лицо, мужского пола, по отношению к детям своего брата или сестры, состоит в браке с
тетей;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

WIDOWER

Лицо, мужского пола, зрелого возраста, не вступившее в другой брак после смерти жены;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное.

Семный толковый словарь адресован рядовым носителям языка.

6.2. Двухязычные контрастивные семные словари наименований лиц

Можно также говорить о возможности создания двухязычных семных словарей.

Метаязыковую унификацию описания значения на базе семного описания последнего следует рассматривать в качестве основополагающего лексикографического принципа, применение которого возможно как в рамках одного языка, так, при условии межъязыковой унификации, и при описании семантики переводных соответствий двух языков. В связи с переводной двухязычной лексикографией добавим, что её основным назначением является описание языковых единиц одного языка в сопоставлении с их переводными соответствиями в другом языке.

Полагаем, что для двухязычной лексикографии необходимы, прежде всего, контрастивные исследования, которые позволяют на основе дифференциации семантики межъязыковых переводных соответствий выявить национальную специфику их семантики на семном уровне, которая в основном по данным нашего исследования проявляется в виде безэквивалентности семы или семной лакунарности, а также в отличии семы в семной структуре исходной единицы языка по типу, статусу или структуре (чаще по семному конкретизатору) от параллельно сопоставляемой семы в структуре переводного соответствия.

Немаловажен при этом принцип системности, который следует определить как один из основных для контрастивного исследования, и который предполагает, прежде всего, иерархическую упорядоченность выбора

параметров сопоставления. Он не только побуждает к полноте сопоставления языковых фактов, но и указывает пути наиболее оптимального поиска значимых отличий на однопорядковых языковых уровнях. «Благодаря этому принципу становится возможным отвлечься от таких различий в форме и семантике сопоставляемых слов, которые являются малосущественными. Или... отыскать те или иные различия, могущие оказаться существенными в заданной системе координат сопоставления» [Манакин 1994: 145].

По мнению ряда ученых «поиск варианта, значение которого распадалось бы на те же семы, что и значение переводимого элемента высказывания, обречен на неудачу. Такая задача невыполнима, так как она равносильна попытке восстановления значений, являющихся принадлежностью системы исходного языка, в языке перевода, а языковые значения, как справедливо отмечает Э. Косериу, непередаваемы» [Швейцер 1988: 115]. Однако пессимистической вывод известного переводчика для семной семасиологии оказывается не столь однозначным.

Данные семной семасиологии однозначно подтверждают тот факт, что слова разных языков обладают приблизительно одинаковым семантическим объемом, но часто по-разному «регистрируют» его в своих языковых системах. Как, в частности, отмечает А.В. Морозов: «То, что в одном языке остается на уровне потенции, в другом может закрепиться в семантической структуре слова, и наоборот» [Морозов 2002: 59]. Поскольку контрастивная лингвистика и лексикография ориентирована «на такое сопоставительное описание и представление материала двух языков, которое позволило бы преподавателю эффективно научить правильному использованию языковых единиц одного языка носителей другого языка» [Контрастивная лексикология и лексикография 2006: 5], то контрастивные исследования семантики лексики и фразеологии востребованы как теоретиками, так и практиками языкознания.

Выявленные на основе данных дефиниционного и контекстуального анализа и полученные при контрастивном сопоставлении лексических и фразеологических наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке национально-специфические особенности их семантики на уровнях макро- и микрокомпонентов значения, представляют собой обширный и достоверный информативный материал для контрастивной лексикологии и лексикографии.

Лексикологические исследования контрастивного характера в настоящее время находят свое прикладное применение в разработке идеи контрастивных словарей разного типа (Контрастивная лексикология и лексикография 2006; Чубур 2009; Маклакова 2009, Зими́на 2011;), в числе которых – контрастивный семный словарь, контрастивный толково-переводной словарь, контрастивный дифференциальный словарь, все из которых различаются материалом, способами подачи лексического и контрастивного материала, полнотой описания значения, адресованностью разным типам пользователей.

В основе создания контрастивных словарей лежит «дифференциальная семантизация» членов контрастивных пар [Контрастивная лексикология и лексикография 2006: 53-54] или параллельное описание единицы исходного

языка и её переводного соответствия в фоновом языке, включающее исключительно оппозиции несовпадающих или безэквивалентных сем, которые используются для фиксации национально-специфических компонентов значения, например:

ДРУЖКА – GROOMSMAN

приглашается женихом для участия в свадебном обряде в качестве распорядителя	приглашается женихом для участия в свадебном обряде в качестве исполнителя определенных ритуалов
разговорное	межстилевое
общераспространенное	американское

ДРУЖКА – BEST MAN

приглашается женихом для участия в свадебном обряде в качестве распорядителя	приглашается женихом для участия в свадебном обряде в качестве исполнителя определенных ритуалов
разговорное	межстилевое
общераспространенное	британское

ЛИХАЧ семема-1 – DAREDEVIL

мужской пол	мужской // женский пол
0	склонен к рискованным поступкам для подтверждения своей смелости
разговорное	межстилевое

ЛИХАЧ семема-2 – ROAD HOG

мужской пол	мужской // женский пол
ради удачества	0

ГУЛЯКА семема-1 – STROLLER

любит совершать прогулки	совершает прогулку
разговорное	межстилевое

ГУЛЯКА семема-1 – WALKER

0	для удовольствия / в оздоровительных целях
0	на большие расстояния
разговорное	межстилевое

ГУЛЯКА семема-1 – HIKER

0	в горах / в сельской местности
0	для удовольствия / в оздоровительных целях

и т.д.

Результаты дифференциальной семантизации лексики, обращенные в словарную форму, представляют собой *дифференциальное толкование слова* и представляют собой основу для семной дифференциальной словарной статьи, обладающей необходимыми признаками словарной дефиниции.

Ниже представлены примеры словарных статей трех основных типов контрастивных словарей. Такие словари нового типа находятся в стадии разработки и частично представлены в отдельных монографиях (Контрастивная лексикология и лексикография 2006; Маклакова 2009; Чубур 2009; Зимина 2011), но завершено контрастивного семного дифференциального толкового словаря пока не создано; нами ведется работа по созданию первого такого словаря на материале русских и английских наименований лиц.

КОНТРАСТИВНЫЙ СЕМНЫЙ ТОЛКОВО-ПЕРЕВОДНОЙ словарь

(образцы русских и английских словарных статей)

Контрастивный семный толково-переводной словарь объемён по содержанию, поскольку семная структура каждого значения исходного языка дается отдельным описанием в сопоставлении с семной структурой каждого его переводного соответствия.

При работе со словарем необходимо принимать во внимание следующее.

Каждая семантема исходного языка (например, русского) со всеми семемами и их переводными соответствиями (в нашем случае – английскими) расположена в алфавитном порядке.

Несовпадающие семы выделяются **жирным шрифтом**, чтобы читатель сразу зафиксировал имеющиеся семные несоответствия.

При отсутствии семы в одном из языков сопоставления ставится знак **0**, что означает, что сема эндемична или безэквивалентна.

Если слово русского языка однозначно и имеет лексический эквивалент, то в словаре между ними ставится знак равенства. В этом случае семное описание может быть приведено либо только для слова исходного языка, либо для каждого члена контрастивной пары.

Если слово исходного языка имеет в языке сопоставления векторные соответствия, его семное описание дублируется столько раз, сколько соответствий оно имеет в языке сопоставления.

Если слово исходного языка многозначно, каждое из его значений приводится с переводными единицами языка сопоставления.

Семный словарь достаточно сложен в составлении, требует проведения полного семного анализа исследуемых слов и их переводных соответствий, но при этом он дает исключительно полную и ценную информацию о переводных соответствиях, наглядно демонстрируя на семном уровне национальную специфику семантики лексики двух сопоставляемых языков, например:

ПАССАЖИР = PASSENGER

лицо	лицо
мужской // женский пол	мужской // женский пол
совершает поездку на одном из видов транспорта	совершает поездку на одном из видов транспорта
не управляет средством передвижения и не работает на нем	не управляет средством передвижения и не работает на нем
неоценочное	неоценочное
неэмоциональное	неэмоциональное
межстилевое	межстилевое
общеупотребительное	общеупотребительное
современное	современное
общераспространенное	общераспространенное
частотное	частотное
политкорректное	политкорректное
тонально-нейтральное	тонально-нейтральное

ОТЕЦ-1 = FATHER

лицо
 мужской пол
 имеет или имел детей
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

ОТЕЦ-1 – PARENT

лицо	лицо
мужской пол	мужской // женский пол
имеет или имел детей	имеет или имел детей
неоценочное	неоценочное
неэмоциональное	неэмоциональное
межстилевое	межстилевое
общеупотребительное	общеупотребительное
современное	современное
общераспространенное	общераспространенное
частотное	частотное
политкорректное	политкорректное
тонально-нейтральное	тонально-нейтральное

ОТЕЦ-1 – DAD

лицо
 мужской пол
 имеет или имел детей
 неоценочное
 неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

лицо
 мужской пол
 имеет или имел детей
 неоценочное
 неэмоциональное
разговорное
в семейном общении
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

ОТЕЦ-1 – DADDY

лицо
 мужской пол
 имеет или имел детей
 неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
тонально-нейтральное

лицо
 мужской пол
 имеет или имел детей
 неоценочное
положительно-эмоциональное
разговорное
в речи детей
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
ласкательное

ОТЕЦ-1 – PAPA / POPPE

лицо
 мужской пол
 имеет или имел детей
 неоценочное
 неэмоциональное
межстилевое
общеупотребительное
 современное
общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

лицо
 мужской пол
 имеет или имел детей
 неоценочное
 неэмоциональное
разговорное
в речи маленьких детей
 современное
южно-американское
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

ОТЕЦ-2 = FATHER

лицо
 мужской пол
 родоначальник /основоположник чего-л.
 одобрительное
 положительно-эмоциональное
 высокое
 общеупотребительное

современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

ОТЕЦ-3 – FATHER

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
состоит в религиозном братстве
обычно перед именем или званием
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 вежливое

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
исполняет обязанности священника
обычно перед именем и с прописной буквы
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 вежливое

ОТЕЦ-3 – BROTHER

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
 состоит в религиозном братстве
обычно перед именем или званием
 неоценочное
почтительное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 вежливое

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
 состоит в религиозном братстве
обычно перед именем
 неоценочное
неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 вежливое

ОТЕЦ-4 – FATHER

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
 детей к родному отцу
жены к мужу
0
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 в семейном общении

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
 детей к родному отцу
0
к отцу мужа или жены
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 в семейном общении

современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

современное
 общераспространенное
 частотное
 политкорректное
 тонально-нейтральное

ОТЕЦ-4 – OLD MAN

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
 детей к родному отцу
 жены к мужу
 неоценочное
 неэмоциональное
межстилевое
 в семейном общении
 современное
 общераспространенное
 частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
 детей к родному отцу
 жены к мужу
 неоценочное
 неэмоциональное
сленговое
 в семейном общении
 современное
 общераспространенное
 частотное
неполиткорректное
фамильярное

ОТЕЦ-4 – GRAND-DAD

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
зрелого или пожилого возраста
 не состоящему с ним / ней в родстве
 неоценочное
 неэмоциональное
разговорное
 в семейном общении
 современное
 общераспространенное
 частотное
неполиткорректное
фамильярное

форма упоминания или обращения
 к лицу
 мужского пола
пожилого или старого возраста
 не состоящему с ним / ней в родстве
 неоценочное
 неэмоциональное
разговорное
 в семейном общении
 современное
 общераспространенное
 частотное
политкорректное
вежливое

ГОЛУБАЯ КРОВЬ = BLUE BLOOD

лицо // совокупность лиц
 мужской // женский пол
 имеет дворянское происхождение
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное

лицо // совокупность лиц
 мужской // женский пол
 имеет дворянское происхождение
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общеупотребительное
 современное
 общераспространенное

частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

*СЕДЬМАЯ ВОДА НА КИСЕЛЕ – COUSIN SEVEN TIMES REMOVED /
SCOTCH COUSIN*

лицо // совокупность лиц
мужской // женский пол
состоит в дальнем родстве с кем-л.
неоценочное
неэмоциональное
разговорное
общепотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

лицо // совокупность лиц
мужской // женский пол
состоит в дальнем родстве с кем-л.
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общепотребительное
современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

РАННЯЯ ПТАШКА = EARLY BIRD

Лицо, мужской // женский пол, рано принимается за работу, отличается удачливостью; одобрительное, положительно-эмоциональное; межстилевое, общепотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

СТОЛП ОБЩЕСТВА = PILLAR OF THE SOCIETY

Лицо, мужской // женский пол, чьи заслуги в какой-либо общественной деятельности высоко оцениваются окружающими; одобрительное, неэмоциональное; высокое, общепотребительное, устаревающее, общераспространенное, малочастотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

СИНИЙ ЧУЛОК = BLUE STOCKING

Лицо, женский пол, лишена женственности, всецело поглощена научными интересами; неодобрительное, отрицательно-эмоциональное; межстилевое, общепотребительное, современное, общераспространенное, частотное, непolitкорректное, ироничное.

ВОСХОДЯЩЕЕ СВЕТИЛО = RISING STAR

Лицо, мужской // женский пол, начинает приобретать славу, известность в какой-либо сфере деятельности; одобрительное, положительно-эмоциональное; межстилевое, общепотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, восторженное.

переводчикам обоих сопоставляемых языков и лицам, углубленно изучающим оба языка, поскольку он дает возможность наглядно представить семную структуру значения переводных соответствий двух языков, а также содержит информацию о национально-специфических особенностях их семантики.

КОНТРАСТИВНЫЙ СЕМНЫЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ словарь

Контрастивный семный дифференциальный словарь имеет следующую организационную структуру. В нем слово исходного языка дается в форме толкования, включающего результаты полного компонентного анализа его семантики. Толкование же переводных соответствий содержит только национально-специфические (дифференцирующие) семы. Например:

БОБЫЛЬ

Лицо, мужской пол, зрелого возраста, одинокое, бессемейное; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, малочастотное, неполиткорректное, тонально-нейтральное.

solitary мужской или женский пол, книжное, употребительное;

lonely man межстилевое, употребительное; отсутствует: **бессемейный**;

single man межстилевое, употребительное; отсутствует: **одинокий**;

singleton мужской или женский пол, любого возраста.

ГРАЖДАНИН

1. Лицо, мужской пол, имеет гражданство // подданство какого-л. государства, проживает в данном государстве / за его пределами;

неоценочное, неэмоциональное;

официально-деловое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное;

citizen мужской // женский пол;

national мужской // женский пол, проживает за пределами данного государства, межстилевое;

subject мужской // женский пол, имеет подданство государства с монархической формой правления;

2. Форма официального обращения, к лицу, мужского пола, в России;

неоценочное, неэмоциональное;

официально-деловое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное;

безэквивалентное.

ЗАВСЕГДАТАЙ

Лицо, мужской пол, посещает что-л. часто / постоянно /обычно;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное,

политкорректное, тонально-нейтральное;

regular мужской // женский пол; разговорное;

barfly мужской // женский пол, посещает бары, проводит много времени в барах; разговорное, американское;

habitué мужской // женский пол, посещает какое-л. место / мероприятие; официально-деловое;

attender мужской // женский пол, посещает встречи / занятия, постоянно;

patron мужской // женский пол, пользуется услугами одного и того же ресторана, магазина, отеля; официально-деловое.

СЕЛЯНИН

1. Лицо, мужской пол, проживает в сельской местности, занимается сельским хозяйством; неценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное;

peasant мужской // женский пол, в некоторых странах Европы и Азии; отсутствует: простого происхождения, владеет небольшим участком земли / работает по найму;

rustic мужской // женский пол, книжное; отсутствует: в основном работает на ферме;

countryman британское; отсутствует: занимается сельским хозяйством;

2. Лицо, мужской пол, проживает / проживал с кем-л., в одном и том же селе;

неценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное;

fellow-villager мужской // женский пол, в одном и том же поселке / небольшом городке.

ЦВЕТНОЙ

Лицо, мужской пол, не принадлежит к европеоидной расе;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорно-сниженное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, малочастотное, непolitкорректное, презрительное;

non-white мужской // женский пол; неценочное, неэмоциональное; разговорное, современное, политкорректное, тонально-нейтральное;

person of color мужской // женский пол, принадлежит к народам, исторически проживавшим в Африке, Азии, на островах Тихого океана, в Америке; официально-деловое, современное, американское, политкорректное, тонально-нейтральное;

blackamoor обладает черным цветом кожи; разговорное, устаревшее;

coloured мужской // женский пол, обладает темным // черным цветом кожи; разговорное;

darkie мужской // женский пол, обладает темным // черным цветом кожи; разговорное.

ЭКСКУРСАНТ

Лицо, мужской пол, участвует в экскурсии, для удовольствия или с познавательной целью;

неценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

excursionist мужской // женский пол;

day tripper мужской // женский пол, в однодневной экскурсии; британское;
hiker мужской // женский пол, в пешеходной экскурсии, в оздоровительных целях;
 отсутствует: в горах // в сельской местности.

Таким образом, семная семасиология позволяет уточнить принципы описания содержания лексических и фразеологических единиц, повысить их точность и обеспечить сопоставимость семантических описаний в разных языках.

Нами подготовлен контрастивный русско-английский семный словарь наименований лиц в электронной форме, поскольку бумажная версия данного словаря имеет очень большой объем из-за значительного объема каждой словарной статьи, приводимой в виде параллельных таблиц с размещением каждой семы на отдельной строке, и издание словаря в бумажном варианте просто не имеет смысла. Так, наименования лиц только на буквы А и Б с их английскими переводными соответствиями занимают 215 страниц. В электронном же варианте подобный словарь вполне реален и сейчас работа над ним нами завершается.

Выводы

Практика семного описания значений языковых единиц, составляющих темгруппу «Наименования лиц» в русском языке и их переводных соответствий в английском языке – значительного по своему объему и разнообразию лексического и фразеологического материала, – позволяет верифицировать изложенные в Главе I принципы и приемы семного описания значения слова.

Исследование, выполненное в русле семной семасиологии, показывает, что описание семантемы слова или словосочетания из данной темгруппы может быть осуществлено вне зависимости от способа или типа номинации, характерных для тех или иных единиц лексики и фразеологии, и представлено как исчисление набора семем, каждая из которых является совокупностью семантических макро- и микрокомпонентов.

В этой связи, целесообразным видится применение *аспектно-структурного подхода с трафаретной моделью* семного описания значения, которая разработана на базе типологии сем, представленной в исследовании.

Под трафаретной моделью понимается модель-трафарет, в соответствии с которой в семной структуре каждой отдельной описываемой семемы выявляются и лексикографически фиксируются все предусмотренные этим трафаретом типы сем в установленном данной моделью порядке в опоре на унифицированный метаязык семного описания, разработанный для данного семантического разряда лексики.

Модель для семного описания значений исследуемых языковых единиц в структурированном виде имеет следующую форму:

семный состав денотативного аспекта: *архисема, полоразличительная сема, доминирующая опорная дифференциальная сема, другие яркие дифференциальные семы, слабые (периферийные) дифференциальные семы;*

семный состав коннотативного аспекта: *оценочная сема, эмоциональная сема;*

семный состав функционального аспекта: *стилистическая сема, социальная сема, темпоральная сема, территориальная сема, частотная сема, институционально-нормативная сема, коммуникативно-тональная сема.*

Применение модели трафаретного описания на уровне семантических признаков в составе значения слова позволяет унифицировать метаязык их описания с учетом принципа неединственности описания значения языковой единицы.

В данном исследовании эта проблема решается на уровне сем, которые, как известно, дискретны по своей структуре, и заключается в обобщении имеющихся метаязыковых вариантов обозначения, выявленных в исследуемом семном материале, с использованием трафаретной модели.

В результате обобщения отдельная *унифицированная сема*, служащая в качестве основы для описания того или иного семантического признака, фиксируется как микрокомпонент значения, в состав которого входят *единообразно сформулированный семантический признак и обобщенно описанный семный конкретизатор, конкретно наполняемый в описываемой лексической или фразеологической единице.*

Унифицированные семы с *индивидуальными семными конкретизаторами*, конкретно наполняемыми в описываемых лексических или фразеологических единицах, применяются при описании открытых семантических признаков с практически неограниченным количеством семных конкретизаторов.

Закрытые семантические признаки, признаки с ограниченным учтенным количеством семных конкретизаторов описываются сформулированными на метаязыке описания готовыми унифицированными семами с *групповыми семными конкретизаторами*, которые интегрируют языковые единицы в одну семантическую группу, однако не дифференцируют их внутри этой группы.

Для последовательного применения данной трафаретной модели в работе предложен специально разработанный алгоритм (Глава I), который был апробирован в процессе семного описания языковых единиц исследуемой темгруппы.

Таким образом, более 7,5 тысяч лексических и фразеологических наименований лиц (около 20 тыс. значений), в семантике которых выявлено 35 семантических признаков, могут быть описаны с использованием унифицированного метаязыка семного описания, который включает 69 унифицированных сем с конкретно-наполненными групповыми семными конкретизаторами и 138 унифицированных сем с единообразно сформулированным семантическим признаком и обобщенным семным конкретизатором, который конкретно наполняется в конкретной единице языка, т.е. конкретизируется индивидуальными семными конкретизаторами (в т.ч. контекстуальная оценка, контекстуальная эмоция и контекстуальная

коммуникативная тональность).

Количество конкретно-наполненных групповых семных конкретизаторов поддается учету только в коннотативном и функциональном макрокомпонентах значения, в денотативном макрокомпоненте значения эта величина не является константной, за исключением архисем (всего 2) и полоразличительных сем (всего 3), и практически определяется количеством описываемых единиц.

Применение предлагаемой трафаретной модели аспектно-структурного семного описания значения конкретного слова:

- облегчает анализ и описание семантики, поскольку показывает исследователю направление поиска того или иного семантического компонента;
- представляет собой более информативное и четко структурированное описание семантики слова;
- дает исследователю направление в поиске конкретных сем;
- облегчает формулирование сем, поскольку позволяет во многих случаях выбирать уже готовые единицы унифицированного метаязыка;
- позволяет описать значения разных слов по единым принципам, что облегчает установление системных связей между ними, системной интеграции и дифференциации по семантике;
- позволяет установить и описать парадигматические отношения между языковыми единицами ЛСГ / ЛСП, в семемах которых выявлена единая доминирующая интегральная сема;
- позволяет единообразно описать значения исследуемых слов в толковых словарях, что делает их более доступными в плане понимания для пользователей словаря;
- позволяет сопоставить значения слов и словосочетаний в межъязыковом аспекте.

Принцип трафарета также повышает эффективность контрастивных сопоставительных исследований межъязыковых переводных соответствий и позволяет провести унификацию метаязыковых обозначений одинаковых сем в исходном и фоновом языках, так как принцип неединственности метаязыкового описания распространяется и на межъязыковые отношения переводных соответствий.

Для проведения контрастивного анализа семантики за основу семного описания значений языковых единиц в работе принят унифицированный метаязык семного описания наименований лиц в русском языке. Его приложение к описанию значений английских метаязыковых переводных соответствий показало, что он полностью применим для описания и английской «семантической реальности», за исключением ряда английских страноведческих и культурно-обусловленных сем, которые лакуарны для русского языка.

Для проведения контрастивного анализа межъязыковых переводных соответствий к алгоритму семного описания по трафаретной аспектно-структурной модели были добавлены следующие этапы:

1. Подбор для каждой семемы исходного языка переводных соответствий в фоновом языке (на фоне которого производится сопоставление).
2. Описание семной структуры переводных соответствий по предложенной ранее схеме на основе анализа словарных дефиниций и контекстов их употребления.
3. Корректировка и унификация семного описания семем исходного языка и её переводного соответствия для уточнения формулировок сем.

Сформулированные в процессе анализа данных из английских лексикографических источников и неучтенные в русских толковых словарях семы были включены в описание контрастивных пар на русском языке, и ими был дополнен унифицированный метаязык семного описания наименований лиц.

В работе было сформулировано положение о переводных семных эквивалентах, согласно которому отношения эквивалентности между членами контрастивных пар лексических и фразеологических наименований лиц возникают при *тождестве выявляемых в структурах их значений (семем) семантических микрокомпонентов (сем)*, что можно рассматривать как **семную эквивалентность**, при которой *не исключены несовпадения по способу построения словоформы и / или по внутренней форме данных единиц языка*.

По результатам контрастивного исследования национальная специфика семантики наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке выявляется, прежде всего, на *семемном* и *семном* уровнях, последний из которых представляет наибольший интерес для исследования в русле семной семасиологии.

Основными макрокомпонентами значения, в которых фиксируется национальная специфика семантики, выступают денотативный, коннотативный и функциональный.

Национальной спецификой семы считается ее отличие по типу, статусу или структуре (чаще по семному конкретизатору) от сходной семы в переводном соответствии, что выявляется при контрастивном сопоставлении семных структур семем-членов контрастивной пары.

Соответственно, контрастивные пары, члены которых обнаруживают различия в процессе их контрастивного сопоставления на уровне сем, относятся к разряду национально-специфических.

При этом отношения соответствия между семемами-членами таких контрастивных пар следует рассматривать как **референциальную тождественность**, при которой кореферентные наборы разных сем создают в своей совокупности подобные смыслы и формируют в сознании носителей двух языков подобные образы, что позволяет использовать их в качестве переводных соответствий.

Полученные на основе применения методики унификации семного описания, аспектного подхода к семному описанию и разработанного трафаретного метаязыка межъязыкового описания результаты позволяют сделать выводы как о наличии эквивалентных, близких, приблизительных и допустимых соответствий у единиц данного корпуса лексики, так и о наличии явлений

семемной и семной безэквивалентности и лакунарности в двух языках.

Однако приходится констатировать, что четкой границы между упомянутыми видами переводных соответствий практически не существует, так как при переводе с одного языка на другой значительное воздействие на конечный результат оказывает контекстуальный фактор и, соответственно, актуализация тех или иных сем в контексте.

Принимая во внимание появившееся в последнее время в работах ряда исследователей неразличение понятий национальной и национально-культурной специфики, думается, что к исследованию национальной специфики семантики следует подходить с учетом её видового разнообразия.

В связи с подобной путаницей в терминологии, целесообразно конкретизировать и сузить понятие *культура* в лингвокультурологических исследованиях, что позволит конкретно выявлять *культурную обусловленность семантики* языковых единиц при проведении вышеназванных исследований.

Полагаем, что выявление *культурной* специфики семантики как отражения ментальной культуры в семантике слова связано с отражением в семантике языковых единиц

- духовных явлений (образов художественной культуры): литературных реалий, прецедентных художественных (паремий, мифов, сказок) и нехудожественных (например, рекламных, публицистических) текстов, в том числе и экранизированных произведений;
- а также опредмеченных духовных явлений (социальных ритуалов, культурных явлений, социальных институтов, отражающих духовные явления как элементы сознания народа).

Кроме того, далеко не вся национальная специфика семантики языковых единиц, представляющая особый тип осмысления действительности в национальном сознании, может быть обусловлена отражением в семантике культуры того или иного народа.

На наш взгляд, для констатации факта национально-культурной специфики семантики языковых единиц необходимо эксплицитное выделение *лингвокультурно значимых сем* или *семем*, обусловленных **конкретными** фактами конкретной национальной культуры.

Таким образом, для исследования культурной специфики языка в рамках семной семасиологии представляется важным и принципиальным:

- не усматривать в любых семантических различиях языков отражение культурных факторов;
- определить для лингвокультурологического анализа языковых единиц *культуру* как явление ментальное – совокупность ментальных ценностей, принципов, норм и правил народа, а также совокупность произведений литературы и искусства (художественная культура);
- систематизировать формы отражения культуры в языке и рассматривать языковые явления в рамках выделенных форм (культурно-обусловленные семы, лингвокультурные значения, культурные концепты);
- подтверждать выявленную национально-культурную специфику семантики конкретных языковых единиц конкретными фактами национальной культуры.

В связи с этим целесообразно провести следующие разграничения:

Национальная специфика языка – особенности языка, отличающие его от других языков.

Национальная специфика семантики – это часть национальной специфики языка, которая представляет собой отражение неповторимости национальной действительности в семантике, что изучается контрастивной семасиологией с целью выявления национально-специфических макро- и микрокомпонентов значения, семем или лексем, и проявляется в виде:

- безэквивалентных лексем, семем, сем;
- денотативной семной специфики;
- коннотативной семной специфики;
- функциональной семной специфики.

Национально-культурная специфика семантики языка – это часть национальной специфики семантики, которая выявляется при наличии культурно обусловленных сем и семем.

При этом, ментальная культурная специфика (в т.ч. – ментальные образы, концепты, культурно обусловленные семемы, семы) исследуется *лингвокультурологией*.

К формам проявления национальной специфики языковых явлений, изучаемым *лингвострановедением* принято относить: национально-исторические и социальные, национально-ономастические и национально-материальные (бытовые) реалии – опредмеченные духовные явления.

Таким образом, любая *лингвокультурная специфика семантики языка* есть вид проявления *национальной специфики семантики*, но не любой факт проявления национальной специфики семантики является культурно обусловленным, имеет лингвокультурный характер.

Системно-языковая национальная специфика семантики, коммуникативная специфика семантики, национальная специфика образного переосмысления значения, национальная специфика внутренней формы слова, национальная символичность значений – это наиболее распространенные и частотные виды национальной специфики семантики наименований лиц.

Очевидно, что семная семасиология позволяет уточнить принципы описания содержания лексических и фразеологических единиц, повысить их точность и обеспечить сопоставимость семантических описаний в разных языках.

Теоретические исследования в области семной семасиологии и контрастивной лексикологии позволяют говорить о широких возможностях практического применения полученных результатов, к основным из которых следует отнести практику преподавания русского языка как иностранного, английского языка, одноязычную лексикографию, двуязычную контрастивную лексикографию, межкультурную коммуникацию.

Важнейшей прикладной задачей семной семасиологии нам видится создание семных словарей разных языков на базе унифицированного семного метаязыка описания значения слова.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

Исследования в области семной семасиологии, базирующиеся на постулате о дискретности смысловой структуры лексем и фразеологических единиц и направленные на описание составляющих эти структуры мега-, макро- и микрокомпонентов и семантических аспектов, являются в современной лингвистике актуальными и востребованными.

В последние десятилетия лингвистами активно использовались разные методики и разноуровневые подходы к выявлению компонентов значения слова, что расширило представление об их составе, типах, яркости и статусе, в том числе и посредством применения теории поля, позволяющей рассматривать содержание значения слова в виде полевой структуры.

Исследование показало, что, констатируя наличие определенного прогресса в семных исследованиях на материале различных языков, следует признать, что научные работы, выполняемые в русле семной семасиологии, пока отличаются разнобразием в терминологии, недостаточной методологической четкостью, недостаточной последовательностью, а главное – их результаты так и не получили практического применения в одноязычной или двуязычной лексикографии, хотя в рамках некоторых направлений и предпринимались попытки создания эффективного метаязыка для практического описания семного состава лексического значения.

Наиболее актуальными проблемами семной семасиологии на современном этапе являются:

- обоснование семной семасиологии как отдельного направления семасиологии, со своим предметом и задачами; отграничение семной семасиологии от других направлений в семасиологии;
- обоснование принципов, разработка категориального аппарата и методов семной семасиологии как теоретического направления структурной семасиологии;
- разработка детальной типологии сем, отражающей все многообразие лексической семантики языка;
- разработка методов описания семного состава значения и принципов обобщения результатов исследования, полученных разными, в том числе, экспериментальными методами;
- обоснование необходимости и разработка принципов аспектного анализа и описания значения;
- разработка принципов семной интерпретации результатов исследования значения текстовыми и антропоцентрическими методами;
- разработка методов и приемов верификации семного описания значения и описания значения слова, реализованного в тексте;
- усовершенствование методов и приемов контрастивного семного описания и контрастивного сопоставления значений по семам и семным

конкретизаторам;

- усовершенствование способов и форм лексикографической фиксации результатов семного описания значений как в рамках одного языка, так и в контрастивном плане;
- обоснование разнородности национальной специфики языка;
- обоснование содержания и методов лингвокультурологического подхода в рамках семной семасиологии;
- практическое применение теоретических принципов, категориального аппарата и методов семной семасиологии в описании структуры значения слова в системе языка и в речи.

Исследование показало целесообразность и плодотворность выделения *семной семасиологии* как отдельного направления в семасиологии, которое изучает лексические значения языковых единиц через описание их в составе отдельной семемы в виде упорядоченной совокупности минимальных компонентов значения (сем), отражающих разные аспекты предмета номинации.

Разработанная в исследовании *интегральная* модель лексического значения в отличие от традиционно используемой в лексикографии дифференциальной модели показала свою применимость и эффективность в практическом анализе, позволила достаточно полно и непротиворечиво описать семантику русских наименований лиц и их английских переводных соответствий.

Предложенный в работе *аспектно-структурный анализ* значения заключается в том, что семантика языковой единицы, входящей в состав той или иной лексико-фразеологической группировки, последовательно и в определенном порядке дифференцированно описывается по семантическим аспектам, отражающим разный тип информации, закрепленный в слове. Аспектно-структурный подход к семному описанию значений слов обоснован в исследовании как принцип дифференцированного семного описания семантики в рамках денотативного, коннотативного и функционального аспектов описания.

На обширном языковом материале показано, что аспектный подход к описанию семантики языковых единиц является весьма продуктивным в плане более объективного и точного описания и фиксации полученных результатов как внутри языка, так и в межъязыковом плане; показана релевантность выделенных аспектов семного описания значения при выявлении национальной специфики семантики единиц языка и для лексикографии.

В процессе описания *денотативного аспекта* значения на примере наименований лиц выявлены семы, образующие его в русском и английском семном пространстве.

Выявлена и описана структура *коннотативного аспекта* значения, который содержит информацию об оценочном и эмоциональном отношении субъекта к объекту номинации. При этом разграничены *коннотативная оценка*, которая является способом выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, и *коннотативная эмоция* как выражение испытываемых

номинатором чувств, душевных переживаний; последовательно разграничены *денотативная* и *коннотативная оценочность* значения; показано, что оценка и эмоция могут присутствовать в структуре значения в разных сочетаниях, образуя согласованную и несогласованную коннотацию.

Выявлена *системная коннотация* – наличие в системном значении слова коннотативной оценочности и эмоциональности.

В оценочной и эмоциональной лексике коннотация может быть *системно предусмотренной*, но *контекстуально наполняемой*, то есть, в системном значении выявляются семантические признаки – *оценка, эмоция*, а семные конкретизаторы знака эмоции и оценки наполняются в актуализируемом значении конкретным контекстом.

Контекстуальная коннотация – это контекстуальное заполнение семных конкретизаторов оценки и эмоции – *контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность*. Контекстуальная коннотация существует на уровне отдельной семемы.

Коннотативная многозначность (полисемия) слова – это наличие в семантеме семем с разными системными коннотациями. Коннотативная многозначность слова проявляется на уровне семантемы.

Коннотативная вариативность значения – наличие в структуре отдельной семемы нескольких видов коннотативных компонентов одновременно, которые в разных контекстах актуализируются по-разному.

Результаты проведенного в исследовании анализа контекстов употребления слов, а также материалы психолингвистических экспериментов дают основание утверждать, что компоненты *оценка* и *эмоция* во многих отдельно взятых семемах реально представлены *коннотативной вариативностью* – одно значение одновременно содержит противоречивую коннотацию: положительную и отрицательную оценку, положительную и отрицательную эмоцию. При этом яркость той или иной оценки может существенно различаться – например, положительная оценка может существенно доминировать над негативной, однако в то же время в данном значении могут быть одновременно представлены обе оценки или эмоции. Отдельное значение также может сочетать в себе *неоценочность* и *оценочность, неэмоциональность* и *эмоциональность*.

Практика исследования функциональных признаков слова, которые отражают особенности его функционирования в речи, показывает, что количество выявляемых при анализе слова функциональных компонентов значения больше, чем ранее представлялось. В связи с этим в работе аргументировано и представлено разграничение и описание новых функциональных компонентов значения – *институционально-нормативного* и *коммуникативно-тонального*, предложены формы их лексикографической фиксации. При этом также на фактическом материале продемонстрировано, что *коммуникативно-тональная вариативность семемы* – это наличие в структуре отдельной семемы нескольких видов коммуникативно-тональных компонентов, которые в разных контекстах актуализируются по-разному. *Контекстуальная коммуникативная тональность* формируется на уровне отдельной семемы.

Разработка аспектно-структурного подхода к описанию значения слова в рамках семной семасиологии, а также достижения психолингвистического и когнитивного анализа ставят на повестку дня проблему уточнения типологии сем, в том числе и описания различных типов семантических признаков и семных конкретизаторов как компонентов семы.

Исследование подтвердило положение о том, что семы, образующие лексическое значение слова, гораздо более разнообразны, чем это представлялось в классической структурной семасиологии конца XX века.

По результатам исследования в этом направлении предложена развернутая типология семантических компонентов, исчерпывающе описывающих семантику наименования лиц, описана их корреляция в семантике слова – внутрисемные *иерархические, доминантные, детерминантные, синтагматические* отношения сем в структуре лексического значения.

На практическом материале выделены и описаны *доминирующие опорные, дифференциальные альтернативные, дифференциальные дизъюнктивные и контекстуальные* семы, предложены приемы и формы их лексикографической фиксации, приведены доказательства совместимости или несовместимости сем при их актуализации в акте коммуникации (*совместимая и несовместимая дизъюнкция*).

Типологическое разнообразие сем, которые могут быть использованы для описания семантики слов и устойчивых словосочетаний, следует изучать, как показало исследование, на основе результатов семного анализа языковых единиц в составе крупных лексико-фразеологических группировок или полей, что позволяет уточнить их типологию и предоставляет реальную возможность для унификации семного описания лексических и фразеологических единиц крупных лексико-фразеологических разрядов.

Фактическое подтверждение на языковом материале русского и английского языков положения о том, что сема не является предельным семантическим компонентом значения, позволяет расширить представление о членимости семы, показать наличие в ней *семантического признака, обобщенного семного конкретизатора и конкретного наполнителя семного конкретизатора*. На основании этого в исследовании показана возможность достаточно точной микрокомпонентной дифференциации семем в рамках одной определенной лексико-семантической группы; показано наличие в семантике языковых единиц новых типов компонентов семы – *автономных, антонимических, открытых и закрытых* семантических признаков, *обобщенного семного конкретизатора*, а также наличие унифицированных сем с *групповым или индивидуальным* для конкретной языковой единицы *семным конкретизатором*.

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к выводу, что семное описание значений языковых единиц нуждается в унификации на базе принципов семной семасиологии посредством метаязыка описания, который основан на естественном языке.

Проведенное исследование показало, что типология сем должна быть валидна для рядового пользователя словаря и носителя языка, а толкование значений слов и словосочетаний необходимо осуществлять с учетом

обыденного языкового сознания.

На практическом материале раскрыт *принцип множественности* (неединственности) описания содержания ментальных единиц (семантем, значений, сем, концептов), что имеет большое значение для решения теоретических и прикладных задач семной семасиологии, контрастивной лингвистики и лексикографии.

Принцип множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных сущностей свидетельствует, что любые ментальные единицы, выявленные в процессе лингвистического исследования, могут быть описаны на естественном метаязыке разными формулировками, которые могут не совпадать в разных исследовательских парадигмах, у разных исследователей и у разных составителей словарей, что не является при этом недостатком применяемой методики или ошибкой в описании.

В работе наглядно продемонстрировано, что неединственностью метаязыкового описания характеризуются архисемы, семантические признаки, семные конкретизаторы, семемы в целом.

Из методологического принципа множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц в отношении результатов любой семантической интерпретации или описания следует *принцип дополнительности семантических описаний*: адекватное описание ментальной единицы предполагает обобщение, интеграцию разных ее метаязыковых описаний, что и показано в исследовании.

Применительно к описанию значений в толковых словарях можно говорить о принципе *дополнительности словарных дефиниций*: каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей.

Дополнительность словарных дефиниций – это:

- возможность отражения в отдельных словарях значений, не отмеченных другими словарями;
- возможность разного метаязыкового описания одних и тех же значений в разных словарях (закон множественности метаязыкового описания ментальных единиц);
- возможность разного по глубине и количеству выявленных сем описания одного и того же значения в разных словарях.

Все словарные дефиниции разных словарей дополняют друг друга в описании значения слова как единицы системы языка.

Примененный на практике метод обобщения лексических значений позволяет учитывать результаты описания семантики, полученные при лексикографическом анализе и анализе контекстов.

В качестве метаязыка семантического описания в работе принимается естественный (русский) язык. Обосновано, что при таком подходе семантический метаязык лингвистами не *разрабатывается*, не придумывается, для него *приспосабливается* обычный язык, в который вносится определенная унификация и который, являясь системой знаков с неограниченными

возможностями, может обладать и неограниченной описательной силой для отражения семантики любых языковых единиц.

Унификация метаязыка семного описания позволяет:

- формализовать язык семантического описания;
- сократить количество используемых метаязыковых вариантов метаязыкового обозначения одинаковых семантических компонентов;
- представить обобщенное семное описание макрокомпонентов значения посредством использования дифференциальных дизъюнктивных и альтернативных типов сем;
- формулировать не только системные, но и контекстуально наполняемые компоненты значения лексических и фразеологических единиц;
- эффективно проводить межъязыковое сопоставление значений;
- упростить формулирование сем для лексикографических и учебных целей;
- создать толковые и контрастивные словари нового типа.

В работе продемонстрирована возможность создания исчерпывающего семного метаязыка для описания крупного лексико-фразеологического разряда лексики – наименований лиц в русском языке и их английских переводных соответствий в английском языке.

Для семного описания слова или словосочетания, номинирующих лиц, в исследовании разработана и применена трафаретная модель.

Трафаретная модель аспектно-структурного семного описания имеет следующий вид:

1. *Денотативный аспект*

семный состав: архисема, полоразличительная сема, дифференциальная опорная сема, другие яркие и слабые дифференциальные семы;

2. *Коннотативный аспект*

семный состав: оценочная сема, эмоциональная сема;

3. *Функциональный аспект*

семный состав: стилистическая, социальная, темпоральная, территориальная, частотная, институционально-нормативная, коммуникативно-тональная семы.

Разработанный алгоритм аспектно-структурного семного описания лексических единиц предполагает последовательное применение разработанной трафаретной модели к семному описанию слов исследуемой группы и имеет следующий вид:

1. В рамках денотативного аспекта описания выделить присутствующие в описываемом значении семы.

2. Сформулировать эти семы через использование разработанного унифицированного семного метаязыка для данного аспекта.

3. Сформировать семную дефиницию соответствующего аспекта значения путем перечисления сем в порядке, определенном трафаретной моделью.

4. В рамках коннотативного аспекта описания выделить присутствующие в описываемом значении семы.

5. Сформулировать эти семы через использование разработанного унифицированного семного метаязыка для данного аспекта.

6. Сформировать семную дефиницию коннотативного аспекта значения путем перечисления сем в порядке, определенном трафаретной моделью.

7. В рамках функционального аспекта описания выделить присутствующие в описываемом значении семы.

8. Сформулировать эти семы через использование разработанного унифицированного семного метаязыка для данного аспекта.

9. Сформировать семную дефиницию функционального аспекта значения путем перечисления сем в порядке, определенном трафаретной моделью.

10. Осуществить обобщающее описание значения через перечисление совокупностей выявленных и сформулированных на унифицированном метаязыке денотативных, коннотативных и функциональных сем.

Применение трафаретных моделей для описания семантических признаков, а также внедрение в практику семного описания дифференциальных дизъюнктивных и альтернативных типов сем, согласно результатам исследования, представляет собой конкретный путь решения проблемы разработки унифицированного метаязыка описания значения, апробированного на большом лексическом и фразеологическом материале, что, в том числе, приводит к сокращению количества используемых для толкования значения архисем путем замещения их метаязыковыми единицами с более высоким уровнем абстракции.

В процессе исследования семной структуры лексического значения и проведения семного описания и контрастивного сопоставления семантики наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке (7, 5 тысяч наименований лиц в русском языке, около 20 тыс. значений, 300 тыс. контекстов их употребления и 6,5 тыс. наименований лиц в английском языке) был выявлен набор сем, релевантный для аспектного описания семантики наименований лиц в русском и английском языках, определен конечный список семантических признаков и обобщенных семных конкретизаторов, образующих *семное пространство* наименований лиц в двух языках, разработана модель аспектного семного описания значений и осуществлена унификация метаязыка семного описания наименований лиц в русском языке и их английских переводных соответствий на базе естественного исходного языка (русского).

Установлено, что лексико-фразеологическое поле наименований лиц описывается при помощи 69 унифицированных сем с конкретно-наполненными *групповыми* семными конкретизаторами и 138 унифицированных сем с единообразно сформулированным семантическим признаком и обобщенным семным конкретизатором, который семантически наполняется в конкретной единице языка (*индивидуальный семный конкретизатор*), что является весьма экономным способом представления семного пространства наименований лиц.

В работе подтвержден полевой характер организации семантемы и семемы, наличие в семантических единицах ядра и разных зон периферии, а также предложены критерии отнесения семантических элементов к той или иной зоне полевой организации. В связи с этим, для выявления ярких и доминирующих сем в структуре отдельной семемы сформулирован и апробирован *прием*

негативации семантики.

Как показано в исследовании, полевой подход к структуре семемы, воплощающий в себе принцип организации содержания семемы «ядро – разные зоны периферии», отражает три важнейших системных свойства семемы: ее структурную стабильность, способность к развитию и гибкую приспособляемость к коммуникативному акту. Наличие ядра позволяет выделять и отличать семантические единицы друг от друга в системе языка, периферия предоставляет возможность семантической единице видоизменяться и варьировать в контексте.

Широкое распространение когнитивных и экспериментальных методов, развитие корпусной лингвистики, последние достижения в контрастивной лингвистике и психолингвистике позволяют перевести на новый, более высокий уровень фактически прекратившиеся в последнее время исследования в области семной семасиологии и особенно типологии сем.

В работе обосновано положение о том, что семантическая вариативность – неотъемлемая часть семантики слова, а также описаны виды актуальных смыслов, в которых реализуется значение слова в контексте.

На языковом материале в исследовании проиллюстрировано действие ряда семных процессов, происходящих в значении слова при его употреблении в речи – *гашение доминантного признака, актуализация, деактуализация, диффузная актуализация сем.* Также установлено, что диффузная актуализация двух альтернативных сем (*лицо // совокупность лиц, мужской // женский пол*) может быть исключена только при расширении контекста.

Возможности семного варьирования значения в акте речи показаны как на примерах варьирования архисем (*человек // животное*), так и любых дифференциальных сем. Наглядно показано, что в одном значении семы могут *модифицироваться и наводиться* в акте речи, что создает возможности синхронного и диахронного изменения семной структуры значения.

Наведение коннотативных сем в контексте наблюдается в том случае, если значение в системе было неочечное, неэмоциональное, а в контексте стало оценочным и/или эмоциональным. Наведение коннотативных сем в контексте следует отличать от случаев оценочной энантиосемии – наличия противоположных по коннотации значений в семантеме одного слова.

В исследовании предложен дифференцированный подход к описанию национальной специфики семантики слова.

Национальная специфика языка определена как особенности языка, отличающие его от других языков. Часть национальной специфики языка – *национальная специфика семантики* – представляет собой отражение неповторимости национальной действительности в семантике, что изучается контрастивной семасиологией с целью выявления национально-специфических макро- и микрокомпонентов значения, семем или лексем и проявляется в виде:

- безэквивалентных лексем, семем, сем;
- денотативной семной специфики;
- коннотативной семной специфики;

- функциональной семной специфики.

В связи с этим в работе конкретизировано понятие *национальной специфики семантики* на *семном* уровне; дано определение *национальной специфики семы*.

При разработке лингвокультурного аспекта семной семасиологии в исследовании уточено понятие *лингвокультурной специфики* семантики слова, разграничены *страноведческая* специфика и *лингвокультурная* специфика значения как части национальной специфики семантики.

Показано, что утверждение о лингвокультурном характере конкретного языкового явления должно быть доказано конкретными фактами культуры, в связи с чем обосновано лингвокультурологическое толкование *культуры* как ментального явления.

Для констатации факта *национально-культурной специфики* в семантике языковых единиц необходимо достоверное выявление *лингвокультурно значимых сем* или *семем*, обусловленных конкретными явлениями и процессами, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа.

Исследование национально-культурной специфики языка в рамках семной семасиологии предполагает выявление и описание национально-культурных сем в парадигме объяснительной лингвистики. Подобное описание может осуществляться как внутри одного языка (семы, обусловленные фактами национальной духовной культуры), так и при сопоставлении двух и более языков (семы, различающиеся как отражение разных национальных духовных культур).

В работе предложены принципы исследования культурной специфики языка в рамках семной семасиологии:

- не усматривать в любых семантических различиях языков отражение культурных факторов;
- определить для лингвокультурологического анализа языковых единиц *культуру* как явление ментальное – совокупность ментальных ценностей, принципов, норм и правил народа, совокупность произведений литературы и искусства (художественная культура);
- систематизировать формы отражения культуры в языке и рассматривать языковые явления в рамках выделенных форм (культурно-обусловленные семы, лингвокультурные значения, культурные концепты);
- подтверждать выявленную национально-культурную специфику семантики конкретных языковых единиц конкретными фактами национальной культуры.

В исследовании подтверждено разделение современной лингвистики на *описательную* и *объяснительную*, при этом выявлены этапы лингвокультурологического описания языка:

- подготовительный этап – выявление *национальной специфики* явлений языка;
- объяснительный этап – интерпретация лингвокультурных сем, семем, концептов как обусловленных конкретными фактами культуры.

Таким образом, любая *лингвокультурная специфика* семантики есть вид проявления *национальной специфики семантики*, но не любой факт проявления

национальной специфики семантики является культурно обусловленным, имеет лингвокультурный характер.

Анализ национальной специфики наименований лиц в русском и английском языках в рамках семной семасиологии показал, что единицы данной лексико-фразеологической группировки обладают *лингвокультурной, страноведческой, системно-языковой национальной спецификой*.

Данные семной семасиологии однозначно подтвердили тот факт, что близкие по семантике слова разных языков обладают приблизительно одинаковым семантическим объемом, но часто по-разному «регистрируют» его в своих языковых системах. В работе усовершенствован и расширен понятийно-терминологический аппарат контрастивной лингвистики и лексикографии, сформулированы понятия *семной эквивалентности* и *референциальной тождественности*.

В исследовании показано, что унифицированный метаязык семного описания наименований лиц в русском языке также применим для описания и английской «семантической реальности», за исключением ряда английских страноведческих и культурно-обусловленных сем, которые лакунарны для русского языка, и ими был дополнен разработанный унифицированный метаязык семного описания наименований лиц.

Как продемонстрировала практика исследования, метаязыковую унификацию описания значения на базе семного анализа следует рассматривать в качестве основополагающего лексикографического принципа, применение которого возможно как в рамках одного языка, так и при описании семантики переводных соответствий двух языков.

Думается, что реализация принципов семного описания слова с применением унифицированного трафаретного метаязыка описания, наряду с обобщением опыта контрастивных исследований значительного по своему количественному объему и качественному своеобразию лексического и фразеологического материала, следует отнести к приоритетным вопросам как теоретической, так и прикладной семной семасиологии.

В работе показана возможность представления в лексикографической форме семного описания единиц крупной лексико-фразеологической группы «Наименования лиц» в русском и английском языках на примерах семных одноязычных и двуязычных словарей.

Исследование показало, что семная семасиология – эффективное и перспективное направление в современной семасиологии, которое позволяет описать структуру значения близко к реальности языкового сознания.

Теоретические исследования в области семной семасиологии и контрастивной лексикологии позволяют говорить о широких возможностях практического применения полученных результатов, к основным из которых следует отнести одноязычную лексикографию, двуязычную контрастивную лексикографию, межкультурную коммуникацию, практику преподавания русского языка как иностранного, английского языка.

Важнейшей прикладной задачей семной семасиологии нам видится создание семных словарей разных языков на базе унифицированного семного метаязыка

описания значения слова для крупных лексико-семантических разрядов лексики.

Использованная литература

1. Абрамян, Л.А. К вопросу о языковом знаке [Текст] // Вопросы общего языкознания. – М., "Наука", 1964. – С.5-15.
2. Авалиани, Ю.Ю. К вопросу о сложных лексикализованных словосочетаниях в русском языке [Текст] // Краткие сообщения каф. рус. языкознания Узбекского ун-та. – Самарканд, 1959. – С.25-31.
3. Авербух, К.Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / К.Я. Авербух, О.М.Карпова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 176 с.
4. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики [Текст] / В.Г. Адмони. – М.-Л, 1964. – 108 с.
5. Азнаурова, Э.С. О понятии коннотативных стилистических полей в лексике [Текст] // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тезисы докладов научной конференции. Часть 1 (16-18 ноября 1971 г.) МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1971. – С. 33-37.
6. Акрамова, С.В. Аксиологический аспект семантики наименований лица в языке русской агиографии XII-XVII в.в. [Текст] // Вестник Ставропольского государственного университета, 2008. – С.58-75.
7. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
8. Алефиренко, Н.Ф. Принципы вербализации концепта [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 95 с.
9. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Изд.-во Флинта, изд.-во Наука, 2005. – 415 с.
10. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная серия. – Самара, 2006. – №5/1 (45). – С. 102-110.
11. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивная семантика: миф или реальность? [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Вестник ТГПУ. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ФИЛОЛОГИЯ). – 2006. – Выпуск 5 (56). – С.43-48.
12. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Ленинград, 1963. – 452 с.
13. Анненкова, О.В. Лингвокультурные характеристики англосаксонского властного дискурса [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук / О.В. Анненкова. – Волгоград, 2005. – 23 с.
14. Антрушина, Г.Б. Лексикология английского языка [Текст] / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева. - Изд-во «Дрофа»: Высшее образование, 1999. – 143с.
15. Антышев, А.Н. Антропонимы как компонент национальной и интернациональной культуры [Текст] // Язык и мир его носителя: Материалы международной конференции. – М.: МГУ, 1995.- С.7-9.
16. Антышев, А.Н. О нелингвистических подходах к антропонимам [Текст] // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации: Материалы научной конференции. Часть 1. – Уфа: БГУ, 1999. – С. 72-74.
17. Антышев, А.Н. Имена. Немецкие антропонимы [Текст] / А.Н. Антышев. – Уфа, 2001.– 240 с.
18. Апресян, Ю.Д. О регулярной многозначности [Текст] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. Вып. 6. – М., 1971. – С. 509-523.
19. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д.Апресян. – М.: Наука, 1974. - 367 с.
20. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. II.: Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1995. – 375с.
21. Апресян, Ю.Д. Значение и употребление [Текст] // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 3-23.

22. Апресян, Ю.Д. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С.3-31.
23. Аракин, В.Д. Очерки по истории английского языка [Текст] / В.Д.Аракин. – М., 1955. – 552с.
24. Аристова, Н.С. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения (на материале английской художественной литературы XIX-XX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Н.С.Аристова. – Н.Новгород, 2007. – 15с.
25. Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте [Текст] // Иностранные языки в школе, 1979. – № 6. – С.10-17.
26. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) – Изд. 2-е, перераб. [Текст] / И.В. Арнольд. – Л., 1981. – 295 с.
27. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1991. – 140 с.
28. Артемов, В.А. Психология обучения иностранным языкам [Текст] / М.: Просвещение, 1969. – 279 с.
29. Артемова, А.Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал [Текст]: автореф. дис. ... д-ра фил. наук / А.Ф.Артемова. – СПб, 1991. – 34с.
30. Арутюнова, Н.Д. Стратификационная модель языка. [Текст] / Н.Д.Арутюнова. – Филол. науки, 1968. – № 1. – С.25-38.
31. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. – С.7-25.
32. Арутюнова, Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С.85-94.
33. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
34. Арутюнова, Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов [Текст] // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С.5-29.
35. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Изд. 5-е, стереотип. [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Изд. «Наука», 2007. – 384 с.
36. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке [Текст] / В.Л.Архангельский. – Ростов-на-Дону, 1964. – 322с.
37. Асмус, В.Ф. Логика [Текст] / В.Ф. Асмус. – Акад. наук СССР. Ин-т философии. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с. – (Из истории логики XX века). – ISBN 5-354-00006-8.
38. Аткинсон, Р. Человеческая память и процесс обучения [Текст] / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 528 с.
39. Ахманова, О.С. «Эквиваленты слов» и их классификация в современном английском языке [Текст] // Доклады и сообщения, Моск. гос. ун-т, Филол. фак-т. – Вып. 6. – Москва, 1948. – С.22-34.
40. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О.С.Ахманова. – Москва, 1957. – 225с.
41. Ахманова, О.С. Лингвистическое значение и его разновидности [Текст] // Проблема знака и значения. – М.: Наука, 1969. – С. 110-113.
42. Бабаева, Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Е.В. Бабаева. – ВГПУ. – Волгоград: Издательство «Перемена», 2004. – 40 с.
43. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П.Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежун-та, 1996. – 104 с.
44. Базылев, В.Н. Языковые императивы «политической корректности» [Текст] // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). 2007. – С. 8-12.

45. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш.Балли. – Москва, 1961. – 387с.
46. Баранникова, Л.И. Введение в языкознание [Текст] / Л.И. Баранникова. – Саратов: Изд-во СГУ, 1973. – 384 с.
47. Баранов, А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования. [Текст] // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1998, №1. – С.140-151.
48. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст]: учебное пособие / А.Н. Баранов. – М.: Знак, 2008. – 656 с. – (Studia pfilologica).
49. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О.Добровольский. – М., 2001. – 360 с.
50. Барсук, Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л.В. Барсук. – Саратов, 1991. – 16 с.
51. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л.С. Бархударов. – М.: «Международные отношения», 1975. – 428 с.
52. Бархударов, Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языка) [Текст] // ИЯШ, 1980, № 5. – С.97-109.
53. Бархударов, Л. С. Контекстуальное значение и перевод [Текст] // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. Тореза М., 1984. Вып. 238. – С.88-101.
54. Барышев, Н.В. Национальная специфика лексико-семантических полей «Средства передвижения» в русском и английском языках [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.В. Барышев. – ВГУ. – Воронеж, 1999. – 20 с.
55. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи [Текст] / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1986. – 543 с.
56. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров [Текст] // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250-296.
57. Беликов, В.И. Социоллингвистика [Текст]: учебник для вузов / В.И.Беликов, Л.П. Крысин. – М., 2001. – 439 с.
58. Беляевская, Е.Г. Семантика слова [Текст] / Е.Г. Беляевская. – М., 1987. –128 с.
59. Беляевская, Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания семантической структуры слова) [Текст]: дисс. ...док. филол.наук / Е.Г. Беляевская. – М., 1991. – 364 с.
60. Бенвенист, Э. Общая лингвистика: монография [Электронная версия] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с. – (Языковеды мира).
61. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования [Текст]: / Е.Л. Березович. – М.б «Индрик», 2007. – 600 с.
62. Бирвиш, М. Семантика [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981, Вып.10. – С.177-198.
63. Бирих, А.К. К диахроническому анализу фразеосемантических полей [Текст] // Вопросы языкознания. – М., 1995. – № 4. – С.14-24.
64. Блумфилд, Л. Язык [Электронная версия] / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с. (Языковеды мира).
65. Богуславский, В.М. Слово и понятие [Текст] // Мышление и язык. – М: Госполитиздат, 1957. – С. 213-276.
66. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Том I. 384 с.
67. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Том II. 390 с.
68. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С.18-25.
69. Болинджер Д. Атомизация значения [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. 10. – С. 200–234.
70. Бондарко, А.В. О взаимодействии языковых уровней в рамках функционально-

- семантической категории [Текст] // В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. – М., 1967. – С.185-217.
71. Бондарко, А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) [Текст] // Вопросы языкознания. – М., 1972. – № 3. – С.20-35.
72. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. – Л., 1984. – 136 с.
73. Бондарко, А.В. Семантика предела [Текст] // Вопросы языкознания. – М., 1986. – № 1. – С.59-71.
74. Бондарко, А.В. О стратификации семантики [Текст] // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – СПб., 1998. – С. 51-63.
75. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка [Текст] / А.В.Бондарко. – М., Издательство: Языки славянской культуры, 2002. – 736с. Серия: Studia philologica.
76. Брандес, М.П. Стиль и перевод [Текст] / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1988. – 280 с.
77. Брунер, Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации [Текст] / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
78. Бубнова, И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.А. Бубнова. – М., 2008. – 45 с.
79. Будагов, Р.А. Филология и культура [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: МГУ, 1980. – 303 с.
80. Будагов, Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: МГУ, 1989. – 151 с.
81. Булахов, М.Г. Особенности интерференции белорусского и русского языков [Текст] // В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – 319 с.
82. Булдаков, В.А. Коннотация в знаменательной лексике и фразеологии современного немецкого языка (контентивно-менталингвистический подход) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.А. Булдаков. – СПбГУ. – СПб, 2011. – 39 с.
83. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 574 с.
84. Быкова, Г.В. Лакунарность в лексической системе русского языка [Текст] / Г.В.Быкова.- Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 1998.- 218 с.
85. Вайсбурд, М.Л. Реалии как элемент страноведения [Текст] // Рус. яз. за рубежом. – 1972. – № 3. – С. 98-100.
86. Ванников, Ю.В. О едином комплексе переводческих дисциплин [Текст] // Вопросы теории и техники перевода / Отв. ред. А.Г. Назарян. – М., 1970. – С.39-41.
87. Вардзелашвили, Ж.. Метафорическая картина мира в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ж.. Вардзелашвили. – Тбилиси, 2002. – 33с.
88. Варина, В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц [Текст] / В.Г.Варина. – М.: Наука, 1976. – 244с.
89. Василенко, А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.П. Василенко. – ОГУ. – Орел, 2011. – 40 с.
90. Васильев, Л.М. Теория значения в лингвистической литературе [Текст] // Фи-лол. науки, 1971. – №4. – С. 34-39.
91. Васильев, Л.М. Теория семантических полей [Текст] // Вопросы языкознания, 1971.– № 5. – С.54-59.
92. Васильев, Л.М. Полисемия [Текст] // Исследования по семантике: межвузовский научный сборник. – Уфа, 1975. – С. 3-10.
93. Васильев, Л.М. Типы значений и их структурных компонентов [Текст] // В кн.: Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. – Кишинев, 1982. – С.47-54.
94. Васильев, Л.М. Стилистическое значение, экспрессивность и эмоциональность как

- категории семантики [Текст] // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей: межвузовский сб. научных трудов, Перм.ГУ им. Горького. – Пермь: ПТУ, 1985. – С. 15-18.
95. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика [Текст] / Л.М. Васильев. – М., 1990. – 192 с.
96. Васильев, Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты [Текст] / Л.М. Васильев // Исследования по семантике. – Уфа, 1996. – С. 55-62.
97. Вежбицкая, А. наброски к русско-семантическому словарю [Текст] // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1968. – № 12. – С. 23-28.
98. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. [Текст] / А.Вежбицкая / Отв. ред. М.А. Кронгауз; Вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М., 1977. – 416 с.
99. Вежбицкая, А. Дескрипция или цитация? [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика: Проблемы референции. – М., 1982. – Вып. XIII. – С. 237-262.
100. Вежбицкая, А. Антитоталитарный язык в Польше [Текст] // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С.25-33.
101. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 2001. – 288 с.
102. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке [Текст] // Русский язык в научном освещении. – М., 2002. – № 2(4). – С.6-34.
103. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) [Текст] / Е.М. Верещагин. – М., 1968. – 159 с.
104. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
105. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., испр. и доп. [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990. – 269с.
106. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
107. Ветров, А.А. Семиотика и ее основные проблемы [Текст] / А.А. Ветров. – М., Политиздат, 1968. – 264 с.
108. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию [Текст] // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 521 с.
109. Виноградов, В.А. Языковая семантика в пространстве культуры [Текст] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4(2). – С. 461-464.
110. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – Учпедгиз, М-Л., 1949. – 305 с.
111. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. [Текст] / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 588 с.
112. Виноградова, В.Н. Составные наименования в современном русском языке [Текст] // Русский язык в школе. № 3, 1966. – С.58-72.
113. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI (Лингвистическая прагматика). – М., 1985 – С. 79-128.
114. Влавацкая, М.В. Синтагматический аспект лексического значения слова: структура и содержание [Текст] // Филология и человек. – Алтайский государственный университет, 2011. – №2. – С.72-83.
115. Вовк, Е.В. Образ идеального собеседника в языковом сознании носителя языка (психолингвистическое исследование) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Вовк. – Воронеж, 2012. – 19 с.
116. Войшвилло, Е.К. Понятие [Текст] / Е.К. Войшвилло. – М., 1967. – 94с.
117. Волков, А.Г. Язык как система знаков [Текст] / А.Г. Волков. – М., изд-во МГУ, 1966. – 88 с.

118. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике [Текст]: сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Комиссаров. – М., 1978. – 204с.
119. Вопросы художественного перевода [Текст]: сборник статей / М.: Советский писатель, 1955. – 189с.
120. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64-72.
121. Воронцова, Г.Н. Очерки по грамматике английского языка [Текст]: монография / Г.Н. Воронцова. – Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. – 400 с.
122. Востоков, А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам (1820) [О сравнительно-историческом методе] [Текст] // Хрестоматия по истории русского языкознания. Под. Ред. Ф.П.Филина. – М., 1973. – С. 66-69.
123. Востоков, Б.И. О значении слова [Текст] / Б.И. Востоков // Проблема значения в лингвистике и логике. – М.: Сов. Россия, 1963. – С 30-35.
124. Вострикова, И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / И.Ю. Вострикова. – Воронеж, 2006. – 24 с.
125. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса [Текст] / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 502 с.
126. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования [Текст] / Л.С.Выготский. – М., 1956. – 472с.
127. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / В кн.: Л. С. Выготский Собр.соч., т.1. – М., 1982. – 372с.
128. Вяничева, Т.В. Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Вяничева. – Томск, 2000. – 18с.
129. Гайсина, Р.М. Семная структура значений и типология глаголов отношения. [Текст] // В кн.: Исследования о семантике. – Уфа, 1979. – С.32-41.
130. Гайсина, Р.М. Введение. Категория отношения в языке: аспекты рассмотрения [Текст] / Р.М. Гайсина // Категория отношения в языке. – Уфа, Изд-е Башкирск. ун-та, – 1997. – С. 8-12.
131. Гак, В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1966. – 335 с.
132. Гак, В.Г. Курс перевода [Текст] / В.Г.Гак, Ю.И. Львин. – М.: Междунар. отношения, 1970. – 388с.
133. Гак, В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова [Текст] // В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. – М., 1971, ч. 1. – С.325-475
134. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания [Текст] // В кн.: В.Г. Гак Психолингвистические исследования. – М., 1971. – С.122-258.
135. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики [Текст] // В кн.: В.Г.Гак Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. – С.367-395.
136. Гак, В.Г. К диалектике семантических отношений в языке [Текст] // В кн.: Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 89-101.
137. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков [Текст] / В.Г.Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
138. Гак, В.Г. Социокультурный аспект двуязычных словарей [Текст] // Словари и культура. – М., 1995. – С. 56-58.
139. Гак, В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста [Текст] // Вестник МГУ. – 1997, №3, Сер.9. – С87-95.
140. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г.Гак. – М., 1998. – 768 с.
141. Гак, В.Г. Теория и практика перевода: французский язык [Текст] / В.Г.Гак, Б.Б.

- Григорьев. – М.: Интердиалект, 1999. – 542с.
142. Галкина-Федорук, Е.М. О форме и содержании в языке [Текст] // Мышление и язык. – М.: Госполитиздат, 1957. – С.352-406.
143. Гальперин, П.Я. К вопросу о внутренней речи [Текст] / П.Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. – № 4. – С.55-60.
144. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М.Гаспаров. – М.: "Новое литературное обозрение", 1996. – 352 с.
145. Гачечиладзе, Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи [Текст] / Г.Р. Гачечиладзе. – М.: Советский писатель, 1980. – 452с.
146. Гашимов, Э.А. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода (на материале лексико-фразеологического поля «Продукты питания») [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Э.А. Гашимов. – Самара, 2005. – 20 с.
147. Гвишиани, Н.Б. К вопросу о метаязыке языкознания [Текст] / Н.Б. Гвишиани // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 64-72.
148. Гвишиани, Н. Б. Метаязык [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 297-298.
149. Гепнер, Ю.Р. Фразеология в системе русского литературного языка [Текст] // Науч. зап., Харьков. пед. ин-т. – Т. 20. – Харьков, 1957. – С.87-99.
150. Герасименко, И.Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / И.Е. Герасименко. – М., Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 2009. – 30 с.
151. Гинзбург, Е.Л. Словообразование и синтаксис [Текст] / Е.Л. Гинзбург. – М., 1979. – 401с.
152. Гладкова, А.Н. Чем русское сопереживание отличается от английского empathy? Опыт применения естественного семантического метаязыка в контрастивной семантике [Электронная версия] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005 (Звенигород, 1–6 июня 2005). – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Gladkova%20A/GladkovaA.htm>
153. Гладкова, А.Н. Естественный семантический метаязык (ЕСМ) и его основные теоретические принципы [Электронная версия] // Русская культурная семантика: эмоции ценности, жизненные установки. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – Режим доступа: <http://www.une.edu.au/bcss/linguistics/nsm/pdfs/gladkova-ch2-forthcoming.pdf>
154. Глезерман, Т.Б. Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии. Афазия и интеллект [Текст] / Т.Б. Глезерман. – М.: Наука, 1986. – 230 с.
155. Голев, Н.Д. К построению теории деривативной лексикологии [Текст] // Тезисы докладов международного теоретико-методологического семинара «Динамическая лингвистика – 1995». – Краснодар, 1995. – С.28-32.
156. Голев, Н.Д. Лексико-деривационное пространство русского текста: структура, семантика и прагматика [Текст] // Фатическое поле языка. – Пермь, 1998. – С.35-41.
157. Голованевский, А.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале русского языка) [Текст] // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 78-87.
158. Головницкая, Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.П. Головницкая. – ВГУ. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2007. – 22 с.
159. Горелов, И.Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности [Текст] / И.Н.Горелов. – М.: Наука, 1985. – 112с.
160. Горский, Д.П. Роль языка в познании [Текст] // Мышление и язык. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 73-117.
161. Грайс Г.П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова [Текст] //

- Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Серл: Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 75-98.
162. Громова, И.А.. Когнитивные аспекты семантики юридического термина (на материале английской юридической терминологии) [Текст] // Проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. – Калинингр. ун-т. – Калининград, 1996. – С.59-71.
163. Гудавичюс, А. Универсальное и специфическое в лексическом значении [Текст] // *Slavia*. XLIX. – № 2. – Praha, 1980. – С.52-67.
164. Гудмен Н. Способы создания миров [Текст] / русск.пер. А.Л. Никифорова. – М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2001. – 376 с.
165. Гулыга, Е.В. О компонентном анализе значимых единиц языка [Текст] / Е.В.Гулыга, Е.И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С.291-314.
166. Гуманова, Ю.Л. "Политическая корректность" как социокультурный процесс (на примере США) [Текст]: автореф. канд. дисс / Ю.Л.Гуманова. – Москва, МГУ, 1999. – 24 с.
167. Гумбольдт, В.фон. Форма языков [Текст] // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С.258-377.
168. Гумбольдт, В.фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Прогресс, 1964. – Т.1. – С.73-85.
169. Даниленко, В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания [Текст] / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
170. Девкин, В.Д. Разновидности номинации [Текст] // Вопросы немецкой филологии: Уч. зап. – М.: МГПИ, 1971. – Т. 475. – С.76-91.
171. Девкин, В.Д. Обновление лексики [Текст] // Лексика и лексикография. Сб. науч. трудов. – М., 2001. – Выпуск 12. – С.29-39.
172. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией Генеральной конференции ЮНЭСКО 16 ноября 1995 г. [Электронная версия] // <http://www.un.org/russian/document/declarat/toleranc.htm>
173. Дешериева, Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам [Текст] // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С.111-117.
174. Дмитриева, Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): дис. ...канд.филол.наук [Текст] / Н.В.Дмитриева. – Тверь, 2000. – 131 с.
175. Добровольский, Д.О. О возможности моделирования внутренней формы идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. – М.: АН СССР, 1988. – с.87-98.
176. Домашнев, А.И. Социолекты: сленг [Текст] // Лексика и лексикография: Сб. науч. трудов. Орловск. гос. тех. ун-та. – М., 2001. – Вып.12. – С. 42-47.
177. Донскова, З.В. К вопросу о выражении подлежащего фразеологическими единицами [Текст] // Учен. зап., Ростов-на-Дону гос. ун-т., Т. LXIV., Труды историко-филол. фак-та. Сер. филол. Вып. 5. – Ростов на Дону, 1957. – С.29-35.
178. Друзина, Н.В. Разноуровневое представление языковой картины мира [Текст] // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2009. – Т.9. – Вып.2. – С.3-9.
179. Дубичинский, В.В. Лексикография русского языка [Текст]: учебное пособие / В.В.Дубичинский. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 432 с.
180. Дьяченко, В.В. Субстандартные антропонимы в английском и русском языках (контрастивно-социолексикологический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В.Дьяченко. – Пятигорск, 2007 – 19 с.
181. Дьяченко, И.А. Функционально-прагматические особенности средств политической корректности в английском языке [Текст] // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск, 2006. – №6/2. – С.9-13.

182. Дьяченко, И.А. Симулятивные знаки политической корректности в англо-американском манипуляционном дискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / И.А. Дьяченко. – Иркутск: ООО «Форвард», 2009. – 18 с.
183. Егер, Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность [Текст] // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С.137-156.
184. Елистратов, В.С. Арго и культура [Текст] // В.С. Елистратов. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг. – М., 2000. – С. 574-692.
185. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С.215-262.
186. Ерофеева, Т.И. Социолект в стратификационном исполнении [Текст] // Русский язык сегодня: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 85-92.
187. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О.Есперсен. – Москва, 1958. – 248с.
188. Ефанова, Л.Г. Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки [Текст]: монография / Л.Г. Ефанова. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2012. – 220 с.
189. Ефанова, Л.Г. Функционально-семантическое поле нормы в русском языке [Текст]: монография / Л.Г. Ефанова. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2012. – 220 с.
190. Ефанова, Л.Г. Категория нормы в русской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.Г. Ефанова. – Томск, 2013. – 40 с.
191. Жельвис, В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира [Текст] / В.И.Жельвис. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
192. Жельвис, В.И. Вербальная дуэль: история и игровой компонент [Текст] // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. – С. 14-19.
193. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации [Текст] / Н.И.Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
194. Жинкин, Н.И. Язык. Речь.Творчество [Текст] / Н.И.Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 366 с.
195. Жуков, А.В. Фразеологическая переходность в русском языке [Текст] / А.В.Жуков. – Л.,1984. – 115 с.
196. Жуков, В.П. О знаковости компонентов фразеологизма [Текст] // ВЯ, 1975, №6. – С.72-79.
197. Журавлев, А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации [Текст] // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 45-109.
198. Журавлев, В.В. Человек. Культура. Политика [Текст] / В.В. Журавлев. – М.: «Социум», 1998. – 198 с.
199. Загоровская, О.В. Еще раз о структуре значения словесного знака [Текст] // Теоретические проблемы современного языкознания / под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С.24-32.
200. Загоровская, О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии [Текст] / О.В. Загоровская. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – 383 с.
201. Залевская, А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях. [Текст] / А.А. Залевская. – Калинин, 1978. – 87с.
202. Залевская, А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека [Текст] // В кн.: Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981. – С.99-158.
203. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека [Текст] / А.А. Залевская. – Воронеж, 1990. – 158 с.
204. Залевская, А.А. Значение слова и возможности его описания [Текст] // Языковое

- сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С.35-54.
205. Залевская, А.А. Слово. Текст. Избранные труды [Текст] / А.А. Залевская. – М., 2005. – 478 с.
206. Залевская, А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2011. – 240 с.
207. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы её представления [Текст] / А.А.Зализняк. – М., 2006. – 672 с.
208. Занадворова, А.В. Прозвища и обращения в семейном речевом общении [Текст] // Русский язык сегодня: сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 260-275.
209. Захарова, М.Н. Из наблюдений над процессом образования новых составных наименований в современном русском языке [Текст] // Учен. зап. Кишинев. гос. ун-т. Т. 22. – Кишинев, 1956. – С.55-59.
210. Зацный, Ю.А. Новая общественно-политическая лексика и фразеология английского языка [Текст] / Ю.А.Зацный, В.Н.Бутов. – Запорожье: Запорожский государственный университет, 2000. – 200с.
211. Звегинцев, В.А. Семасиология [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. –323 с.
212. Звегинцев, В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1968. – 336 с.
213. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 248 с.
214. Звегинцев, В.А. Смысл и значение [Текст] // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики: сб. статей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – С.91-98.
215. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование [Текст] / Е.А. Земская. – М., 1973. – 732с.
216. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С.90-141.
217. Зими́на, Л.И. Национальная специфика немецких фразеологизмов с компонентом «MUND» на фоне русского языка в контексте межкультурной коммуникации [Текст] // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2006. – Вып.8 . – С.87-93.
218. Зими́на, Л.И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках) [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Л.И. Зими́на. – Воронеж, 2007. – 265с.
219. Зими́на, Л.И. Контрастивная фразеография [Текст]: монография / под научн. ред. И.А. Стернина / Л.И. Зими́на. – Ярославль : ЯГПУ, 2011. – 351с.
220. Зимняя, И.А. Вербальное мышление [Текст] // Исследование речевого мышления в психолингвистике / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – С48-58.
221. Зинченко, В.П. Образ и деятельность [Текст] / В.П. Зинченко. – Издательство МОДЭК, 1997. – 608 с. – Серия «Психологи Отечества».
222. Зленко, И.П. Контрастивная методика выявления национальной специфики семантики слова (на материале лексики трудовой деятельности в русском и французском языках) [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / И.П. Зленко. – Воронеж, 2004. – 204с.
223. Зленко, И.П. Национальная специфика семантики наименований трудовой деятельности в русском и французском языках [Текст] / И.П. Зленко // Культура общения и её формирование: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2003. – Вып. 10. – С. 30-33.
224. Золотова, Г.А. Функции и дисфункции современной русской речи [Текст] // Русский язык сегодня: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – Вып.1. – С. 122-136.
225. Зырянова, И.Н. Дифференциальные признаки языковых средств маскулинной и

- фемининной языковой личности [Текст] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2008. – № 3. – С.137-142.
226. Зырянова, И.Н. Классификация способов номинации лиц в тексте [Текст] // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – Улан-Удэ, 2008. – Вып.11. – С.68-71.
227. Иванникова, Е.А. Устойчивые именные словосочетания как предмет фразеологии и лексикографии [Текст] // Современная русская лексикология. – Москва, 1966. – С.143-154.
228. Иванов, А.В. К определению онтологических признаков метаязыка лингвистики [Текст] / А.В.Иванов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.– С.292-293.
229. Иванова, О. Политкорректность в России [Электронная версия] // Вестник Евразии, 2002, № 3. – Режим доступа: <http://www.eavest.ru/archive/2002/ivanova.html>
230. Изард, К. Э. Психология эмоций [Электронная версия] // Пер. с англ. А.Татлыбаева. – СПб.: «Питер», 1999. – 464 с. (Серия «Мастера психологии»). – Режим доступа: <http://www.syntone-spb.ru/library/books>.
231. Избранные работы по языкознанию [Текст] / Сост.Ф.М. Березин; Отв. Ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наследие, 1998. – 269 с.
232. Из истории отечественного языкознания. Антология [Текст] / Составление и комментарии В.Н. Базылева и В.П.Нерознака. Под общей редакцией В.П. Нерознака. – М., 2001. – С. 177-188.
233. Исаченко, А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков [Текст] // Slavia. Roč. XXVI, Seš. 3. – Praha, 1958. – С.41-47.
234. Калишан, И. Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке [Текст] / И.Калишан. – Poznan, 1986. – 117с.
235. Карасик, В.И. Категориальные признаки в значении слова [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1988. – 112 с.
236. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С.3-16.
237. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М., 2002. – 333 с.
238. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
239. Карасик, В.И. Языковой круг [Текст] / В.И. Карасик. – М., Гнозис, 2004. – 369 с.
240. Карасик, В.И. Дискурсивная персонология [Текст] // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.5. – Волгоград, 2007. – С.78-86.
241. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2010 – 422 с.
242. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля [Текст] // Филол. науки. – 1972, № 1. – С.58-73.
243. Караулов, Ю.Н. О некоторых лексикографических закономерностях [Текст] // ВЯ. – 1974. – № 4. – С. 37-55.
244. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 363 с.
245. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
246. Караулов, Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии [Текст] // Советская лексикография. – М., 1988. – С. 5-14.
247. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3-8.
248. Караулов, Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.,1993. – 487с.

249. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] / Ю.Н.Караулов. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
250. Карнап, Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике [Текст] / Пер. Н.В. Воробьева; общ. ред. Д.А. Бочвара; предисл. С.А. Яновской. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 384 с.
251. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка [Текст] / Пер. А.В.Кезина по кн: Erkenntnis / Hrsg. Carnap R, Reichenbach H. Leipzig, 1930-1931. Bd. 1. // Вестник МГУ, сер. 7 «Философия». – № 6, 1993. – С. 11-26.
252. Карпова, О.М. Толково-энциклопедические словари языка английских писателей [Текст] / О.М.Карпова // Лингвистическое отечествоведение. – Елец, 2001. – С.78-91.
253. Карпова, О.М. Словарь как лингвистическая компетенция нации [Текст] / О.М.Карпова, О.В.Коробейникова. // Языки в современном мире. – М., 2006. – С.105-115.
254. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке [Текст] / Э.Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 771 с.
255. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. [Текст] / Э.Кассирер. – М., СПб., 2002. – 272 с.
256. Касьянова, К. О русском национальном характере[Текст] / К. Касьянова. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994 – 267с.
257. Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. статей. Переводы]. – Вып. 10. Лингвистическая семантика. – Т. 33. – М.: Прогресс, 1981. – С. 461 - 476.
258. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение: монография [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – М.; Л.,1965. – 112 с.
259. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 235с.
260. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление [Текст]: Изд.2, доп. / С.Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 344с. – (Серия: Лингвистическое наследие XX века).
261. Кибрик, А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? [Текст] // Вестник Моск. ун-та. – 1995. – Сер.9: Филология. – № 5. – С.88-95.
262. Ким, Л.Л. Особенности функционирования прилагательных в современном русском языке (качественные прилагательные в словосочетаниях с конкретными существительными) [Текст] // Сб. науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. Вопросы русского и общего языкознания. № 501, Ч. I. – Ташкент, 1976. – С.58-64.
263. Ким, Л.Л. Прилагательные в составе номинативных единиц современного русского языка [Текст] // Сб. науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. Вопросы русского и общего языкознания. № 501, Ч. I. – Ташкент, 1976. – С.27-35.
264. Киреева, Л.Ф. Устойчивые словосочетания прилагательного с определяемым существительным в терминологической функции [Текст] // Науч. зап. Днепропетр. гос. ун-та, Сб. работ филол. фак-та. Т. 70, Вып. 17. – Днепропетровск,1960. – С.118-125.
265. Кириллова, И.В. Семантическое поле «нечистая сила»: лингвокультурологический аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кириллова И.В. – Екатеринбург, 2011. – 22 с.
266. Киселева, Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира [Текст] // Языковая семантика и образ мира. Материалы международной научной конференции, 7-10 октября 1997 г. – Казань: Казанский государственный университет, 1998. Т. 1. С. 115. – Режим доступа: http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n62.htm
267. Клаус, Г. Сила слова : Гносеологический и прагматический анализ языка [Текст] / Пер. с нем. Н.Г. Комлева. Ред. и вступит. статья проф. Г.В. Колшанского.– М.: Прогресс, 1967. – 214 с.
268. Климовская, Г.И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка: Система. Границы. Функционирование [Текст] / Г.И. Климовская. – Томск,1978. – 253с.

269. Клобуков, Е.В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности [Текст] // Традиционное и новое в русской грамматике. – М., 2001. – С.107-119.
270. Клычков, Г.С. К понятию иерархии единиц и определению уровня языка. [Текст] // В кн: Уровни языка и их взаимодействие. – М., 1967. – С.112-135.
271. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. [Текст] / И.М. Кобозева. – М., 2000. – 350с.
272. Коваленко, Л.Ф. К вопросу о составных бытовых названиях [Текст] // Вопросы лексикологии. – Днепропетровск, 1969. – С.54-58.
273. Коваленко, Л.Ф. Категориально-грамматический статус аналитического номена в современном русском языке [Текст] // Семантика и стилистика грамматических категорий русского языка: Сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1989. – С.88-94.
274. Коваленко, Л.Ф. Лексикализованные адъективно-субстантивные словосочетания в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Ф. Коваленко. – Днепропетровск, 1979. – 22с.
275. Ковтун, Л.С. О значении слова [Текст] // Вопросы языкознания, 1955. – № 5. – С.75-81.
276. Кожин, А.Н. Лексико-семантические средства составных наименований (на материале военной лексики русского языка) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Н. Кожин. – Москва, 1967. – 38 с.
277. Кожин, А.Н. О характере отношений в терминированных устойчивых выражениях [Текст] // Учен. зап. МОПИ им. Крупской. – Т. 160. – Русский язык. Вып. 11. – Москва, 1966. – С.49-57.
278. Кожин, А.Н. Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики) [Текст] // В кн: Мысли о современном русском языке. – Москва, 1969. – С.54-74.
279. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективного и объективного факторов в языке [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
280. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст]: Изд.2-е, доп. / Отв. ред. А.М. Шахнарович. Предисл. С.И. Мельник.– М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
281. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика [Текст]: Изд.4 / Г.В. Колшанский. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 152 с. – (Серия: Лингвистическое наследие XX века).
282. Комарова, Л.И. Культурологическая маркированность лексических единиц в тексте [Текст] // Вестник ТГУ. – Вып. 1(81). – Тамбов, 2010. – С.181-187.
283. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1973. – 399с.
284. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода [Текст] / В.Н.Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 255с.
285. Комиссаров, В.Н. Лингвистические основы научно-технического перевода: Пособие по научно-техническому переводу [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1980. – Ч. I. – 299с.
286. Комиссаров, В.Н. Теория перевода [Текст] / В.Н.Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 379с.
287. Комиссаров, В.Н. Общая теория перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1999. – 499с.
288. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова [Текст] / Н.Г. Комлев. – М., 2003. – 190 с.
289. Контрастивная лексикология и лексикография [Текст]: монография / под ред. И.А.Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж, «Истоки», 2006. – 341с.
290. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии [Текст] / М.М.Копыленко, З.Д.Попова. – Воронеж, 1989. – 123с.
291. Копыленко, М.М., Попова З.Д. О градации понятийности и ее отражении в лексемах и фразеосочетаниях [Текст] // Семантические категории и методы их изучения. Ч. 1. – Уфа,

1985. – С.15-24.

292. Коркина, Ю.Е. К вопросу о лексико-фразеологической синонимии [Текст] / Ю.Е.Коркина. – Вестник Новгородского гос. универ-та, 2004. – №29. – С.31-39.

293. Коровина, И.В. Соотношение понятий знак, референт, денотат и концепт как основных элементов референции [Текст] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – № 4 (1). – С. 332-336.

294. Корти, М. Столкновение культур и политическая корректность. – Электронная версия // Независимая газета, 24.03.2003. – Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2003-03-24/14_islam.html

295. Косериу, Э. Лексические солидарности [Текст] // Вопросы лексикографии. – М., 1969. – С.93-104.

296. Косериу, Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М., 1989. – С.54-75.

297. Косовский, Б. И. Типы значений слова [Текст] // Методы изучения лексики / Под ред. А.Е. Супруна. – Мн.: Изд-во БГУ, 1975. – С. 22-38.

298. Котелова, Н.З. Значение слова и его сочетаемость [Текст] / Н.З. Котелова. – Ленинград, 1975. – 247с.

299. Котцова, Е.Е. Гипонимы в системе лексических лакун русского языка [Текст] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – № 4(2). – С. 564-567.

300. Кохан, Н.А. К вопросу о структуре национально-культурного компонента семантики безэквивалентных лексических единиц в английском языке [Текст] // Вестник ЧГПУ. – № 2. – Челябинск, 2009. – С.224-232.

301. Кочетова, Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л.А. Кочетова. – Волгоград, 1999. – 19 с.

302. Кравец А.С. Топологическая структура смысла [Текст] / А.С.Кравец // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж, 2001. – С.20-33.

303. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография [Текст] / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

304. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации [Текст]: курс лекций / В.В. Красных. – М., 2001. – 270 с.

305. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М, «Гнозис», 2003. – 301с.

306. Крюков, А.В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.В. Крюков. – Волгоград, 2005. – 24 с.

307. Крысин, Л.П. Социальный компонент в семантике единиц [Текст] // Русский язык в школе. – 1983. – № 3. – С. 78-84.

308. Крысин, Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты [Текст] // Язык - Культура – Этнос / С.А. Арутюнов, А.Р.Багдасаров, В.Н.Белоусов и др. – М.: «Наука», 1994. – С.66-78.

309. Крысин, Л.П. Языковое заимствование: взаимодействие внутренних и внешних факторов (на материале русского языка современности) [Текст] // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 115-134.

310. Крысин, Л.П. Язык и общество [Текст] // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1998. – С. 658-663.

311. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

312. Крюкова, Н.Ф. О метафорической «многозначности» и «однозначности» [Текст] // Стилистика как общефилологическая дисциплина. – Калинин: Калинин. гос ун-т, 1989. – С.114-120.

313. Куайн, У. В. О. Слово и объект [Текст] / пер. с англ. А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. – М.: Праксис; Логос, 2000. – 386 с. ISBN 5-8163-0024-5
314. Кубракова Н.А. Коммуникативный гедонизм в жанре чат интернет-коммуникации [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.А.Кубракова. – Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2013. – 21 с.
315. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова [Текст] // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 81-155.
316. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е.С.Кубрякова. – М., 1981. – 199 с.
317. Кузнецов, А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу [Текст] / А.М.Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 125 с.
318. Кузнецов, А.М. Некоторые теоретические проблемы семантики последних десятилетий [Текст] / А.М.Кузнецов // Лингвистические исследования в конце XX в. – М., 2000. – С.173-185.
319. Кузнецова, А. И. Понятие семантической системы языка и методы её исследования [Текст] / А.И. Кузнецова. – М., 1963. – 105с.
320. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка [Текст] / Э.В. Кузнецова. – М.,1989. – 220с.
321. Кунин, А.В. Английская фразеология (теоретический курс) [Текст] / А.В.Кунин. – Москва, 1970. – 522с.
322. Кунин, А.В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки [Текст] // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца.– М., 1980. – Вып. 168. – С. 158 – 185.
323. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М., 1996. – 725с.
324. Куренкова, Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике [Текст] // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. Академика М.Ф. Решетнева, 2006. – № 4. – С. 173-178.
325. Курилович, Е. Очерки по лингвистике [Текст] / Е.Курилович. – М., 1962. – 456 с.
326. Кустова, Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
327. Кустова, Г.И. Ляшевская О.Н., Падучева Е.В., Рахилина Е.В. Семантическая разметка лексики в национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы [Текст] // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – Москва: Индрик, 2005. – С.155-174.
328. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз. – М., 1978. – 544 с.
329. Лайонз, Дж. Язык и лингвистика [Текст] / Дж. Лайонз. Пер. с англ. – М.: УРСС, 2004. – 320 с.
330. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / пер. Н.В. Перцова. // Теория метафоры. – М.,1990. – С.387-415.
331. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование: (из кн. «Женщины, огонь и опасные предметы») [Текст] // Язык и интеллект. – М.,1996. – С.143-184.
332. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии [Текст] // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, Учен. зап. ЛГУ, № 198, Филол. фак-т, Сер. филол. наук. – Вып. 24. – Ленинград,1956. – С. 77-83.
333. Латышев, Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) [Текст] / Л.К. Латышев. – М., 1981. – 477с.
334. Латышев, Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – Электронная версия // Научный журнал КубГАУ, №24(8), 2006. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2006/08/pdf/11.pdf>
335. Лебедев, М.В. Создание звезд: кому это нужно? [Электронная версия] // Режим доступа – http://www.philosophy.ru/library/goodman/about_star.htm

336. Лебедев М.В., Черняк А.З. Конвенция: опыт генетического анализа [Текст] // *Философские исследования*, 1996. – № 3. – С.106-115.
337. Левит, З.Н. О понятии аналитической лексической единицы [Текст] // *Проблемы аналитизма в лексике*. – Вып. 1. – Минск, 1967. – С.37-44.
338. Левит, З.Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке [Текст] / З.Н. Левит. – Минск, 1968. – 241с.
339. Левицкий, В.В. Экспериментальные методы в семасиологии [Текст] / В.В. Левицкий, И.А.Стернин // *Вестник БДУ, Сер. IV*. – №2. – 1990. – С.16-17.
340. Левковская, К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала [Текст] / К.А. Левковская. – Москва, 1962. – 302с.
341. Леонтович, О.А. Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы [Текст] // *Сб. науч. тр. «Теория коммуникации & прикладная коммуникация» Вестник Российской коммуникативной ассоциации, вып.1 / Под общей ред. И.Н. Розиной*. – Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002. – С.63-67.
342. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения [Текст] / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 357 с.
343. Леонтович, О.А. “From Russia with love”: культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса [Текст] / О.А. Леонтович // *Политическая лингвистика*, №1(35). – 2011. – С.20-23.
344. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1965. – 245 с.
345. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А.А. Леонтьев. – М., 1969. – 101с.
346. Леонтьев, А.А. Психологическая структура значения // *Семантическая структура слова*. – М.: Наука, 1971. – С. 94 - 116.
347. Леонтьев, А.А. Общение как объект психолингвистического исследования [Текст] // *Методологические проблемы социальной психологии*. М., 1975. – С.140-145.
348. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
349. Леонтьев, А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
350. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики [Текст] / А.Н. Леонтьев. – Изд.3. М., 1972. – 573 с.
351. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. [Текст] / А.Н. Леонтьев. – Изд. 2. М., 1977. – 304 с.
352. Лескина, С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.В. Лескина. – ЧГПУ. – Челябинск, 2010. – 41 с.
353. Листрова-Правда, Ю.Т. Концепты «мать» и «отец» в русских пословицах и поговорках и их национально-культурное своеобразие // *Европейские языки. Историография, теория, история. Межвузовский сборник научных работ*. Вып. 4. – Елец, 2003. – С. 191–200.
354. Листрова-Правда, Ю.Т. Русский язык и культура / Ю.Т. Листрова-Правда; Воронеж. гос. ун-т. Филол. фак. – Воронеж: Истоки, 2004. – 248 с.
355. Литвин, Ф.А. Многозначность слова в языке и речи [Текст] / Ф.А. Литвин. – М.: Высшая школа, 1984. – 119 с.
356. Литвинова, Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира (на материале воронежских говоров) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А.Литвинова. – ВГУ. – Воронеж, 2011. – 23 с.
357. Лобанова, Л.П. Осторожно: Политкорректность! [Электронная версия] / *Глагол*. 2004. № 9. – Режим доступа: <http://www.glagol-online.ru/arc/n9/Politkor>
358. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении [Электронная версия] // *Избранные философские произведения в двух томах*. Т. I. – М., 1960. – С. 153-162 / пер. с англ.

- А.Н. Савина. – Режим доступа: [publ.lib.ru>Archives>...LOKK_Djon/_Lokk_Dj..html](http://publ.lib.ru/Archives/...LOKK_Djon/_Lokk_Dj..html)
359. Ломов, Б.Ф. Вербальное кодирование в познавательных процессах: Анализ признаков слухового образа [Текст] / Б.Ф. Ломов, А.В. Беляева, В.Н. Носуленко. – М.: Наука, 1986. – 128 с.
360. Ломтев, Т.П. Метод бинарности семантического анализа в логике и лингвистике [Текст] // Проблемы значения в лингвистике и логике. – МГУ, 1963. – С. 35 - 39.
361. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание [Текст] / Т.П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
362. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1969. – 716 с.
363. Лосев, А.Ф. Философия имени [Текст] / А.Ф. Лосев. – М., 1990. – 287 с.
364. Лукашевич, Е.В. Значение слова как динамическая структура [Текст] / Е.В. Лукашевич // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Т. 1, Вып. 1. – Новосибирск, 2002. – С. 73-80.
365. Лукина, Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л.В. Лукина. – ВГУ. – Воронеж, 2008. – 21с.
366. Лукьянова, Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность [Текст] // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 5. – Новосибирск, 1976. – С.42-51.
367. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики [Текст] / А.Р. Лурия. – М., 1975. – 413с.
368. Лурия, А.Р. Язык и сознание. [Текст] / А.Р. Лурия. – Ростов н/Д, 1998. – 413 с.
369. Ляпичева, Е.Л. О сущности и свойствах лингвистического поля в условиях смены научной парадигмы. [Электронная версия] / URL – Режим доступа: www.nbuu.gov.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozn/2008.
370. Маклакова, Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков) [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Маклакова. – ВГУ. – Воронеж, 2006. – 212 с.
371. Маклакова, Е.А. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика) [Текст]: монография / Е.А. Маклакова. – Воронеж: изд. «Истоки», 2009. – 353с.
372. Маклакова Е.А. Толкование значений слов на основе результатов психолингвистического эксперимента [Текст] / Е.А. Маклакова // Лингвоконцептология и психолингвистика: межвузовский сборник научных трудов / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2011. – Вып.4 – С.122-133.
373. Маклакова Е.А. Контрастивная лингвистика и национальная специфика семантики слова (на материале наименований лиц в русском и английском языках) [Текст]: монография / Е.А. Маклакова. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG – Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany, 2011. – ISBN: 978-3-8433-1928-7. – 211ps.
374. Мальцев, В.И. Значение и понятие [Текст] / В.И. Мальцев // Проблема значения в лингвистике и логике. – М.: Сов. Россия, 1963. – С. 4-9.
375. Мальцева, Д.Г. Национально-культурный аспект фразеологии [Текст]: дис.... д-ра филол. наук / Д.Г. Мальцева. – М., 1990. – 520 с.
376. Мальцева, Д.Г. Переводные словари и экстра-лингвистическая информация // Лексика и лексикография [Текст]: Сб. науч. тр. / Д.Г. Мальцева. – М., 2001. – Вып. 12 – С. 88-89.
377. Мамонтов, А.С. Язык и культура: Сопоставительный аспект изучения [Текст] / А.С. Мамонтов. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 207 с.
378. Манакин, В.Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки [Текст] / В.Н. Манакин. – Киев-Кировоград, 1994. – 248 с.

379. Марковина, И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Марковина. – М., 1982. – 21с.
380. Мартинович, Г.А. Семантическая структура глагола "пасть" в современном русском национальном языке [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Г.А. Мартинович. – Л., 1978. – 161 с.
381. Маслов, Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – М.: Изд-во Языки славянской культуры, 2004. – 848 с.
382. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст]: Учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 208 с.
383. Медведева, Л.П. Национально-культурная специфика речевого мышления англичан, русских и бурят (На материале домена "игра") [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Л.П.Медведева. – Москва, 2010. – 187 с.
384. Мельников, Г.П. Язык как система знаков и знаковые универсалии. [Текст] // В кн: Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969. – С.85-99.
385. Мельчук, И.А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними [Текст] // Известия АН СССР. Серия Литературы и Языка. – 1968. – Том XXVII, вып.5, сентябрь-октябрь. – С.426-438.
386. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст» [Текст] / И.А. Мельчук. – М., 1974. – 345 с.
387. Метафора в языке и тексте [Текст] / Под редакцией В.Н. Телия. – М.: Наука, 1980. – 322с.
388. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика [Текст] / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.
389. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи [Текст] / И.И. Мещанинов. – Ленинград, 1978. – 258с.
390. Мигирин, В.Н. Язык как система категорий отображения [Текст] / В.Н. Мигирин. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 298с.
391. Миллер, Дж. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию [Текст] // Информационная психология. – М., 1975. – С.45-49.
392. Милославский, И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза [Текст] / И.Г.Милославский. – МГУ, 1980. – 153 с.
393. Милославский, И.Г. Культура речи и русская грамматика [Текст] / И.Г.Милославский. – Издательство: Ступени, Инфа-М, 2002. – 160 с.
394. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
395. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Московский Лицей, 1996. – 207 с.
396. Митев, Д. Особенности словообразования в аспекте языковой номинации [Текст] // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2002. – С.27-35.
397. Михайлова, О.А. Ограничения в лексической семантике [Текст] / О.А. Михайлова. – Екатеринбург, 1998. – 240 с.
398. Михайлова, Т.В. Вербальное осмысление катастрофы: когнитивно-семантическое описание слова (на материале русского и английского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Михайлова. – Волгоград, 2012. – 20 с.
399. Мордвилко, А.П. Очерки по русской фразеологии [Текст] / А.П. Мордвилко. – Москва, 1964. – 185с.
400. Морковкин, В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы её лексикографической интерпретации [Текст] // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. – М., 1981. – С. 122-142.
401. Морковкин, В.В. О базовом лексикографическом знании [Текст] // Система средств обучения русскому языку как иностранному. – М., 1986. – С. 102-117.

402. Морковкин, В.В. Совокупности слов с заданными свойствами как объект педагогической лингвистики и учебной лексикографии: лексические минимумы [Текст] // Русский язык за рубежом. – М., 2006. – С. 22-32.
403. Морозов, А.В. Семантическая деривация в межъязыковом пространстве [Текст] // Общие и частные проблемы языка: Материалы «Круглого стола» (2 октября 2001г). – Бийск, НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002 г. – С.58-67.
404. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков [Текст] // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1982. – С.275-320.
405. Москвин, В.П. Русская метафора: параметры классификации [Текст] // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С.66-74.
406. Москвин, В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования [Текст] // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С.58-70.
407. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка [Текст] / В.П. Москвин. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 264 с.
408. Мотрошилова, Н.В. *Ideae* I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию [Текст] / Н.В. Мотрошилова. – М.: "Феноменология-Герменевтика", 2003. – 720 с.
409. Муллагаянова, Г.С. Полевые подходы к изучению эмоций в лингвистике [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета, 2010. – № 29(210). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 47. – С. 103-106.
410. Муратов, С.Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках [Текст] / С.Н. Муратов. – Москва, 1961. – 198с.
411. Мурзин, Л. Н. Основы дериватологии [Текст] / Л.Н. Мурзин. – Пермь, 1984. – 451с.
412. Мышление и язык [Текст] / Под редакцией Д.П. Горского. – АН СССР и Ин-т Философии. – М.: Гос. изд-во Политической литературы, 1957. – 408 с.
413. Найда, Ю.А. Наука перевода [Текст] // Вопросы языкознания. –1970. – № 4. – С.31-37.
414. Найда, Ю.А. О науке переводить [Текст] // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С.114-137.
415. Нарский, И. С. Проблема значения «значения» в теории познания [Текст] // Проблема знака и значения. – М.: Изд-во Моск.Гос. университета, 1969. – С. 5-54.
416. Немец, Г. П. Семантика метаязыковых субстанций [Текст]: монография / Г.П.Немец. – М.; Краснодар, 1999. – 752 с.
417. Нещименко, Г.П. К проблеме функциональной дифференциации этнического языка [Текст] // Русский язык сегодня: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 208-220.
418. Никиенко, И.В. Адъективные конверсивы в современном русском языке (на материале отыменных образований) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Никиенко. – Томск, 2003. – 201с.
419. Никитевич, В.М. Основы номинативной деривации [Текст] / В.М. Никитевич. – Минск, 1985. – 187с.
420. Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании [Текст] / М.В. Никитин. – Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. Лебедева-Полянского, 1974. – 475 с.
421. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) [Текст] / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1983. – 532 с.
422. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
423. Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики [Текст] / М.В.Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.Герцена, 2003. – 277 с.
424. Никитина, С.Е. О частотных словарях и культурно-языковых картинах мира (на материале русских народных текстов) [Текст] // Русский язык сегодня: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 221-230.
425. Никулина. З.П. К вопросу о классификации индивидуальных прозвищ [Текст] // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – Кемерово, 1974. – Вып.1. – С.45-57.

426. Никулина, З.П. Из наблюдений над группой прозвищ по внешнему признаку [Текст] // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 173-179.
427. Никулина, З.П. О некоторых особенностях прозвищ как единиц экспрессивного фонда русской антропонимии [Текст] // Экспрессивность лексики и фразеологии: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1983. – С. 62-67.
428. Новиков, А.И. О соотношении лингвистической и семантической информации в тексте [Текст] // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). – М.: ИЯ АН СССР, 1979. – С. 92-108.
429. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) [Текст] / Л.А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1973. – С. 217-224.
430. Новиков, Л.А. Семантика русского языка [Текст] / Л.А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.
431. Новикова, М.Р. Именная категория лица [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук / М.Р.Новикова. – Владимир, 1998. – 18с.
432. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) [Текст] / сост. Н.Д. Аругюнова. – Издательство: Радуга, 1982. – 430 с.
433. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика [Электронная версия] / Отв. ред. Е.В.Падучева. – М.: Прогресс, 1985. – 504 с.
434. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: сборник трудов [Текст] / сост. Нерознак В.П., Гак В.Г. – Издательство: Прогресс, 1989. – 440 с.
435. Овчинникова, А.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика [Текст] / А.Г.Овчинникова. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1994. – 398 с.
436. Овчинникова, И.Г. Диалог субкультур (концепты бизнес и деньги в сознании молодых россиян) [Текст] // Я и другой в пространстве текста / Под ред. В.А.Салимовского. – Пермь-Люблина, 2009. – Вып.2. – С. 256-280.
437. Олехнович, Н.Н. Фразеологизм и слово: к вопросу промежуточных явлений [Текст] // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии.– Новгород,1991.– С.89-91.
438. Ожегов, С.И. О структуре фразеологии [Текст] // Лексикографический сборник. Москва, 1957. – Вып. II. – С.29-41.
439. Остин, Дж.Л. Слово как действие [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22-129.
440. Остин, Дж.Л. Избранное [Текст] / Дж.Л. Остин. – М.: Идея-Пресс, Дои интеллектуальной книги, 1999. – 258с.
441. Павилёнис, Р.И. Логико-методологические проблемы анализа языка: семантика и прагматика [Текст] // Вопросы философии. – 1982, № 11. – С. 82 – 91.
442. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
443. Павленко, Т.Л. К вопросу о специфике составных наименований [Текст] // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. – Тула, 1968. – С.37-42.
444. Павлов, В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования [Текст] / В.М. Павлов. – Ленинград, 1985. – 258с.
445. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
446. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 608 с.
447. Паничкина, О.В. Национальная специфика семантики наименований лиц, занятых в сфере образования (на материале русского и английского языков) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / О.В.Паничкина. – ВГУ. – Воронеж, 2008. – 18с.
448. Патнэм, Х.У. Философия сознания [Текст] / пер. Л.Макеевой, О.Назаровой, А.Никифорова. – М.: ДИК, 1999. – 240с.
449. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г.Пауль. – М., 1960. – 214с.

450. Пеньковский, А.Б. Очерки по русской семантике [Текст] / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
451. Перетрухин, В.Н. Введение в языкознание [Текст] / В.Н. Перетрухин. – Воронеж, 1973.– 360 с.
452. Перцов, Н. В. К проблеме построения семантического метаязыка [Электронный ресурс] / Перцов, Н. В. – Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 2006. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Pertsov.htm>
453. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания [Текст] / В.Ф. Петренко. – М.: из-во МГУ, 1988. – 208с.
454. Петренко, В.Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания : На материале полит. менталитета [Текст] / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 212 с.
455. Пешковский, А.М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? [Текст] / А.М. Пешковский // Избранные труды. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1959. – С.74-100.
456. Пинкер, С. Язык как инстинкт = The language instinct [Текст] / С. Пинкер. Пер. с англ. Е.В. Кайдаловой, общ. ред. В.Д.Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 455 с.
457. Пирс, Ч.С. Логика как семиотика: теория знаков [Текст] // Метафизические исследования. Вып. 11. Язык. – СПб, 1999. – С. 199-217.
458. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. [Текст] / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
459. Плотников, В.И. Причинность и генетическая связь [Текст] // Категории диалектики. – Свердловск, 1974. – С.45-53.
460. Подлесова, О.А. Лексико-фразеологическое поле наименований эмоций в английском языке [Текст] / О.А. Подлесова. – Вестник СамГУ, 2008. – №1(60). – С.25-29.
461. Позолотин, А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.Ю. Позолотин. – Волгоград, 2005. – 19с.
462. Покровский, М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. Серия «Школа классической филологии». Изд.2. [Текст] / М.М. Покровский. – М., 2006. – 136 с.
463. Полинкин, В.А. Социальный аспект организации смысла высказывания [Текст] // Лексика. Лексикография. Научно-технический перевод: Тезисы док. и сообщений науч. совещания. – Орел, 1990. – С.105-107.
464. Пономаренко, Л.А. Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л.А. Пономаренко. – Тбилиси, 1978. – 55 с.
465. Попова, З.Д. Лексическая система языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984.-147с.
466. Попова, З.Д. Модели системы языка в русском языкознании конца XX века // Вестник ВГУ. – Серия 1. Гуманитарные науки. 2/1999. – С. 171-181.
467. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд, доп. и испр. – Воронеж : Истоки, 2003. – 60 с.
468. Попова, З.Д. Общее языкознание [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Ц-Ч кн.изд-во, 2004. – 208с.
469. Попова, З.Д. Лексическая система языка – Изд.2, доп и испр. [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – 172 с.
470. Попова, З.Д. Семемный и семный анализ как методы семасиологии [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Вып. 12. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 4-9.
471. Поппер, К. Логика и рост научного знания (Logik der Forschung) [Текст] / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
472. Поталуй, В.В. Семантика единиц лексико-фразеологического поля «Наименования руководителей» [Текст] / В.В. Поталуй // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2004. – Вып. 13. – С. 138-140.

473. Потапов, М.Д. Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества [Текст] // Известия АН СССР Серия литературы и языка. – М., 1983. Т.42, №2. – С.48-55.
474. Потапова, С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе [Текст] / С.Ю. Потапова. – Ярославль: МУБиНТ, 2003. – 276 с.
475. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика [Текст] / А.А. Потебня. – М., 1976. – 185с.
476. Потебня, А.А. Слово и миф [Текст] / А.А. Потебня. – Издательство: "Правда", 1989. – 624 с.– Серия: "Из истории отечественной философской мысли".
477. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993 – 225 с. (Харьков: Тип. «Мирный труд», 1913)
478. Правдин, М.Н. Словарное толкование: научность и здравый смысл [Текст] // Вопросы языкознания, 1983, №6. – С.32-44.
479. ПФГ: Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: сборник научных трудов [Текст] / под ред. А.В. Бондарко. – С-Пб, 2005. – 250 с.
480. Прокопович, Н.Н. Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи [Текст] // Мысли о современном русском языке. – Москва, 1969. – С.45-52.
481. Проскурина, А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.А. Проскурина. – Самара, 2004. – 18 с.
482. Прохоров, Ю.Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте [Текст] // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1999. – Вып.8. – С. 45-54
483. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.
484. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: Икар, 2004. – 204 с.
485. Прохоров, Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение [Текст] / Ю.Е. Прохоров, И.А.Стернин. – М.:Флинта-Наука, 2006. – 326 с.
486. Радионова, С.А. Символ [Текст] // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. – С.674-675.
487. Райхштейн, А.Д. Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов [Текст] // Словари и лингвострановедение / Под ред. Верещагина Е.М. – М.: Рус.яз., 1982. – С.142-153.
488. Рассел Б. Исследование значения и истины [Текст] / Пер. с англ. Ледникова Е.Е., Никифорова А.Л. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 400 с.
489. Рахилина, Е.В. Семантика отыменных прилагательных [Текст] // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. – М., 1998. – С.298-304.
490. Ревзин, И.И. Основы общего и машинного перевода [Текст] / И.И.Ревзин, В.Ю.Розенцвейг. – М., 1964. – 285с.
491. Регинина, К.В. Устойчивые словосочетания русского языка [Текст] / К.В. Регинина, Г.П.Тюрина, Л.И.Широкова. – Москва, 1976. – 572с.
492. Репринцева, Н.М. Национальная специфика семантики слова (на материале наименований дорог в русском и французском языках) [Текст] // Язык и культура. – Воронеж, 1996. – С. 27-29.
493. Репринцева, Н.М. Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексикографического описания [Текст]: автореф. дис.... канд. филол. наук / Н.М. Репринцева. – Воронеж, 1999. – 23с.
494. Реформатский А.А. Число и грамматика [Текст] // В кн: Вопросы грамматики. – М., 1960. – С.289-358.
495. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я.И. Рецкер. – М., 1974. – 354с.
496. Рогожникова Р.П. Устойчивые сочетания, соотносящиеся со словом, и отражение их в

- исторических и современных словарях [Текст] // Известия АН СССР, Сер. лит-ры и языка. 1985. - Т. 44, № 3. – С.95-105.
497. Розенталь, Д.Э. Стилистика русского языка [Текст] / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1991. – 357с.
498. Розенфельд, М.Я. Перцептивный образ в структуре значения слова [Текст]: автореф. дис.... канд. филол. наук / М.Я. Розенфельд. – Воронеж, 2008. – 23 с.
499. Ройзензон, Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии [Текст] / Л.И. Ройзензон. – Самарканд, 1973. – 254с.
500. Рудакова, А.В. Практические проблемы семной интерпретации ассоциаций [Текст] / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Вып.4 – Воронеж: «Истоки», 2011. – С.131-141.
501. Руднев, А.Г. Проблемы фразеологии [Текст] / А.Г. Руднев. – Ленинград, 1960.- 314с.
502. Румянцева, А.В. Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Румянцева. – М., 2009. – 22с.
503. Сабурова, Н.А. Структура фразео-семантического поля пространства [Текст] / Н.А. Сабурова // Филологические науки. – 2002. № 2. – С.81-88.
504. Савицкий, В.М. Лингвокультурный код (состав и функционирование): монография [Текст] / В.М. Савицкий, Э.А. Гашимов. – М.: МГПУ, 2005. – 173 с.
505. Садун, Дж М. Лексико-фразеологическое поле «Наименования лиц по речевой деятельности» в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дж. М. Садун. – Воронеж, 2005. – 25 с.
506. Саратова, Ю.Н. Источники формирования тематической группы «Наименования лиц системы государственной службы и управления [Текст] // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2009. – № 2. – С.51-67.
507. Сахарный, Л.В. Структура значения слова и ситуация (к экспериментальному обоснованию психолингвистической теории значения слова) [Текст] // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1972. – С. 141-153.
508. Селиверстова, О.Н. Некоторые принципы организации семантических систем и роль компонентного анализа [Текст] / О.Н. Селиверстова // Русский язык: исторические судьбы и современность: междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М., 2001. – С.113-114.
509. Селиверстова, О.Н. Труды по семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
510. Семиотика [Текст] / Сборник переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1982. – 640 с.
511. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. [Текст] / Э. Сепир. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 656 с.
512. Сергеева, А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А.В. Сергеева. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
513. Серебренников, Б.А. Номинация и проблемы выбора [Текст] // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977. – С.147-187.
514. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка [Текст] / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
515. Серебрякова, Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных структурах [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р.В. Серебрякова. – ВГУ. – Воронеж, 2002. – 24 с.
516. Сетаров, Р.Д. Национальная специфика образной номинации (на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р.Д. Сетаров. – ВГУ. – Воронеж, 2000. – 23 с.
517. Сеше, А. Программа и методы теоретической лингвистики: Психология языка. Пер. с

- фр. [Текст] / А.Сеше. – М.: УРСС, 2003. – 264 с.
518. Сидоряченко, И.Б. Деривационные сочетания как разновидность расчлененных единиц номинации в современном русском языке [Текст] // Русское языкознание. – Вып. 20. – Киев, 1990. – С.77-84.
519. Сильченко, И.Б. Особенности актуализации антропологического кода метафорических высказываний с негативным компонентом [Текст] // Мир науки, культуры, образования. – № 2 (21). – Горно-Алтайск, 2010. – С.205-210.
520. Сироткина, Т.А. Региональный этнонимикон как полевая структура [Текст] // Вестник Пермского университета, 2009. – Вып. 4. – С. 33-38.
521. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов : монография [Текст] / Ю.А. Рылов, В.В. Корнева, Н.В. Шеминова, К.В. Лопатина, Е.В. Варнавская; под ред. Ю.А. Рылова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. – 390 с.
522. Скаличка, В. Типология и тождественность языков [Текст] // Исследования по структурной типологии. – М., 1963. – С.32-34.
523. Скаличка, В. К вопросу о типологии [Текст] // Вопросы языкознания. – М., 1966. – № 4. – С.22–30.
524. Склярёвская, Г.Н. К вопросу о прагматической информации в толковых словарях: возможны ли прагматические пометы? [Текст] // Лингвистическая прагматика в словаре. Виды реализации и способы описания: сб. ст. – СПб., 1997. – С. 6-13.
525. Склярёвская, Г.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в новом академическом словаре [Текст] // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Вып. 2. – Новосибирск, 1998. – С. 27-33.
526. Склярёвская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы [Текст] // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177-202.
527. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики [Текст]: учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец. / Ю.М. Скребнев. – Горький, 1975. – 175 с.
528. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
529. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография [Текст] / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
530. Смирницкий, А. И. Значение слова [Текст] // Вопросы языкознания, 1955. – №2. – С. 79-90.
531. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка [Текст] / А.И.Смирницкий. – Москва, 1956. – 599с.
532. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Введение в языкознание. Хрестоматия / Сост. Б. Ю. Норман, Н. А. Павленко / Под ред. А. Супруна. – Минск: Вышэйшая школа, 1977. – С. 205-209.
533. Смирницкий А.И. К вопросу о слове. Проблема отдельности слова. Проблема тождества слова [Текст] // История советского языкознания. Хрестоматия. – М.,1988. – С.122-178.
534. Смирнова, О.М. Языковые лакуны и безэквивалентные лексические единицы как ключ к пониманию специфики национальной концептосферы [Текст] // Вестник Нижегородского университета им. Л.И. Лобачевского. – Н.Новгород, 2008.– С. 241-245.
535. Смит, Л.П. Фразеология английского языка [Текст] / Л.П. Смит. – М., 1969. – 358с.
536. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В.М. Солнцев. – М., 1971. – 294 с.
537. Солнцев, В.М. Языковой знак и его свойства [Текст] / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1977. – № 2. – С.15-28.
538. Сорвілова, Т.В. Соотношение компонентов семантической структуры сложных наименований лиц в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук

- / Т.В. Сорвілова. – Інститут мовознавства імені А.А.Потебні АН України, 1992 рік. – 18с.
539. Сорокин, Ю.А. Психолінгвістическіе аспекты изучения текста [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю.А. Сорокин. – М., 1988. – 52 с.
540. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
541. Степанов, Ю.С. Семиотическая структура языка: (Три функции и три формальных аппарата языка) [Текст] // ИАНСЛЯ 1973. – Т.32. Вып.4. – С.340-355.
542. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С.Степанов. – М: Наука, 1975. – 311 с.
543. Степанов, Ю.С. Номинация, семантика, семиология [Текст] / Ю.С.Степанов // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 295-358.
544. Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика [Текст] / Ю.С.Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
545. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
546. Степанов, Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике [Текст] // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб.науч.тр. – М.-Калуга: Эйдос, 2007. – С.19-26.
547. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И.А.Стернин. – Воронеж, 1979. – 452с.
548. Стернин, И.А. Национально-культурные компоненты в значении слова [Текст] // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного – Воронеж, 1984. – С. 140 – 145.
549. Стернин, И.А. Опыт описания национально-культурной специфики слова [Текст] / И.А.Стернин, Б.Харитоновна // Психологические и лингвистические аспекты языковых контактов. – Калинин, 1984. – С. 57 – 68.
550. Стернин, И.А. Лингвистическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.
551. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А.Стернин. – Воронеж, 1985. – 253с.
552. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.А. Стернин. – Минск, 1986. – 32 с.
553. Стернин, И.А. Ядро и периферия в значении слова как объект описания в учебном словаре [Текст] / И.А.Стернин, К.Флекенштейн // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1988. – С. 111-112.
554. Стернин, И.А. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии [Текст] / И.А. Стернин, К. Флекенштейн. – Галле, 1989. – 129с.
555. Стернин, И.А. Межъязыковые лексические соответствия и методика контрастивного анализа [Текст] // Функциональные и семантические корреляции языковых единиц. – Киев, 1990. – С. 10-11.
556. Стернин, И.А. Оценочность слова и языке и речи [Текст] // Исследования по семантике. – Уфа, 1990. – С. 18-26.
557. Стернин, И.А. Некоторые приемы выявления национальной специфики языка [Текст] / И.А. Стернин, З.Д. Попова // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С.52-58.
558. Стернин, И.А. Значение слова и его компоненты [Текст] / И.А.Стернин. – Воронеж, 2003. – 254 с.
559. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 189 с.
560. Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) [Текст] / И.А.Стернин // Антропотекст-1. – Томск: Изд-во Томского университета, 2006. – С. 339-353.

561. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И.А.Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
562. Стернин, И.А. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная лексика» [Текст] // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А.Стернин. – Вып. 10. – Воронеж: Истоки, 2008.– С.103-108.
563. Стернин, И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные аспекты языкознания [Текст] / Научный ред. З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2008. – 596 с.
564. Стернин, И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря [Текст] // Вопросы психолингвистики. – (2)12. – 2010. – С.57-63.
565. Стернин, И.А., Талл Усейну Лексикографическое значение и его описание (на материале единиц лексико-словообразовательного поля *гость* в русском языке) [Текст] // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: Материалы VIII международной научно-методической конференции. – Воронеж: «Научная книга», 2010. – С.98-103.
566. Стернин, И.А. Семантический анализ слова в контексте [Текст] / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2011. – 150 с.
567. Стернин, И.А. О лингвокультурологической интерпретации языковых явлений [Текст] // Лингвоконцептология и психолингвистика. / Научный ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Вып. 4. – Воронеж: Истоки, 2011.– С.5-13.
568. Стернин, И.А. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике [Текст] // Лингвоконцептология и психолингвистика / Научный ред. И.А. Стернин. – Вып. 5. – Воронеж: Истоки, 2012. – С.8-17.
569. Суперанская, А.В. Структура имени собственного [Текст] / А.В.Суперанская. – М., 1969. – 207 с.
570. Суперанская, А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен [Текст] // Антропонимика. – М., 1970. – С. 7-17.
571. Суперанская, А.В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении [Текст] // Антропонимика. – М., 1970. – С. 180-188.
572. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М., 1973. – 366 с.
573. Суперанская, А.В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка [Текст] // Имя нарицательное и собственное. – М.,1978. – С. 59-83.
574. Суперанская, А.В. Аппеллятив - онома [Текст] // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 5-33.
575. Суперанская, А.В. Общая терминология: вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
576. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [Текст] / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
577. Сусов, И.П. История языкознания: учебное пособие [Электронная версия] / И.П. Сусов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. – 224с.– Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~susov/>
578. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика [Текст] / И.П. Сусов. – Винница: Нова Книга, 2009. – 272 с.
579. Сухотин, В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке [Текст] // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – Москва, 1950. – С.98-104.
580. Сыроваткин, С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвистики [Текст] / С.Н. Сыроваткин. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1978. – 255с.
581. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура [Текст] / пер. с англ.. – М.: Политиздат, 1989. – 138 с.
582. Талл, У. Семантика и употребление единиц семантического поля *гость* в русском языке: дисс.канд. филол. наук [Текст] / У. Талл. – Воронеж, 2011. – 220 с.

583. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) [Текст] / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А.Ф. Грязнова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 90-129.
584. Телия, В.В. Вторичная номинация и ее виды [Текст] // Языковая номинация (Виды наименований). – М., 1977. – С.129-221.
585. Телия, В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемость [Текст] // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 250-319.
586. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение в языке [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1981. – 197с.
587. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
588. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
589. Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики [Текст] / Отв. ред Ю.Д. Апресян. – М.: Прогресс, 1995. – 421с.
590. Теория метафоры [Текст] / Общ. редакция Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 475с.
591. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 264 с.
592. Титова, О.А. Смыслообразующая функция внутренней формы английских композитных номинаций *сплетников* и *пустословов* [Текст] // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – № 3. – С. 197-201.
593. Толикина, Е.Н. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы [Текст] // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Москва-Ленинград, 1964. – С.58-77.
594. Толстой, С.С. Основы перевода с английского языка на русский [Текст] / С.С. Толстой. – М., 1957. – 255 с.
595. Тондл, Л. Проблемы семантики. Серия: Логика и методология науки [Текст] / Пер. с чеш. – М.: Прогресс, 1975. – 488 с.
596. Торопцев, И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии [Текст] // Научн. тр. Курск. пед. ин-та. – Курск, 1974. – Т.21. – С.3-71.
597. Торопцев, И.С. Исходные моменты лексической объективации [Текст] // Проблемы ономазиологии. – Курск, 1975. – Т. 46. – Вып.2. – С.3-88.
598. Торопцев, И.С. Словопроизводственная модель [Текст] / И.С. Торопцев. – Воронеж, 1980. – 138 с.
599. Трещева, Е.Ю. Лингвокультурная концептосфера психологической науки [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.Ю. Трещева. – ВГПУ. – Волгоград: Издательство «Перемена», 2011. – 24 с.
600. Трошина, Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере [Текст] // Проблемы этносемантики: Сб. науч.-аналит. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 66-85.
601. Трубачев, О.Н. Реконструкция слов и их значений [Текст] // Вопросы языкознания. – 1980. – № 3. – С.3-14.
602. Труфанова, И.В. Прагматика несобственно-прямой речи: монография [Текст] / И.В. Труфанова. – М.: «Прометей», 2000. – 569 с.
603. Уздинская, Е.В. Семантическое своеобразие современного молодежного жаргона [Текст] // Активные процессы в языке и речи: Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – С. 24-28.
604. Улуханов, И.С. Смысл и значение в словообразовании [Текст] // РЯШ. – 1992. – № 2.

– С.21-23.

605. Улуханов, И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка [Текст] / И.С. Улуханов. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2005. – 314 с.
606. Уорф, Б.Л. Лингвистика и логика [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. I / Сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 183-198.
607. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание [Текст] // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – Вып.1. – С. 192-204.
608. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Перевод с англ. Л.Н. Натан и Е.С.Турковой [Текст] // Зарубежная лингвистика I. Новое в лингвистике. – М., 1999. – С.58-91.
609. Урысон, Е.В. Аспектуальные компоненты в толковании существительного [Текст] // Московский лингвистический журнал. – 1995. – № 2. – С. 380-385.
610. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике [Текст] / Е.В.Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
611. Урысон, Е.В. Некоторые проблемы описания эмоциональной лексики [Текст] / Е.В.Урысон // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.– С.245-246.
612. Успенский, Б.А. О семиотике искусства [Текст] // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. – М., 1962. – С. 123-128.
613. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А.А.Уфимцева. – М., 1968. – 189с.
614. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.:Наука, 1974. – 206 с.
615. Уфимцева, А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) [Текст] // Языковая номинация (Виды наименований). – М., 1977. – С. 5-85.
616. Уфимцева, А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5-80.
617. Уфимцева, А.А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева. – М., 1986. – 240 с.
618. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира. [Текст] // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С.108-140.
619. Уфимцева, Н.В. Русский национальный характер: XX век – миф и реальность [Текст] // Проблемы этносемантики: Сб. науч.-аналит. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 86-121.
620. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность [Текст] / Н.В.Уфимцева. – М., Калуга : Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
621. Ухина, Ю.Л. Лексемы с метафорическим значением неопределенного количества в русском и английском языках [Текст] // Русская и сопоставительная филология: Исследования молодых ученых.– Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2004. – С.141-147.
622. Ушакова, Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики [Текст] / Т.Н.Ушакова. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 524 с. (Достижения в психологии).
623. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. - М.: Высшая школа, 1968. – 488с.
624. Федосов, И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии [Текст] / И.А. Федосов. – Ростов-на-Дону, 1977. – 152с.
625. Федотова, М.А. Наименования женщин по профессии в современном немецком языке

- как объект феминистской языковой критики [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Федотова. – Тверь, Тверской государственной университет, 2008. – 19 с.
626. Фёрс, Дж. Р. Техника семантики [Текст] // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – Вып.2. – С. 72-98.
627. Фефилов, А.И. Инвариантное и вариантное в национальном языковом сознании [Текст] // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. Тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1991. – С. 304-307.
628. Фефилов, А.И. К проблеме знаковости языковых единиц [Текст] // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Серия Лингвистика. Выпуск 2(5). – Ульяновск, 2000. – С.5-14.
629. Филимонова, О.Е. Язык и эмоции в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты: монография [Текст] / О.Е. Филимонова. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена, 2001. – 259с.
630. Филлмор, Ч. Об организации семантической информации в словаре: пер. с англ. [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып.14. – С. 23-60.
631. Филлмор, Ч. Когнитивная лингвистика как новый подход к исследованию просодической интерференции [Текст] // Лингвистическая мозаика. Наблюдения. Поиски, открытия: Сб. науч. тр. – Вып.1. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ГУ, 1988. – С. 215-223.
632. Фирсова, Н.М. Обращение в современном испанском языке [Текст] / Н.М. Фирсова, О.С. Чеснокова. – М.: изд-во РУДН, 1987. – 90 с.
633. Фирсова, Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке [Текст] / Н.М.Фирсова. – М.: изд-во РУДН, 2000. – 128 с.
634. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология [Текст] / М.И. Фомина. – Москва, 1990. – 587 с.
635. Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс [Текст]: избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. – Т. 1. – Москва, 1956. – 417 с.
636. Фреге, Г. Мысль: логическое исследование. Пер. В.А. Плунгяна [Текст] // Философия, логика, язык: Пер с англ. и нем. / Сост. и предисл. В.В.Петрова; общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – М., 1987. – С.18-48.
637. Фридман, Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Ж.И. Фридман. – ВГУ. – Воронеж, 2006. – 219 с.
638. Фриз, Ч. Значение и лингвистический анализ [Текст] // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – Вып.2. – С. 98 – 117.
639. Фрумкина, Р.М. Семантика и категоризация [Текст] / Р.М.Фрумкина, А.В.Михеев, А.Д. Мостовая, Н.А. Рюмина. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
640. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. – М.,1992. – Сер.2. – № 3. – С.22-38.
641. Фрумкина, Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия РАН. Отделение литературы и языка. – 1999. – Т.58. – № 1. – С.3-10.
642. Фрумкина, Р.М. Лингвистика вчера и сегодня // Новое литературное обозрение, 50. – 2001. – № 4. – С.347-360.
643. Харитонова, Б. Опыт описания национально-культурной специфики слова [Текст] // В кн: Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин, 1984. – С.58-81.
644. Харитонова, Б. Национально-культурная специфика слова [Текст] // В кн: Семантическая специфика национальных языковых систем. – Воронеж, 1985. – С.29-77.
645. Харченко, В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. – 1976, № 3. – С. 25-37.
646. Хилько, Е.П. К вопросу о культурном компоненте значения лексических единиц в контексте диалога культур [Текст] // Вестник Российского государственного университета

им. И. Канта, 2010. – Вып. 2. – С. 78-84.

647. Цоллер, В.Н. Экспрессивная лексика: Семантика и прагматика [Текст] // Филологические науки, 1996. – №6. – С.63-71.
648. Чейф, У.Л. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В.А.Звегинцев. – М., 1983. – С.35-73.
649. Червиньски, П. Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности [Текст] // Политическая лингвистика: научный журнал / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2007. Вып. 3(23). – С.118-133.
650. Черкасская, Е.Б. Некоторые способы образования устойчивых словосочетаний в современном английском языке [Текст] // Исследования полексической сочетаемости и фразеологии. – Москва, 1974. – С.45-58.
651. Чернов, Г.В. Основы синхронного перевода [Текст] / Г.В. Чернов. – М., 1987. – 175 с.
652. Чернова, Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 22 с.
653. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.И. Чернышева. – Москва, 1964. – 48 с.
654. Черняховская, Л.А. Перевод и смысловая структура [Текст] / Л.А. Черняховская. – М., 1976. – 212с.
655. Чёрч А., Введение в математическую логику [Текст] / пер. с англ. – т.1. – М., 1960. – 488с.
656. Чеснокова, Л.Д. Категория количества и способы её выражения в современном русском языке [Текст] / Л.Д. Чеснокова. – Таганрог, 1992. – 188 с.
657. Чижова, Л.А. Ономазиологический аспект словообразовательных категорий русского языка [Текст] // Русский язык: Исторические судьбы и современность. – М., 2000. – С.189-199.
658. Чикобава, А.С. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции [Текст] // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С.16-30.
659. Чубур, Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Чубур. – Воронеж, 2005. – 23 с.
660. Чубур, Т.А. Контрастивная лингвистика и лексикографическое описание слова [Текст]: монография / Т.А. Чубур // науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – 212 с.
661. Шабес, В.Я. Событие и текст [Текст] / В.Я. Шабес. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.
662. Шаклеин, В.М. Становление и развитие лингвокультурологической ситуации в лингвокультурологическом исследовании [Текст] / В.М. Шаклеин. – М.: Наука, 1998. – 263 с.
663. Шаклеин, В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации [Текст] // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 1. – С.73-78.
664. Шаклеин, В.М. Современная парадигма лингвокультурологических исследований [Текст] // Вестник РУДН. Серия «Русские и иностранные языки и методика их преподавания». – 2003. – № 1. – С.6-13.
665. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – Москва, 1972. – 522 с.
666. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – Москва, 1963. – 298 с.
667. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского литературного языка [Текст] / Н.М. Шанский. – Изд.4-е. – СПб., 1996. – 312 с.
668. Шанский, Н.М. Русские национально маркированные фразеологические обороты [Текст] // РЯШ. – 1996. – № 2. – С.72-76.

669. Шастина, И.А. Интенциональность в использовании этнонимической лексики [Текст] / И.А. Шастина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер.Филология. – Иркутск, 2008. - № 1. – С.55-60.
670. Шастина, И.А. Значение этнонима как результат операции над знаниями [Текст] / И.А. Шастина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2008. – № 3. – С.104-110.
671. Шастина, И.А. Языковая категоризация этнической принадлежности (когнитивно-аксиологический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Шастина. – Иркутск: ООО «Мегапринт», 2009. – 21 с.
672. Шатков, Г.В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Г.В.Шатков. – М., 1952. – 16 с.
673. Шафф, А. Введение в семантику [Текст] / Перевод с польского Комлева Н., Конновой В. Редакция Якушева А.А. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 376 с.
674. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка [Текст] / А.А.Шахматов. – Ленинград, 1947. – 512с.
675. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания [Текст] / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1983. – 96 с.
676. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография [Текст] / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.
677. Шаховский, В.И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации [Текст] // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания / Отв.ред. Н.А. Красавский. – Волгоград, 2002. – С.3-10.
678. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
679. Шведова, Н.Ю. Парадоксы словарной статьи [Текст] // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 6-11.
680. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод.) [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1973. – 74 с.
681. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1977. – 176 с.
682. Швейцер, А.Д. Контрастивная лингвистика и теория перевода // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.:Наука, 1987. – С.157-167.
683. Швейцер, А.Д. Теория перевода [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1988. – 452 с.
684. Швейцер, А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации [Текст] // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. – Вып.444. – М.: МГЛУ, 1999. – С.180-187.
685. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса монография [Текст] / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.
686. Шейкин, А.Г. Символ // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. – Т.2. – М.: РОССПЭН, 2007. – С.457-458.
687. Шерина, Е.А. Национально-культурная специфика образной лексики русского языка : на материале собственно образных слов, характеризующих человека [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Шерина. – Том. гос. ун-т, 2010. – 367 с.
688. Шестопалова, Л.С. Эмоционально-оценочный компонент значений и их функционально-стилевое распределение [Текст] // Вопросы германской филологии. – Новосибирск, 1982. – С. 57-67.
689. Шехтер, М.С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы [Текст] / М.С. Шехтер. – М.: Педагогика, 1981. – 264 с.
690. Шехтман, Н.А. Системность и система. Единица системности. [Текст] // В кн: Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1969, вып. 2. – С.55-84.
691. Ширяев, А.Ф. Синхронный перевод [Текст] / А.Ф. Ширяев. – М., 1979. – 214 с.
692. Шишкина, Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности

- в русском и английском языках [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 18 с.
693. Шляхтина, Е.В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.В. Шляхтина. – ЯГПУ. – Ярославль: Типография «Канцлер», 2009. – 23 с.
694. Шмелев, Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке [Текст] // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 114-147.
695. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
696. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.:Наука, 1973. – 279 с.
697. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д.Н.Шмелев. – М.,1977. – 335 с.
698. Шмелев, Д.Н. Введение [Текст] // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 3-44.
699. Шмелев, А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры [Текст] // В кн.: А. Вежбицкая Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – С. 7-11.
700. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
701. Шпет, Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды [Текст] / Отв. ред.-составитель Т.Г. Щедрина. – М. : РОССПЭН, 2005. – 688 с.
702. Шур, Г.С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г.С.Шур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
703. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии: Избранные работы по языкознанию и фонетике [Текст] / Л.В. Щерба. – Т. 1. – Ленинград, 1958. – 523 с.
704. Щерба, Л.В., Очередные проблемы языковедения. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Ленинград, 1974. – 218с.
705. Щерба, Л.В. Предисловие к Русско-французскому словарю [Текст] // Л.В. Щерба Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С.304-312.
706. Эмотивный код языка: коллективная монография [Текст] / Науч. ред. В.И.Шаховский. – Волгоград: Перемена, 2005. – 175 с.
707. Юрченко, В.С. Уровни языковой семантики [Текст] // Дом бытия: Альманах по антропологической лингвистике. – Саратов, 1995. – С.29-39.
708. Юсупов, У.К. Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков [Текст] // Сопоставительная лингвистика и изучение неродному языку. – М., 1987. – С.193-200.
709. Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: Сборник научных трудов к юбилею Виктора Ивановича Шаховского [Текст] / Отв. ред. С.В.Ионова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. – 283 с.
710. Якобсон, Р.О. Общелингвистические аспекты перевода [Текст] // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С.16-24.
711. Якобсон, Р.О. Взгляды Боаса на грамматическое значение [Текст] // В кн.: Р.О. Якобсон Избранные работы. – М.: Прогресс. – 1985. – С.134-145.
712. Ярцева, В.Н. О территориальной основе социальных диалектов [Текст] / В.Н.Ярцева. – М., 1969. – 221 с.
713. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика [Текст] / В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 112 с.
714. Ячин, С.Е. Язык как основание и универсальная модель культуры [Текст] // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – №1. – М., 2010.– С.14-33.
715. Ященко, Н.В.. Эволюция тематического состава наименований лиц женского пола в немецком языке XIV – XXI вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В.Ященко. – Тольятти, Тольяттинский филиал Международного института рынка, 2007. – 21 с.

716. Antal, L. Questions of Meaning [Текст] / L. Antal. – The Hague: Mouton & CO, 1963. – 95 ps.
717. Battles, H.K., Bregleman F., Haider N.L. Contemporary English: Frameworks. Morristown, NJ, etc.: Silver Burdett Company, 1976
718. Bloomfield, L. Language. London, 1933. 564 p.
719. Bovee, C.L., Thill J.V. Business Communication Today. NY, 1986
720. Bybee, Joan L., William Pagliuca and Revere Perkins. Back to the future. // In E. Traugott and B. Heine (eds.) Approaches to grammaticalization, 1991. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins. P.17-58.
721. Bybee, Joan. The phonology of the lexicon: Evidence from lexical diffusion. // In M. Barlow and S. Kemmer (eds.) Usage-based models of language. 2000. Stanford: CSLI. P.65-85.
722. Catford, J.A. linguistic theory of translation. Oxford, 1965.
723. Chomsky, N. The Logical Basis of Linguistic Theory II Proceedings of the Ninth International Congress of Linguistics I Ed. by H.G. Lunt, Hague, 1964. P. 64-79.
724. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
725. Dahl S. Communications and Culture Transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. Project presented to the European University, Barcelona. June 1998 [Электронный ресурс] / S.Dahl. – Режим доступа: <http://www.stephweb.com/capstone/index.htm>
726. De Pryck, K. Knowledge, Evolution and Paradox: the Ontology of the Language. Albany: St. Univ. of N.Y.Press, 1993.
727. Dokulil, M.. Tvoreni slov v cestine, 1962.
728. Filipovič, R. The Yugoslav Serbo-Croatian-English contrastive project. // Papers in contrastive linguistics. Ed. by Gerhard Nickel. Cambridge, 1971.
729. Fillmore Ch.J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theorie. – London: Edited by Emmon Bach and Robert T. Harms, 1968. – P. 1-88.
730. Frake, C.O. The Ethnographic Study of Cognitive Systems. In: T. Gladwin, W.C. Sturtevant (eds.) Anthropology and Human Behavior. Washington, D.C.: Anthropological Society of Washington, 1962, p. 72-85.
731. Frake C. Plying Frames Can Be Dangerous: Some Reflections on Methodology in Cognitive Anthropology // Language, Culture and Cognition / ed. by R. Casson. NY: Macmillan, 1981. – P. 138-150.
732. Frege G. Der Gedanke: eine logische Untersuchung. Logische Untersuchungen. Vandenhoeck & Ruprecht in Gottingen, 1966, S. 30-53.
733. Jager, G. Die sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 9. Leipzig, 1986.
734. Jakobson, R. Linguistics and poetics // Style in language. Cambridge (Mass.), 1966.
735. Jakobson, R. The Anthropology of Franz Boas: Essays / ed. American Anthropological Association, Memoir LXXX. – Menasha, 1959. – P. 134-145. // перепечатана в: Roman Jakobson. Selected Writings, II. - The Hague-Paris: Mouton, 1971. - P.494-505.
736. Greimas A.-J. Sémantique structurale. – P. : Larousse, 1966. – 262 p.
737. Katz, J.J., Fodor J.A. The structure of semantic theory // Language, 39. – 1963. – P.170-210.
738. Kluckhohn C. Mirror for Man. New York: McGraw-Hill, 1944. – 313 ps.
739. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, 1983.
740. Kontrastive Beschreibung der russischen und deutschen Sprache = Контрастивное описание русского и немецкого языков / [Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Institut für Slavistik]. Wiss. Red. H.Eckert; I.A.Sternin. – Halle/Saale: Inst.für Slavistik, 1996. – 138 S.
741. Kornai, A. Logical types and Linguistic types [Электронная версия] / A.Kornai.–1986. – Режим доступа: www.kornai.com/papers.html
742. Kroeber A.L. and Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions // Papers peabody Mus., 1952, 47, N 1, P. 181-185.

743. Lourie, R., Mikhalev A. Why You'll Never Have Fun in Russia // New York Times Book Review. 18 June 1989. P. 1-38.
744. Nida, E. A., Taber C. The theory and practice of translation. Leiden, 1969.
745. Porzig, W. Das Wunder der Sprache, 3 Aufl., Bern, 1962.
746. Pottier B. Sémantique générale. – P. : PUF, 1992. – 237 p.
747. Reiss, K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. München, 1971.
748. Richards, I.A. Practical criticism: A study of literary judgment – 6th impression [Text] / L.: Routledge & Kegan Paul, 1948. – 282 ps.
749. Richmond Y. From Nyet to Da: Understanding the Russians. Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1996. – 191 ps.
750. Robinson, W. Language and social behaviour [Text] / W. Robinson. Harmondsworth (Middlesex): Penguin, 1972. – 149 ps.
751. Schwarz-Friesel, M. Sprache und Emotion. – Tübingen u. Basel: A. Francke Verlag, 2007. – 401 S.
752. Shipler, D.K. Russia: Broken Idols, Solemn Dreams [Text] / D.K. Shipler. – Penguin Books, 1989. – 115 ps.
753. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation [Text] / G. Steiner. – London: Oxford University Press, 1975. – 628 ps.
754. Stern G., Meaning and Change of Meaning With Special Reference to the English Language [Электронная версия] / Stern G. – Göteborg, 1931. – Режим доступа: publ.lib.ru/Archives/.../STERN_Gustaf/_Stern_Gus..html
755. Stolze, R. Grundlagen der Textübersetzung. Heidelberg, 1982.
756. The Language of Emotions: Conceptualization, expression, and theoretical foundation [Text] / Ed. by S. Niemeier and Rene Dirven. Gerhard Mercator University, Duisburg. – Amsterdam/ Philadelphia, John Benjamins Publishing House, 1997. – 337 ps.
757. Trier J., Der deutsche Wortschatz im Sirmbezirk des Verstandes, Hdlb., 1931;
758. Weaver G.R. Understanding and Coping with Cross-Cultural Adjustment Stress // Education for the Intercultural Experience / ed. by R.M. Paige. U.S.A.: Intercultural Press, 1993. – P. 137-167.
759. Weisgerber L., Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, 3 Aufl., Düsseldorf, 1962;
760. Wierzbicka A. Problems of expression: Their place in the semantic theory // Symposium de Varsovie 1968. – The Hague: Mouton, 1973. – S.145-164.
761. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Interaction. Mouton de Gruyter. – Berlin; New York, 1991.
762. Wierzbicka, A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). – 1 st ed. – Cambridge University Press, 1999. – 361 ps.
763. Wilkins, D. An investigation into linguistic and situational content of the common core in a unit-credit system [Text] / D. Wilkins. – Strassbourg: Council of Europe, 1973. – 257 ps.

СЛОВАРНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Арсентьева, Е.Ф. Русско-английский фразеологический словарь / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Хэтер, 1999. – 318 с.
2. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов. [Текст] / Научн. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Авторский коллектив словаря: Акованцева Н.В., Атланова Е.О., Дюжакова С.Г., Козельская Н.А., Конопелько И.П., Маклакова Е.А., Розенфельд М.Я., Рудакова А.В., Саломатина М.А., Селезнева Г.Я., Стернин И.А., Тимошина Т.В. – Воронеж: издательство «Истоки», 2011. – 187с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Ашукин, Н.С. Крылатые слова. Изд. 4-е [Текст] / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Художественная литература, 1988. – 528 с.

5. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Ок.150 000 слов [Текст] / Сост. Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин и др.; Под общ. рук. И.Р. Гальперина. – 3-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз., 1979. – Т.1 А-L. 824 с.
6. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Ок.150 000 слов [Текст] / Сост. Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин и др.; Под общ. рук. И.Р. Гальперина. – 3-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз., 1979. – Т.2 М-Z. 864 с.
7. Большой англо-русский словарь: С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии, сост. А.И. Смирницким [Текст] / Сост. О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др.; Под общ.рук. А.И. Смирницкого; Под ред. О.С. Ахмановой. – 27-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2004. – 760 с.
8. Большой толковый словарь рус. яз. [Текст] / Гл. ред.С.А.Кузнецов.– СПб: НОРИНТ, 2003. – 1536с.
9. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. [Текст] / Отв. ред. В.Н.Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
10. Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. [Текст] / Гл. ред. А.М.Прохоров. – М.: Сов.энциклопедия. – 1991. – Т.1.,863 с., ил. – Т.2.,768 с., ил.
11. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М., 1954. – 289 с.
12. Григоренко, О.В. Новые наименования лиц в современном русском языке [Текст]: Словарные материалы / О.В. Григоренко. – Воронеж: Научная книга, 2009. – 517с.
13. Даль, В.И. Пословицы русского народа : В двух томах. [Текст] / М.: Худож. лит., 1984. – Т.1– 383 с., Т.2 – 425 с.
14. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронная версия] // Толковые словари: Ушаков В.Н., Даль В.И. – М.: Target Multimedia, MEDIA WORLD, 2006. – CD-Rom.
15. Дерибас, В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка: Словарь-справочник [Текст] / В.М. Дерибас. – Москва, 1983. – 289с.
16. Дубичинский, В. Русско-немецкий словарь лексических параллелей: Ок. 1750 словарных статей [Текст] / В. Дубичинский, Т. Ройтер. – М. : ООО «Издательство «ЭЛПИС», 2011. – 304 с.
17. Елистратов, В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг. [Текст] / В.С.Елистратов. – М., 2000. – 704с.
18. Еникеев, М.И. Психологический лингвистический словарь [Текст] / М.И.Еникеев. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. – 560с.
19. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Свыше 136 000 слов. ст.: Ок. 250 000 семант. единиц: В 2 т. [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. язык, 2000. – Т.1. – 1210 с., Т.2. – 1084 с.
20. Жуков, А.В. Лексико-фразеологический словарь рус. яз.: 1500 фразеологических единиц [Текст] / А.В. Жуков. – М: Астрель: АСТ, 2007. – 603с.
21. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. [Текст] / В.П. Жуков.– М.: Русский язык, 1991. – 527с.
22. Исторический словарь [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: vslovar.ru/slovo/istoricheskij-slovar/istorija, свободный.
23. Караулов, Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1980. – 208с.
24. Квеселевич Д.И. Русско-английский словарь ненормативной лексики [Текст] / Д.И.Квеселевич. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 1120с.
25. Квятковский, А. Поэтический словарь [Текст] / А. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 387с.
26. Керлот, Х.Э. Словарь символов [Текст] / Х.Э. Керлот. – М, 1994. – 377с.

27. Кожевников, А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. В 2-х тт. [Текст] / А.Ю. Кожевников. – Российская АН; Российский фонд культуры. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – Т. 1. – 448 с.
28. Кожевников, А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. В 2-х тт. [Текст] / А.Ю. Кожевников. – Российская АН; Российский фонд культуры. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – Т. 2. – 480 с.
29. Колесников, Н.П. Толковый словарь названий женщин [Текст] / Н.П. Колесников. – М: Изд-во «АСТ», 2002. – 608 с.
30. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 672 с. – Режим доступа: <http://www.inslov.ru/>, свободный.
31. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
32. Крысин, Л.П. Толковый словарь иностранных слов // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2005 [Электронный ресурс]. – М.: ИДДК, 2004. – Режим доступа: <http://www.megabook.ru/index.asp?page=enciklopedia>, свободный.
33. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / Лит. ред. М.В. Литвинова. – М.: Рус. яз., 1984. – 944с.
34. Кусковская, С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок [Текст] / С.Ф. Кусковская. – Мн.: Высш. шк., 1987.– 53 с.
35. Лексические минимумы современного русского языка [Текст] / Под ред. В.В.Морковкина. – Москва, 1985. – 757с.
36. Леонтович, О.А. Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь [Текст] / О.А. Леонтович, Е.И. Шейгал. – Волгоград: Станица-2. – 1998 – 578 с.
37. Леонтьев, А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / А.А. Леонтьев. – М., 1977. – 190 с.
38. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. Д.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 590с.
39. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка [Текст] / М.М. Маковский. – М., 1999. – 337с.
40. Максимов, С. Крылатые слова [Текст] / С.Максимов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 397с.
41. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс] / Интернет-проект MegaBook.ru. Электрон. дан. – Компания «Кирилл и Меодий». – Режим доступа: <http://www.megabook.ru/index.asp?page=enciklopedia>, свободный.
42. Мельчук, И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка [Электронная версия] / И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. – Wiener Slowistischer Almanach, Sonderband 14, 1984. – 992 с.
43. Мокиенко, В.М. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. [Текст] / В.М.Мокиенко, А.К.Бирих, Л.И.Степанова / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 498с.
44. Мокиенко, В.М. Толковый словарь языка Совдепии [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб., 1998. – 704 с.
45. Мокиенко, В.М. Большой словарь русского жаргона [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: «Норинт», 2000. – 720 с.
46. Морковкин, В.В. Тематический словарь русского языка [Текст] / В.В. Морковкин, Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова. – М.: Изд-во «АСТ», 2000. – 560 с.
47. Москвин, А.Ю. Большой словарь иностранных слов: Более 24 000 слов [Текст] / А.Ю. Москвин. – М.: Изд-во «АСТ», 2003. – 816 с.
48. Мюллер, В.К. Новый англо-русский словарь: 200 000 слов и словосочетаний [Текст] / В.К. Мюллер. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 945 с.
49. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН – Режим доступа: // ruscorpora.ru, свободный.

50. Никитина, Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов [Текст] / Т.Г. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 1102 с.
51. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с. – ISBN 985-6235-17-0. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/slvrm.htm>
52. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. [Текст] / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. 832 с. – Т. 2. 828 с. – Т. 3. 824 с.
53. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. – 1488 с. – (Studia philologica).
54. Новый энциклопедический словарь [Текст] / Серия: Библиотека энциклопедических словарей. – Издательство: БРЭ, Рипол Классик, 2007. – 1424 с.
55. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Российская АН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1994. – 928с.
56. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов [Текст] / СПбГУ; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Астрель АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
57. Русские словари: Сборник – иностранных слов, фразеологизмов, аббревиатур, орфографический [Электронная версия] // Словари. Русские словари. – ООО «Си ЭЭС» Россия, М.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО», 2008. – CD-Rom.
58. Русский ассоциативный словарь. Кн.1 Прямой словарь: от стимула к реакции. Кн.2 Обратный словарь: от реакции к стимулу: Ассоциативный тезаурус современного русского языка [Текст] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – 224 с., 358 с.
59. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову [Текст] / Ю.Н. Караулов, В.И.Молчанов, В.А. Афанасьев, Н.В. Михалев. – М.: Наука, 1982. – 568 с.
60. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений./ Под ред. Н.Ю. Шведовой. Тт. 1-3. М., 1998-2000.
61. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый [Текст] / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
62. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / В.В.Серов. – 2005. – Режим доступа: fb2lib.net.ru, свободный.
63. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексич.списков: от 500 до 5000 самых важных русских слов [Текст] / Гос.ин-т рус.яз. им. А.С. Пушкина; Отд. учеб. лексикографии; Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая, В.В. Моркрвкин, З.П. Попова; Под ред. В.В. Морковкина. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 768 с.
64. Словарь профессий [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://zansakha.ru/Home/roandproforient/slovarprof.aspx>, свободный.
65. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957-1961. Т. 1 (А-Й); Т. 2 (К-О); Т. 3. (П-Р); Т. 4.(С-Я);. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984; 3-е изд., стереотип. М., 1985-1988; 4-е изд., стер.: М., 1999 (МАС – «Малый академический словарь»).
66. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т.1: А–Н [Текст] / ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 680 с.
67. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т.2: О–Я [Текст] / ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 856 с.

68. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [Текст] / М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950-1965.
69. Советский энциклопедический словарь [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1986. – 724 с.
70. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Пред.ред.совета Ю.Е.Прохоров. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari>, свободный.
71. Таубе, А.М. Русско-английский словарь: Ок. 100 тыс. слов и словосочетаний [Текст] / А.М. Таубе, А.В. Литвинова, А.Д. Миллер, Р.С. Даглиш; Под ред. Р.С. Даглиша. – 10-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1997. – 624 с.
72. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007 – 1175 с.
73. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. [Электронная версия] / MWC-037. – 2006. – Режим доступа: CD-Rom.
74. Фасмер, М.Р. Этимологический словарь русского языка [Электронная версия] / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева, сост. и науч.ред Г.А.Богатова. – ООО «БИЗНЕССОФТ», Россия. – 2004. – CD-Rom.
75. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц [Текст] / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008 – 878 с.
76. Философский энциклопедический словарь [Текст] / М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.
77. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. А.И. Молоткова. – СПб.: Вариант. – 1994 – 543 с.
78. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. И.В.Федосова, А.Н.Лапицкого. – М.: ЛадКом. – 2007 – 608 с.
79. Химик, В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи [Текст] / В.В.Химик. – СПб: Норинт, 2004. – 768 с.
80. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. [Текст] / П.Я.Черных. – М.: Астрель. – 2002.
81. Шведова, Н.Ю. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М.: 1998. – 725 с.
82. Щукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц [Текст] / А.Н. Щукин. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 747 с.
83. Юганов, И. Русский жаргон 60-90-х годов: Опыт словаря [Текст] / И. Юрганов, Ф.Юганова. – М., 1994. – 302с.
84. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона [Электронный ресурс] / Электрон. Дан. – Режим доступа: brockhaus-efron.gatchina3000.ru, свободный.
85. АВВУУ Lingvo 11 [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: // www.lingvo.ru, свободный.
86. American Heritage Dictionary of the English Language – <http://education.yahoo.com/reference/dictionary/entry/democracy>.
87. Apperson G.L. The Wordsworth Dictionary of Proverbs. Ware: Wordsworth, 1993. – 721 ps.
88. Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Second Edition. – Cambridge University Press, 2005. – <http://dictionary.cambridge.org/>
89. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary, 4th edition. – 2003. CD-Rom.
90. Collins Paperback Dictionary and Thesaurus. – HarperCollins Publishers, ISBN 0-00-470513-0. – 2001. – 708 ps.
91. Collins Russian Dictionary. – HarperCollins Publishers, ISBN-10 0-00-720891-X. – 2006. – 583 ps. Collins Russian Dictionary. – www.collins.co.uk/wordexchange.
92. Concise Oxford Russian Dictionary, Revised Edition, Based on the Oxford Russian Dictionary.

- Oxford University Press, 1998. – 1007 ps.
93. Crystal David. The Cambridge Encyclopedia of Language-2nd edn. – NY, 2000. – 1330 ps.
94. Dictionary of New Sland and American Terms, Electronic Edition. – www.urbandictionary.com
95. E-journal: Dynamic English. – <http://usinfo.state.gov/journals/itsv/0807/ijse/ijse0807.htm>
96. Freshly-coined Slang from newspapers and magazines. – www.doubletongued.org.
97. General Slang Site (adult content). - <http://www.slangcity.com/>
98. Longman Dictionary of English Language and Culture, Fourth impression. – Addison Wesley Longman, 2000. – 1568 ps.
99. Longman Dictionary of Contemporary English, New edition. - <http://www.longman-elt.com/dictionaries>.
100. Merriam-Webster Online Dictionary. – Merriam-Webster, Inc.:2005-2006. – <http://merriam-webster.com/dictionary/democracy>
101. Merriam Webster Collegiate Dictionary, Electronic Edition, © 1994 – 1995, Merriam Webster Incorporated // www.m-w.com/cgi-bin/dictionary?political+correctness.
102. 1800's slang from the American West. – www.legendsofamerica.com/WE-Slang.html
103. Oxford Dictionary of New Words, Fourth impression / Edited by Elizabeth Knowles with Julia Elliott – Oxford New York: Oxford University Press, 1998. – 357 ps.
104. Oxford Guide to British and American Culture for learners of English. Editor Jonathan Crowther, Fourth impression. – New York: Oxford University Press Inc., 2003. – 599 ps.
105. Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969. – 223 ps.
- Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. Ed. By R.A.Dutch. Harmondsworth: Penguin, 1979. – 712 ps.
106. Spanglish Dictionary. - http://members.tripod.com/nelson_g/spangish.html
107. Texting Glossary – <http://www.netlingo.com>
108. The Oxford Dictionary of Current English. Third Edition. Edited by Catherine Soanes. – New York: Oxford University Press Inc., 2001. – 1083 ps.
109. The Oxford Russian Dictionary. Edited by Paul Falla. Revised and updated throughout by Colin Howlett. – Oxford -Moscow, 1999. – 734 ps.
110. X-Polyglossum. Английский словарь. Разговорная лексика и сленг. Фразы, идиомы и пословицы. Русско-англо-русский. Версия 3.0 [Электронная версия] / ООО «Си ЭЭС» Россия. – 2006. – CD-Rom.
111. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House, 1989. – 2078 ps.
112. Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield, Mass.: Merriam, 1978. – 909 ps.
113. The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. London: Wordsworth, 1993. – 1175 ps.